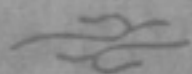

016:091(с)000

У-75

Д. ИОФАНОВ

Н. В. ГОГОЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УССР
КНЕВ — 1951

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА УССР

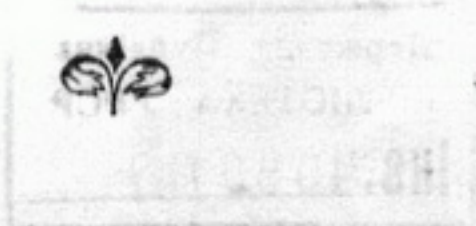

Д. ИОФАНОВ

Н. В. ГОГОЛЬ

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

№783.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КНЕВ—1951

0131227/1968

2(с)8(022).17(022)112
[01:22:00]

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии наук Украинской ССР

Ответственный редактор
действительный член Академии наук УССР А. И. Белецкий

Державна Публічна
БІБЛІОТЕКА УРСР
ІНВ. 1099117

Рукон Амг.

Н. В. Гоголь в юности.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

*Светлой памяти матери свой труд
посвящает*

автор

ПРЕДИСЛОВИЕ

В биографии великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя одним из самых мало изученных является ранний период его жизни и творчества. А между тем в это время в основном сформировалось мировоззрение Н. В. Гоголя, наметились его общественные и литературные интересы, были написаны первые произведения.

Автор настоящего исследования поставил перед собой задачу осветить детские и юношеские годы Гоголя, пользуясь для этого первоисточниками и вновь разысканными материалами.

В отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР хранится очень ценная коллекция — «Гоголиана», которая состоит из автографов произведений и писем писателя, обширного семейного архива Гоголей, архивов учебных заведений, в которых Гоголь обучался, критической, мемуарной литературы и других материалов о его жизни и творчестве.

В основу исследования были положены главным образом материалы «Гоголианы». Дополнительно к ним автором были разысканы в архивах отдела рукописей Государственной публичной библиотеки УССР, архивах г. Нежина новые материалы и документы, которые помогли охарактеризовать юношеские годы Гоголя.

На протяжении десятков лет образ молодого Гоголя искажался буржуазными биографами писателя. Они изображали Гоголя аполитичным человеком, которому были чужды передовые общественно-политические идеалы его времени.

Это вызвало необходимость критического пересмотра, на основе первоисточников, всего комплекса вопросов, связанных с ранним периодом жизни и творчества писателя.

Автор стремился воссоздать живой образ юного Гоголя, исследовательски обобщив для этого документально-биографические материалы его юношеских лет. Изучив первоисточники и новые материалы, автор пришел к выводу, что молодой Гоголь не только разделял убеждения своих передовых современников, но и сам был пропагандистом прогрессивных идеалов своего времени.

Двадцатые годы XIX в. характеризуются значительными политическими событиями — подъемом декабристского движения, а затем его разгромом и усилением политической реакции в стране. В этот период в литературе широко развился романтизм, причем его развитие проходило в условиях борьбы двух социально различных направлений — прогрессивного и консервативного. Вместе с тем уже в эти годы в русской литературе отчетливо видны ростки нового, реалистического направления, которому принадлежало будущее. На этой общественно-политической и литературной почве формировалось мировоззрение молодого Гоголя и его эстетические взгляды.

Автору представлялось важным и необходимым проследить, как в ранних произведениях и литературно-критических высказываниях основоположника, по выражению Чернышевского, «сатирического, критического направления в русской литературе» складывались черты сатирического, обличительного стиля, критического отношения к русской действительности того времени.

В монографии четыре главы. В первой главе — «Страницы из семейной хроники Гоголей» — исследуется крепостное хозяйство Гоголей и окружающая писателя среда, анализируется творчество Гоголя-отца и его влияние на сына. В этой главе вносятся существенные коррективы в традиционные представления о патриархально-идиллическом укладе жизни родителей Гоголя, а также уточняется вопрос о взаимоотношениях Гоголя и его матери.

Во второй главе — «Гоголь в Полтаве», — на основе архивных, частично новых материалов, рассматривается мало исследованный в гоголеведении самый ранний период в жизни будущего сатирика.

Третья глава — «Гоголь в Нежине» — посвящена нежинскому, наиболее важному в юношеской биографии писателя, периоду. Заново изученные документальные материалы нежинской Гимназии высших наук, в которой на протяжении семи лет (1821—1828) обучался Гоголь, дали

Возможность автору подробно охарактеризовать ученические годы писателя, отбросив некоторые порочные трактовки буржуазного литературоведения. Здесь же рассматривается раннее творчество Гоголя, его юношеская поэма «Ганс Кюхельgarten», «Книга всякой всячины, или подручная энциклопедия» и письма нежинского периода.

Глава четвертая, освещающая «дело о политическом и религиозном вольнодумстве» группы прогрессивных профессоров нежинской гимназии и характеризующая отношение к этому делу Гоголя, опирается на следственные материалы: рапорты-доносы консервативных преподавателей гимназии, показания главного обвиняемого профессора Н. Г. Белоусова, протоколы допросов учеников гимназии и другие материалы.

Предметом исследования в этой главе явились: борьба Н. Г. Белоусова и К. В. Шапалинского против реакционной профессуры гимназии, политическая, философская и юридическая основа лекций проф. Н. Г. Белоусова по естественному праву, его дружба с Гоголем и его влияние на формирование прогрессивного мировоззрения будущего великого писателя; и, наконец, было изучено, в какой мере образ Белоусова получил отражение в творчестве Гоголя.

В приложениях к четвертой главе публикуются материалы и документы «дела о вольнодумстве».

В целом исследование охватывает двадцатилетний период жизни Гоголя на Украине — со дня его рождения до переезда в Петербург (1809—1829).

Творчество великого русского писателя Н. В. Гоголя — яркий пример и живое воплощение исторически сложившейся дружбы и неразрывной связи русского и украинского народов. Выросши на Украине в среде провинциального дворянства, еще в юности ощутив узость его духовного мира, Гоголь почувствовал настойчивую потребность в общении с трудовым народом. Свои юношеские наблюдения жизни народа он широко использовал в творчестве.

Огромное влияние на Гоголя еще в юности оказала передовая русская культура, представленная ее величайшим гением Пушкиным и декабристами. Под влиянием этих факторов формировалось прогрессивное мировоззрение Гоголя, складывались его литературно-эстетические взгляды.

Все это автор стремился раскрыть и показать в своем исследовании.

**СТРАНИЦЫ
ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ
ГОГОЛЕЙ**

ПРЕДКИ

Николай Васильевич Гоголь не придавал значения своей дворянской родословной. В начале 1851 г., за год до своей смерти, он писал своей матери Марии Ивановне Гоголь в ответ на ее запрос о генеалогии рода Гоголей: «Давно не писал, желая дать вам какие-нибудь сведения на счет герольдии, о которой вы мне уже два раза писали. Сколько я помню, то дело по этой части было окончено... еще при покойном отце. Он говорил один раз при мне, что происхождение дворянства нашего записано в шестую книгу. Теперь нужно узнать, после ли записки оказалось сомнение. ... Впрочем, на счет всего этого не советую вам особенно тревожиться. Все это сущий вздор. Был бы кусок хлеба, а что в том, столбовой ли дворянин, или просто дворянин, в шестую ли книгу или в восьмую записан»¹.

Но если сам Гоголь считал свою родословную «сущим вздором», то его биографы постарались окружить ее пышным ореолом; особенное рвение в этом отношении проявил П. А. Кулиш, который в первой биографической работе о Гоголе («Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя»), опубликованной в Петербурге в 1854 г., утверждал, что род Гоголя восходил «ко времени известного полковника подольского и потом гетмана... Остапа Гоголя, о котором впервые упоминается в летописях под 1655 годом, при описании битвы на Дрижополе»².

Происхождение Гоголей-Яновских от гетмана войска запорожского Остапа Гоголя было мифом. Это докумен-

---

¹ Письма Н. В. Гоголя, ред. В. И. Шенрока, т. IV, СПб. 1902, стр. 368.

² Опыт биографии Н. В. Гоголя, СПб. 1854, стр. 1.

тально доказал украинский историк и этнограф, друг Гоголя М. А. Максимович¹.

В действительности же родословная Н. В. Гоголя значительно скромнее. Материалы обширного так называемого «предковского» архива Гоголей-Яновских, который хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР, свидетельствуют, что дед Гоголя Афанасий Демьянович Гоголь-Яновский родился в 1738 г. в семье священника Успенской церкви с. Кононовки, Лубенского уезда. Он учился в духовной семинарии, а затем в Киевской духовной академии, однако духовного сана не принял; в 1757 г. поступил на службу в полковую миргородскую канцелярию.

В 1776 г. Афанасий Демьянович, небогатый человек, владевший только пятью крепостными душами, женился на дочери бунчукового товарища Татьяне Семеновне Лизогуб, происходившей из старинного богатого казацкого рода.

Около 30 лет прослужил энергичный Афанасий Демьянович в малороссийских военных канцеляриях и вышел в отставку в 1788 г. в чине секунд-майора. По семейным преданиям, он был занимательным рассказчиком эпизодов из полковой казацкой жизни. Черты увлекательного рассказчика унаследовал от него его сын Василий Афанасьевич — отец Гоголя. Умер Афанасий Демьянович в начале XIX в.

Бабушка Гоголя Татьяна Семеновна Гоголь-Яновская была дочерью Семена Лизогуба и Анны Танской, дочери переяславского полковника Василия Танского (умер в 1763 г.), автора так называемых «Междувброшенных игралещ» — популярных украинских интерлюдий. Поэт Петр Лобьсевиц в письме к Г. Конискому в 1794 г. назвал Василия Танского «славным природным стихотворцом во вкусе площадном, во вкусе Плавтовом»².

Таким образом, в семейных преданиях Гоголей слились воспоминания о казацкой вольнице с воспоминаниями о предке войне-поэте.

---

¹ Оригинал статьи М. А. Максимовича на эту тему хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР, «Гоголиана» № 2390.

² Археологический сборник документов к истории Юго-Западной России, т. II, стр. 147.

Бабушка Гоголя Татьяна Семеновна, тихая и религиозная женщина, любила живопись и сама хорошо рисовала пейзажи сельской природы. В 1825 г., после смерти ее сына Василия Афанасьевича, она завещала своему любимому внуку Николаю Гоголю половину своего родового поместья, которое тогда было оценено в 60 тыс. рублей.

Сохранилось одно письмо Гоголя из Полтавы к бабушке, написанное в 1820 г., в котором одиннадцатилетний мальчик извещал ее о первых успехах «в науках». В письмах к родителям из нежинской гимназии Гоголь неизменно свидетельствует бабушке любовь и глубокое почтение. Умерла Татьяна Семеновна после 1830 г. в возрасте свыше 80 лет.

ОТЕЦ

Отец Гоголя Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский родился в 1777 г. в родовом имении матери, в хуторе Купчинском, Шишацкой волости, Миргородского уезда. Впоследствии имение было переименовано по фамилии его владельца в Яновщину, а позже — по его имени в Васильевку.

Сведения о детских и юношеских годах Василия Афанасьевича скудны и неточны. Одним из первых исследователей, осветивших этот период в жизни отца Гоголя, был П. Е. Щеголев, который пользовался для этого семейным архивом Гоголей.

П. Е. Щеголев установил, что Василий Афанасьевич с 1792 по 1796 г. учился в Полтаве в семинарии, где был на попечении некоего Стефана Гординского, повидимому, учителя семинарии. 2 марта 1795 г. Гординский сообщал Афанасию Демьяновичу: «Васюта, слава богу, по силе своих сил и дарований в учении своем успеваеет сообразно оных и впредь подает добрую надежду, я его понуждаю к учению, соображаея всегда силам его телесным, которые усматриваются невелики»¹.

Дальнейшее образование сыну Афанасий Демьянович предполагал дать в пансионе при Московском университете и заручился для этого рекомендательными письмами. Но этого осуществить не удалось, и «Васюта» остался жить

---

¹ П. Е. Щеголев, Отец Гоголя, «Исторический вестник», 1902, кн. 2, стр. 658.

в доме родителей, пополняя свое образование усердным чтением.

Номинально он числился на службе в «Малороссийском почтамте». Не посещая, по обычаям того времени, службу, он был произведен в 1799 г. из губернских секретарей в титулярные советники.

Любопытно отметить, что Василий Афанасьевич, продвигаясь по служебной лестнице, даже не значился в штате почтамта. Сохранилось прошение его на имя директора почт Д. П. Трощинского, в котором он просил выдать ему аттестат, объясняя непосещение службы плохим состоянием здоровья: «За приключившимися мне столь тягостными и продолжительными припадками,— писал Василий Афанасьевич,— проживал я в доме для пользования себя и в списке почтамта остался неписанным»¹.

В 1805 г. Василий Афанасьевич вышел в отставку, женился и получил в наследство от матери ее родовое поместье, в котором жил почти безвыездно 20 лет.

* *

*

На протяжении почти ста лет, с момента опубликования первых биографических работ о жизни и творчестве Н. В. Гоголя, отца Гоголя Василия Афанасьевича характеризовали как типичного старосветского провинциального помещика.

Эта твердо установившаяся характеристика Василия Афанасьевича Гоголь-Яновского широко повторялась и в биографических работах о Гоголе советских литературоведов.

Так, например, С. Дурылин в своем исследовании «Из семейной хроники Гоголя» писал: «Первое впечатление, которое выносится из знакомства с жизнью родителей Н. В. Гоголя, Василия Афанасьевича и Марии Ивановны Гоголь-Яновских, в их Васильевке, это то, что их жизнь — та самая, любимая Гоголем «старосветская жизнь», где «ни одно желание не перелетает за частокол, окружающий небольшой дворик, за плетень сада, наполненного яблоками и сливами»². «Уютным царством довольства и покоя» называл С. Дурылин дом родителей Гоголя в Васильевке.

¹ «Исторический вестник», 1902, кн. 2, стр. 660.

² С. Дурылин, Из семейной хроники Гоголя, М. 1928, стр. 7.

Василий Афанасьевич Гоголь.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

«Если бы, встречая гостя, с крыльца такого старосветского домика сошли не Афанасий Иванович и Пульхерия Иванова Товстогубы, а Василий Афанасьевич и Мария Ивановна Яновские, то мы не нашли бы между ними разницу»¹, — утверждал С. Дурьлин.

В таком же идиллическом духе характеризовал В. А. Гоголя и его жизнь Н. Ашукин в биографическом очерке о нем, опубликованном в 1936 г.: «Василий Афанасьевич обладал эстетическими потребностями, любил книги, театр, сам сочинял стихи и комедии, играл на сцене, увлекался садоводством... Любитель всего изящного, сентиментальный мечтатель, устраивавший в своем саду «долины спокойствия», запрещающий мыть белье на хуторском пруде, чтобы стуком вальков не вспугнуть соловьев, услаждавших его «деликатную душу»².

По мнению Н. С. Ашукина, «идиллия, окружавшая детство Гоголя, объединила для него в одну мирную и счастливую картину жизнь панов и жизнь их крепостных»³.

А между тем, если внимательно ознакомиться с материалами и документами обширного семейного архива Гоголей, с деловой и личной перепиской Василия Афанасьевича и Марии Ивановны Гоголь-Яновских, то станет очевидным, что традиционные представления о патриархально-идиллическом укладе их жизни не соответствовали действительности.

Только в отношении раннего периода жизни Василия Афанасьевича, когда он, будучи 26-летним молодым человеком, писал в 1804 г. нежные письма в духе Карамзина своей 13-летней невесте Марии Косяровской, можно говорить о его сентиментально-мечтательных настроениях.

После свадьбы Василия Афанасьевича Гоголь-Яновского и Марии Ивановны Косяровской (12 ноября 1805 г.) в жизни Василия Афанасьевича начались годы усиленной и разносторонней деятельности, которая продолжалась вплоть до его смерти (во второй половине марта 1825 г.). Он не только управлял своим имением, в котором было 1000 дес. земли, но и был доверенным лицом по управлению огромными украинскими экономиями своего дальнего

¹ С. Дурьлин, Из семейной хроники Гоголя, М. 1928, стр. 7.

² Н. В. Гоголь, Собр. соч., Биогр. очерк Н. С. Ашукина, М. 1936, стр. IV.

³ Там же, стр. V.

родственника, богатого и знатного вельможи Д. П. Трошинского¹.

Ошибочными были утверждения биографов, в частности В. И. Шенрока, о том, что Василий Афанасьевич «не имел никакого призвания к хозяйству»². В. А. Гоголь был опытным хозяином и хорошим организатором. Это видно из архивных материалов «Гоголианы», характеризующих экономические мероприятия Василия Афанасьевича, а также из его личных писем. Убедительным доказательством этого может служить одно из писем Василия Афанасьевича 1825 г.

Вынужденный вследствие тяжелой болезни выехать перед началом весенних работ из дому для лечения, Василий Афанасьевич в начале марта 1825 г., за две недели до своей смерти, дает подробные хозяйственные наставления Марии Ивановне, из которых видно предусмотрительность и опытность Василия Афанасьевича в сельскохозяйственных делах:

«Выехавши из дому принужден я был ночевать в Яреськах, а оттуда в понедельник приехал в Кибинцы..., — писал Василий Афанасьевич. — Здесь все здоровы и веселы. Я сейчас послал Емельяна с письмом к Голованову договорить там для себя квартиру — для чего и нужно мне для тамошного прожитья прислать из дому разных припасов..., а теперь прошу тебя приказать приказчику: 1-е, чтобы берег плотину в случае наводнения; 2-е, чтобы на прудах открывали духи, чтоб не задохлась рыба; 3-е, если тепло будет и время позволит людям, то поньмать рыбы на прудах, а именно брать средней величины карасей и щук да мелких плоток и карасей. Не брать же корофов, самых больших щук и окуней; 4-е, в Борки на сорок святых послать продавать всех волов бракованных и продавать все непременно за что бы ни случилось — в Миргороде же скот нипочем; 5-е, если еще дорога позволит, то те дубки я велел вырубить, сложить в Стенке³ или доставить в Яреськи на двор к батюшке, ибо мы за дом уже сошлись, также нужно туда навозить хворосту и прочего... Дрова из Стенки перевозить для валенья сукон; 6-е, посылать надобно за сукнами, ибо оттепели начинаются».

Как видим, «сентиментальный мечтатель», как называет его Н. С. Ашукин, был предусмотрительным, опыт-

¹ Дмитрий Прокофьевич Трошинский (1754—1829) занимал крупные государственные посты при Екатерине II. Александр I назначил его главным директором почт, а затем министром уделов (1802—1806). С 1814 по 1817 г. Трошинский был министром юстиции.

² В. И. Шенрок, Материалы для биографии Гоголя, т. I, М. 1892, стр. 50.

³ Урочище Стенка, принадлежащее Гоголям.

Мария Ивановна Гоголь в молодости.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

ным и культурным для своего времени хозяином. Он имел достаточно широкие познания и в полеводстве, и в животноводстве, и в рыбоводстве, и в строительном деле, знал, как выгоднее продать продукты сельского хозяйства и скот.

«Прикажи еще прикащику, — продолжал в этом же письме Василий Афанасьевич, — чтобы к ярмонку нашему доставлена была из Яресек горелка, чтобы зделана була ятка и прочее.

Я дал Домне спрятать порох — сей порох, как скоро откроется весна и налетят на яворивщину гайвороны, то дать Ходосу и Снесару, чтобы они до тех пор там стреляли, пока выгонят гайворонов оттуда.

Если послал прикащик в Яреськи пильщиков, то резать дерево на доски толщиной в полтора вершка, а тоньше на шалевку.

Назначенные на продажу молодые быки нужно повучить и продавать на лигачах, подобравши по шерстям и по росту по парно — продавать от 28 до 48 ср. пару, смотря по быкам.

Получивши от Цюревского деньги, тот час отправить в Полтаву подушные и за вычистку колодезя»¹.

В таком же духе написаны и другие письма Василия Афанасьевича к Марии Ивановне. В них нет и грана «сентиментальной мечтательности». Они свидетельствуют о том, что В. А. Гоголь стремился извлечь из своего крепостного хозяйства как можно больше дохода. И, разумеется, никакого «счастливого» содружества между помещиком и крепостными крестьянами в действительности не было. В детские годы Гоголь наблюдал не идиллическую «мирную и счастливую картину жизни панов и жизни крепостных», как утверждал Н. С. Ашукин, а реальную экономическую жизнь крепостного поместья.

Материалы обширного семейного архива, характеризующие, в частности, крепостное хозяйство Гоголей, дают основание со всей решительностью опровергнуть утверждения многих буржуазных биографов писателя, некритически повторявшиеся некоторыми советскими гоголеведами, о том, что Гоголя в детстве окружала старосветская патриархальная среда, якобы оказавшая большое влияние на формирование его мировоззрения и на его творчество².

---

¹ Это письмо В. А. Гоголя опубликовано С. Дурлыным в 1928 г. в его книге «Из семейной хроники Гоголя», стр. 59—61.

² В. Вересаев, например, утверждал: «Всю свою идеологию Гоголь целиком впитал из недр старосветской помещичьей жизни» (сб. «Гоголь в жизни», «Academia», М.—Л. 1933, стр. 6).

КРЕПОСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО ГОГОЛЕЙ

Крепостное хозяйство Гоголей было довольно обширным. Оно состояло из деревни Васильевки с 884 дес. земли¹, хутора Ярески, в котором по плану было 83 дес.², и урочища Стенка — 51 дес.

Крепостных по Васильевке, согласно ревизских списков 1835 г., значилось: «дворовых мужеска пола 5 и женска 2 и крестьян мужеска пола 193 и женска 184, всего обоего пола — 384 души»³. По Ярескам числилось мужских душ 19. Таким образом, всего крепостных у Гоголей было свыше 400 душ.

Количество земли и крепостных дают основание сделать вывод, что Гоголи были не мелкими, а, во всяком случае, средними помещиками.

Представляет значительный интерес проследить характер взаимоотношений между помещиком и крепостными Васильевки. В самом ли деле эти отношения были «идиллическими», как утверждал Н. С. Ашукин.

Мы ознакомились с многочисленными архивными материалами, характеризующими крепостное хозяйство Гоголей. Среди них нет таких, которые свидетельствовали бы о жестоком обращении В. А. Гоголя с крепостными.

Было бы, вместе с тем, ошибочным идеализировать деятельность В. А. Гоголя как помещика. Любопытно, например, отметить, что, по его убеждению, Васильевка была «нажита кровью и потом» (!)⁴ его предков.

Забываясь об увеличении доходности своего крепостного, барщинного хозяйства, В. А. Гоголь стремился интенсифицировать труд крепостных крестьян главным образом за счет усиления их эксплуатации.

А. А. Назаревский, изучавший хозяйственные архивы Гоголей, пришел к выводу, что архивные материалы с Васильевки «дают право говорить о трехдневной барщине, сменявшейся тремя днями работы на себя»⁵.

Исследователю не удалось установить характер этой трехдневной барщины в поместье Гоголей, «была ли она

¹ «Гоголиана» № 5258.

² В. Чаговец, Из семейной хроники Гоголей, Киев 1909, стр. III.

³ «Гоголиана» № 5222.

⁴ Там же. № 5836.

⁵ Сб. «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. I, 1936, стр. 338.

(барщина. — Д. И.) поденной — от зари до зари — или так называемой «урочной» (система уроков. — Д. И.),... которая свидетельствует об усилении эксплуатации труда крепостных»¹.

Ясно, во всяком случае, что и работа «от зари до зари» и «урочная система» означали изнурительный крестьянский труд. Разумеется, что именно этим трудом, а не «кровью и потом» предков было нажито имение Гоголей.

Находящиеся в архиве Гоголей ведомости «о посеве, нажоне и вымолоте экономического и крестьянского хлеба»² показывают, что урожайность у крестьян в Васильевке была значительно ниже, чем у помещика. И это понятно. Земля, а также средства для ее обработки и семена у помещика были лучше, чем у крестьян. Кроме того, крестьянин мог работать на своем крепостном наделе только после отработки барщины, упуская наиболее благоприятные сельскохозяйственные сроки.

Свидетельством того, что крестьянам нелегко жилось у помещика В. А. Гоголя, могут быть случаи бегства их из поместья, которые особенно учащались в период рекрутских наборов. Доказательством этого являются весьма любопытные черновики писем Василия Афанасьевича. В одном из них от 20 июля 1815 г. он писал:

«Любезный приятель Борис Петрович³. Из числа бежавших в 1812 году из деревни (моей) Васильевки крестьян моих доставлен мне по пересылке из Константинограда один Степан Суховой, поньманый в Константинограде, который дал показание, что он пердерживался в деревне г. г. Левченков... и затем показывает, что и другие крестьяне мои Данила Боковой, Ив. Липченко там же пердерживались — вам известно сколько перетерпел я убытков, лишившись столько работников, уплачивая все за них и детей, их государственные подати и все повинности, прокармливая оставленные ими семейства, а сверх того несколько раз для отыскания их посылая по несколько человек в Херсонскую и Екатеринославскую губернии, таковые обиды, причиненные мне г. г. Левченками, принуждают меня просить удовлетворения у правосудия»⁴.

Дальше в этом же письме В. А. Гоголь просил своего поверенного сообщить помещикам Левченко, что он готов не подавать в суд, если Левченко согласны возместить его убытки.

¹ Сб. «Н. В. Гоголь, Материалы и исследования», т. I, 1936, стр. 338.

² «Гоголиана» № 5118, 5121.

³ Повидимому, поверенный В. А. Гоголя.

⁴ «Гоголиана» № 5183.

Интересен черновой отрывок из другого письма В. А. Гоголя, написанного в июле того же 1815 г. на имя какого-то помещика, имение которого было расположено в Константиноградском уезде, Полтавской губернии:

«Из показания бывшего в бегах и сего года в июле месяце из Константиноградского нижнего земского суда по пересылке ко мне доставленного крестьянина моего Степана Загороднего, — писал Василий Афанасьевич, — увидел я, что он, Степан Загородний, более года был передерживаем в деревне вашей... За ведомом прикащика вашего, где в прохождении осени, зимы и весною молотил господский хлеб, а летом был на господской же косовице — чрез таковое предержательство понес я не маловажные убытки, лишившись чрез столько времени работника, уплачивая за него все государственные подати, прокармливая его семейство, состоявшее из малолетних детей и посылая несколько раз в разные места для отыскания его; за которые прошу у вас удовлетворения. И ежели вы сделаете мне оное, не входя в суд и не доводя меня до хлопот, то и прошу вас заплатить мне за все 125 р.с.»¹ (рублей серебром. — Д. И.).

Бегство крепостных крестьян было массовым явлением. Любопытно, что это неизбежное в период крепостного гнета явление В. А. Гоголь считал «общественным» бедствием.

В письме к вельможе Д. П. Трощинскому, который одно время был полтавским губернским предводителем дворянства, В. А. Гоголь не жалел красок для изображения «бедственного» положения мелкопоместных дворян, «разоренных чрез предержательство беглых крестьян»:

«Зная сколь великое имеете вы попечение в общественных пользах, — писал Василий Афанасьевич, — осмеливаюсь доложить, что... помещики Екатеринославской губернии и даже Полтавской, Константиноградского повета, имея у себя много земли, но мало крестьян, не только передерживают беглых, но даже и подговаривают к себе крестьян наших, чрез каковое зло многие у нас мелкопоместные помещики до основания разорились, не имея способов отыскать их. Несравненное бы добро оказали в. в. для тысячи несчастных разоренных через передержательство беглых крестьян помещиками Екатеринославской губернии и даже Пол[тавской], Константиноградского повета, ежели бы приняли самые строгие меры к искоренению сего зла, чрез [которое] все молодые у нас люди под час ре-

¹ «Гоголиана» № 5180.

крутского набору убегают и мы принуждены отдавать отцов семейства, или единственную подпору оногo»¹.

В. А. Гоголь посылал разыскивать беглых крестьян в степные губернии, Херсонскую и Екатеринославскую, помещики которых, по его выражению, имея много земли и испытывая недостаток в рабочей силе, стремились пополнить ее за счет беглых крепостных крестьян.

Несомненно, что Никоша Гоголь, как его называли в детстве, знал об этих фактах, которые часто обсуждались в семье Гоголей и в кругу помещиков-соседей. Любопытно в связи с этим вспомнить, что Чичиков, скупая крестьян, говорил, что покупает их на вывод в Херсонскую губернию. Наряду с «мертвыми душами» Чичиков покупал также и «беглые души».

Сюжет «Мертвых душ», как известно, подсказал Гоголю Пушкин. Допустимо, вместе с тем, предположить, что Гоголю в творческой реализации широко задуманного плана гениального произведения в какой-то мере пригодились сведения о Херсонской губ. с ее обильными землями и недостатком крестьян, а также сведения о беглых крепостных, почерпнутые еще в юности.

Гоголь знал из наблюдений в Васильевке и в соседних поместьях, что беглые числились в ревизских списках и за них помещики платили подати. И, следовательно, возможная продажа «беглых душ» освобождала помещиков от уплаты налогов. Это обстоятельство тонко использовал писатель, изобразив, как Чичиков купил у Плюшкина семьдесят восемь «беглых душ», уплатив ему по «тридцать две копейки» за душу.

* * *

Как мы уже говорили, В. А. Гоголь стремился увеличить доходность своего имения. Одной из главных статей дохода в его хозяйстве было винокурение. В 1817 г. винокурня в Васильевке сгорела, но уже к концу следующего года В. А. Гоголь восстанавливает ее.

«Ведомости винокуренного завода о приходе и расходе денежной суммы, вырученной за проданную горилку с 1-го октября 1819 и по 1-е декабря 1820 года», а также «ведомость, сколько в прошедшую зиму винокуренно было горилки, сколько оной продано, по какой цене... к 1-му

¹ «Гоголиана» № 5180.

числу декабря 1820 года»¹ показывают нам экономическое состояние этой отрасли хозяйства В. А. Гоголя.

Израсходовано было на производство водки за 14 мес. 600 пуд. ржаной муки стоимостью по 1 р. 40 к. за пуд, а всего 840 р. Выкурено за это время 810 ведер водки, из которых 655 ведер было продано, а 54 употреблено на внутренние нужды. Себестоимость одного ведра водки, включая все производственные расходы, не превышала 2 р. 40 к., а продавалась она в среднем по 4 р. ведро. Выручено было от продажи 655 ведер 2647 р. Таким образом, чистой прибылью получено около 950 р. за год. Как видим, винокурение было выгодно, но очень небольшой объем производства на винокурне Гоголя, которая производила 700 ведер водки в год, определял и небольшой доход от этого предприятия.

В. А. Гоголь стремился расширить производство водки за счет технического переоборудования своей винокурни. В 20-х годах впервые на крупных винокурных заводах Украины вводились паровые машины. Паровая машина уже в 1819 г. работала на соседнем с Васильевским Яресковском винокурном заводе Д. П. Трощинского. Об этом В. А. Гоголь, наблюдавший за экономиями Трощинских, писал в Петербург Д. П. Трощинскому: «Андрей Андреевич, стараясь об улучшении здешних ваших экономий, устроил в Яресковском винокурном заводе паровую машину и другие могущие приносить пользу заведения, но весьма худой урожай в сих местах озимого хлеба лишает главнейшего средства к выручке процентов, тем более если и новый управитель окажет себя столько же способным, как прежний, особенно в производстве винокурения парами, на которое мы с простыми умами смотрим, как бы на некое чудо»².

В. А. Гоголь, хотя и назвал паровую машину «чудом», сам стремился завести у себя на винокурне «чудо». Но из-за недостатка средств ему не удалось это осуществить. Лишь в конце 1825 г., после смерти мужа, М. И. Гоголь приобрела железный паровик, два аппарата и медный куб — общей стоимостью в 2285 р.³ и переоборудовала винокурный завод.

¹ «Гоголиана» № 5367.

² Там же № 8788.

³ Там же № 5116, «Счет купца Марулева».

Интересно отметить, что сын Василия Афанасьевича, еще в детстве наблюдавший недоверчивое отношение «простых умов» к паровой машине, передал это в повести «Майская ночь, или утопленница», в которой записан следующий колоритный разговор между сельским головою Евтухом Макогоненко и пришедшим к нему в гости винокуром, низеньким, толстеньким человечком «с маленькими вечно смеющимися глазами»:

«Скоро же вы думаете», сказал голова, оборотившись к винокуру и кладя крест на зевнувший рот свой, «поставить вашу винокурню?»

«Когда бог поможет, то сею осенью, может, и закурим. На Покрову-то, я готов поставить бог знает что, если пан голова не будет писать ногами немецкие крендели по дороге»...

«Дай бог», сказал голова, выразив на лице своем что-то подобное улыбке. «Теперь еще, слава богу, винниц развелось немного. А вот, в старое время, когда провожал я царицу по переяславской дороге, еще покойный Безбородько...».

«Ну, сват, вспомнил время! Тогда от Кременчуга до самых Ромен не насчитывали и двух винниц. А теперь... Слышал ли ты, что повыводывали проклятые немцы? Скоро, говорят, будут курить не дровами, как все честные христиане, а каким-то чертовским паром». Говоря эти слова, винокур в размышлении глядел на стол и на расставленные на нем руки свои. «Как это паром — ей-богу не знаю!».

«Что за дурни, прости господи, эти немцы!», сказал голова. «Я бы батогом их, собачьих детей! Слыханное ли дело, чтобы паром можно было кипятить что».

Нам неизвестно, был ли васильевский винокур прототипом винокура из «Майской ночи». Да это и несущественно. Несомненно, во всяком случае, что свои юношеские воспоминания о винокурении паром Н. В. Гоголь искусно использовал в ранней повести. Вспомнил он в своей повести и екатерининского вельможу князя Безбородко — основателя нежинской Гимназии высших наук, в которой на протяжении семи лет обучался Гоголь. Так очень устойчивые и, по выражению писателя, «важные впечатления детских лет»¹ входили в ткань литературного повествования.

¹ Из письма Н. В. Гоголя к М. И. Гоголю от 2 октября 1833 г. из Петербурга.

В. И. Ленин в своей гениальной работе «Развитие капитализма в России» в главе III «Переход землевладельцев от барщинного хозяйства к капиталистическому» писал: «Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром. Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима»¹.

В крепостном хозяйстве В. А. Гоголя пшеница продавалась, рожь шла в винокурню для производства водки, причем значительное количество ржаной муки для винокуренного завода закупалось у соседних помещиков. Так, например, в 1820 г. было куплено 441 пуд ржаной муки за 617 р.²

Таким образом, в крепостном поместье В. А. Гоголя хлеб не только производился на продажу, но в интересах получения большей прибыли перерабатывался.

Одной из доходных статей хозяйственного бюджета Васильевки было разведение и продажа крупного рогатого скота, а также овец и свиней. Письма Василия Афанасьевича свидетельствуют о его опытности в скотоводстве и практичности в продаже скота. Вот, например, его советы жене (в письме от 14 марта 1825 г.) о том, как выгоднее продавать скот:

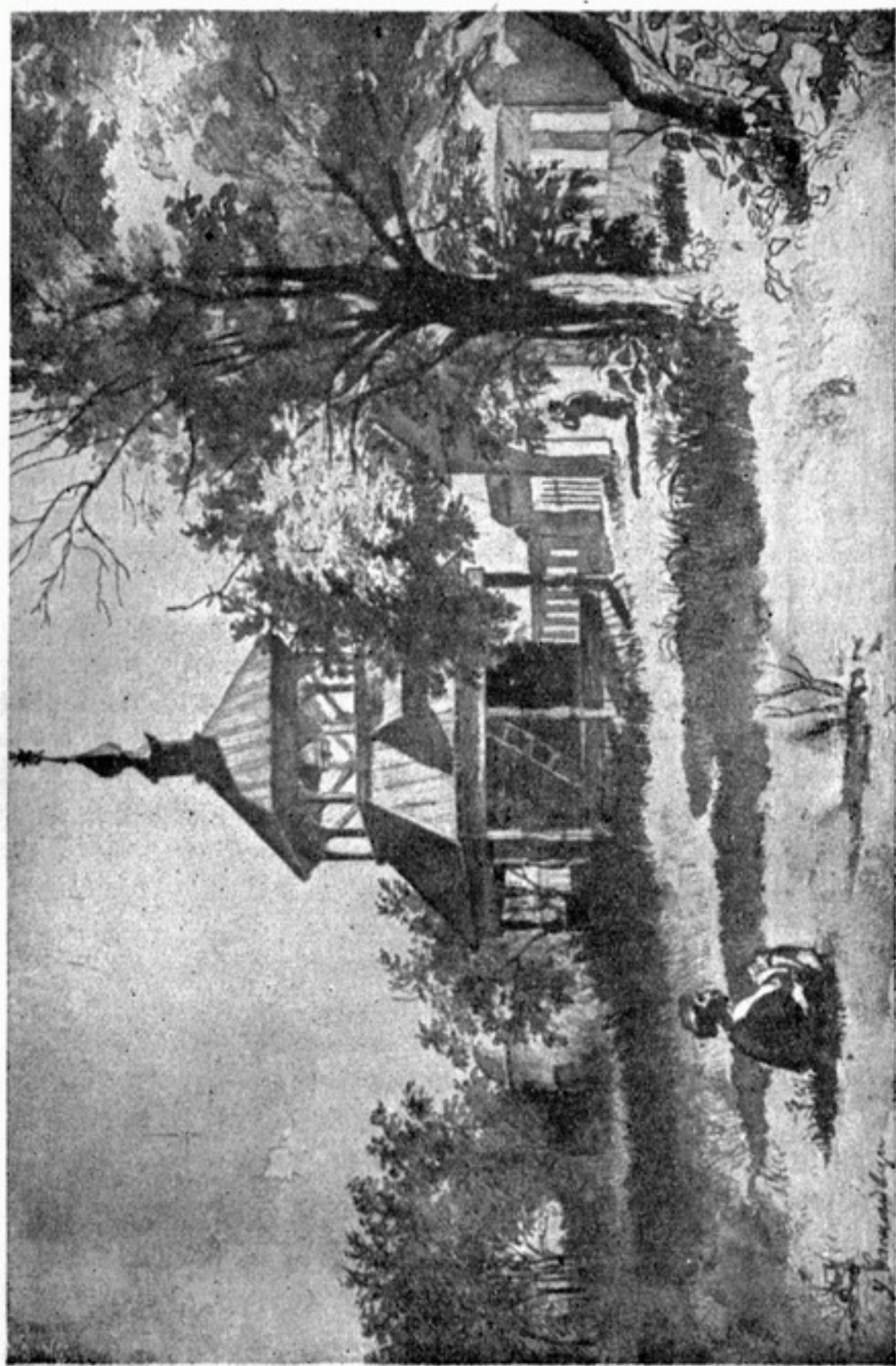
«Коровам цену положил я по 40 р. с., но в нужде можно будет уступить и дешевле немного — но надобно держаться, ибо коровы молодые и хороши и почти все тельные — надобно просить по 50 р. с. Телиц я теперь не назначаю в продажу — их надобно продавать летом. Быков надобно продавать на липаках — и лучше всего на Шишацкой ярмонке или на своей; но отнюдь не всех разом — а взять сначала худших 2 пары, когда продадутся, тогда еще 2 пары, и так далее — всех же на ярмонку отнюдь не выгонять и никому не показывать лучших, пока не продадутся худшие»³.

Для того чтобы приблизить рынок к своему крепостному хозяйству, предприимчивый Василий Афанасьевич

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 158.

² «Гоголиана» № 5367.

³ Письмо опубликовано С. Дурылиным в его книге «Из семейной хроники Гоголя», 1928; стр. 67.

«В Васи́льке». Акварель Т. Г. Шевченко.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

установил в Васильевке четыре ежегодных ярмарки. Характеризуя эти ярмарки, Н. В. Гоголь в письме к Данилевскому называл скотную ярмарку в марте одной из важнейших в Полтавской губернии.

На ярмарках помещик продавал пшеницу, просо, овес, сено, крупный и мелкий рогатый скот, рыбу. Здесь же были установлены «ятки» для продажи водки. Кроме того, в пользу помещика взималась плата за специально устроенные загоны для скота. Васильевские ярмарки обычно проходили весьма оживленно, юношеские впечатления от них послужили Н. В. Гоголю материалом для «Сорочинской ярмарки».

Можно считать установленным, что феодально-крепостное хозяйство Гоголей еще при жизни Василия Афанасьевича встало на путь капиталистического развития. И все попытки увеличить товарность васильевской экономики способствовали усилению процесса распада натурального хозяйства Гоголей. Разумеется, что этот процесс был закономерным не только для Васильевки, но и для многих других помещичьих хозяйств того времени, переживавших глубокий кризис в связи с переходом от натурально-феодальных способов производства к новым, капиталистическим, в условиях затянувшегося аграрного кризиса 20 — 30-х годов XIX в.¹

Необходимо отметить, что несмотря на энергичные попытки повысить денежную доходность Васильевки, хроническое безденежье сковывало инициативу Василия Афанасьевича. Главная доходная статья в хозяйственном бюджете васильевской экономики — винокурение, вследствие недостатка средств для переоборудования винокуренного завода, давало не больше 1000 р. дохода в год. Этой суммы едва хватало для обучения и содержания сына в гимназии и воспитания дочерей.

Свидетельством постоянного недостатка денег в хозяйстве Гоголей являются три нежинских письма юноши Гоголя к матери. В первом из них, от 15 декабря 1827 г., Гоголь, усиленно готовящийся к выпускным экзаменам, просит «по крайней мере выслать 60 рублей на учебные книги». Здесь же он оговаривается, что необходимость заставила просить мать о высылке денег. «Мне жалко, мне

¹ См. об этом А. А. Назаревский, Из архива Головни, сб. «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. I, М.—Л. 1936, стр. 346—347.

горестно только, что я принужден вас расстраивать и беспокоить, зная наше слишком небогатое состояние, моими просьбами о деньгах и сердце мое разрывается, когда я подумаю, что я буду иметь неприятную необходимость надоедать вам подобными просьбами чаще прежнего».

В следующем письме от 20 декабря 1827 г. Гоголь напоминает: «Сделайте милость, почтеннейшая маминька, не замедлите (выслать. — Д. И.) упоминаемых мною в предыдущем письме денег». В письме от 1 марта 1828 г., видимо в ответ на выговор за то, что он не считается с возможностями матери, Гоголь писал: «Я чувствовал, что принесу вам большое неудовольствие своею просьбою, зная трудность выполнения ее. Я точно во многом, очень во многом пред вами виноват почтеннейшая маминька. Недавно только понял я, что имел нужды не по своему состоянию, что моею бедности тягостно было удовлетворять и ближайшие издержки; и узнал это тогда, когда потребовались еще нужнейшие, для моих занятий»¹.

Из-за постоянного недостатка средств родители Гоголя вынуждены были часто прибегать к займам под залог имущества и крепостных крестьян. В «Гоголиане» хранятся документы, удостоверяющие, что в августе 1823 г. «коллежский ассессор Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский... имея надобность для займа денег» представил «в санкт-петербургский опекунский совет узаконенное свидетельство на залог 70 душ крестьян из числа записанных по последней ревизии Полтавской губернии Миргородского повета в деревне Васильевке»².

В 1832 г. в приказе общественного призрения г. Полтавы М. И. Гоголь сделала заем в сумме 3800 р., а в 1836 г. два займа на имя Н. В. Гоголя и его сестры М. В. Трушковской в размере 18 450 р. и 6150 р. Свыше ста квитанций, хранящихся в «Гоголиане», показывают, что погашение займов проходило несвоевременно и за просрочку платежей пришлось платить 36 раз³.

В 30-х годах капитализм проникает в деревню и, в связи с этим, разложение помещичьего натурального хозяйства усиливается. Этот процесс превосходно изобразил

¹ Письма Н. В. Гоголя (1820—1835) мы цитируем по Полн. собр. соч. Н. В. Гоголя, т. X, АН СССР, 1940.

² «Гоголиана» № 5187.

³ А. А. Назаревский, Из архива Головки, сб. «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. I, М.—Л. 1936, стр. 348.

Н. В. Гоголь в своем письме из Васильевки летом 1832 г. к И. Дмитриеву: «Теперь я живу в деревне, — писал Гоголь, — совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзином. Мне кажется, что он копировал малороссийскую деревню: так краски его ярки и сходны с здешней природой. Чего бы, казалось, недоставало этому краю? Полное роскошное лето! хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплаченные. Всею виною недостаток сообщения: он усыпил и обленивил жителей. Помещики видят теперь сами, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуру и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец, умирает, а они рыскают с горя за зайцами. Признаюсь, мне очень грустно было смотреть на расстроенное имение моей матери, если б только одна лишняя тысяча, оно бы в три года пришло в состояние приносить шестерной доход против нынешнего дохода. Но деньги здесь совершенная редкость».

Мария Ивановна Гоголь, так же как и ее покойный муж, стремилась увеличить доходность своего хозяйства. Однако она не была столь опытна и практична, как В. А. Гоголь. И ее попытка организовать кожевенный завод, в который она вложила свыше двенадцати тысяч рублей, окончилась крахом и подорвала и без того расстроенное имение.

Из переписки между М. И. Гоголь и ее сыном видно, что Н. В. Гоголь живо интересовался организацией предприятия, помогал матери практическими советами. Особенно любопытно письмо Гоголя из Петербурга от 17 марта 1834 г.: «Мне кажется, не слишком ли вы предаетесь надеждам хозяйственных будущих прибылей, которые надеетесь получить от фабрики, — писал Гоголь, — потому что вся уже округа ваша знает, что вы намерены получить скоро большие деньги. Мне кажется, что не лучше ли об этом еще не говорить никому, потому что все, что ни есть впереди, все неверно. Мы не можем поручиться на один час вперед. Может быть, фабрикант и его работники несмотря на все усилия не будут в состоянии поставить к назначенному времени. А разве этого не может случиться, что фабрикант, взявши денег, вдруг вздумает улизнуть, что тогда? Искать его — напрасный труд, потому что сама полиция за 500 рублей укажет ему дорогу, куда бежать... Вся ваша фабрика держится на одном человеке.

Умри он — и фабрика ваша лопнула: работники у вас наняты, своих мастеров еще нет».

Итак, от продажи хлеба и других сельскохозяйственных продуктов на рынке, от переработки хлеба на винокурне силами крепостных крестьян до капиталистического предприятия с фабрикантом и наемными рабочими — таков путь, проделанный за короткий срок крепостным хозяйством Гоголей, который может служить типичной и наглядной иллюстрацией к гениальному заключению Ленина о том, что *«производство хлеба помещиками на продажу... было уже предвестником распада старого режима»*¹.

Таковы факты, решительно опровергающие традиционные представления о патриархальной идиллической жизни родителей Гоголя. Капитализм настойчиво проникал в натуральное крепостническое хозяйство. Василий Афанасьевич, а после его смерти Мария Ивановна всю свою жизнь стремились сделать натуральное хозяйство товарным, извлечь из него возможно больше денег. Однако неблагоприятные экономические условия и прежде всего отсутствие железных дорог препятствовали этому.

Утверждения о патриархальной неподвижности среды, воспитавшей Гоголя, настолько укрепились в гоголеведении, что они повторяются даже в работах о Гоголе последнего времени. Так, в хорошем критико-биографическом очерке Н. Л. Степанова, опубликованном в 1950 г., сказано, что *«обстановка, окружавшая Гоголя в детстве своей патриархальной неподвижностью и тишиной... во многом напоминала жизнь, нарисованную им впоследствии в «Старосветских помещиках»*².

А между тем, как мы уже отмечали, жизнь Гоголя-отца, всегда деятельного, озабоченного хлопотами по своему поместью и огромным экономиям Трощинского, стремление матери писателя сделать свое натуральное хозяйство товарным с использованием для этого паровой машины и организацией в Васильевке кожевенного завода — все это резко противоречит утверждениям о патриархальной неподвижности жизни родителей писателя.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 158. (Подчеркнуто нами.—Д. И.)

² Н. В. Гоголь, Собр. соч., т. I, М. 1950, стр. VIII.

Незакономерно поэтому и сопоставление их с персонажами бессмертной повести Гоголя «Старосветские помещики», тем более что сам автор в тексте этой повести подчеркивал, что Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна — представители прошедшего XVIII в.: «Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века, — писал Гоголь, — которых, увы! теперь уже нет». Родители Гоголя жили в иных условиях первой половины XIX в.

Детство и юность Николая Васильевича Гоголя проходили не в условиях «патриархальной и старосветской идиллии», как утверждал Н. С. Ашукин и многие другие биографы писателя, а в обстановке начавшегося под ударами капитализма распада помещичьего натурального крепостнического хозяйства — экономической основы дворянского благополучия. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на формирующееся мировоззрение будущего писателя и все его дальнейшее творчество.

ТРОЩИНСКИЕ И КАПНИСТЫ

Крупный сановник, бывший министр уделов императора Александра I, Д. П. Трощинский, выйдя в 1806 г. первый раз в отставку, поселился в своей огромной крепостной вотчине Кибинцах, расположенных в 40 километрах от Васильевки — имения Гоголей. Вельможа, привыкший к шуму столичной жизни, скучал в провинции. Развлекать его, владевшего 6000 крепостных и 70 тыс. дес. земли, стекалась вся провинциальная знать.

Дом в Кибинцах был огромный и великолепный. Двери его были широко открыты для гостей. В честь «его высокопревосходительства», «благодетеля», как называли провинциальные помещики Д. П. Трощинского, устраивались балы, театральные представления, прогулки и другие развлечения. Дворяне избрали Д. П. Трощинского губернским маршалом, а он, по рекомендации своего племянника и наследника генерала Андрея Андреевича Трощинского, назначил В. А. Гоголя своим секретарем.

Выполняя различные поручения Трощинских, Василий Афанасьевич часто бывал в Кибинцах. По отзыву биографов Гоголя, В. А. Гоголь был простодушным, веселым и общительным человеком, превосходным рассказчиком. Эти традиционные, в основе своей правильные представления о характере отца Гоголя нуждаются, вместе с тем,

в существенных уточнениях. Черты жизнерадостного характера сочетались у него с приступами мрачных настроений, о которых биографы не пишут.

Мрачные настроения обычно возникали у Василия Афанасьевича во время общения с представителями светской знати в Кишиневе. Человек прямой, искренний, горячо любивший свою молодую жену, Василий Афанасьевич не мог относиться спокойно к досужим сплетням светских бездельников, порочащих доброе имя его и жены. Пронски светских клеветников выводили его из состояния душевного равновесия, вызывали мрачные, порою даже отчаянные настроения, которые, конечно, ничего общего с «идиллическим» или «буколическим» состоянием духа не имели.

Доказательством достоверности этого могут служить три письма А. А. Трошинского В. А. Гоголю. В первом из них (из Киева 24 декабря 1812 г.) А. А. Трошинский писал: «Третьего дня в вечеру через дворового человека Гаврилу доставлено ко мне извещение ваше без месяца и числа писанное, из которого замечено, что по неопытности вашей в светском обращении огорчаетесь вы такого рода сплетнями, которые для живущих в кругу большого света за ничто почитаются и не заслуживают обращения на них внимания. Но при таковых неприятных встречах для каждого чувствительного и соблюдающего непорочность нравов человека надлежит быть весьма осторожным и осмотрительным в избежание важнейших неприятностей, злобной клеветой наносимых»¹.

А. А. Трошинский, будучи заинтересованным в услугах Василия Афанасьевича и зная нравы «большого света», предупреждал отца Гоголя об осторожности и осмотрительности. В следующем письме А. А. Трошинского из Киева от 30 января 1813 г., наряду с хозяйственными вопросами, речь также идет о взаимоотношениях В. А. Гоголя со светским обществом: «Все усерднейше вас благодарю за все ваши извещения в упомянутом и в предыдущих двух ваших письмах заключающихся, из коих полученное мною письмо через Мих. Михайловича² без означения года, месяца и числа писанное из места пребывания вашего в певческой, где и поделом вас засадили за уда-

¹ «Гоголиана» № 8743.

² Повидимому, Михаила Михайловича Трахимовского — соседа Гоголей.

ление Марьи Ивановны из круга большого света. Мне на вас сильно жалуется и выводят жестокой донос в волокитстве, и в других предосудительных поступках, прибавляя к тому: вот до какой степени вы сделались дурным человеком? Ага! Вы конечно не ожидали такого себе описания; но когда прямодушно без хитрости и лести — проживать будете в большом свете, то сочинят еще лучший вам аттестат и такую небылицу в лицах, какой еще конечно и во сне вам никогда не пригрезится».

«Не унывая, любезный Василий Афанасьевич, от таких жестоких нападок и сплетней, — заключал А. А. Трощинский, — а напротив того, вооружась терпением и благоразумием, отражая иные из них презрением, а другие шутками и хладнокровным равнодушием; но отнюдь не горячась и не принимая к сердцу сплетенных на тебя нелепостей, кои не стоят того, чтобы об них много размышлять и беспокоиться ими. Вот дружеский мой совет по сему предмету»¹.

Нам неизвестны обстоятельства, вызвавшие переписку между А. А. Трощинским и В. А. Гоголем. Ясно, во всяком случае, одно, что речь идет о какой-то сплетне, возникшей в среде великосветских лунов, которая побудила Василия Афанасьевича «удалить Марию Ивановну из круга большого света».

Вынужденный общаться с кичливой знатю, посещавшей Кибинцы, Василий Афанасьевич, однако, осуждал ее безделье, склонность к интригам и сплетням.

Отношения Василия Афанасьевича со светским обществом и после января 1813 г. не только не улучшились, но еще больше обострились. Это видно из письма А. А. Трощинского из Кагарлыка 18 мая 1813 г.: «Я не понимаю, что со всеми Вами там делается?», — писал Трощинский Василию Афанасьевичу, — отчего вы приходите в такое отчаяние, что охота берет вам стреляться или же забиться в глушь и не знаться более со светскими людьми»². (Подчеркнуто нами. — Д. И.).

Таковы факты, свидетельствующие, что жизнь Василия Афанасьевича вовсе не была такой «безмятежной», как изображали ее некоторые историки литературы. Харак-

¹ «Гоголиана» № 8744.

² Там же № 8746.

терно, что о безмятежности жизни родителей Гоголя писали даже исследователи, пользовавшиеся семейным архивом Гоголей. Так, например, П. Е. Щеголев утверждал, что «супружеская жизнь Василия Афанасьевича своей безмятежностью напоминает жизнь Филемона и Бавкиды, Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны»¹.

Фактические данные опровергают и другую, довольно распространенную в буржуазном гоголеведении, легенду о том, что Василий Афанасьевич был в самых дружеских отношениях с вельможей Д. П. Трощинским. Автором этой легенды явился П. Кулиш. Он утверждал, что «отец Гоголя был с Трощинским в самых приятельских отношениях»². Это же повторял Н. И. Петров: «Василий Афанасьевич Гоголь,— писал он,— был с Трощинским в самых приятельских отношениях»³.

А между тем, это неверно. Василий Афанасьевич, продолжительное время исполнявший обязанности доверенного лица по управлению экономиями Д. П. Трощинского, во многом зависел от своего вельможного родственника и «благодетеля» и отнюдь не находился с ним в «приятельских отношениях».

Характерно, что вельможа лишь в исключительных случаях писал Василию Афанасьевичу, предпочитая передавать свои распоряжения через своего племянника и наследника генерала А. А. Трощинского. Вот, например, отрывок из петербургского письма Д. П. Трощинского к А. А. Трощинскому, от февраля 1815 г., характеризующий отношение сановника к В. А. Гоголю: «Василию Афанасьевичу я благодарен за его исправность. От него получил я уже требуемую ведомость и потщусь и с моей стороны исполнить обещанное ему... Ежели не взяты из кабинета моего бумаги, относящиеся к деятельности губернского маршала, Вы весьма хорошо сделаете, отдав Василию Афанасьевичу ключ от той половины шкафа, в которой положены сии бумаги, и запечатав другую половину оною, как наполненную вещами и бумагами собственно мне принадлежащими... Василий Афанасьевич

¹ П. Е. Щеголев, Исторические этюды, СПб. 1918, стр. 62.

² П. А. Кулиш, Опыт биографии Н. В. Гоголя, СПб. 1854, стр. 10.

³ Н. И. Петров, Очерки по истории украинской литературы XIX столетия, Киев 1874, стр. 78.

довершит усердие свое ко мне (Подчеркнуто нами. — Д. И.) порядочною задачею общественных дел»¹.

Обычно Василий Афанасьевич безропотно и усердно выполнял все поручения Трощинских и даже их прихоти, но иногда протестовал, и тогда он высказывал своим «благотетелям» горькие истины.

Однажды генерал А. А. Трощинский, не считаясь с состоянием здоровья В. А. Гоголя, предложил ему приехать на длительное время в Кибинцы, видимо для того, чтобы развлекать скучающего магната (это было в 1823 или 1824 г.). В ответ на это В. А. Гоголь написал А. А. Трощинскому письмо, которое мы цитируем по сохранившемуся черновику: «Зная о слабости моего здоровья и горьких обстоятельствах, которых и вы даже к прискорбию моему в резон не приемлете (не потому, чтобы вы сего не знали, но потому, что знать не хотите), — писал В. А. Гоголь А. А. Трощинскому, — зная совершенно... мои припадки, так ровно и домашнее мое состояние, стесняемое долгами, при том в такое тяжкое время, в которое, сидя сгорнувши руки или разъезжая для своих удовольствий, весьма легко оставить детей без воспитания и без состояния... Судите же вы теперь, должен ли я дорожить своим здоровьем и спокойствием? Я уверен, что противно сему могут только судить те, которые имеют состояние слишком достаточное, или те, которым во всяком случае покровительствует фортуна, или те, которые не умеют или не хотят размыслить».

Это письмо, характеризующее взаимоотношения В. А. Гоголя с Трощинским, является, вместе с тем, еще одним доказательством того, что жизнь его, полную забот и хлопот, с разносторонними хозяйственными и литературными интересами, никак нельзя назвать «старосветской», «безмятежной», «уютным царством довольства и покоя».

Что же касается Николая Васильевича Гоголя, то он, так же как и его отец, предпочитал скромные трудовые будни Васильевки кибинской роскоши. И если вначале подросток Гоголь восторженно относился к Д. П. Трощинскому, называл его «почетным гостем»² и чуть ли не

¹ «Гоголнана» № 8800.

² Письмо Гоголя к матери от 15 октября 1826 г.

«великим человеком»¹, то постепенно в юноше растёт критическое отношение к вельможе и его окружению.

13 сентября 1827 г. восемнадцатилетний Гоголь писал из Нежина своему дяде Петру Петровичу Косяровскому: «В часы и тоски и радости буду вспоминать то время, когда мы вместе составляли дружное семейство, как работали в саду, трудились и, наконец, собирались к домашнему незатейливому обеду гораздо веселее и с большим аппетитом, нежели в Кибинцах к тамошнему — разнблюдному и огромному».

* *
*

По соседству с имением Гоголей Васильевкой было расположено с. Обуховка, родовое поместье семьи Капнистов, главой которой был Василий Васильевич Капнист (1753—1823) — известный поэт и драматург XVIII в., автор «Оды на рабство» и знаменитой обличительной комедии «Ябеда».

Узами дружбы и родства Капнисты были связаны с декабристами братьями М. И. и С. И. Муравьевыми-Апостолами. Сын В. В. Капниста Алексей Васильевич был членом «Союза благоденствия». Капнисты были хорошо знакомы с известными декабристами Бестужевым-Рюминым, Н. И. Лорером и полковником Пестелем, которые бывали у Капнистов в Обуховке. Между Гоголями и Капнистами установились длительные дружеские отношения. В. А. и М. И. Гоголь часто встречались с Капнистами в Кибинцах, бывали у них в Обуховке, а Капнисты посещали Васильевку².

Дружеское общение родителей Гоголя с семьей Капнистов, несомненно, способствовало формированию прогрессивных идеалов юного Гоголя. Вместе с родителями он еще в детские годы бывал в Обуховке у Капнистов. Интересно отметить, что еще в раннем возрасте будущий гениальный творец «Ревизора» был хорошо знаком с творчеством своего предшественника в обличительном жанре и в частности с его известной комедией «Ябеда». И не-

---

¹ Письмо Гоголя к матери от 10 сентября 1826 г.

² См. «Из воспоминаний матери Гоголя», «Современник», 1913, кн. IV, стр. 249—250.

сомненно, что обличительные тенденции «Ябеды» оказали влияние на будущего создателя «Ревизора».

Юный Гоголь любил и ценил В. В. Капниста. И когда 28 октября 1823 г. Капнист внезапно скончался в Кибинцах и был похоронен в воспетой им Обуховке, а родители Гоголя не известили об этом своего сына, пятнадцатилетний Николай Гоголь в письме из Нежина (от 22 января 1824 г.) упрекал родителей: «К величайшему моему сожалению узнал я о смерти Василия Васильевича Капниста. Но вы об этом ничего не сказали. Как будто бы еще о сию пору я ребенок».

В отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР хранится литературный архив В. В. Капниста, в том числе автографы его комедии «Ябеда». В коллекции «Гоголиана» находятся письма Капнистов родителям Гоголя, которые свидетельствуют о дружбе между Капнистами и Гоголями.

Три письма В. В. Капниста В. А. Гоголю, помеченные 1815 г., написаны характерным стилем того времени. Письма посвящены обсуждению совместной деятельности В. В. Капниста и В. А. Гоголя по упорядочению кибинских архивов Д. П. Трощинского. Тон писем — дружески деловой.

«Милостивый государь мой Василий Афанасьевич, — писал Капнист из Обуховки 10 апреля 1815 г., — сожалею душевно, что Алексей Федорович¹, зная по письму моему, две недели уже тому писанному, что я хотел с вами тогда видеться, чтоб поехавши в Кибинцы сделать опись всем делам и сдать их Алексею Федоровичу, о сем вас не уведомил — тем самым заставил вас подвергнуть драгоценное здравие переездом от вашего хутора до Барановки. Я не премину ему сделать за это дружеское внушение, что стал подвергать опасности изнемогающее здравие ваше есть сущее бесчеловечие — и за него прошу у вас. Впрочем, на страстной неделе, одно нам с вами грешным людям дело остается, скинуть торбу с старыми грехами, чтоб было куда класть новые. — И так конгресс наш должно отложить до второй недели после праздника, если время будет не несносное.

Затем прося вас простить мне пригрешение мое, равно

---

¹ Алексей Федорович Данилевский — миргородский поветовый маршал (предводитель дворянства).

как и милостивую государыню мою Марию Ивановну: ибо и я наконец намерен каяться, пребываю с истинным почтением и преданностью

Милостивый государь мой, вашим покорнейшим
слугою *Василий Капнист*»¹.

В таком же тоне написаны и другие два письма В. В. Капниста Василию Афанасьевичу. В одном из них (от 10 февраля 1815 г.) Капнист приглашает привезти в Обуховку малолетнюю сестру Н. В. Гоголя Катеньку: «Дорога теперь и погода хороша: чтобы стоило Марье Ивановне привезти ее к нам... она бы скорее здесь оправилась от болезни»². В другом письме, от 1 мая 1815 г., В. В. Капнист дает В. А. Гоголю дружеский совет, как лучше упорядочить дела Д. П. Троицкого.

О дружбе родителей Гоголя с семьей Капниста свидетельствует также черновик письма Василия Афанасьевича, адресованный (повидимому, в начале января 1817 г.) А. А. Троицкому; в котором извещал Троицкого о том, что он «накануне нового года поехал с М[арией] И[вановной] в Обуховку, а по пути заехал в Сорочинцы к Ми[хаилу] Ми[хайловичу]»³. Откуда, выехавши уже поздно, сбились с дороги обуховской и насилу могли добиться до Олиферовых, где ночью так угорели, что на самый новый год целый день лежали почти мертвые в постеле и на другой уже день, немного очнувшись, прибыли в Обуховку, куда в самое время нашего приезда привезли из Петербурга больного Владимира Васильевича в самом ужаснейшем состоянии. Он не владеет ни руками, ни ногами и едва только с трудом может выговаривать по несколько слов — после этого можете себе представить, как нам было весело, и мы по усиленнейшим прозьбам Вас[илия] Вас[ильевича] и детей его должны были прожить там до 4-го числа — вот причины, удержавшие писать к вам в самом начале нового году»⁴.

В неизменной дружбе и любви заверяет «любезнейшего друга Василия Афанасьевича» сын В. В. Капниста Иван Васильевич (1795—1860), будущий смоленский и московский губернатор, который в молодости придержи-

¹ «Гоголиана» № 267.

² Там же № 8869.

³ М. М. Трахимовский.

⁴ «Гоголиана» б/н.

Василий Васильевич Капнист.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

ва́лся уме́ренно прогрессивных взглядов¹. Уезжая в февралю 1816 г. из Обуховки в Петербург, И. В. Капнист писал В. А. Гоголю: «...сделайте милость, пишите ко мне почаще в Петербург, не забывайте меня. Надеюсь, что Вы меня довольно знаете, чтобы могли подумать, что я могу когда-нибудь перемениться. Нет, я всегда буду стараться, чтобы Вы меня любили попрежнему»².

Писем Алексея Васильевича Капниста (1796—1867) — декабриста, члена «Союза благоденствия», в семейном архиве Гоголей не обнаружено. Однако из письма Н. В. Гоголя к матери из Петербурга, от 27 апреля 1832 г., можно сделать заключение, что и с ним Гоголи были в дружеских отношениях. Н. В. Гоголь встречался с А. В. Капнистом в Петербурге и через него передал матери названное выше письмо. «Это письмо я отправляю вам не по почте, но его получите вы от нашего доброго соседа Алексея Васильевича» (Капниста. — Д. И.), — писал Гоголь.

Особенно дружна была семья Гоголей с дочерью В. В. Капниста Софьей Васильевной Капнист, в замужестве Скалон (1797—1887), автором интересных воспоминаний о декабристах: братьях Муравьевых-Апостолах, Бестужеве-Рюмине, ее родном брате А. В. Капнисте, друге детских лет — декабристе Николае Ивановиче Лорере и других.

Дружба между Софьей Васильевной Капнист и Марией Ивановной Гоголь, матерью писателя, возникшая в молодости, продолжалась до глубокой старости, о чем свидетельствуют многочисленные письма, хранящиеся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР.

С. В. Капнист оставила интересные воспоминания о Н. В. Гоголе, которого она знала еще в детские и юношеские годы, а затем встречала в пору зрелого творчества. «Николая Васильевича Гоголя... я знала мальчиком всегда серьезным и до того задумчивым, что это чрезвычайно беспокоило его мать, с которой мы всегда были очень дружны. Помню его и молодым человеком, только что вышедшим из Нежинского лицея. Он также был серьезен,

¹ Декабристы предлагали в случае удачи своего дела назначить И. В. Капниста членом временного правления (см. «Воспоминания С. В. Скалон», сестры И. В. Капниста, «Исторический вестник», 1891, июнь, стр. 621, а также справку в сб. «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. I, М.—Л. 1936, стр. 144).

² «Гоголлана» № 8825.

но только с более наблюдательным взглядом». «Уезжая в Петербург и прощаясь со мной, — вспоминала далее С. В. Капнист, — он удивил меня следующими словами: «Прощайте, София Васильевна! Вы, конечно, или ничего обо мне не услышите, или услышите что-нибудь весьма хорошее»¹.

«Эта самоуверенность нас удивила, в то время как мы ничего особенно в нем не видели, — заключала С. В. Капнист, — но, вероятно, у него было какое-то тайное предчувствие, что имя его не останется в неизвестности. Незадолго до смерти я напомнила ему его слова, он ничего не сказал мне на это, но на глазах его показались слезы»².

Воспоминания С. В. Капнист правдивы. Еще в юношеские годы в Гоголе созрела уверенность, что он совершит подвиг для блага своей родины и человечества. Это видно из его нежинских писем и раннего творчества, о чем мы будем говорить дальше.

С чувством глубокого уважения до конца своих дней относился Гоголь к Софье Васильевне Капнист, ценя в ней друга своей матери, умную и передовую женщину.

С. В. Капнист следила за развивающимся творчеством Гоголя и в письмах к его матери с восхищением отзывалась о его произведениях. Она была потрясена преждевременной смертью великого писателя. В материалах «Гоголианы» хранится письмо брата Софьи Васильевны, упомянутого нами выше, Ивана Васильевича Капниста. Из этого письма видно, с какой предосторожностью извещал он сестру о кончине Гоголя в Москве: «Любезный друг и брат Василий Антонович, — писал И. В. Капнист мужу Софьи Васильевны В. А. Скалону, — прилагаемое при сем письмо к сестре Софии я адресую на твое имя, с тем чтобы ты осторожно предупредил ее о смерти всеми нами любимого Гоголя. Твой брат и друг И. Капнист»³.

Таким образом, можно считать установленным, что между семьями Гоголей и Капнистов существовали долгие дружеские отношения. Общение родителей Гоголя с передовой и высококультурной семьей Капнистов, несомненно, способствовало формированию прогрессивных тенденций в мировоззрении Н. В. Гоголя.

¹ «Исторический вестник», 1891, май, стр. 363.

² Там же.

³ «Гоголиана» № 269.

ТВОРЧЕСТВО ГОГОЛЯ-ОТЦА

Помимо разносторонней хозяйственной деятельности Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский занимался литературным творчеством. Он был, как известно, автором двух комедий из украинского народного быта: «Собака-вівця» и «Простак, або хитрощі жінки, перехитрені москалем»¹.

Биографы Н. В. Гоголя (Н. И. Петров и др.) утверждают, что отец Гоголя писал комедии по заказу Д. П. Трощинского.

Это утверждение соответствует действительности. С. В. Скалон-Капнист вспоминала: «...так как старик очень любил малороссийские пьесы, то их сочинял и устраивал обыкновенно родственник племянника его (А. А. Трощинского. — Д. И.), Гоголь, отец известного Николая Васильевича Гоголя»².

«Благодетель» Д. П. Трощинский пользовался огромным почетом, и в роли его развлекателя выступал не только Василий Афанасьевич, но и люди более социально независимые. Сам Василий Васильевич Капнист, известный писатель, сочинял для него комедии и принимал личное участие в исполнении одной из них («Филимон и Бавкида»).

Историк и этнограф Я. Маркович посвятил Д. П. Трощинскому «Записки Малороссии», ему же посвящен первый сборник «Старинных малороссийских песен», Н. Цертелева, 1819 г.

В своих воспоминаниях Мария Ивановна Гоголь писала:

«В оранжерее представляемы были, между прочим, Филимона и Бавкиду — В. В. со старшей своей дочерью Катериной Васильевной. И когда спадывала с них изорванная одежда, то они в новом своем виде подходили к Трощинскому с приличными приветствиями в стихах; иногда экспромтом сочиняли комедии и играли в Кибинцах в театре Трощинского, во дворе его выстроенном, в нем играли и дворовые люди довольно хорошо, но больше были благородные актеры, дети В. В., иногда и он сам.

¹ Впервые опубликована в журнале «Основа», 1862, кн. 2.

² «Исторический вестник», 1891, май, стр. 363.

Князь Хилков¹ был большой комик, и жена его играла, и мы все случающиеся там, муж мой и я»².

Было бы, однако, неправильно ограничивать творчество В. А. Гоголя только стремлением развлечь Д. П. Трощинского. Литературные занятия были традиционными в семье Гоголей. В. В. Гиппиус, характеризуя творчество Н. В. Гоголя, замечал: «...эстетическая и прямо литературная наследственность могла быть воспринята Гоголем и с отцовской и с материнской стороны. Пращуром Гоголя... был Василий Танский, «славный стихотворец во вкусе площадном», автор украинских интерлюдий (1763). Дядя Гоголя по матери, Иван Косяровский, был русским поэтом, в 1826 г. он напечатал поэму «Нина», написанную в пушкинском стиле, очень легким стихом»³.

Мария Ивановна Гоголь вспоминала: «...муж мой писал много стихов и комедий в стихах на русском и малороссийском языках, но сын мой все выпросил у меня, надеясь напечатать. Он тогда был очень молод, и верно они сожжены в Италии вместе с его рукописью, не рассмотря, будучи одержим тяжкой болезнью, и у меня не осталось ничего на бумаге, а в памяти остался один куплет...

Одной природой наслаждаюсь,
Ничьим богатством не прельщаюсь,
Доволен я моей судьбой
И вот девиз любимый мой»⁴.

Доказательством того, что память не изменила М. И. Гоголь и четверостишие действительно написано Василием Афанасьевичем, может служить отрывок из черновика письма Василия Афанасьевича, в котором выражена та же мысль, что и в его стихотворении.

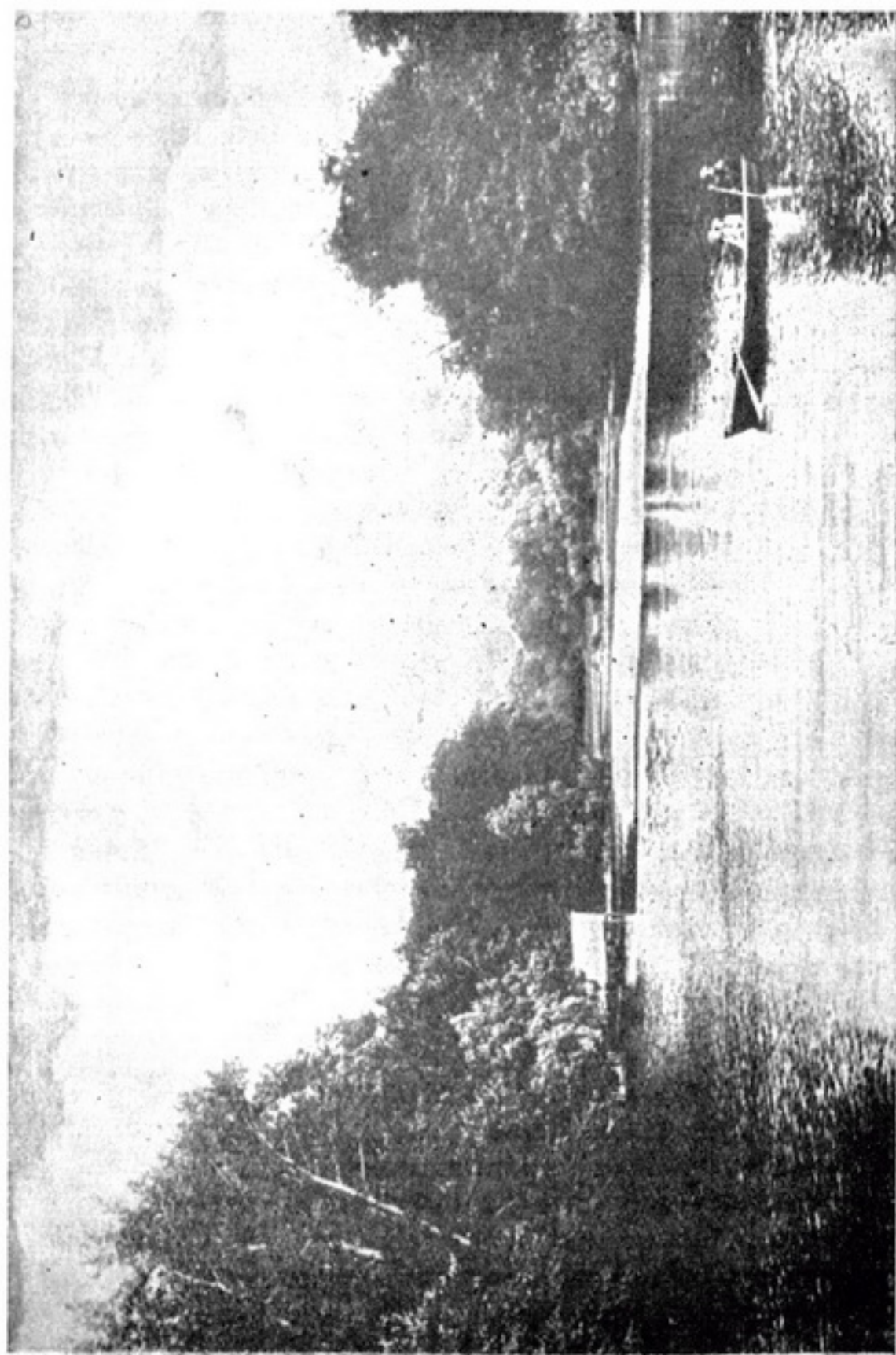
Священник соседнего с Васильевкой села написал, по видимому на имя Трощинского, донос, в котором он поносил В. А. Гоголя за то, что в церкви с. Васильевки была обвенчана прихожанка священника, из-за чего он якобы лишился дохода. Вероятно, Василию Афанасьевичу дали прочитать это письмо, и он отвечал на него разгневанному служителю церкви: «Письмо ваше от 13-го фев-

¹ Князь Хилков был мужем приемной дочери Д. П. Трощинского.

² «Современник», 1913, кн. 4, стр. 250.

³ Василий Гиппиус, Гоголь, Л. 1924, стр. 10.

⁴ «Современник», 1913, кн. 4, стр. 251.

Яновщина. Пруд в усадьбе Гоголей.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

раля я имел несчастье видеть. Оно по своим язвительным выражениям не заслуживало бы того, чтобы отвечать». Возмущенный содержанием письма Василий Афанасьевич указывал, что письмо является свидетельством того, «до какой степени простирается корыстолюбие носящих священный образ»¹.

Видимо, священнослужитель обвинял В. А. Гоголя в том, что тот «по своей бедности» присвоил чужой доход. И отвечая на это, Василий Афанасьевич уверял, что «за обвенчание прихожанки он не получил ни одной копейки»².

Письмо заканчивалось любопытной тирадой, смысл которой напоминает четверостишие Василия Афанасьевича: «В бедности напрасно вы меня упрекаете, она служит пищею души моей... успокойтесь — я до конца жизни моей останусь бедным»³.

В обширном архиве Гоголей, к сожалению, не сохранилось рукописей произведений Василия Афанасьевича. Видимо, все они были пересланы Марией Ивановной сыну, как указывает она в своих воспоминаниях. Исключением является небольшой отрывок из пьесы, написанный рукой В. А. Гоголя. Отрывок этот помещен на 7 стр. записной тетрадки Василия Афанасьевича, в которой всего 10 стр. белой пожелтевшей бумаги с водяным знаком «1823», содержащей черновика писем Василия Афанасьевича.

Целый ряд поправок, зачеркнутых слов и выражений показывают, что это черновой отрывок стихотворной пьесы самого В. А. Гоголя. Вот текст отрывка, который мы приводим в современной транскрипции, сохраняя авторские поправки:

М о т о в. Но что же делать мне, я, право, сам не знаю:
Без денег трудно жить, — а что я затеваю,
Того уж невозможно исполнить никогда,
Но в прочем бы не худо — да что же за беда!
Продать дедовский дом старинного фасаду,
Но одного при нем фруктового жаль саду.

(Слуга входит).

А вот весьма ты кстати, Урвалушка, пришел.
У р в [а л у ш к а]. Вы что-то так довольны...

¹ «Гоголлана» № 5836, стр. 8.

² Там же.

³ Там же, стр. 10.

Мот[ов]. (да) (я думал) (как денег нам достать)

Послушай я нашел...

Урв[алушка]. Не деньги ли, судир¹. Ах барин мой бесценный.

Мот[ов]. Какой нетерпеливый. Но средство получить.

Урв[алушка]. Но прежних-то у вас осталось, я чаю,

Еще сот пять или шесть рублей.

Мотов. Я примечаю.

А. А. Назаревский, исследовавший этот отрывок, полагал, что «характеристика Мотова, правда, лишь намекающаяся в отрывке его монолога и коротких репликах слуги, с одной стороны, заставляет нас вспоминать о тех реальных мотовых, которые были нередки во второй половине XVIII и начале XIX в., в пору развития денежного хозяйства и связанного с ним кризиса феодально-помещичьих усадебных хозяйств, и с другой стороны, ведет нас к аналогичным персонажам русской комедии того же периода. О давности типа «Мота» в русской литературе говорит пьеса Лукина «Мот, любовью исправленный» (1765)»².

Одним из таких мотовых был Дмитрий Андреевич Трощинский, сын А. А. Трощинского, унаследовавший огромное состояние, промотавший его и в 1862 г. посаженный в долговую тюрьму, о чем в письме из Петербурга извещала С. В. Капнист М. И. Гоголь.

П. Е. Щеголев в 1902 г. обнаружил в семейном архиве Гоголей не дошедшую до нас записную книжку Василия Афанасьевича, на последней странице которой записаны два стихотворных отрывка. Содержание первого из них близко примыкает к процитированному выше отрывку из стихотворной пьесы В. А. Гоголя:

О! Я, сударь, из столбовых дворян:

На бранном поприще искал мой предок славы,

А я мух колотил в деревне для забавы;

Мой предок для того без сна в трудах потел,

Чтоб после правнучек попил, поспал, поел.

Второе стихотворение имеет название «Купец»:

За доброе подчас ты продаешь гнилое,

Не более берешь, как впятеро иль втрое,

Аршин и ножницы, весы, рука и взор,

Зуб каждый у купца и даже лавка — вор.

¹ А. А. Назаревский, впервые опубликовавший отрывок из пьесы В. А. Гоголя, неправильно прочитал слово «судир», то-есть «сударь», и воспроизвел его как [с]судить (см. сб. «Н. В. Гоголь, Материалы и исследования», М. — Л. 1936, стр. 324).

² Там же, стр. 325.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

Все три отрывка свидетельствуют о демократических взглядах Василия Афанасьевича, а также о том, что его жизненными правилами были честность, трудолюбие и бережливость.

* *
*

Один из виднейших советских исследователей творчества Гоголя покойный проф. В. В. Гиппиус (умер в 1942 г.) в своей работе, написанной незадолго до смерти, так характеризовал литературную деятельность Гоголя-отца: «Василий Афанасьевич не только имел репутацию знатока и ценителя литературы, но и сам был даровитым писателем... украинская комедия его «Простак, або хитрощі жінки, перехитрені москалем» достойна самого серьезного внимания (к сожалению, другая украинская комедия его «Собака-вівця» утрачена, известен только сюжет ее и то вкратце)»¹.

Действующие лица комедии «Простак»: простодушный и ленивый старый казак Роман, его жена Параска, «молода и хитра», любовник Параски дьяк Хома Григорьевич, «Москаль з перехожого війська», то есть солдат переходящей команды, и «Соцкій — кум Параски».

Сюжет комедии прост. Параска посылает простодушного Романа на охоту, уговорив его, что можно поросенком поймать зайца. Пользуясь отсутствием Романа, к Параске приходит дьяк — Хома Григорьевич, которого Параска прячет под лавку при появлении сотского и солдата.

После неудачной охоты рассерженный и голодный Роман возвращается домой с намерением «залить жене за шкуру сало». Параска в отчаянии. Ее выручает солдат. Раздев дьяка, вымазав его сажей, он выдает его за чорта и изгоняет из хаты. Солдат забирает одежду дьяка и вместе с Романом съедает ужин, приготовленный Параской для своего любовника.

Сопоставляя комедию В. А. Гоголя с близкой по сюжету популярной комедией И. Котляревского «Москаль-чарівник», В. В. Гиппиус указывал, что «Гоголь-отец на основе того же сюжета (что и Котляревский. — Д. И.) написал комедию, в которой... нравоучение полностью снято

---

¹ В. В. Гиппиус, Вечера на хуторе близ Диканьки Гоголя, Труды Отдела новой русской литературы, 1948, т. I, стр. 21.

и комическое действие движется по сказочным или фарсовым путям насмешек над незадачливым простаком и сочувствия к умной и ловкой, хотя и ничуть не добросовестной героине»¹.

Справедливо отметив, что комедия В. А. Гоголя «заслуживает самого серьезного внимания», В. В. Гиппиус не ставил перед собой задачу проанализировать ее. А между тем, при наличии в комедии сказочных и фарсовых мотивов, ее значение достаточно широко.

Подчеркнем прежде всего демократизм и народность комедии Гоголя-отца. Автору удалось передать в произведении не только строй народной речи, но и некоторые черты народной психологии. Больше того, в комедии вполне отчетливо звучат социальные мотивы. В противовес карамзинской сентиментально-романтической литературе того времени, которая приукрашивала жизнь народа, затушевывала социальные противоречия, В. А. Гоголь хотя и неполно, но правдиво показал тяжелое положение крепостного крестьянства.

Вот примечательный диалог между солдатом, Параской и Романом²:

С о л д а т (к Параске). Что же, хозяйюшка, давай теперь чего покушать.

П а р а с к а. Що ж тобі дати? Он шматок гречаника їж, коли вкусиш.

С о л д а т. Нет ли чего повкуснее? Небось, старика накормила.

Р о м а н. Ні, москалю! Сучий син, коли и рїска³ була в роті, а їсти хочеться так, що аж кишка корчить, да дас біг чого. Оце вона, спасибі їй, дала шматок гречаника⁴, дак не вкушу: не тобі кажучи, зубів уже лиха-мати-має.

С о л д а т (про себе). Бедный мужичок! (к Параске) Так у вас и хлеба нет?

П а р а с к а. А де ж его взяти? Тепер у нас неврожай. Заробила була трохи, да й той старий попродав.

С о л д а т. Как можно продать последний хлеб? Это худо.

Р о м а н. А що ж маєш робити? де ж би я грошей узяв на подушне⁵? Заробить нездужаю: нивки⁶ і ліски уж давно распродал; скот ніпочому; тільки що послідній хліб продати, щоб прокляті

¹ В. В. Гиппиус, Вечера на хуторе близ Диканьки Гоголя, Труды Отдела новой русской литературы, 1948, т. I, стр. 32.

² Цитируем всюду по первому изданию комедии. «Основа», 1862, кн. 2.

³ Рїска — крошка.

⁴ Гречаник — род хлеба из гречневой муки.

⁵ Подушне — подушная пода

⁶ Нивка — вспаханное поле.

сіпаки¹ не обливали на морозі холодною водою. Добро було колись, що продав бузівка² та й расплатився; а тепер и корову с телям продаси, — то тільки хіба за половину заплатиш, бо тепер та корова, що треба було рублів сорок заплатити, більш не дадуть ялишники³, як рублів десять. О таке тепер на світі настало! де ж нам гроші брати?

С о л д а т. Да как же ты живешь?

Р о м а н. Отак, мосьпане: що як запряде стара шматок хліба, то й ім; а тепер покинув голова засідательськи мітки⁴ прясти, то більше того, що нахлинусь борщу, да голодний і спать ляжу.

С о л д а т. Да, худо старик.

Как видим, В. А. Гоголь реалистически изобразил, как трудно живется крестьянину. Для того чтобы уплатить подушную подать, крестьянин вынужден был продавать последний хлеб и жить впроголодь, лишь бы его не истязали «прокляті сіпаки», то есть свирепые и придирчивые начальники. Крестьянина эксплуатировал не только помещик, но и всякого рода уездные и волостные чиновники. В данном случае голова заставил Параску бесплатно прясть заседательскую пряжу. В. А. Гоголь показал все это в своей комедии.

Процитированный выше отрывок из комедии Гоголя-отца звучит вовсе не комедийно, а трагично. Видимо, В. А. Гоголь сознательно ввел этот диалог в текст комедии. Устами простака Романа и Параски он сочувственно рассказал о тяжелой крестьянской судьбе. И это, безусловно, свидетельствует о прогрессивных взглядах Василия Афанасьевича, хотя сам он в своей помещичьей практике не заменил «ярем барщины старинной оброком легким».

Несомненны художественные достоинства комедии Гоголя-отца. Вся она пронизана мудрым народным юмором. Вот, например, диалог между Параской и Романом. Параска, которая хочет поскорей выпроводить Романа из дому, говорит ему:

— Біда мені с тобою! На хоть поворозку, да й обувайся хутче, бо не рано.

Р о м а н. О, яка ж бо ти швидка дуже!... Адже бачиш, як постодли поссихались! Насилу нацупив.

П а р а с к а. Чому ж ти не вимадав?

¹ Здесь — сборщики подушной подати.

² Бузівок — годовалый теленок.

³ Ялишник — скупщик скота.

⁴ Мітки — мера ниток.

Роман (вдруг опускает руки). Не вимазав! А як би вимазала сама? Не велика еси пані!

Параска (перерываєть речь его), Годі ж тобі! Не возом тебе зачепила.

Роман. То-то, бачиш: (Встает.)

Параска (подавая сіряк). Ну, на, надівай сіряк.

Роман. Стривай!

Параска. Уже що проворний, то проворний. Тебе б тільки за смертю посилати.

Роман. Чи нема, Парасю, поснідати?

Параска. Ище й снідати. Я кажу, що ти поки збересся, то й смеркне (даєть кусок сухого хлеба). На шматок хліба. Як піймаєш зайця, то в полі й поснідаєш.

Роман (прячет хлеб за пазуху). От тепер зовсім козак! Тільки закурити люльку, да хоч и у Крим.

Параска (про себе). Уже козак, то козак! Годився б у коноплі на опудало. (Подчеркнуто везде нами. — Д. И.)

Как видим, комедия Гоголя-отца насыщена образными народными поговорками. В ее текст, так же как и в комическую оперу И. Котляревского, введены популярные народные песни, как например: «В'яне вишня, посихає, що росте під дубом»; «У полі могила з вітром говорила»; «Ой був та нема, та поїхав до млина» и др.

Близость комедии В. А. Гоголя к опере И. П. Котляревского и по своему сюжету давала историкам литературы основание предположить влияние одного автора на другого. Но если было известно, что «Москаль-чарівник» впервые был поставлен в Полтаве в 1819 г., то оставался неясным вопрос, когда же написал свою комедию В. А. Гоголь — раньше или позже этого времени (она была опубликована в журнале «Основа» только в 1862 г.).

Один из историков новой украинской литературы проф. Н. И. Петров утверждал, что «Простак» и другая комедия — «Собака-вівця» были написаны В. А. Гоголем между 1822 и 1825 гг. Аргументация Н. И. Петрова такова: Василий Афанасьевич писал свои комедии для «известного Дмитрия Прокофьевича Трощинского», который «поселился в Кишинях с 1822 года». Умер В. А. Гоголь в начале 1825 г., «следовательно, его комедии, назначавшиеся для домашнего театра Трощинского, написаны были между 1822 и 1825 годами»¹.

¹ Н. И. Петров, Очерки истории украинской литературы XIX столетия, Киев 1884, стр. 78.

Обложка третьего издания комедии В. А. Гоголя «Простак».

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

Н. И. Петров располагал неточными сведениями, которые он почерпнул у Кулиша. Гоголь-отец действительно написал и поставил свои комедии в тот период, когда Д. П. Трощинский жил в Кибинцах. Как мы уже отмечали, Д. П. Трощинский поселился в Кибинцах впервые в 1806 г. и прожил там до июня 1814 г. В этом же году он был вызван в Петербург и назначен министром юстиции.

Из многочисленных писем А. А. Трощинского к Василию Афанасьевичу видно, что Гоголь-отец еще в 1812 г. исполнял обязанности секретаря Д. П. Трощинского, избранного в это время полтавским губернским предводителем дворянства, и был доверенным лицом по управлению украинскими экономиями вельможи. Так, например, в письме из Киева от 24 декабря 1812 г. А. А. Трощинский благодарил Василия Афанасьевича за его хозяйственные хлопоты.

Из концовки письма видно, что Василий Афанасьевич жил в это время в доме Д. П. Трощинского. «О здешних новостях я к вам не пишу для того, что по случаю пребывания вашего в доме Дмитрия Прокофьевича вы достаточное обычных можете иметь сведений,— писал А. А. Трощинский,— о ваших же новизнах не оставляйте меня извещать»¹.

«Дом Трощинских,— как отмечал проф. В. В. Гиппиус,— считался центром украинского культурного движения»². Д. П. Трощинский был меценатом. Он любил театральные представления, музыку, народные песни. И это отвечало настроением Василия Афанасьевича. Театр был его страстью, которую он передал своему сыну. С увлечением принялся Василий Афанасьевич за организацию в Кибинцах театра и успешно осуществил это не в 1822 г., как утверждал Н. И. Петров, а еще в 1813 г., доказательством чего может служить письмо А. А. Трощинского к В. А. Гоголю от 12 апреля 1813 г.: «Весьма также вас похваляю,— писал А. А. Трощинский,— за доставленное вами благодетелю нашему семейное удовольствие в принятии на себя обязанностей по театральным представлениям, кои в согласном семейственном быту,

¹ «Гоголиана» № 8743.

² В. В. Гиппиус, Вечера на хуторе близ Диканьки Гоголя; Труды Отдела новой русской литературы, 1948, т. I, стр. 24.

наипаче для стариков, в большом свете живших, доставляет забавное времяпровождение»¹.

Свидетельством того, что уже в этот период в Кишинцах в присутствии многочисленных гостей разыгрывались веселые театральные сцены, является и письмо некоего Андрея Стеблина-Каменского, писавшего 27 мая 1813 г. из Полтавы Василию Афанасьевичу следующие строки: «Кишинские веселости вскружили мне голову... Они оставили большое влияние на мои чувства и, так сказать, непочатую меланхолию на сердце»².

И еще в ноябре 1812 г. какой-то любитель пения, подпись которого неразборчива, писал Василию Афанасьевичу: «Вам, как охотнику петь и имеющему часто приятнейший случай аккомпанировать в песнях дамам, посылаю песенку. Если захотите доложить об ней княгине³ и если угодно будет выдчитать [sic!] сей песни голос, то доложите мою покорнейшую просьбу, чтоб он был чисто русской без смеси с итальянским»⁴.

Как видим, еще в 1812 и 1813 гг. в Кишинцах был домашний театр, душою которого был Гоголь-отец. Вполне допустимо поэтому предположить, что свои комедии «Простак» и «Собака-вівця» Василий Афанасьевич написал и поставил в Кишинцах именно в этот период.

Театральные представления возобновились в Кишинцах после вторичного переселения в 1822 г. туда из Петербурга Д. П. Трошинского, о чем свидетельствует одно из писем А. А. Трошинского к родителям Гоголя. Вот выдержка из него: «Сейчас отправляю через Ярески за покупками в Полтаву, а ежели Василий Афанасьевич там будет, то прошу его не позабыть о нужных распоряжениях для приёма и доставки сюда театральных декораций, кои должно будет не позднее 8-го нынешнего месяца

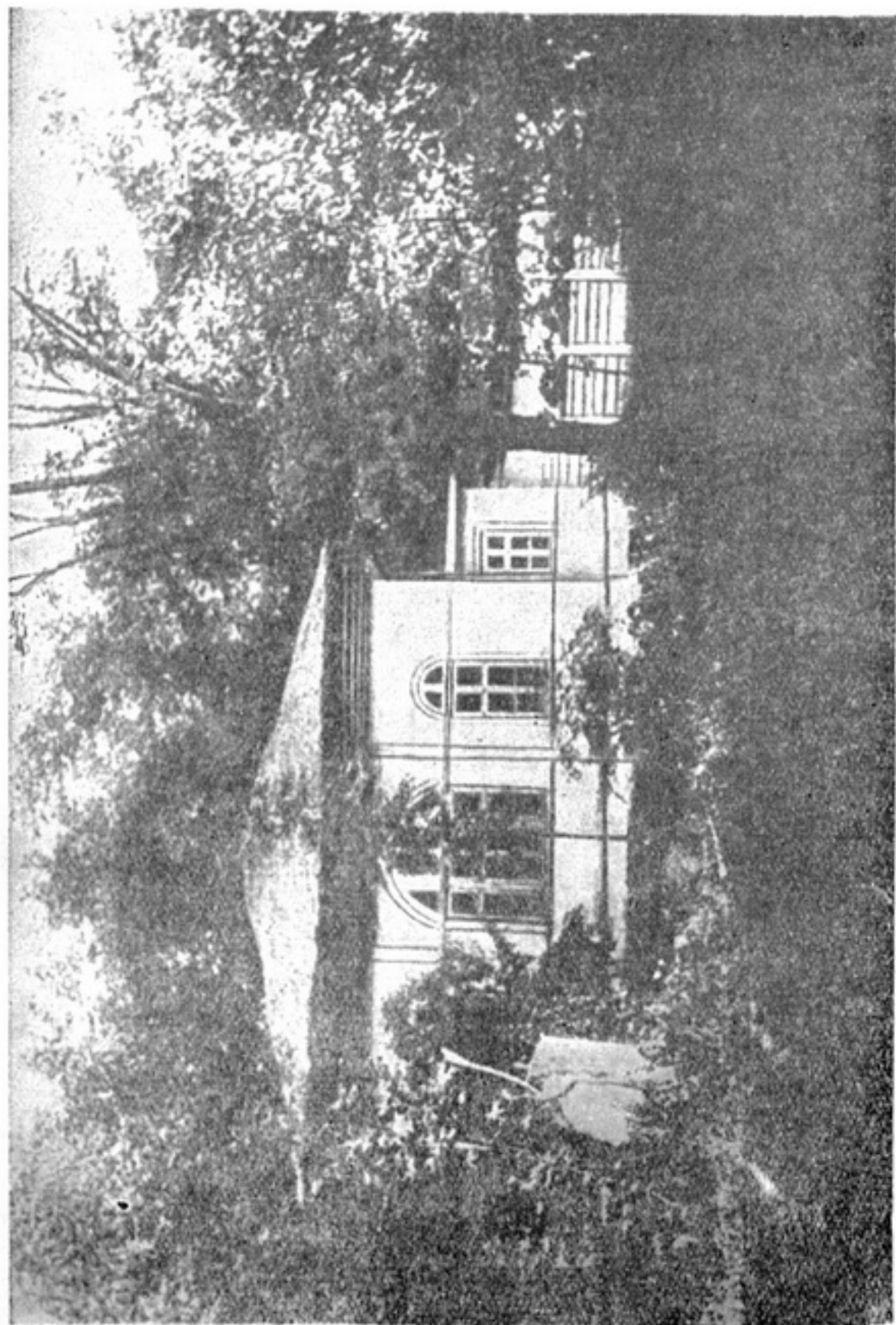
---

¹ В отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР хранятся многочисленные письма А. А. Трошинского (с 1805 по 1852 г.) к В. А. Гоголю, а после его смерти к М. И. Гоголю. Но этого письма, отрывок из которого впервые опубликовал П. Е. Щеголев в 1902 г. («Исторический вестник», кн. 2, стр. 328), нет. Повидимому, исследователь не возвратил его в архив.

² «Гоголиана» № 8995.

³ Княгиня Надежда Дмитриевна Хилкова — дочь Д. П. Трошинского, которая участвовала в театральных представлениях.

⁴ «Гоголиана» № 8985.

Домашний театр Д. П. Трошинского.

Державна
публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

перевезти сюда, дабы при моей еще тут бытности можно было распорядиться о починке или переделке оных».

Письмо датировано «5-м мая в 9 часов утра» без указания года. Содержание письма помогает установить время его написания. В письме есть такие строки: «Завтра пошлю коляску и бричку для перевозки сюда из Нежина жены нашего доктора... пошлю туда и вашу посылку к Никоше»¹.

Эта фраза служит ключом для приблизительной датировки письма. «Никоша» Гоголь начал учиться в нежинской Гимназии высших наук в июне 1821 г., а в марте 1825 г. умер его отец Василий Афанасьевич. Следовательно, театральные представления в Кишинцах, для которых привозились из Полтавы декорации, возобновились в мае 1822, 1823 или 1824 г.

Это означает, что не исключена возможность того, что комедии Гоголя-отца были написаны и поставлены в Кишинцах не в 1812 или 1813 г., а в период с 1822 по 1825 г. Однако, если просмотреть переписку Василия Афанасьевича за это трехлетие, станет очевидным, что почти все это время он или болел, или находился в душевном состоянии, не располагающем к юмористическому творчеству.

В феврале 1822 г. А. А. Трошинский приглашал Василия Афанасьевича приехать в Кишинцы для «подробнейшего объяснения Федору Прокофьевичу² о припадках»³. В письме от 18 мая того же года А. А. Трошинский выражал надежду, что Василий Афанасьевич в «болезнях своих не в худшем состоянии против прежнего»⁴, в письме от 7 ноября упрекал его в «ипохондрической забывчивости»⁵, а в письме от 13 ноября 1822 г. давал Василию Афанасьевичу целую серию врачебных советов, приглашая его приехать «со всем лазаретом»⁶ в Кишинцы.

Состояние здоровья Василия Афанасьевича и в следующих 1823 и 1824 гг. не улучшилось. Об этом свидетельствует, например, черновик его письма к черниговскому

---

¹ «Гоголиана» № 8776.

² Федор Прокофьевич Голованов — доктор в Лубнах.

³ «Гоголиана» № 8775.

⁴ Там же № 8763.

⁵ Там же № 8764.

⁶ Там же № 8765. В 1822 г. кроме Василия Афанасьевича продолжительное время болела его малолетняя дочь Аннинька.

прокурору Егору Ильичу Бажанову, с которым Василий Афанасьевич был в приятельских отношениях¹: «Продолжительная болезнь моя лишила меня удовольствия писать к Вам п[очтенный] Е[гор] И[льич]... в феврале месяце выехал я из Кибинец в свою деревню, где долговременная болезнь моя и советы медиков заставили меня сидеть без всяких занятий... более восьми месяцев — и я лишь 24-го октября приехал в Кибинцы»².

Черновик этого письма Василия Афанасьевича, написанного на синеватой бумаге с водяным знаком 1819 г., не датирован. Упоминание в нем «о пересылке в Нежин бумаг к Никоше» дает основание утверждать, что оно написано в 1823 или 1824 г.³

Но если даже и допустить, что несмотря на весьма продолжительную болезнь и тяжелое душевное состояние в период с 1822 по 1825 г. Василий Афанасьевич нашел в себе творческие силы для написания двух комедий и постановки их в театре в Кибинцах, то и в этом случае нет оснований считать его подражателем Котляревского. Нет сомнения, что В. А. Гоголь был хорошо знаком с «Энеидой» Котляревского. Вполне вероятно, что он видел первые постановки «Наталки Полтавки» и «Москаля-чарівника» в 1819 г. в Полтаве, в которой бывал довольно часто. Однако из этого вовсе не следует, что он заимствовал сюжет «Москаля-чарівника» для своего «Простака».

В. А. Гоголь был признанным знатоком народного творчества и ему был хорошо известен довольно распространенный в народных песнях, рассказах и анекдотах мотив неверности молодых жен старым мужьям. И этот сюжет он использовал для своего «Простака».

Пьеса Гоголя-отца не лишена недостатков. Трудно поверить автору, что Параска смогла убедить старого крестьянина Романа в том, что поросенок может заменить собаку во время охоты на зайца. Но с учетом этих недостатков черты народности и реализма в характере действующих лиц, в их языке, песнях и народном юморе в комедии

¹ По совету Е. И. Бажанова Н. В. Гоголь был отдан в нежинскую гимназию.

² «Гоголиана» № 8921.

³ 13 августа 1821 г. Гоголь писал родителям из Нежина: «...осведомившись, что вы находитесь здоровы». 24 октября 1822 г. Василия Афанасьевича не было в Кибинцах, следовательно, письмо № 8921 написано в 1823 или 1824 г.

выступают не менее отчетливо, чем в «Москалі-чарівнику» Котляревского.

В комической опере Котляревского имеет место некоторая идеализация крестьянского быта. Михайло Чупрун заявляет солдату, что у его жены Татьяны «всього доволі, хіба птичого молока нема»¹, тогда как в «Простак» В. А. Гоголя народная жизнь изображена вполне реалистически.

* *
*

В. А. Гоголь оказал значительное влияние на раннее творчество сына. Особенно отчетливо видно это в «Сорочинской ярмарке» Н. В. Гоголя.

Исследователи творчества Гоголя отмечали, что, не говоря уже о четырех эпиграфах к главам II, VI, VII и X «Сорочинской ярмарки», взятых сыном из двух комедий отца («Собака-вівця», «Простак»), «ситуация: Солопий — Хивря — попович в «Сорочинской ярмарке» в точности соответствовала расстановке персонажей Роман — Параска — дьяк из комедии «Простак», вплоть до характеристики отдельных элементов этого треугольника»².

Отмечалась также несомненная близость главы VI «Сорочинской ярмарки» и явления VI комедии Гоголя-отца «Простак» вплоть до отдельных деталей: «...специфическая речь поповича в «Сорочинской ярмарке», в «Простак» — дьяка, комический переход от угощения к изъяснению любви и, наконец, неожиданное прекращение любовной сцены появлением посторонних и собачьим лаем»³.

Вот пример совпадения отдельных деталей в творчестве отца и сына. В явлении VII «Простака» сотский, обращаясь к Параске, говорит: «Кумо, пошукай там у печі: чи нема соломахи або пампушок, або галушок, або шуликів, або товчеників», а в главе VI «Сорочинской ярмарки» Хивря предлагает поповичу «варенички, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички».

30 апреля 1829 г. Н. В. Гоголь писал матери из Петербурга: «Еще прошу Вас выслать мне две папинькины малороссийские комедии: Овца-собака и Романа с Парас-

¹ І. П. Котляревський, Твори, Київ 1948, стр. 185.

² Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. I, АН СССР, 1940, стр. 519.

³ Там же.

кою. Здесь так занимает всех все малороссийское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну из них поставить на здешний театр».

Поставить комедии отца в каком-либо петербургском театре Гоголю не удалось, но материалы комедии он использовал, создавая «Вечера на хуторе близ Диканьки». И дело, конечно, не в заимствовании гениальным сыном отдельных деталей из творчества отца. Благоприятное влияние Василия Афанасьевича на сына значительно глубже.

Духовное общение юного Гоголя с отцом, несомненно, способствовало созреванию демократических тенденций в мировоззрении сына, а знакомство с произведениями отца оказало благоприятное влияние на развитие в раннем творчестве Н. В. Гоголя демократических и реалистических черт.

РАННЕЕ ДЕТСТВО Н. В. ГОГОЛЯ

О самом раннем периоде жизни Н. В. Гоголя в биографической литературе сведения весьма скудны. Интересно отметить, что на протяжении восьмидесяти лет не была точно установлена дата рождения великого писателя.

Первый биограф Гоголя П. А. Кулиш утверждал, что «по показанию матери поэта, он [Гоголь] родился в 1810 году, 19 марта»¹.

В 1852 г., спустя несколько месяцев после смерти Н. В. Гоголя, в т. XXXV журнала «Современник» были опубликованы «Заметки для биографии Гоголя» В. Гаевского, который, опираясь на свидетельство, полученное из Нежина, утверждал, что Гоголь родился 20 марта 1810 г.

Оригинал документа, на который ссылался В. Гаевский, в настоящее время хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР. Приведем текст его полностью:

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Малороссийской Полтавской Губернии, Миргородского повета, помещика Коллежского Ассессора Василия Афанасьевича сына Гоголь-Яновского, сын Николай родился в 1810 году марта 20-го числа, от законного брака его Василия Гоголь-Яновского, с надворного советника Ивана Косяровского дочерью Марьею; и по священным правилам греко-российской православной церкви, мною тогож марта 22 числа окрещен, при восприемнике военном советнике Михайле

¹ Опыт биографии Н. В. Гоголя, 1854, стр. 40.

Трахимовском, в чем и дано ему Николаю Гоголь-Яновскому от меня сие свидетельство.

Генваря 30-го дня 1821-го года.

Миргородского повета, местечка Сорочинец, Преображенской церкви протоиерей и благочинный

Иоанн Беловольский.

Свидетельство написано на гербовой бумаге с печатью и водяными знаками, и подлинность его неоспорима.

В 1881 г. в Нежине был установлен памятник Н. В. Гоголю. Из архивных материалов комитета по сооружению бюста Гоголю в Нежине видно, что широкие круги литературной общественности и, в том числе, современники Гоголя приняли участие в чествовании памяти великого писателя.

В делах комитета хранятся письма И. С. Тургенева¹, Д. В. Григоровича² и Н. В. Гербеля³, в которых изложены их мнения «о надписях, которые следовало бы вырезать на памятнике Гоголю»⁴. В проекте Н. В. Гербеля сказано, что на левой стороне необходимо высечь надпись о том, что Гоголь «родился в Малороссии 19-го марта 1810 года»⁵.

Эта дата рождения, совпадающая с показанием матери, и высечена на задней стороне памятника Н. В. Гоголю, установленного в нежинском городском сквере в 1881 г. В метрическом же свидетельстве, выданном 30 января 1821 г. тем же Иоанном Беловольским, который крестил Гоголя, сказано, что Гоголь родился 20 марта 1810 г.

Показание матери, метрическое свидетельство и надпись на памятнике не соответствовали действительности. Гоголь родился 20 марта 1809 г., что впервые документально доказал А. И. Ксензенко, опубликовавший в 1888 г. в журнале «Русская старина» выпись из метрической книги Спасо-Преображенской церкви м. Сорочинцы, Миргородского уезда, Полтавской губ.

В метрической книге этой церкви за март 1809 г. под № 25 записано следующее:

«Марта 20-го у помещика Василия Яновского родился сын Николай и окрещен 22-го. Молитвовал и крестил Священно-наместник

¹ «Гоголиана» № 1342.

² Там же № 1343.

³ Там же № 1344.

⁴ Из письма И. С. Тургенева, «Гоголиана» № 1343.

⁵ «Гоголиана» № 1345.

Иоани Беловольский. Восприемником был господин полковник Михаил Трахимовский»¹.

В 1908 г. В. Истрин опубликовал фотокопии двух листов из метрической книги Преображенской церкви², которые документально подтвердили факт рождения Н. В. Гоголя 20 марта 1809 г.

В воспоминаниях Г. П. Данилевского записано со слов матери Гоголя, что «новорожденный Николай был необыкновенно слаб и худ. Долго опасались за его жизнь. Через шесть недель он был перевезен в родную Васильевку»³.

В июне 1814 г. пятилетнему «Николаю Гоголю-Яновскому была привита предохранительная коровья оспа, которая на Гоголе-Яновском... хорошо принялась и благополучно кончилась»⁴.

Сведения о слабости и болезненности мальчика Никоши находят подтверждение в одном из писем к В. А. Гоголю. В июле 1815 г. А. А. Трошинский приглашал в Киев Василия Афанасьевича с Марией Ивановной и Никошею и Катенькой, причем Трошинский извещал В. А. Гоголя, что он «трактовал с Наталицким (повидимому, врачом. — Д. И.) о слабом здоровье Марьи Ивановны и о золотушных припадках Никоши»⁵.

В записках Г. П. Данилевского, почти единственном мемуарном источнике о раннем детстве Гоголя, есть сведения о том, что «трех лет от роду он уже сносно разбирал и писал слова мелом, запомнив алфавит по рисованным, игрушечным буквам»⁶. Эти сведения, по мнению биографов Гоголя, неправдоподобны. Вызывает сомнение и следующая любопытная запись Данилевского:

«Пяти лет от роду Гоголь, по словам его матери, вздумал писать стихи. Никто не понимал, какого рода стихи он писал. Известный литератор В. В. Капнист, захав однажды к отцу Гоголя, застал его пятилетнего сына за пером. Малютка Гоголь сидел у стола, глубокомысленно

¹ «Русская старина», 1888, октябрь, стр. 392.

² В. Истрин, День рождения Гоголя, Известия отд. русск. яз. и словесн. Российск. акад. наук., 1908, т. XII, кн. 4, стр. 17—22.

³ Г. П. Данилевский, Собр. соч., т. XIV, СПб. 1901, стр. 119.

⁴ «Гоголиана» № 1355.

⁵ Там же № 8747.

⁶ Г. П. Данилевский, Собр. соч., т. XIV, СПб. 1901, стр. 119.

№	Кто родился	В каком крестном	Кто воспитан
1	<p>1809^е Январь</p> <p>Антонина Сергеевна, у которой Родилась Анна Матвеевна Родилась годъ шестой</p>		<p>Крестные Дядя Тетка</p>
	<p>Молитвословъ и крестный Калитаевъ Иванъ Павловичъ</p>		
	<p>Мартъ.</p>		
20	<p>7 Матвеева Сергеевна, у которой Родилась Анна Матвеевна Родилась годъ седьмой и крестный Молитвословъ и крестный Свѣтлицына Климъ Ивановичъ</p>	8	<p>Крестные Дядя Тетка</p>
21	<p>8 Матвеева Сергеевна, у которой Родилась Анна Матвеевна Родилась годъ седьмой и крестный Молитвословъ и крестный Свѣтлицына Климъ Ивановичъ</p>	9	<p>Крестные Дядя Тетка</p>
22	<p>12 Матвеева Сергеевна, у которой Родилась Анна Матвеевна Родилась годъ седьмой и крестный Молитвословъ и крестный Свѣтлицына Климъ Ивановичъ</p>	12	<p>Крестные Дядя Тетка</p>
23	<p>19 Матвеева Сергеевна, у которой Родилась Анна Матвеевна Родилась годъ седьмой и крестный Молитвословъ и крестный Свѣтлицына Климъ Ивановичъ</p>	13	<p>Крестные Дядя Тетка</p>
24	<p>17 Матвеева Сергеевна, у которой Родилась Анна Матвеевна Родилась годъ седьмой и крестный Молитвословъ и крестный Свѣтлицына Климъ Ивановичъ</p>	18	<p>Крестные Дядя Тетка</p>
25	<p>20 У помещицы Василии Александровны Родилась Анна Матвеевна Родилась годъ седьмой и крестный Молитвословъ и крестный Свѣтлицына Климъ Ивановичъ</p>	22	<p>Крестные Дядя Тетка</p>

Выписка из метрической книги Спасо-Преображенской церкви м. Сорочинцы о рождении Н. В. Гоголя.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

задумавшись над каким-то писанием. Капнисту удалось, просьбами и ласками, склонить ребенка-писателя прочесть свое произведение. Гоголь отвел Капниста в другую комнату и там прочел ему свои стихи. Капнист никому не сообщил о содержании выслушанного им. Возвратившись к домашним Гоголя, он, лаская и обнимая маленького сочинителя, сказал: «Из него будет большой талант, дай ему только судьба в руководители учителя-христианина»¹.

Если бы Никоша Гоголь в пятилетнем возрасте в самом деле писал стихи, получившие одобрение В. В. Капниста, то об этом, несомненно, упомянула бы дочь В. В. Капниста Софья Васильевна в названных нами выше интересных воспоминаниях. Это обстоятельство и заставляет нас усомниться в правдоподобности сообщения Г. П. Данилевского.

Мария Ивановна Гоголь, рассказывая Г. П. Данилевскому о том, что ее пятилетний сын «вздумал писать стихи», могла иметь в виду рифмованные импровизации ребенка, которые, конечно, нельзя назвать стихами. Темы для таких импровизаций задавал своим сыновьям Василий Афанасьевич Гоголь. Об этом писал тот же Г. П. Данилевский: «Мать Гоголя мне передавала, что первые годы отрочества он провел со своим младшим, рано умершим братом Иваном. Отец Гоголя, ездя в поле с сыновьями, иногда задавал им дороною темы для стихотворных импровизаций: «Солнце», «Степь», «Небеса». Старший сын отличался находчивостью в ответах на такие задачи»².

Стремление Никоши Гоголя писать стихи получило конкретное выражение во время обучения его в нежинской Гимназии высших наук. К сожалению, из его ранних стихотворных опытов до нас дошли только некоторые его эпиграммы, грустно-лирическое стихотворение «Непогода» и юношеская поэма «Ганс Кюхельгартен».

Как видим, документальные данные о раннем детстве Н. В. Гоголя чрезвычайно бедны. Обратимся, однако, к реальной действительности для того, чтобы представить себе условия, в которых сформировался Гоголь.

Н. В. Гоголь родился и до двадцатилетнего возраста жил на Украине. Родители стремились дать ему хорошее

¹ Г. П. Данилевский, Собр. соч., т. XIV, СПб. 1901, стр. 119.

² Там же, стр. 121

образование. Значительным и плодотворным было влияние отца на формирование характера Гоголя еще в детские годы. Отец Гоголя, умный и образованный человек, с тонким эстетическим чувством и живым природным юмором, горячо любивший русскую литературу и театр, все эти черты воспитывал в сыне.

Любовь к театру возникла у Гоголя еще в раннем детстве под влиянием комедий его отца и театральных представлений, которые мальчик видал в Кишинцах у Трошинского.

Главнейшими факторами, определившими развитие Гоголя в прогрессивном направлении, являются его общение еще в детские годы с трудовым народом и огромное влияние на него передовой русской культуры.

Мальчик наблюдал подневольную жизнь крепостных, их обычаи, нравы, слушал народные песни и проникся любовью и интересом к жизни народа. В школьные годы этот интерес сделался еще более устойчивым и выразился в собирании и записывании этнографических материалов.

Одной из характерных черт украинского народа является юмор. Эта черта, получившая в творчестве Гоголя свое гениальное развитие, начала формироваться в нем еще в детские годы.

Мировоззрение и творчество Н. В. Гоголя выросло на прочной народной основе. Рассматривая формирование мировоззрения и литературного стиля Гоголя как длительный и сложный процесс, необходимо учитывать и сильные впечатления детских лет будущего великого писателя.

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ГОГОЛЯ И ЕГО МАТЕРИ

На протяжении всей жизни Николай Васильевич Гоголь был духовно связан со своей матерью. Об этом свидетельствуют многочисленные письма Гоголя к матери, первые из которых написаны подростком Гоголем из Полтавы и Нежина в 1820—1821 гг., последние — в феврале 1852 г., незадолго до смерти великого писателя. Вот почему вопрос о взаимоотношениях Гоголя и его матери неоднократно привлекал внимание литературной общественности.

Одним из первых этим вопросом заинтересовался Н. Г. Чернышевский, который в своей статье, опублико-

ванной в № 8 журнала «Современник» за 1857 г., как бы подводя итоги своим предыдущим высказываниям о Гоголе, включая и «Очерки гоголевского периода русской литературы», характеризую Гоголя как писателя и человека, касается и его взаимоотношений с матерью. Изложив ряд верных и глубоких замечаний по этому вопросу, Н. Г. Чернышевский, вместе с тем, отмечал, что биографические сведения о Гоголе «совершенно недостаточны для разрешения вопросов, имеющих наиболее важности в нравственной истории Гоголя»¹.

Некоторые новые материалы дают возможность дополнить характеристику нравственного облика Н. В. Гоголя в свете его взаимоотношений с матерью. Но прежде коротко охарактеризуем историю этого вопроса после выхода в свет статьи Н. Г. Чернышевского.

В 1887 г. в мартовской книге журнала «Русская старина» была опубликована большая статья Н. А. Белозерской «Мария Ивановна Гоголь». Статья хотя и называлась «Биографическим очерком», но по существу почти целиком была посвящена разбору взаимоотношений Гоголя и его матери.

Тенденциозно группируя некоторые письма из обширной переписки между матерью и сыном и односторонне анализируя эти письма, Н. А. Белозерская пришла к неправильным выводам о нравственном облике писателя. Она утверждала, что Гоголь был порочным человеком, с дурными инстинктами², избалованным, самовлюбленным эгоистом. По мнению Белозерской, Гоголь не считался с тяжелым материальным положением матери и беззастенчиво требовал от нее денег для удовлетворения своих прихотей. Мать же горячо любила его и готова была переносить всякие лишения, идти на всякие жертвы для удовлетворения эгоистичных требований сына. Когда же материальное состояние Гоголя в связи с его литературным успехом сделалось вполне благополучным, то он, по словам Белозерской, оказался неблагодарным по отношению к матери и семье и «считал себя совершенно свободным от всяких обязательств относительно их материального обеспечения»³.

¹ Н. Г. Чернышевский, Сочинения и письма Н. В. Гоголя. Сб. «Избранные литературно-критические статьи», Л. 1950, стр. 279.

² «Русская старина», 1887, март, стр. 672.

³ Там же, стр. 687.

В том же 1887 г. в декабрьской книге журнала «Русская старина» была напечатана другая статья Н. А. Белозерской: «Н. В. Гоголь и его служба в Патриотическом институте». Автор статьи, как бы дополняя высказанные в первой статье мысли, упрекала Гоголя в материальной зависимости от разных лиц.

Статьи Н. А. Белозерской вызвали широкий отклик литературной общественности, родственников и биографов писателя. Уже в январе 1888 г. с замечанием по поводу утверждения Белозерской выступил Николай Васильевич Быков (племянник Гоголя, женатый на внучке Пушкина). Однако небольшая заметка Н. В. Быкова «К биографии Н. В. Гоголя», опубликованная в книге III журнала «Русская старина» за 1888 г., не касалась существа статей Белозерской, а уточняла лишь отдельные частные вопросы, а именно: на чей счет воспитывались сестры Н. В. Гоголя, как велико было принадлежавшее ему имущество и имущество его матери.

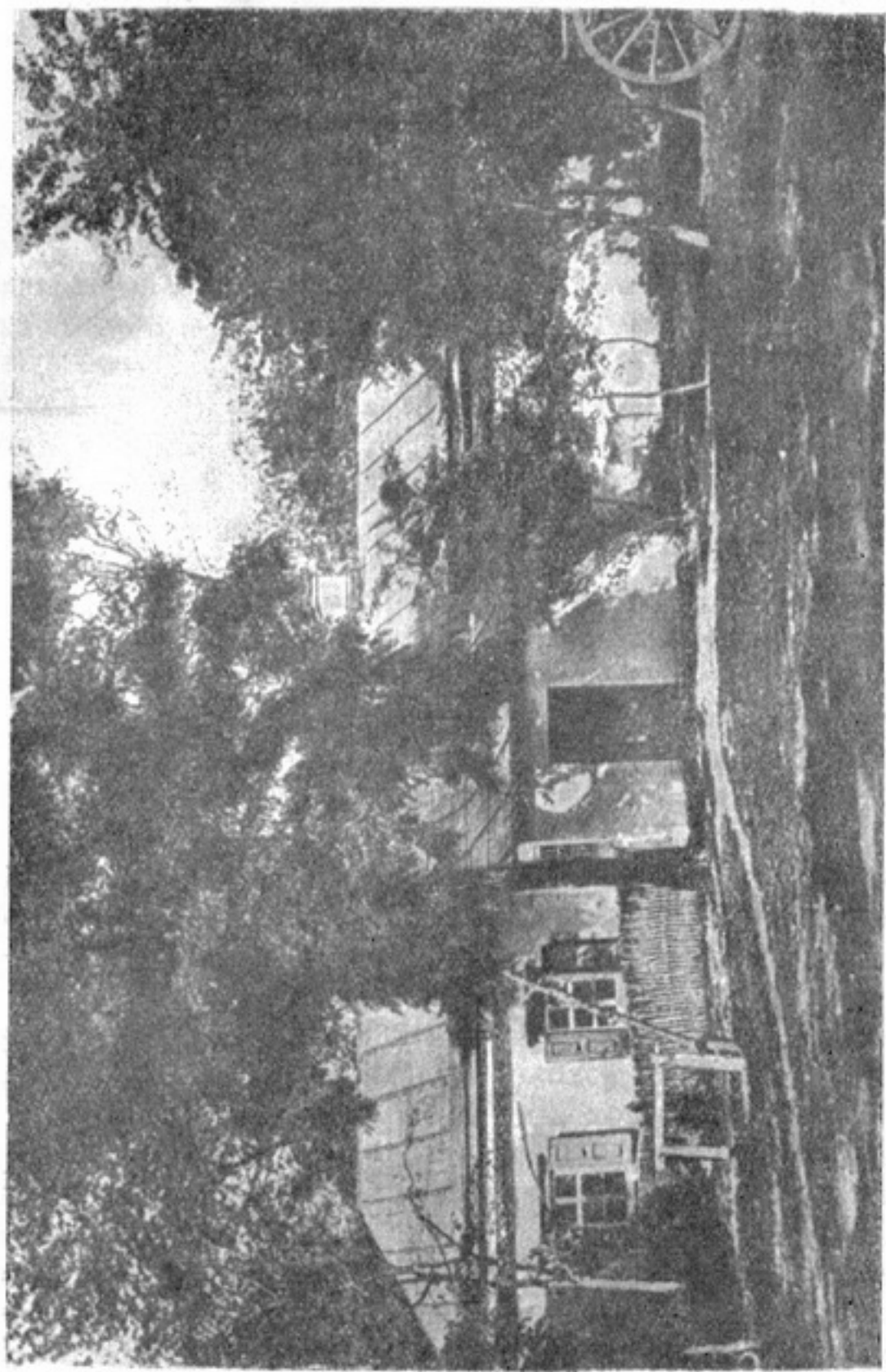
С обстоятельными критическими замечаниями по поводу характеристики отношения Гоголя к матери, сделанной Белозерской, выступил Николай Алексеевич Трахимовский, хорошо знавший семью Гоголей и в особенности мать писателя М. И. Гоголь¹.

Пользуясь своими личными воспоминаниями, а также воспоминаниями сестры писателя Анны Васильевны Гоголь (1821—1893), Н. А. Трахимовский в самом начале своей статьи² замечает: «Статья Н. А. Белозерской и удивила, и огорчила меня, не говоря уже о некоторых фактических неточностях, не говоря уже о не вполне верной характеристике самой Марьи Ивановны, личность Николая Васильевича Гоголя на страницах очерка Н. А. Белозерской является такой неприглядной (чтобы не употребить более сильного выражения), что становится тяжело и грустно за память знаменитого писателя».

«Читая очерк Н. А. Белозерской, — продолжает далее Н. А. Трахимовский, — я не знал чему верить: моим соб-

¹ Прадед Н. А. Трахимовского Михаил Яковлевич был в свое время известным на Украине врачом. В доме его в Сорочинцах 20 марта 1809 г. родился Н. В. Гоголь. Дед Н. А. Трахимовского Михаил Михайлович был крестным отцом Н. В. Гоголя.

² Н. А. Трахимовский, Мария Ивановна Гоголь. По поводу статьи Н. А. Белозерской, «Русская старина», 1888, июль, стр. 25—46.

Сорочинцы Дом, в котором родился Н. В. Гоголь.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

ственным воспоминаниям, тому, что я видел собственными глазами, слышал собственными ушами от лиц, к Гоголю самых близких и хорошо его знавших, или сведениям, передаваемым Н. А. Белозерскою, выводам и заключениям, помещенным на страницах статьи ея»¹.

Опровергая выводы Белозерской, писавшей о том, что в своей беспредельной любви к единственному сыну Мария Ивановна «не останавливалась ни перед какой жертвою, готова была лишиться себя необходимого, даже терпеть унижения»², Н. А. Трахимовский подробно останавливается на материальном положении семьи Гоголей, справедливо замечая, что в «Васильевке (имении Гоголей.— Д. И.) было 1000 десятин земли, и хотя эта земля была заложена в Опекунском совете, но составляла имение, на доходы с которого не трудно было безбедно прожить М. И. Гоголь и семье ея, даже при необходимости содержать сына в Нежине, а потом помогать ему во время петербургской жизни»³.

«Как поражены были бы родственники и многочисленные соседи, посещавшие Васильевку, проводившие целые дни под гостеприимным кровом Марии Ивановны, — восклицает Н. А. Трахимовский, — если бы им сказали, что эта самая Васильевка — приют вечной нужды, горя и забот, вечных хлопот из-за копейки, вечных жертв ради отсутствующего сына»⁴. «Дом Гоголей был всегда — полная чаша, — продолжает вспоминать Н. А. Трахимовский, — дом не большой, но поместительный, обширный и живописный сад и пруд, многочисленная прислуга, сытный обед, конечно, деревенский, приличные экипажи и лошади и т. д., где же тут нужда и недостаток? Правда, и в Васильевке, при всем обилии плодов земных, наличные деньги далеко были не в изобилии, торговля продуктами имения была мало развита, частный кредит был и редок и дорог, контор, банкирских домов и банков в провинции вовсе не существовало, а потому, когда являлась нужда в более или менее значительной сумме денег для уплаты в Опекунский совет или податей, для высылки в Нежин или Петербург, то деньги эти доставались с трудом и

¹ «Русская старина», 1888, июль, стр. 27.

² «Русская старина», 1887, март, стр. 679.

³ «Русская старина», 1888, июль, стр. 30.

⁴ Там же.

помощью не малых хлопот. Но это была участь, которую Мария Ивановна разделяла со многими своими соседями—помещиками средней руки»¹.

Н. А. Трахимовский, верно охарактеризовавший крепостную украинскую усадьбу первой четверти XIX в., в которой вырос Н. В. Гоголь, упоминает в статье о винокуренном заводе Гоголей и о неудавшейся попытке М. И. Гоголь организовать кожевенный завод, то есть о первоначальном проникновении капиталистических элементов в патриархальное крепостное хозяйство Гоголей и о неблагоприятных экономических условиях возникновения капитализма в дореформенной Украине первой половины XIX в.

Вопрос об отношении Гоголя к матери на протяжении ряда лет после выступлений Белозерской и Трахимовского продолжал интересовать литературную общественность России. Так, через год после опубликования упомянутой статьи Н. А. Трахимовского на страницах «Исторического вестника» об этом заговорила А. Черницкая², которая еще более решительно, чем Трахимовский, выступила в защиту Гоголя. Тщательно просмотрев, по ее заявлению, переписку Гоголя с матерью, А. Черницкая пришла к совершенно противоположным выводам, чем Белозерская. Она писала в своей статье, что можно упрекнуть не Гоголя в эгоистичности и черствости по отношению к матери, а, наоборот, Марию Ивановну в том, что она «допускала сына до крайней нужды, ссылаясь на свою бедность, а между тем она вовсе не была бедна»³.

По мнению Черницкой, «защищая его (Гоголя.—Д. И), г. Трахимовский не указывает на ту необыкновенную отзывчивость, с какою Гоголь относился к матери, на те нравственные унижения и мучения, каким он подвергся, занимая деньги у Аксакова при выпуске сестер из института»⁴.

Черницкая отмечала, что Трахимовский «не выясняет

¹ «Русская старина», 1888, июль, стр. 30.

² См. ст. А. Черницкой, Отношение Гоголя к матери, «Исторический вестник», 1888, июль, стр. 660—678.

³ Там же.

⁴ Сестры Гоголя—Анна Васильевна и Елизавета Васильевна воспитывались на средства брата в Петербургском патриотическом институте.

также и того обстоятельства, почему Марья Ивановна при своем значительном состоянии допускала сына до той крайней нужды, какую ему приходилось испытывать в Петербурге. Известно, что Гоголь целую зиму проходил в летней шинели за неимением теплой одежды. Он был принужден нередко обращаться за помощью к Трощинскому, что было для него чрезвычайно тяжело¹. Получая неаккуратно из дому деньги, он закладывал свои вещи, чтобы как-нибудь обернуться, питался весьма скудно и лишал себя любимого удовольствия — театра»².

Арбитром в споре между Белозерской и Черницкой явился биограф Гоголя В. И. Шенрок, автор известного четырехтомного труда «Материалы для биографии Гоголя» (1892—1898). Со свойственной В. И. Шенроку обстоятельностью, но и с обычной для него многоречивостью, он посвятил две специальные статьи I тома своих «Материалов» исследованию этого вопроса³.

В статьях В. И. Шенрока наметилось правильное понимание того, что ключом для понимания материальных отношений между Гоголем и его матерью являлся вопрос о наличных деньгах, которые так нужны были Гоголю в период его петербургской жизни и которых так мало могла извлечь Мария Ивановна из своего натурально-крепостного помещичьего хозяйства.

Верную мысль, высказанную В. И. Шенроком в 1892 г., а до него еще Н. А. Трахимовским в 1888 г., в советское время развил и обосновал С. Дурьлин, который пришел к выводу, что «среднее помещичье крепостное хозяйство в России 20—30 гг., в условиях натурально-хозяйственного строя, было малоденежно»⁴.

Наш экскурс в экономику гоголевской вотчины был необходим не только для того, чтобы представить социально-экономическую среду, в которой вырос великий писатель, но и для уразумения экономической основы, на

---

¹ Речь идет о родственнике Гоголей генерал-майоре в отставке А. А. Трощинском.

² «Исторический вестник», 1888, июль, стр. 661.

³ Статьи назывались: а) «Разбор мнений г-жи Белозерской и г-жи Черницкой об отношениях Гоголя к матери», б) «Отношения Гоголя к матери в зрелые годы». См. В. И. Шенрок, *Материалы для биографии Гоголя*, стр. 200—221.

⁴ С. Дурьлин, *Из семейной хроники Гоголя*, М. 1928, стр. 45—46.

которой складывались материальные отношения Гоголя и его матери.

Итак, из-за хронического недостатка денег М. И. Гоголь была лишена возможности оказывать регулярную помощь своему сыну. Мария Ивановна сама часто нуждалась в материальной поддержке.

Возникает вопрос: в какой же мере Гоголь помог своей семье в тот период, когда, по мнению некоторых биографов писателя, он это мог сделать? Верно ли утверждение Н. А. Белозерской, что Гоголь «считал себя совершенно свободным от всяких обязательств относительно материального обеспечения» семьи?

Ответом на этот вопрос может служить письмо Гоголя С. Т. Аксакову из Рима, написанное в марте 1843 г., то есть в то время, когда гениальное творение Гоголя — «Мертвые души» раскупалось широкими кругами читателей:

«А вас вместе с Погодиным я попрошу войти в положение моей маменьки, тем более, что вы уже знакомы с нею и несколько знаете ее обстоятельства, — писал Гоголь С. Т. Аксакову, — я получил от нея письмо, сильно меня расстроившее. Она просит меня прямо помочь ей, в то время помочь, когда я вот уже полгода сижу в Риме без денег, занимая и перебиваясь кое-как. Просьба о помощи меня поразила. Маменька всегда была деликатна в этом отношении: она знала, что мне не нужно напоминать об этом, что я могу чувствовать сам ее положение. Она знала это уже потому, что я отказался от своей части имения и отдал ей сто душ крестьян с землями, тогда как сам не был даже на полгода обеспечен¹. (Последнего обстоятельства натурально она не знала, иначе бы отказалась и от имения, и от всякой со стороны моей помощи, и потому я должен был почти всегда уверять ее, что я не нуждаюсь и что состояние мое обеспечено)... Теперь это все произошло вследствие невинного обстоятельства. Ольга Семеновна², по доброте души своей, желая вероятно обрадовать маменьку, написала, что «Мертвые души» расходятся

---

¹ Н. Г. Чернышевский в статье «Сочинения и письма Н. В. Гоголя» («Современник», 1857, № 8) замечал: «Для родных своих Гоголь сделал, в самом деле, много: он воспитал своих сестер, он уступил им свое имение, мать хвалит его за это».

² Жена Сергея Тимофеевича Аксакова.

чрезвычайно, деньги плывут, и предложила ей даже взять деньги, лежащие у Шевырева, которые вероятно следовали одному из ссудивших меня на самое короткое время. Маменька подумала, что я богач и могу без всякого отягощения себе сделать ей помощь. Я никогда не вводил маменьку ни в какие литературные мои отношения... ибо знал, что она способна обо мне задумать слишком много. Детей своих она любила до ослепления, и вообще границ у ней нет...»¹. «И так войдите вместе с Погодиным в положение этого дела,— продолжал далее Гоголь,— объясните его маменьке, как признаете лучше... Дайте ей знать, что деньги вовсе не плывут ко мне реками и что расход книги вовсе не таков, чтобы сделать меня богачом. Если окажутся в остатке деньги, то пошлите; но не упускайте также из вида того, что маменька, при всех своих прекрасных качествах, довольно плохая хозяйка... Первые деньги после покупки издания я назначил на уплату долгов моих петербургских, которые хоть и не так велики, как московские, но все же требуют давно уплаты»².

В заключение этого откровенного и искреннего письма Гоголь пояснял, почему у него столь значительные долги: «Я знаю, что некоторым, даже близким душе моей и обстоятельством, казалось странно, от чего у меня завелось так много долгов, и они всегда пропускали из виду следующее невинное обстоятельство: шесть лет я живу, и большей частью за границей, не получая ни откуда жалованья и никаких совершенно доходов. Откуда же и какими средствами я мог производить все это? Если положить по пяти тысяч в год, так вот уже до тридцати тысяч в шесть лет... Кроме того я в это время должен был взять моих сестер из Института, одеть их с ног до головы и всякой доставить безбедный запас, хотя по крайней мере на два года. Два раза я должен был в это время помочь маменьке, не говоря уже о том, что должен был дать ей средства два раза приехать в Москву и обратно; должен же я был все это произвести какими-нибудь деньгами и средствами. И так немудрено, что у меня набрались такие долги. А вы знаете сами, я вовсе не такой человек, чтобы издерживать деньги на пустяки. И желания мои довольно

---

¹ С. Т. Аксаков, История моего знакомства с Гоголем, М. 1890, стр. 95—96.

² Там же, стр. 96—97.

ограничены, и при мне нет даже таких вещей, которые бы показались другому совершенно необходимые»¹.

В письме к Шевыреву из Рима весной того же 1843 г. Гоголь, характеризуя свое материальное положение, говорит: «...у меня уже давно все мое состояние — самый крохотный чемодан и четыре пары белья»². Здесь же он касается своих взаимоотношений с семьей, повторяя изложенное письмо к С. Т. Аксакову: «Относительно другой части дел моих, насчет матери моей и сестер, я буду писать к Сергею Тимофеевичу и Погодину и изложу им, каким образом поступить на случай, если потребуется надобность помочь им. Я сделал все, что мог, отдал им свою половину имения, сто душ, и отдал будучи сам нищим и не получая достаточно для своего собственного пропитанья. Наконец, я одевал и платил за сестер, и это делал не от доходов и излишеств, а занимая и наделав долгов, которые должен уплачивать. Погодин меня часто упрекал, что я сделал мало для семьи и матери; но откуда же и чем я мог сделать больше? Мне не указал никто на это средство. Они на своей земле, в своем имении и, слава богу, ни в коем случае не могут быть без куска хлеба... Я в чужой земле и прошу только насущного пропитания, чтоб не умереть мне в продолжение каких-нибудь трех, четырех лет»³.

Такова правда о материальных отношениях Гоголя, его матери и семьи. Необходимо подчеркнуть, что, казалось бы, частный вопрос о материальном положении Гоголя приобретает важное значение для понимания причин сближения его с консервативным кругом влиятельных литераторов — Плетневым, Аксаковыми, Погодиным, Шевыревым.

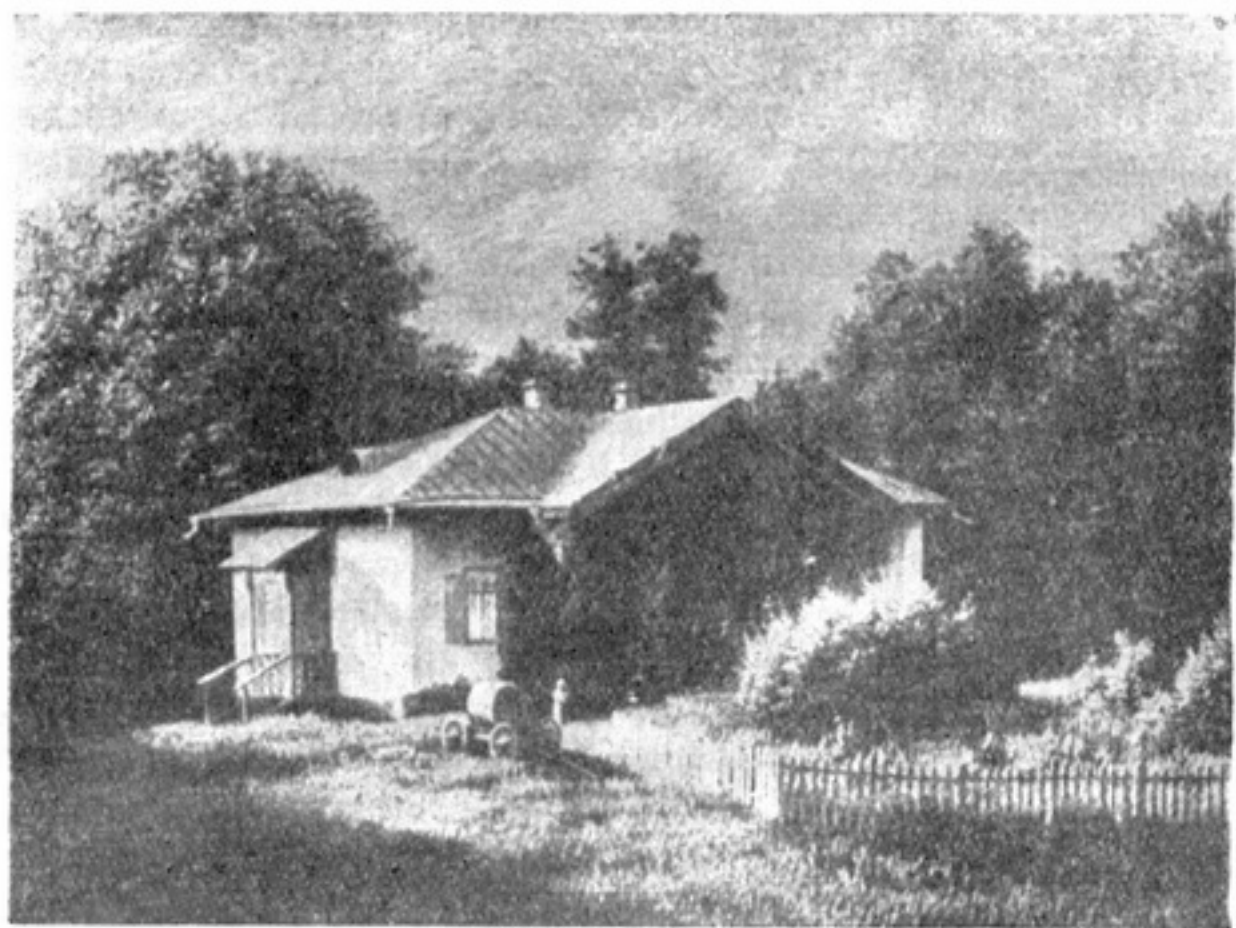
На протяжении всего своего зрелого творчества великий писатель находился в материальной зависимости от своих консервативных друзей и, в частности, представителей «официальной народности» Погодина и Шевырева. Гоголь был должен им крупные суммы денег и для того, чтобы существовать и заниматься литературной деятельностью, вынужден был прибегать к новым займам.

Кабальную зависимость Гоголя от кредиторов особен-

¹ С. Т. Аксаков, История моего знакомства с Гоголем, М., 1890, стр. 97.

² Там же, стр. 104.

³ Там же, стр. 104—105.

Усадьба Гоголей «Яновщина».

Хата в Яновщине.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

но давал ему почувствовать Погодин. Он настойчиво требовал от Гоголя произведений для опубликования в своем консервативном журнале «Москвитянин».

Вымогательства Погодина отметил даже С. Т. Аксаков, человек идейно близкий к журналу «Москвитянин». В своих воспоминаниях С. Т. Аксаков писал: «Слова же Погодина (в письме к Аксакову. — Д. И.), что если б он изрезал в куски «Ревизора» и разсовал его по уголкам своего журнала, то Гоголь не имел бы права сердиться, ясно показывают натуру Погодина, который, ссудив деньгами Гоголя, считал себя в праве поступать с его великим творением по собственному произволу»¹.

Материальная зависимость Гоголя от консервативного круга его московских друзей была одной из причин, побудивших его скрывать от них свои свидания с Белинским в Москве (в конце декабря 1841 г. и в начале января 1842 г.), а также передачу Белинскому рукописи «Мертвых душ» для опубликования ее в Петербурге.

* *
*

Мы охарактеризовали материальные условия жизни Гоголя и его матери. Что же касается их личных взаимоотношений, то опубликованные многочисленные письма Н. В. Гоголя к Марии Ивановне за тридцать лет, начиная с писем из Нежина 1821 г. и кончая письмами 1851 и 1852 гг., а также воспоминания современников писателя свидетельствуют о том, что взаимоотношения матери и сына были самыми сердечными, дружески родственными. Гоголь был почтительным сыном, внимательным и отзывчивым; мать же обожала своего гениального сына, гордилась его литературной славой.

Особое место занимают письма к матери, написанные великим писателем в последние годы своей жизни, в период острого духовного кризиса, связанного с тяжелой душевной болезнью. Гоголь пребывал, как известно, в этот период в состоянии длительного и глубокого религиозно-мистического транса и естественно, что его письма пропитаны мрачным, религиозно-мистическим настроением.

---

¹ С. Т. Аксаков, История моего знакомства с Гоголем, М. 1890, стр. 118.

В письмах последних лет он часто читает проповеди матери и сестрам, дает им уроки христианского благочестия суровым тоном аскета-проповедника. Однако его проповеди и поучения сопровождаются трагическими просьбами к матери — молиться за него. Вот, например, одно из последних его писем к М. И. Гоголь, написанное в самом конце 1851 г.:

«Никогда так не чувствовал потребности молитв ваших, добрейшая моя матушка. О, молитесь, чтобы бог меня помиловал, чтобы наставил, вразумил совершить мое дело честно, свято и дал бы мне на то силы и здоровье! Ваши постоянные молитвы обо мне теперь мне так нужны, так нужны — вот все, что умею вам сказать! О, да поможет вам бог обо мне молиться!

Ваш многолюбящий вас, признательный, благодарный сын — Николай»¹.

* *

*

В дореволюционном гоголеведении традиционным было мнение о высоких моральных качествах матери писателя — Марии Ивановны Гоголь.

Вот, например, как характеризует ее близкий к семье Гоголей писатель-славянофил С. Т. Аксаков: «Взглянув на Марью Ивановну и поговорив с ней несколько минут от души, можно было понять, что у такой женщины мог родиться такой сын. Это было доброе, нежное, любящее существо, полное эстетического чувства, с легким оттенком самого кроткого юмора... Марья Ивановна — женщина необыкновенная. Она так моложава и хороша собой, что дочери при ней кажутся дурными. Она вся исполнена самоотвержения и тихой любви к своим детям; она отдала им свое сердце и сама не только не имеет воли, но даже своих желаний; по крайней мере, не показывает их. Сына любит она более всего на свете и между тем должна от него почти совсем отказаться, видеть изредка, и то на короткое время»².

Так же восторженно отзывался о Марии Ивановне Гоголь Кулиш в своих воспоминаниях о ней. «Моложа-

¹ Письма Н. В. Гоголя, Ред. В. И. Шенрока, т. IV, СПб. 1901, стр. 419.

² С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, М. 1890, стр. 34—35, 67.

вость матери Гоголя поражала меня не раз, особенно в тех случаях, когда религиозное, человеческое или материнское чувство заставляло ее сердце биться сильнее»¹.

Кулиш считал М. И. Гоголь вдохновительницей сына-писателя. «Изображая свою незабвенную Пульхерию Ивановну, Гоголь маскировал дорогую личность матери и в свои вечно живые краски подмешал трогательного комизма,— писал Кулиш. — Сквозь милые черты его «Бавкиды» проглядывает пленительный образ великой в своей неизвестности женщины, первой и последней любви, первой и, может быть, единственной вдохновительницы поэта»².

С. Н. Дурылин безоговорочно и полностью принимал характеристику Кулиша и Аксакова матери Гоголя. Публикуя в 1928 г. переписку М. И. Гоголь с Аксаковыми, Дурылин отмечал, что в переписке «выступает прекрасный и трогательный образ матери великого писателя,— и выступает так, что Марья Ивановна в этих письмах в семью писателей является не просто родительницей Гоголя, а именно матерью писателя: любящей писательство, гордящейся им и искренно и глубоко дорожащей и при жизни сына, и, в особенности, после его смерти, избранным кругом его друзей-писателей. Аксаковы, Погодин, Шевырев, чьи имена мелькают в ее письмах,— для нее не просто добрые друзья сына, а писатели — друзья писателя»³.

Некритически воспринимая воспоминания Кулиша и апологезируя его личность, С. Дурылин заканчивал свою вступительную статью в книге «Из семейной хроники Гоголя» следующим восторженным восклицанием: «Ни одна из матерей русских писателей не удостоивалась такой хвалы и славы: и то, что эта хвала исходила от биографа ее сына-писателя, придает ей особую, непререкаемую значительность»⁴.

По мнению С. Дурылина, мать Гоголя — одна из лучших «литературных» матерей. Такой матери не было ни у Пушкина, ни у Тургенева. Она имеет «право на внима-

¹ «Русская старина», 1887, март, стр. 708.

² Там же, стр. 710.

³ С. Дурылин, Из семейной хроники Гоголя, М. 1928, стр. 48—49.

⁴ Там же, стр. 55.

ние со стороны всех, понимающих значение Гоголя в русской литературе»¹.

Совсем иначе характеризовал М. И. Гоголь другой советский гоголевед, известный писатель В. В. Вересаев. В предисловии к сборнику «Гоголь в жизни» Вересаев называет ее «наивной и глуповатой матерью-помещицей»².

Кому же в таком случае верить — Кулишу, Аксакову, Дурылину или Вересаеву? На этот вопрос отвечают неопубликованные письма Анны Васильевны Гоголь. Десятки лет она прожила рядом со своей матерью. И она-то, несомненно, лучше Аксакова и Кулиша знала характер матери и ее взаимоотношения с сыном.

Вот что писала А. В. Гоголь в одном из своих писем к Кулишу (19 августа 1887 г.), справедливо возмущенная тенденциозной статьей Н. А. Белозерской, которая очернила Н. В. Гоголя, изобразив его холодным и бессердечным эгоистом по отношению к матери:

«...Меня очень огорчила статья Белозерской. Как она оклеветала брата, и вообще, нельзя писать так решительно о незнакомых людях, по догадкам, от того и вышло все неправда. Да еще хотела, чтоб я дала портрет мамы. Это бы значило, что я симпатизирую этой статье. Так я, напротив, послала портрет в другой журнал. Мне нечем было более показать свое неудовольствие. Писать возражение самой не хотелось. Один племянник Ник[олай] Быков написал маленькое возражение, но неудовлетворительно»³.

В следующем письме Кулишу, от 7 сентября 1887 г., Анна Васильевна Гоголь сообщала, что «еще не успокоилась после злостной статьи этой госпожи (Н. А. Белозерской. — Д. И.)... еще не все высказала, что накопело на сердце. Об ней (Белозерской. — Д. И.) пишут, что она желает развенчать авторитеты. И может навсегда очернить человека. Ведь могут подумать, что она говорит правду. Например, говорит, что маменька после потери мужа перенесла опять горе, потерю дочери Татьяны. Это был ребенок больной, одного году, которой потеря была незаметна. И вообще на мам[еньку] только смерть отца

¹ С. Дурьлин, Из семейной хроники Гоголя, М. 1928, стр. 51.

² В. В. Вересаев, сб. «Гоголь в жизни», «Academia», 1933, стр. 6.

³ «Гоголиана» № 209.

сильно подействовала, более ничего, удивительно равнодушно все переносилось на моих глазах; может это уже было болезненное состояние. Потеря сестры Трушковской¹ и Быковой² и даже брата. В это самое время ее огорчило воображаемое что-то, на мой счет. Вообще она была очень добра, много помогала бедным, была приветлива к гостям, всем очень нравилась, но живущим с нею было тяжело. Мы все три³ очень страдали и не так терпеливо выносили, как брат, правда он мало жил дома. Зато он один и пострадал, его же осудили. Что б сказала эта госпожа обо мне. Я никогда не отличалась кротостью и терпением. Один брат только не выходил из себя и нас уговаривал. Он был добрее нас всех и попал на суд публики невинно»⁴.

У нас нет оснований сомневаться в правдивости воспоминаний А. В. Гоголь. В своем предыдущем письме к Кулишу от 19 августа 1887 г. она заявляет, что, характеризуя мать, говорит не только от своего имени, но и от имени всех родных. «Для того, чтобы расхвалить мать, нашли нужным оклеветать брата. А у нас, всех родных, симпатия на стороне брата. А кажется мы вернее можем судить об этом»⁵.

Какие же выводы можно сделать, анализируя биографические материалы и письма А. В. Гоголь? Прежде всего одно общее заключение: безусловно положительная личность матери Гоголя все же значительно идеализирована биографами писателя, в частности Кулишом и Аксаковым. Дурылин же некритически подошел к их воспоминаниям, не говоря уже о том, что советскому литературоведу не следовало бы умиляться от близости Гоголя к Аксаковым, Погодину и Шевыреву, называя их «избранным кругом друзей писателя», тогда, как надо полагать, исследователю известно, что московский славянофил С. Т. Аксаков и представители «официальной народности» Погодин и Шевырев оказывали на Гоголя консервативное влияние.

Мария Ивановна, хотя и не так трагически, как смерть

---

¹ Мария Васильевна Гоголь, в замужестве Трушковская (1811—1844), старшая сестра Гоголя.

² Елизавета Васильевна Гоголь, в замужестве Быкова (182? — 1864), сестра Гоголя.

³ Сестры Гоголя — Анна, Елизавета, Ольга.

⁴ «Гоголиана» № 210.

⁵ Там же № 209.

своего супруга Василия Афанасьевича, восприняла смерть сына, но все же была настолько потрясена этим событием, что потеряла душевное равновесие и пребывала некоторое время в состоянии душевного оцепенения. Это болезненное состояние и отмечает ее дочь Анна Васильевна в своих письмах-воспоминаниях да и сама М. И. Гоголь в письмах к Аксаковым 1852 г.

М. И. Гоголь, несомненно, любила сына, гордилась его славой и в меру своих возможностей много сделала для поощрения его литературных занятий. Было бы, однако, явным преувеличением считать ее женщиной, наделенной тонким «эстетическим чувством», как это делает С. Т. Аксаков. Характерным примером того, что М. И. Гоголь не обладала тонким эстетическим чувством, по крайней мере по отношению к творчеству своего сына, может служить письмо Гоголя к ней от 19 декабря 1830 г.

В сентябре 1948 г. отдел рукописей Государственной публичной библиотеки УССР получил из историко-культурного заповедника «Киево-Печерская лавра» оригинал этого интересного письма, вместе с другими четырьмя письмами Гоголя к его родителям. Благодаря этому мы имеем возможность привести выдержки из письма, пользуясь подлинником. Однако прежде напомним обстоятельства, предшествовавшие написанию письма.

В февральской и мартовской книгах журнала «Отечественные записки» за 1830 г. была впервые напечатана повесть Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» без подписи автора. В своей первой редакции повесть называлась: «Басаврюк, или вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви».

Гоголь выслал матери из Петербурга обе книжки «Отечественных записок» со своей повестью и стал высылать все последующие номера журнала. Простодушная Мария Ивановна, недостаточно разбирающаяся в литературе, увлеченная материнским честолюбием, стала принимать идейно чуждые Гоголю художественно слабые сочинения разных авторов, публикуемые в журнале без подписи, за сочинения своего сына. Это вызвало справедливый протест Гоголя.

«...Мне больно то, что вы сами, маминька, обо мне говорите худое,—писал Гоголь матери 19 декабря 1830 г.,—

Мария Ивановна Гоголь. 1852 г.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

я здесь разумею письмо ваше, писанное вами перед этим. Вы мне приписываете те сочинения, которых бы я никогда не признал своими ни за какие деньги. Зачем мараить мое доброе, еще не запятнанное ничем имя? Если вы так мало знаете меня, что нашли в этих сочинениях мой дух, мой образ мыслей, то вы слишком худого мнения обо мне. Неужели я заслужил его от вас? Вы бы обратились по крайней мере к какому-нибудь человеку, которому известен ход нашей литературы, тот бы вам сказал, что отрывки из комедии Светский быт были помещаемы три года назад тому, когда я был еще в Нежине, в журналах и альманахах с полною подписью автора: Павел Свиньин, от которого я получил и роман Якуб Скупалов¹. Сфера действия этого романа во глубине России, где до сих пор еще и нога моя не была. Если бы я писал что-нибудь в этом роде, то верно бы я избрал для этого Малороссию, которую я знаю, нежели страны и людей, которых я не знаю ни нравов, ни обычаев, ни занятий. Но главное скажите: встретили ли вы хотя одну мысль, хотя одно чувство, принадлежащее мне? Третью же, самую глупейшую статью я принужден был теперь только прочитать нарочно. Что вы нашли моего в этом Лоскутке бумаги?² И я, посвятивший себя всего пользе, обрабатывающий себя в тишине для благородных подвигов, пушусь писать подобные глупости».

Цитируемое выше письмо, важное для понимания творческих принципов молодого Гоголя, отмечает не только отсутствие тонкого литературного вкуса у матери Гоголя, но и отрицательную черту в ее характере, не замеченную

¹ В комментариях к этому письму Гоголя к матери в X томе Полн. собр. соч. Н. В. Гоголя (изд. АН СССР, 1940, стр. 429—430, ред. В. Гиппиус) указано, что роман «Якуб Скупалов» написан не Свиньиным, а Александром Бошняком (1787—1831), получившим известность не своим романом, а провокаторской ролью в раскрытии заговора декабристов и участием в шпионаже за Пушкиным. П. П. Свиньин же, слышавший, по характеристике А. Е. Измайлова и А. С. Пушкина, лжецом, приписал себе роман Бошняка, изданный анонимно.

Н. Г. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» говорил, что «Якуб Скупалов» более походит на лубочное изделие, нежели на произведение литературы».

² «Лоскуток бумаги» — название очерка Владимира Бурнашева, опубликованного в № 122 «Отечественных записок» (1830, июнь), см. об этом Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., Ред. В. В. Гиппиус, т. X, АН СССР, 1940, стр. 430.

биографами писателя. Мы имеем в виду подозрительность и недоверчивость Марии Ивановны, неоднократно причинявшие огорчения ее сыну.

«...Зная, что вы мне не поверите без доказательства,— продолжал Гоголь в том же письме к матери,— (я не знаю, чем я утратил ваше ко мне доверие; я вам говорил, что вы не встретите в посылаемом вам журнале ничего моего, вы мне не поверили), я старался всеми силами узнать имя автора этой пьесы, и наконец узнал, что с моей стороны и нехорошо, потому, что автор сам, может быть, чувствовал глупость этой статьи и не выставил полного своего имени, а я принужден объявить: это некто Владимир Бурнашев, служащий здесь, говорят, даже хороший молодой человек».

О крайней подозрительности и недоверчивости матери, а также о ее чрезмерной впечатлительности Гоголь говорит и в ряде других писем к ней. Так, например, 10 ноября 1835 г. Гоголь писал: «Сделайте милость, пожалейте всех нас, маминька, не предавайтесь мечтательности»¹. В этом письме он осуждает также суеверие матери — «истинный и добрый христианин никогда не бывает суеверен»². Эти черты характера матери подтверждаются письмами А. В. Гоголь, а также воспоминаниями Н. А. Трахимовского: «Добрая, религиозная, сострадательная, готовая всегда помочь, М. И. Гоголь вместе с тем была крайне впечатлительна и подозрительна,— писал Н. А. Трахимовский,— бывали дни, недели, целые месяцы, когда впечатлительность М. И. Гоголь доходила до крайних пределов, достигала почти болезненного состояния»³.

Была ли Мария Ивановна Гоголь «глуповата», как утверждает В. В. Вересаев в предисловии к своему сборнику «Гоголь в жизни»⁴? У нас нет никаких оснований, чтобы считать эту голословную, ничем не аргументированную характеристику справедливой и согласиться с ней.

Отзывчивая, простодушная, добрая, сердечная, гостеприимная, очень много сделавшая для развития таланта

¹ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., письма 1820—1835, Ред. В. В. Гиппиус, т. X, АН СССР, 1940, стр. 377.

² Там же.

³ Н. А. Трахимовский, Мария Ивановна Гоголь, «Русская старина», 1888, июль, стр. 33.

⁴ В. В. Вересаев, сб. «Гоголь в жизни», «Academia», М.—Л. 1933, стр. 6.

своего тениального сына, Мария Ивановна Гоголь была в то же время весьма неуравновешенной, болезненно впечатлительной, суеверной, суетливой и недоверчивой женщиной. Эти недостатки часто огорчали горячо ее любящего сына.

М. И. Гоголь живо интересовалась общественной и литературной жизнью страны. Нельзя, однако, сказать, что ее мировоззрение, общественные идеалы представляли что-либо стройное, законченное. Она довольно хорошо относилась к своим крестьянам, сочувствовала тяжелой доле затравленного царизмом великого сына украинского народа Тараса Григорьевича Шевченко, тепло отзывалась о его произведениях, но в то же время благоговела перед царской фамилией, разделяя верноподданнические настроения провинциального дворянства.

* *
*

Возникает вопрос, почему же биограф Гоголя П. А. Кулиш не опубликовал адресованных ему писем Анны Васильевны Гоголь, не считал нужным после появления статьи Н. А. Белозерской, порочащей Гоголя, выступить в его защиту?

Дело в том, что Белозерская была не только родственницей Кулиша¹, но и его единомышленницей. Сам Кулиш, биограф и издатель Гоголя, еще более тенденциозно и еще более враждебно, особенно в последнее десятилетие своей жизни, относился к Гоголю и к все возрастающей его славе.

Убедительным доказательством этого являются разысканные нами неизвестные письма П. А. Кулиша В. И. Шенроку, которые изобличают Кулиша как реакционера и клеветника. В одном из них от 5 января 1890 г. престарелый, семидесятилетний Кулиш писал Шенроку: «...я дважды принимался писать биографию Гоголя, и во втором труде был к нему строже; а если бы пришлось еще когда-нибудь высказаться об этой литературной личности, то был бы еще строже... Анекдотическое балагурство с талантом комика повели его к художественному воспроизведению»

---

¹ Надежда Александровна Белозерская была женой близкого идейного друга Кулиша Василия Михайловича Белозерского (бывш. редактора журн. «Основа»), на сестре которого, Александре Михайловне, Кулиш был женат.

ходячих типов; но крайнее невежество в истории, политике и философии, вместе с подстрекательством тайной революционной прессы, привели его к восклицаниям: «Русь, куда ты мчишься? Дай ответ и зачем все, что ни есть в тебе, устремило на меня исполненные ожидания очи»¹.

Этот злостный клеветнический выпад Кулиша против Гоголя, напоминающий худшие измышления реакционной критики, отрицавшей в Гоголе гениальный талант сатирика и называвшей Гоголя «невеждой», примечателен тем, что в нем Кулиш говорит о воздействии на Гоголя тайной революционной печати, имея в виду прежде всего Белинского и Некрасова.

В этом же письме Кулиш сообщал Шенроку сведения о тайных свиданиях Гоголя с Белинским, Некрасовым и другими. «Может быть Вам пригодятся следующие воспоминания о Гоголе по рассказу Плетнева. С крайним негодованием рассказывал он (Плетнев. — Д. И.) мне, как Гоголь, по возвращении из заграницы, поддакивал ему в его искреннем суде о журналистах, а тайком от него делал визиты Белинскому, Краевскому, Некрасову, Панаеву и другим»².

Кулиш был близок к Плетневу, и в данном случае его воспоминания соответствовали действительности. О близости Кулиша к Плетневу свидетельствует дневник молодого Кулиша (28 декабря 1845 — 6 октября 1848 г.), который Кулиш начал вести по рекомендации Плетнева. Этот дневник в настоящее время хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР.

Любопытная запись в дневнике Кулиша от 3 февраля 1847 г. показывает идейную связь Плетнева и Кулиша в их положительной оценке реакционной книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», противоречащей всему прогрессивному творчеству великого писателя.

«В первые дни после нашей свадьбы³ исполнены были впечатлений высоких, — писал Кулиш. — То читали Пушкина... то радовались письмам безценного П[етра] А[лек-

¹ «Гоголиана» № 359.

² Там же.

³ Речь идет о женитьбе Кулиша на Александре Михайловне Белозерской (1829—1911), украинской писательнице, выступавшей в литературе под псевдонимом Ганна Барвинок.

сандровича] (Плетнева. — Д. И.) и его домашних. К увеличению наших духовных наслаждений, П. А. прислал нам «Выбранные места из переписки с приятелями» Гоголя, с наказом запереться ото всех с Сашею и за раз прочитать внимательно всю книгу. Голос сердечного убеждения, которым проникнута эта книга, поразил теперь меня самого, хотя в Петербурге первые листы этой книги, тогда изготовлявшейся, показались мне ниже таланта Гоголя; а мой друг¹ так восхищался некоторыми письмами (особенно письмом: «Женщина в свете»), что хотел переписать их для себя, но я подарил ему всю книгу».

Показания Кулиша о тайном революционном воздействии Белинского и Некрасова на Гоголя дополняют весьма скудные фактические данные, которые имеются в литературе по очень важному вопросу о борьбе Белинского с объединенными силами реакции за Гоголя. Белинский боролся за Гоголя не только в своих опубликованных критических статьях, рецензиях и письмах. Он пытался оказать на Гоголя и личное влияние во время немногочисленных свиданий с ним.

Впервые в печати о тайной встрече Гоголя с Белинским в Москве в январе 1842 г., скрытой Гоголем от его консервативных друзей С. Т. Аксакова, Погодина, Шевырева и Плетнева, упомянул П. В. Анненков в 1857 г. в своих ценных воспоминаниях о Гоголе.

Называя Белинского «замечательным деятелем своего времени», Анненков отмечает, что «Гоголь не мог оставить его без внимания и с первого же знакомства получил от него услугу, немаловажную по своим последствиям. Обычный формальный ход рукописи «Мертвых душ», как мы уже сказали, встретил в Москве какого-то рода затруднения. Гоголь еще не знал, на что решиться, когда, пользуясь случайным пребыванием Белинского в Москве, он назначил ему в доме одного знакомого свидание, но, как следовало ожидать, под условием величайшего секрета. Пренебречь ропотом друзей, завязав откровенные сношения с критиком, он не мог»².

Вторая тайная встреча Гоголя с Белинским, по свидетельству П. В. Анненкова, произошла в Петербурге на

¹ А. М. Белозерская.

² П. В. Анненков, Литературные воспоминания, СПб. 1909, стр. 58.

квартире у Н. Я. Прокоповича (друга и школьного товарища Гоголя) в период с 27 мая по 5 июня 1842 г.¹

Несмотря на конспиративность московской встречи Белинского с Гоголем, слухи о ней проникли в среду его московских друзей — семью Аксаковых, к Шевыреву и Погодину.

В своих воспоминаниях о прохождении в печати рукописи первого тома «Мертвых душ» С. Т. Аксаков писал: «Гоголь... послал рукопись в Петербург прямо к цензору Никитенко, и кажется, послал с Белинским, по крайней мере не сказал нам, с кем. У нас возникло подозрение, что Гоголь имел сношение с Белинским, который приезжал на короткое время в Москву, секретно от нас; потому что в это время мы все уже терпеть не могли Белинского, переехавшего в Петербург для сотрудничества в издании «Отечественных записок»².

Таким образом, показание Кулиша в письме его к В. И. Шенроку от 5 января 1890 г. не только подтверждает воспоминания П. В. Анненкова и С. Т. Аксакова, но и расширяет их, называя участниками тайных свиданий с Гоголем кроме Белинского — Некрасова, Краевского и Панаева.

Н. Л. Степанов в своей статье «Белинский и Гоголь» высказал предположение, что во время московской встречи Гоголя с Белинским велись переговоры о сотрудничестве Гоголя в «Отечественных записках»³.

Закономерно также предположить, развивая мысль Н. Л. Степанова, что переговоры Белинского с Гоголем о сотрудничестве в «Отечественных записках», начатые в Москве, были продолжены в Петербурге при участии редактора-издателя журнала А. А. Краевского.

Это вполне вероятно еще и потому, что 20 апреля 1842 г. Белинский писал Гоголю из Петербурга в Москву: «Очень жалею, что «Москвитянин» взял у вас все и что для «Отечественных записок» нет у вас ничего. Я уверен, что это дело судьбы, а не вашей доброй воли или вашего

¹ В это время Гоголь был в Петербурге, откуда уехал за границу, поручив издание своих сочинений Прокоповичу.

² С. Т. Аксаков, История моего знакомства с Гоголем, М. 1890, стр. 54.

³ Н. Л. Степанов, ст. «Белинский и Гоголь», сб. «Белинский историк и теоретик литературы», АН СССР, М.—Л. 1949, стр. 290.

исключительного расположения в пользу «Москвитянина» и к невыгоде «Отечественных записок». Судьба же давно играет странную роль в отношении ко всему, что есть порядочного в русской литературе: она лишает ума Батюшкова, жизни Грибоедова, Пушкина и Лермонтова — и оставляет в добром здоровье Булгарина, Греча и других им подобных негодяев в Петербурге и Москве; она украшает «Москвитянина» вашими сочинениями и лишает их «Отечественные записки»¹.

И, следовательно, во время свидания с Гоголем в Петербурге в период с 27 мая по 5 июня 1842 г. Белинский вновь попытался привлечь Гоголя к сотрудничеству в «Отечественных записках».

* * *

*

Кулиш всемерно содействовал Н. А. Белозерской в ее работе над статьей о М. И. Гоголь и ее сыне. После же опубликования статьи Белозерской (в мартовской книге журнала «Русская старина» за 1887 г.) Кулиш занял выжидательную позицию. Ему не хотелось перед сестрой писателя, верившей ему как биографу Гоголя, и литературной общественностью обнаружить свое благожелательное отношение к статье Белозерской и свою враждебность к Гоголю, поэтому он, пользуясь всякого рода благовидными предложениями, постарался увильнуть от написания возражений на статью Белозерской.

Что же касается отношений Кулиша к А. В. Гоголь, то и здесь сказалось свойственное Кулишу лицемерие. Он уверял ее в своем неизменном дружеском расположении и в глаза всячески расхваливал в такой мере, что А. В. Гоголь в письме Кулишу (от 22 декабря 1887 г.) указала, что «похвалы такой чрезмерной» она не заслуживала. За спиной же у А. В. Гоголь Кулиш иронически о ней отзывался. Так, например, в письмах к В. И. Шенроку 1890 г. он называл ее легкомысленной фантазеркой, обожествлявшей своего брата.

Эта ироническая характеристика сестры писателя несправедлива. А. В. Гоголь горячо любила брата и чтала его память, однако это вовсе не значит, что она идеализи-

¹ Письма Белинского, т. II, СПб. 1914, стр. 308.

рвала, обожествляла его, как это утверждает Кулиш в письмах к Шенроку.

В одном из писем к Кулишу (19 августа 1887 г.) А. В. Гоголь, характеризуя брата, заявляет: «При том, говорю беспристрастно, что у него было много мелких недостатков (подчеркнуто нами. — Д. И.), но он был самый честный, добрый до самоотвержения и любящий человек, а не холодный эгоист, как его выставили»¹. (А. В. Гоголь имела в виду вышеназванную статью Н. А. Белозерской).

Таким образом, А. В. Гоголь, признавая, что у ее брата было много мелких недостатков, считала необходимым в интересах справедливого и объективного суждения о нравственном облике писателя указать на положительные стороны его характера: его гуманность, доброту и честность. Кулиш же скрыл от общественности письма А. В. Гоголь и неверно охарактеризовал ее личность и ее отношение к брату.

Как уже было сказано, А. В. Гоголь верила Кулишу. Она думала, что Кулиш беспристрастный и справедливый биограф писателя. Однако, как только А. В. Гоголь узнала о двойственной игре Кулиша, она со свойственной ей прямотой и принципиальностью порвала с ним всякие отношения.

¹ «Гоголиана» № 209.

ГОГОЛЬ В ПОЛТАВЕ

ГОГОЛЬ В ПОЛТАВСКОМ ПОВЕТОВОМ УЧИЛИЩЕ

В обширной биографической литературе о Гоголе одним из самых мало изученных и слабо освещенных является полтавский период его жизни.

Этот период, хотя и непродолжителен, однако представляет интерес для биографов писателя, так как в это время юный Гоголь впервые приобщается к систематическому образованию, впервые попадает в сферу влияния школьных учителей, высказывает свои мысли в письмах к родителям и бабушке.

На протяжении 100 лет в биографической литературе о Н. В. Гоголе по поводу пребывания и учебы его в Полтаве существовали разноречивые мнения. Некоторые биографы и исследователи, как например С. Венгеров¹, Ч. Ветринский², Н. Котляревский³ и другие, вовсе не упоминают о годах учения Гоголя в Полтаве и говорят лишь об учении Гоголя в Нежине в Гимназии высших наук.

Другие биографы — Кулиш, Шенрок, Пыпин, Анненков, Кирпичников, Иванов, Морозов утверждали, что Гоголь в учебных заведениях Полтавы не учился, а лишь готовился к поступлению в полтавскую гимназию на дому у учителя гимназии вместе со своим младшим братом Иваном, причем никто из биографов, за исключением Шенрока, не называл фамилию учителя, который готовил Гоголя к поступлению в гимназию.

¹ С. А. Венгеров, Писатель-гражданин, СПб. 1901.

² Ч. Ветринский, Н. В. Гоголь. Биографический очерк. Иллюстр. изд. соч. Н. В. Гоголя, т. I, СПб. 1902.

³ Н. Котляревский, Н. В. Гоголь, СПб. 1909.

В. И. Шенрок так передавал воспоминания об этом близкого друга Гоголя А. С. Данилевского: «В 1818 году я (Данилевский. — Д. И.) поступил в Полтавскую гимназию. Тут после некоторых разговоров мы (Данилевский и Гоголь. — Д. И.) вспоминали друг друга. Вместе с ним мы пробыли года два. Он жил вместе с братом у учителя Спасского»¹.

Утверждение о том, что Гоголь учился в полтавской гимназии повторил и В. В. Каллаш — редактор и издатель сочинений Гоголя. В его биографическом очерке о писателе читаем: «После домашнего приготовления (учил Гоголя какой-то семинарист) его отдают с братом Иваном в полтавскую гимназию, но там пришлось пробыть недолго; брат умер и родители поспешили взять Н. В. домой»².

Характерно, что это же утверждение повторяется и в работах советских гоголеведов, опубликованных в последнее время. Так, например, А. Дубовиков, комментируя в 1950 г. письмо Н. В. Гоголя к А. С. Данилевскому от 2 ноября 1831 г., указывал, что «Данилевский учился вместе с Гоголем в полтавской гимназии»³. Любопытно отметить, что даже на одном из стендов гоголевского музея в Нежинском государственном педагогическом институте помещен фотоснимок полтавской гимназии с указанием, что в этой гимназии Гоголь обучался. А между тем Гоголь никогда в полтавской гимназии не учился.

Столь противоречивые и неверные сведения биографов Гоголя о его учебе в Полтаве объяснялись главным образом отсутствием документальных данных о полтавском периоде в жизни Гоголя, и лишь в 1909 г., в столетнюю годовщину со дня рождения великого писателя, гоголевскому музею при Нежинском филологическом институте были переданы от попечителя Киевского учебного округа материалы, частично проясняющие этот вопрос.

Мы имеем в виду «Дела Полтавского уездного училища за 1819 год», которые в настоящее время хранятся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР.

¹ В. И. Шенрок, Материалы для биографии Гоголя, т. I, М. 1892, стр. 100.

² Сочинения и письма Н. В. Гоголя, Ред. и биогр. очерк В. В. Каллаша, СПб. 1909.

³ Н. В. Гоголь, Собр. соч., т. VI, М. 1950, стр. 344.

«Дела» представляют собой книгу в 199 листов в красноватом картонном переплете.

В ведомостях об учениках первого класса высшего отделения полтавского поветового училища за февраль, апрель, май, июнь 1819 г. (листы 108, 120, 124, 132), а также за вторую половину 1819 учебного года (листы 142, 152) в составе учеников этого класса училища значатся «Николай Яновский 10 лет» и «Иван Яновский 8 лет», причем сказано, что оба мальчика поступили в училище «3 августа 1818 года».

Таким образом, можно считать документально установленным, что с 3 августа 1818 г. по 30 июня 1819 г. Николай Гоголь вместе со своим братом Иваном обучались в высшем отделении первого класса полтавского поветового училища.

Что же представляло собой полтавское поветовое училище в тот период, когда в нем учился Гоголь, какова была его учебная программа, кто были учителя Гоголя и чему они его учили?

Изучение материалов полтавского поветового училища за 1819 год дает нам основание для того, чтобы ответить на эти вопросы.

«Дела» состоят из различных бумаг и документов. Здесь реестры исходящих и входящих бумаг смотрителя полтавского поветового училища, ведомости об учениках первого класса низшего отделения, учениках первого класса высшего отделения, учениках второго класса училища за первое и за второе полугодие 1818/19 учебного года. Здесь циркуляры и предписания высшего училищного начальства, месячные ведомости о приходе и расходе денежных сумм, педагогические журналы училища с «августа 1818 года по 1 января 1819 г., а также и за 1819-й год» и другие материалы.

Особый интерес из материалов училища представляют указы и предписания «высшего начальства» — они свидетельствуют о той реакционной обстановке, в которой проходило воспитание школьников, о политике жестокого религиозного угнетения, проводившейся Александром I в последние годы его царствования и его ближайшим помощником, министром духовных дел и народного просвещения, мракобесом и мистиком князем А. Н. Голицыным.

Министр духовных дел и народного просвещения реакционер Голицын в своих указах предлагал в основу всех наук, изучаемых в школе, положить закон божий, священное писание и вообще учение христианской церкви. Эти указы Голицына передавались в полтавское поветовое училище через попечителя Харьковского учебного округа З. Я. Карнеева, директора училищ Полтавской губернии И. Н. Огнева и неукоснительно исполнялись смотрителем училища Зозулиным и учителями Фатеевым, Савинским, а также законоучителем протоиереем Слютинским.

Интересно документально проследить, как изо дня в день Голицыным и его подручными насаждалась эта реакционная идеология, враждебная живому развитию умов юношества.

В письме «Г. штатному смотрителю полтавского поветового училища» от 4 февраля 1819 г. (лист 34) директор училищ Полтавской губ. Огнев сообщал, что «согласно предписанию г. министра духовных дел и народного просвещения, князя Александра Николаевича Голицына... при ежегодных публичных испытаниях всегда начинать экзамен с закона божия..., заключающего в себе главную и существенную цель образования».

В следующем письме на имя Зозулина (от 22 марта 1819 г.) прямо и решительно подчеркивалось, что основанием всех наук является священное писание, а посему предписывалось от имени «его превосходительства попечителя Харьковского учебного округа и кавалера Захара Яковлевича Карнеева, о прилежнейшем наблюдении во всех учебных заведениях, дабы все науки имели основание священное писание и вообще христианское учение» (лист 40).

В своем религиозно-мистическом рвении Голицын в мае того же 1819 г. предложил расширить круг богословских предметов, изучаемых в народных училищах. В предписании Огнева штатному смотрителю полтавского поветового училища за № 496, полученном 29 мая 1819 г. (лист 50), читаем: «Его сиятельство господин министр духовных дел и народного просвещения и кавалер Александр Николаевич Голицын предложить изволил... приняв в уважение существенную необходимость для учащихся по народным училищам в чтении священного писания, по великой пользе от того происходящей, признал за нужное,

дабы во всех гимназиях, уездных приходских и других училищах сверх преподавания обыкновенных уроков в законе божием, читаем был в известное определенное время новый завет. Директоры и смотрители училищ, наипаче же наставники в законе божием должны необходимо сие соблюдать».

В числе весьма скудных учебных пособий, рекомендованных для прохождения в народных училищах, была книга «О должности человека и гражданина». Мракобесу Голицыну эта, отнюдь, конечно, не революционная книга показалась недостаточно проникнутой церковной схоластикой, и он приказал заменить ее чтениями текстов из священного писания, а именно — книгой «Чтения из евангелистов»¹.

В июле 1819 г. министром Голицыным было предписано принять, как правило, «чтобы каждое утро перед начатием учения во всех гимназиях, уездных и приходских училищах собирались учащиеся за полчаса до определенного времени и читана была одна глава из нового завета в присутствии всех учителей» (лист 65).

Попечитель Харьковского учебного округа Захар Карнеев в таких выпенренных фразах разъяснял Харьковскому университету, которому подчинялось полтавское училище, «премудрость» министра Голицына, «осчастливившего» народные училища новым обременительным церковным обрядом: «Императорскому Харьковскому университету. Из прилагаемого при сем в копии предписания господина министра духовных дел и народного просвещения увидит университет всю попечительность верховного начальства о утверждении для блага общего в воспитывающемся юношестве спасительной христианской нравственности чрез введение по всем училищам чтения нового завета» (лист 65).

Вот в таких тяжелых условиях, в обстановке религиозного угнетения молодых умов подрастающего поколения, пришлось провести первый год своей учебы будущему великому писателю. И неудивительно, что болезненный и впечатлительный мальчик с живым и пытливым умом и

---

¹ Циркуляр по этому поводу министра духовных дел и народного просвещения от 5 июля 1819 г. № 1822 гласил: «Вместо употребляемых ныне в уездных училищах книг о должности человека и гражданина ввести в употребление по всем училищам... чтения из священного писания» (лист 64).

острой наблюдательностью не проявил интереса к церковной схоластике, преподносимой «лошадиными» дозами, и оказался неспособным ее воспринять.

В делах полтавского поветового училища за 1819 г. имеются весьма любопытные ведомости, характеризующие поведение, прилежание и способности ученика первого класса высшего отделения училища Николая Яновского (Гоголя) за февраль, апрель, май и июнь 1819 г.

В первой ведомости за февраль (лист 108) отмечается, что Николай Яновский в способностях «посредствен», в прилежании «посредствен» и поведении «благонравен». Такую же среднюю оценку получает Гоголь за апрель, за исключением графы «поведение», где сказано, что он в поведении «порядочен» (лист 120). Однако по мере приближения к концу учебного года оценки способностей и прилежания Гоголя ухудшаются. Учитель Анастасий Савинский в ведомости за май (лист 124) отметил, что Гоголь «ленив». Еще хуже обстоит дело в июне, завершающем учебный год. В ведомости за июнь (лист 142) рукой того же Анастасия Савинского написано, что по способностям Гоголь «туп», в прилежании «слаб», а в поведении «резв».

30 июня 1819 г. в полтавском поветовом училище в присутствии гражданского губернатора, архимандрита, директора полтавских училищ, преподавателей гимназии, «при стечении дворян и духовенства и разного звания посет[ителей]» (лист 148) были произведены испытания на предмет определения учеников, достойных к переводу в высшие классы.

К сожалению, из архивных материалов училища не видно — подвергались ли испытаниям Николай Гоголь и его брат Иван. Вместе с тем эти материалы дают основание сделать вывод, что Николай Гоголь не был переведен из первого во второй класс училища. Его фамилии нет в списке учеников, «отличивших себя прилежанием и добрым поведением, удостоенных по предварительному испытанию к переводу в высшие классы» (лист 138).

Что же представляли собой учителя и воспитатели Гоголя, которые так «прозорливо» определили способности будущего гениального русского писателя?

Учительский персонал полтавского поветового училища был невелик. Во главе училища стоял штатный смотритель титулярный советник Иван Никитыч Зозулин. Из

послужного списка Зозулина (лист 178) видно, что он происходил из купцов Черниговской губ. Зозулин не получил высшего образования, хотя и обучался «математическим и историческим наукам»; и был с 1799 г. учителем «по физико-математическим частям», а в июне 1807 г. был назначен смотрителем полтавского поветового училища.

Зозулин был ревностным служакой, беспрекословно выполняющим предписания начальства. Он и в помыслах своих не разрешал себе сомневаться в «справедливости» и «мудрости» указаний «верховного начальства», которое не только по своему произволу распоряжалось судьбой школьных чиновников, но и управляло всей духовной жизнью молодого поколения. В пылу служебного рвения Зозулин записал в протокол педагогического совещания от 20 апреля 1819 г.: «Исполнять в точности предписания его превосходительства, называющего души и сердца юношества».

Зозулин напоминал собой тип забитого, напуганного и недалекого провинциального смотрителя училищ, которого Гоголь изобразил в своей бессмертной комедии «Ревизор». С полным основанием он мог сказать о себе словами Луки Лукича Хлопова из «Ревизора»: «Не приведи бог служить по ученой части, всего боишься. Всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек».

Из документов полтавского поветового училища видно, что духом бюрократизма, казенной исполнительности были проникнуты не только смотритель, но и педагоги училища: учитель закона божьего протонерей Георгий Слютинский, учитель «математических предметов» Федор Ильич Фатеев, а также учитель истории и географии Анастасий Анастасьевич Савинский.

Несмотря на то, что Фатеев и Савинский получили высшее образование — первый окончил Харьковский университет, второй — Петербургский педагогический институт, оба не проявили ни малейшей заинтересованности в том, чтобы учащиеся усвоили преподаваемые ими предметы. Это видно из того, что третья часть учеников первого класса высшего отделения, где учился Гоголь, — 15 человек по аттестации Фатеева и Савинского отнесена к разряду «тупых и неспособных». В их число, как мы уже указывали, попали Николай Гоголь и его брат Иван.

Поражает казенность и серость немногочисленных педагогических собраний училища за 1818/19 учебный год.

На этих собраниях главным образом зачитывались предписания начальства или положения из устава народных училищ. Серьезные учебно-методические вопросы на педагогических заседаниях полтавского поветового училища не обсуждались.

И несмотря на все это училищный комитет императорского Харьковского университета по докладу своего члена профессора Успенского, ревизовавшего полтавское поветовое училище, признал деятельность училища «в совершенном порядке» и отношением от 26 сентября 1819 г. объявил благодарность за «усердное прохождение должности» смотрителю Зозулину и учителю Фатееву (лист 81).

Это лишний раз подтверждает, что училищное начальство интересовало не состояние учебно-методической работы, а формально-бюрократическое выполнение персоналом училища предписаний князя Голицына, поставившего своей задачей подчинить тлетворному влиянию верноподданнических, мистических идей «души и сердца юношества».

* *
*

Пользуясь документальными данными из архива полтавского поветового училища, установим объем пройденных Николаем Гоголем школьных предметов за год его пребывания в первом классе высшего отделения училища.

В штатной ведомости этого класса за июнь 1819 г. (листы 131, 132) учителем Федором Фатеевым отмечено, что окончена первая часть арифметики, а из второй части пройдено до десятичных дробей.

Учитель Анастасий Савинский записал: «Российская грамматика кончена; из должностей человека и гражданина (пройдено. — Д. И.) до статьи 2; занимались разбором грамматическим, также изучением латинских молитв и заповедей и чтением французского и немецкого языков» (лист 132).

И, наконец, протоиерей Георгий Слютинский отметил в ведомости: «Из катехизиса пройдено до 8-й заповеди и из истории пройдено — история церкви ветхого завета и изновлено до 14-го параграфа» (лист 132).

Как мы видим, русская литература, или «российская словесность», как тогда она называлась, в училище не изучалась.

Любопытно отметить, что оба учителя Гоголя, Фатеев и Савинский, как это указано в их послужных списках, окончили «курс наук математических и исторических». Этим же наукам обучался и смотритель училища Зозулин. И, следовательно, все они не имели специального филологического образования, что, впрочем, не мешало Савинскому преподавать русский, латинский, немецкий и французский языки и читать ученикам книгу «О должности человека и гражданина», а во втором классе, сверх того, всемирную и российскую историю.

Таким было первое учебное заведение, в котором Гоголю пришлось учиться. Характерно, что даже непосредственное начальство считало полтавское поветовое училище гиблым местом, куда можно ссылать провинившихся гимназистов.

Яркий пример этого — письмо директора училищ Полтавской губ. Огнева на имя штатного смотрителя училища Зозулина в марте 1819 г. (лист 52). Вот его содержание: «Сим предписывается вашему благородию принять в число учеников 2-го класса подведомого вам училища, переведенного мною из первого класса гимназии в наказание за шалость ученика Григория Сапицкого и поручить учителям, дабы они имели за поведением его неослабное смотрение». (Подчеркнуто нами. — Д. И.).

Итак, сам «просвещенный» директор полтавских уездных училищ, он же директор полтавской гимназии, И. Д. Огнев, сравнивая гимназию с училищем, считал пребывание в последнем «наказанием». И вот такому наказанию на протяжении года подвергался Николай Гоголь — будущий великий писатель.

* *
*

Возникает вопрос — знал ли отец Гоголя Василий Афанасьевич, человек умный и образованный, о состоянии учебно-воспитательной работы в полтавском поветовом училище, и если знал, то почему он все же определил своих сыновей в это училище?

На эти вопросы краткий, но исчерпывающий ответ дает недавно обнаруженный нами в семейном архиве Гоголей черновик письма В. А. Гоголя Д. П. Трощинскому.

Черновик письма свидетельствует о том, что В. А. Гоголь и авторитетный для него племянник Д. П. Трошинского генерал-майор в отставке Андрей Андреевич Трошинский отрицательно относились к полтавскому поветовому училищу. Однако В. А. Гоголь вынужден был определить своих сыновей в это училище потому, что он не имел материальных возможностей отдать своих детей в лучшее учебное заведение.

Василий Афанасьевич писал по этому поводу Д. П. Трошинскому: «Андрей Андреевич на пути своем в Воронеж удостоил нас своим посещением, а на другой день проводил я Андрей Андреевича до Полтавы. Не могу умолчать, что при сем случае представил в Полтавское училище детей моих, весьма неодобряемое Андреем Андреевичем, но нечего делать... принужден отдать (их. — Д. И.) в Полтавское училище, не имея средств доставить им лучшее место воспитания»¹.

Может показаться странным и неискренним заявление В. А. Гоголя о том, что у него нет средств для воспитания сыновей. Ведь он владел имением, в котором было 1000 дес. земли. А между тем В. А. Гоголь не лицемерил. У него действительно не было средств для того, чтобы воспитывать детей в дорогостоящих учебных заведениях того времени, и он вынужден был определить их в полтавское училище.

Вспомним, что и позже, в 1821 г., когда Николая Гоголя определили в нежинскую Гимназию высших наук кн. Безбородко, его отец хлопотал о том, чтобы сын обучался на казенный счет. Это ему удалось осуществить с помощью своих влиятельных петербургских родственников.

Дело в том, что в натуральном помещичьем хозяйстве Гоголей денег всегда было очень мало. Отец Гоголя, а после его смерти мать писателя предпринимали ряд попыток, чтобы улучшить экономическое состояние своего хозяйства путем организации производственной переработки сельскохозяйственного сырья, добываемого в имении (винокурение, кожевенный завод и др.).

Однако эти попытки были безуспешны, хозяйство Гоголей испытывало хроническое безденежье, о чем мы подробно говорили в разделе «О взаимоотношениях Гоголя и его матери».

---

¹ «Гоголиана» б/н. гог. 1125

Полтава второй половины XIX в.

Здание 6. полтавского поветового училища.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

Гоголь не оставил ни воспоминаний, ни писем, характеризующих его отношение к полтавскому поветовому училищу. Разумеется, что если бы такие материалы были обнаружены, то они стали бы достоянием общественности и давно бы прояснили этот вопрос.

Несмотря на отсутствие этих материалов, у нас есть основание утверждать, что время, проведенное Гоголем в училище, почти бесполезное с точки зрения приобретения знаний, все же не прошло даром для развития его гениального сатирического дарования.

Несомненно, что острая память будущего писателя хранила наблюдения и впечатления о полтавском поветовом училище, и позже Гоголь отразил эти впечатления в своем творчестве.

Мы прежде всего имеем в виду его первую реалистическую повесть «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», очень важную, как справедливо замечает В. Гиппиус, «для дальнейшего творческого развития Гоголя, для генезиса его зрелых реалистических произведений»¹.

«Уже четыре года, как Иван Федорович Шпонька в отставке и живет в хуторе своем Выгребеньках,— читаем мы в начале повести.— Когда был он еще Ванюшей, то обучался в гадячском поветовом училище и, надобно сказать, что был преблагонравный и престарательный мальчик».

Гоголь в своей повести знакомит читателей с обстановкой и нравами гадячского поветового училища, с его педагогами и учениками. Нетрудно убедиться, читая страницы повести, что все это напоминает то училище, в котором обучался сам Гоголь.

Учителя российской грамматики звали Никифор Тимофеевич Деепричастие. Он носил с собой в класс кленовую линейку, «которою, как сам он признавался, уставал бить по рукам ленивцев и шалунов».

Особенный трепет ученикам внушал учитель латинского языка, «которого один кашель в сенях, прежде нежели высовьзались в дверь его фризовая шинель и лицо, изукрашенное оспою, наводил страх на весь класс». Это был

---

¹ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. I, АН СССР, 1940, стр. 549.

«страшный учитель, у которого на кафедре всегда лежало два пучка розг и половина слушателей стояла на коленях».

Вот этот страшный учитель, рассказывает Гоголь, высек как-то раз даже Шпоньку, который отличался смиренным характером и благонравным поведением и «с этих пор робость, и без того неразлучная с ним (Шпонькой. — Д. И.) увеличилась еще более».

Особенно примечательны следующие строки Гоголевской повести: «Было уже ему (Шпоньке. — Д. И.) без малого пятнадцать лет, когда перешел он во второй класс, где, вместо сокращенного катехизиса и четырех правил арифметики, принялся он за пространный, за книгу о должностях человека и за дроби». Эти строки прямо воссоздают программу полтавского поветового училища в тот период, когда там учился Гоголь. Вспомним, что в первом классе полтавского училища Гоголь изучал арифметику до дробей, катехизис и книгу о должностях человека, замененную в июле 1819 г. приказом министра духовных дел и народного просвещения текстами священного писания.

Характерен и возраст Шпоньки: «...было ему без малого пятнадцать лет, когда перешел он во второй класс». Среди товарищей Гоголя было немало великовозрастных учеников. Назовем, например, пятнадцатилетних подростков Александра Мельникова и Матвея Носова, четырнадцатилетних — Виктора Давидовича и Кирилла Ольденбургера (листы 119, 120).

Таким образом, Гоголь, который писал свою повесть «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» в 1831 г., то есть через одиннадцать лет после ухода из полтавского поветового училища, воссоздал в повести картину школьной жизни его времени¹.

И дело, конечно, не в том, совпадают или не совпадают отдельные детали нарисованной Гоголем картины с тем, что в самом деле имело место в полтавском поветовом училище в бытность там Гоголя, ведь полтавское или гадячское училища не являлись исключением в системе царских училищ.

Главное заключается в том, что Гоголь в первом своем реалистическом произведении «Иван Федорович Шпонька

---

¹ Частично об этом говорит П. А. Заболотский в работе «К биографии Гоголя в полтавский период», Известия отд. русск. яз. и словесн. Российск. акад. наук, 1912, т. XVII, кн. 2, стр. 26,

и его тетушка», как подлинный художник-реалист, опираясь на свои жизненные наблюдения, на все пережитое в полтавском училище, не механически скопировал виденное и прочувствованное, а обобщил и типизировал все это. Он показал порочную систему царских народных училищ того времени, которые идейно и нравственно калечили подрастающее молодое поколение и воспитывали тысячи робких и покорных Шпонек.

* *
*

Еще более ярко показал Гоголь тлетворное влияние царской школы, воспитывающей в юношах чувство покорности, робости и низкопоклонства, в главе XI первого тома «Мертвых душ».

«Надобно заметить, что учитель (Чичикова. — Д. И.) был большой любитель тишины и хорошего поведения, — писал Гоголь, — и терпеть не мог умных и острых мальчиков: ему казалось, что они непременно должны над ним смеяться. Достаточно было тому, который попал на замечание со стороны остроумия, достаточно было ему только пошевелиться или как-нибудь ненароком моргнуть бровью, чтобы подпасть вдруг под его гнев. Он его гнал и наказывал немилосердно: «Я, брат, из тебя выгоню заносчивость и непокорность!» — говорил он. «Я тебя знаю насквозь, как ты сам себя не знаешь. Вот ты у меня постоишь на коленях! Ты у меня поголодаешь». И бедный мальчик, сам не зная за что, натирал себе колени и голодал по суткам, «способности и дарования — это все вздор!» — говорил он: «я смотрю только на поведение. Я поставлю полные баллы во всех науках тому, кто ни аза не знает, да ведет себя похвально: а в ком я вижу дурной дух да насмешливость, я тому нуль, хотя он Солона заткнет за пояс!».

Этот учитель имел обыкновение часто рассказывать «с наслаждением в лице и в глазах, как в том училище, где он преподавал прежде, такая была тишина, что слышно было, как муха летит, что ни один из учеников в течение круглого года не кашлянул и не высморкался в классе, и что до самого звонка нельзя было узнать, был ли кто там или нет».

«Чичиков вдруг постигнул дух начальника, — пишет

далее Гоголь, — и в чем должно состоять поведение. Не шевельнул он ни глазом, ни бровью во все время класса, как ни щипали его сзади; как только раздавался звонок, он бросался опроретью и подавал учителю прежде всех треух (учитель ходил в треухе); подавши треух, он выходил первый из класса и старался ему попасться раза три на дороге, беспрестанно снимая шапку. Дело имело совершенный успех. Во всё время пребывания в училище был он на отличном счету и при выпуске получил полное удостоверение во всех науках, аттестат и книгу с золотыми буквами: «За примерное прилежание и благонадежное поведение».

Вот мастерски нарисованная Гоголем картина воспитания в школьниках духа покорности и подхалимства. Чичиков учился в городском училище, причем Гоголь не называет город, в котором находилось это училище. Этим Гоголь как бы давал понять читателям, что подобное училище могло находиться в любом из городов, ибо обстановка, среда, условия воспитания, нравы учителей, изображенные Гоголем, были типичны и для других училищ царской России.

Отметим, вместе с тем, что и здесь Гоголь в известной мере творчески интерпретирует свои школьные впечатления полтавского периода. Характерно, например, что и в полтавском поветовом училище, в котором учился Гоголь, также были учителя — любители тишины и покорности, прививавшие ученикам низкопоклонство и угодничество. В полтавском училище существовал даже специальный термин «тих» для характеристики поведения покорных и безмолвных учеников. Этой оценкой «тих» в графе о поведении были «удостоены» ряд учеников первого класса высшего отделения полтавского поветового училища, в том числе младший брат Гоголя Иван, умерший летом 1819 г., вскоре после того, как братья оставили училище.

Что же касается самого Гоголя, то хотя он рано «постигнул дух школьного начальства», однако не захотел этому «духу» подчиниться. Наоборот, со свойственным ему еще в раннем детстве изумительным даром подмечать в людях смешное, он стал замечать смешные стороны в характере и поведении своих школьных учителей и высмеивать их.

И несомненно, что строки из главы XI первого тома «Мертвых душ», характеризующие учителя Чичи-

кова, который «терпеть не мог умных и острых мальчиков: ему казалось, что они непременно должны над ним смеяться», носят автобиографический характер. (Подчеркнуто нами. — Д. И.)

О том, что способность подмечать в людях комическое обнаружилась у Гоголя в раннем возрасте, еще в школе, свидетельствуют очень интересные строки из авторской исповеди самого Гоголя, которые мы цитируем по рукописной копии, хранящейся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР.

«Первые мои опыты, первые упражнения в сочинениях, по которым я получал навык в последнее время пребывания моего в школе, были все в лирическом¹ и серьезном роде, — писал Гоголь, — ни я сам, ни сотоварищи мои в сочинениях² не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим. Хотя, несмотря на мой меланхолический от природы характер, на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками, хотя в самых ранних моих суждениях о людях находили уменье заметить те особенности, которые ускользают от внимания других людей, как крупные, так и мелкие и смешные. Говорили, что умею не только, что передразнить, но угадать человека»³.

Исследователи творчества Гоголя отмечают, что описание школы в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» напоминает детство Чичикова⁴, и это справедливо. Читая страницы главы XI первого тома «Мертвых душ», посвященные описанию городского училища⁵, в котором учился Чичиков, вполне закономерно сделать вывод, что источником описания школы в «Шпоньке» и «Мертвых душах» наряду с другими жизненными наблюдениями являются и школьные воспоминания самого Гоголя.

Как видим, впечатления Гоголя, полученные в полтав-

---

¹ Здесь Гоголь имеет в виду свои первые литературные опыты в последние годы пребывания в нежинской Гимназии высших наук, в частности лирическую идиллию «Ганс Кюхельгартен», написанную еще в гимназии.

² Н. Кукольник, Любич-Романович, Прокопович и др.

³ Рукопись «Повесть моего авторства», 1847, «Гоголиана» б/н., стр. 10^а-11.

⁴ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. X, АН СССР, 1940, стр. 549.

⁵ Характерно, что в первой редакции главы XI первого тома «Мертвых душ» сказано, что Чичиков учился в уездном училище.

ском поветовом училище, отражены и в ранней повести «Иван Федорович Шпонька...», и в зрелом творчестве великого русского писателя («Мертвые души»).

Значение для Гоголя полтавского училища не исчерпывается, однако, этим очень важным обстоятельством.

В 1818—1819 гг. в полтавском поветовом училище обучалось 135 мальчиков и 6 девочек. По сословиям ученики распределялись следующим образом: дворян было 35, офицерских детей — 71, духовного звания — 8, купеческих — 3, мещан — 7, крестьянских детей — 17.

Таким образом, казенно-бюрократическое по организации учебного процесса полтавское поветовое училище было в большей мере демократичным по социальному составу учащихся, чем губернская гимназия, не говоря уже о привилегированных дворянских учебных заведениях.

Николай Гоголь общался с сыновьями разночинцев, крестьянскими детьми, и это способствовало формированию демократических тенденций в его мировоззрении еще в раннем детстве.

Отметим еще одно обстоятельство, связанное с пребыванием Гоголя в полтавском поветовом училище.

Биографы Гоголя — В. И. Шенрок¹, П. В. Владимиров² и др. отмечали, что в бытность Гоголя в нежинской Гимназии высших наук он был в большой дружбе с гимназистом Герасимом Высоцким. Биографы указывают, что остроумный и талантливый Высоцкий, который был старше Гоголя, оказал большое влияние на раннее юношеское творчество Гоголя. Письма Гоголя 1827 г. из Нежина в Петербург к Высоцкому, окончившему гимназию на два года раньше Гоголя и служившему в это время в Петербурге, подтверждают заключение биографов.

В своих письмах Гоголь уверяет Высоцкого в неизменной и глубокой дружбе, делится с ним самыми сокровенными юношескими идеалами, планами будущей деятельности на благо человечества, видимо считая Высоцкого авторитетом во всех этих вопросах. Вот почему гоголеведы³ ставили перед собой задачу шире охарактеризовать

¹ В. И. Шенрок, Ученические годы Гоголя.

² П. В. Владимиров, Из ученических лет Гоголя, Киев 1890.

³ См. ст. В. А. Десницкого, Задачи изучения жизни и творчества Гоголя, сб. «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. II, М. 1936.

взаимоотношения Гоголя и Высоцкого, раскрыть личность последнего.

К сожалению, сведения о личности Г. И. Высоцкого скудные. П. В. Владимирову, производившему специальные розыски в этом направлении, в 80-е годы прошлого столетия удалось установить только следующее: «Герасим Иванович Высоцкий жил в Переяславском уезде, Полтавской губернии, в 60—70 годах, в своем поместье. Он был тучного сложения, любил поеть и часто разъезжал по соседям, среди которых пользовался славой большого насмешника и остряка: иногда свои шутки излагал в стихах, между прочим, интересовался сочинениями по естественным наукам. Умер в начале 70-х годов»¹.

Пользуясь материалами полтавского поветового училища за 1819 г., дополним некоторыми сведениями справку П. В. Владимирова о Высоцком.

Оказывается, что Гоголь познакомился с Герасимом Высоцким не в нежинской Гимназии высших наук в 1821 г., как думают биографы писателя, а еще в 1819 г. в полтавском поветовом училище, во втором классе которого учился Высоцкий.

Из ведомостей полтавского поветового училища узнаем, что Герасим Высоцкий, который был на три года старше Гоголя, аттестован учителем Савинским как ученик очень хороших способностей и благонравного поведения.

В июне 1819 г. Высоцкий закончил «курс наук в училище, положенных по уставу», и выдержал испытания. Ему был выдан аттестат, в котором было указано, что Герасим Высоцкий, сын поручика Ивана Высоцкого, поступивший в училище 1 октября 1813 г. и «пробывший в оном училище по 30 июня 1819 года», окончил его «с превосходными успехами — при хорошем поведении» (лист 5).

Герасим Высоцкий был человеком одаренным, однако и он просидел в училище шесть лет, то есть по два года в каждом классе, о чем свидетельствует его аттестат. Это подтверждает наш вывод о трудности усвоения школьной схоластики, преподаваемой учителями по предписанию реакционного «верховного начальства».

Высоцкий был старожиллом училища, проведенным в нем шесть лет, а Гоголь новичком, и надо полагать, что старший по возрасту Высоцкий познакомил Гоголя с школьными

¹ П. В. Владимиров, Из ученических лет Гоголя, Киев 1890, стр. 10.

обычаями и нравами. Свойственная обоим мальчикам наблюдательность и умение подмечать смешное сблизили их и послужили основой прочной дружбы, которая развилась и укрепилась в нежинской Гимназии высших наук.

Подведем краткие итоги сказанному.

3 августа 1818 г. Николай Гоголь и его младший брат Иван были зачислены на высшее отделение первого класса полтавского поветового училища.

Ведомости полтавского поветового училища удостоверяют, что в феврале, марте, апреле, мае и июне 1819 г. Николай Гоголь учился на высшем отделении первого класса этого училища. Гоголь изучал катехизис, ветхий завет, «латинские молитвы», французский и немецкий языки, а также книгу «О должностях человека и гражданина».

Учителями Гоголя были протоиерей Георгий Слютинский, Федор Ильич Фатеев и Анастасий Анастасьевич Савинский. Училище возглавлял штатный смотритель Иван Никитович Зозулин.

Полтавское поветовое училище было типичным уездным училищем последних лет царствования Александра I, в период усиления реакционного гнета, проводником которого был верный сподвижник царя — министр духовных дел и народного просвещения, мракобес и мистик князь А. Н. Голицын, стремившийся в основу всех школьных предметов положить церковную схоластику.

Живой и пытливый мальчик оказался неспособным воспринять эту схоластику, и поэтому учителями Гоголь был аттестован как тупой и ленивый ученик. Он не был допущен к итоговым публичным испытаниям, проводившимся в училище 30 июня 1819 г. и не был переведен во второй класс училища.

Обучение Гоголя в училище в среде учеников, часть которых была детьми разночинцев и даже крестьян, способствовало демократизации мировоззрения будущего писателя.

Пребывание в полтавском поветовом училище не прошло бесследно для развития сатирического дарования Гоголя. Впечатления о полтавском поветовом училище, несомненно, отразились в творчестве великого писателя: в ранний период — в первой реалистической повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», в период зрелого мастерства — в гениальной поэме «Мертвые души».

НОВОЕ О ПОЛТАВСКОМ УЧИТЕЛЕ ГОГОЛЯ

Документы архива полтавского уездного училища за 1819 г. свидетельствуют, что с 3 августа 1818 г. по 30 июня 1819 г. Николай Гоголь вместе со своим младшим братом Иваном обучались в высшем отделении первого класса этого училища.

Летом 1819 г. в июне или июле Иван Гоголь умер, а Николай, будучи не переведенным во второй класс, ушел из училища. 1 мая 1821 г. Гоголь был принят в нежинскую Гимназию высших наук.

Возникает вопрос, что же делал Николай Гоголь в 1820 г.? В гоголеведении по этому поводу имели место самые разноречивые утверждения.

П. А. Заболотский, который исследовал «Дела полтавского уездного училища за 1819 год» и опубликовал в 1912 г. работу «К биографии Гоголя в полтавский период», так отвечал на этот вопрос: «Имея в виду свидетельство первого биографа Н. В. Гоголя Кулиша о том, что взятый из Полтавы на каникулы Гоголь оставался после (смерти) брата Ивана и до поступления в нежинскую Гимназию некоторое время дома, мы держимся того мнения, что, вернувшись из Полтавы в Васильевку летом 1820 года, Гоголь осень и зиму 1820—21 годов жил дома, пока с января 1821 г. шли хлопоты его отца об определении сына в только что открытую нежинскую Гимназию. Смерть брата Ивана, болезненность самого Николая Васильевича естественно могли побудить родителей Гоголя продержать мальчика конец 1820 и начало 1821 года дома»¹.

В 1940 г. в издательстве Академии наук СССР под редакцией проф. В. В. Гиппиуса вышел в свет десятый том полного собрания сочинений Н. В. Гоголя — «Письма 1820—1835 гг.». В начале этого тома приводятся «Даты жизни Н. В. Гоголя» по 31 декабря 1835 г. В записи за 1819—1820 гг. читаем: «Н. В. Гоголь после смерти брата Ивана (умер летом 1819 г.) учится в Полтаве, где именно, — не установлено».

Исследуя семейные архивы Гоголей, хранящиеся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки

¹ П. А. Заболотский, К биографии Гоголя в полтавский период, Известия отд. русск. яз. и словесн. Российск. акад. наук, СПб. 1912, т. XVII, кн. 2, стр. 2—3.

УССР, мы обнаружили два неизвестных письма, проясняющие этот вопрос в биографии великого писателя.

Мы имеем в виду два любопытных письма некоего Гавриила Сорочинского на имя отца Гоголя. Вот одно из них, написанное в Полтаве 14 августа 1820 г.:

«Милостивый государь Василий Афанасьевич!

Письмо ваше и 200 р. я получил исправно. Происшедшее прошу оставить все в забвении.

Провизию я получил. Гречаную муку отправляю обратно потому, что пополам с ячною, она для нас не годится. Масло получил исправно. Сала вместо 1 пд. 16 ф.—1 пд. 7 фунтов. Покорнейше вас прошу приказать отпустить повернее провизию.

Николаша ваш здоров и прилежен. Я и по сие время не решился еще нащут квартиры. Ищу повыгоднее.

Николашу вашего я хочу иметь в Гимназии волонтером, то есть на некоторые предметы не посылать для того, чтобы он не потерял много времени.

Извините, что я мало с вами знаком, а то мог бы уверить вас, что сын ваш в объятиях дружбы. Просил вас и теперь прошу будьте покойны, в противном случае вы лишаете меня всей охоты трудиться.

Если я не получу от вас скоро свидетельства¹, то оно и не будет нам нужно до приезда вашего. Курс учения как должно еще не начинался. Я поговорю с директором и если нужно будет, то Никоша может ходить в Гимназию свободно.

Пожалуйте пришлите денег на книги кои можно купить здесь, а именно: латинскую и французскую грамматики.

Пожелав вам с почтеннейшею вашею фамилиею всех благ. С истинным моим к вам почтением и преданностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугою Гавриил Сорочинский, августа 14-го 1820. Полтава»².

Таким образом, можно считать установленным, что в августе 1820 г. Гоголь жил и учился в Полтаве на дому у Гавриила Сорочинского.

Учитель Гавриил Сорочинский готовил Николашу Гоголя к поступлению в гимназию. Он хотел, чтобы Гоголь был в гимназии «волонтером», то есть вольнослушателем, и не посещал некоторых предметов.

Другое письмо Гавриила Сорочинского не датировано. Однако по его смыслу можно установить, что это письмо предшествовало вышеприведенному письму Сорочинского.

«Милостивый государь Василий Афанасьевич!

Я согласен на Ваши условия, но только с тем, 1-е, выбор квартиры оставить совершенно нашою волю, 2-е, прислать к 1-му сен-

¹ Речь идет о метрическом свидетельстве.

² «Гоголиана» № 469.

тября 6 четвертей ржаной муки, 6 пшенишной... гречаной 12 мерок, пшена 6 мерок, гречаных круп 6 мерок, 1 бочонок огурцов, меду 10 фунтов, сала полтора пуда, масла полпуда 3-е. Теперь же дать 300 денег да остальные по щоту за прежнее время. Все же остальное из провизии и денег доставить к первому Генваря будущего года.

Ка[са]тельно же квартиры Мышкова доложу вам, что я и сегодня перешол бы туда, но 1-е не имею ни пяти рублей денег, а должно расплатиться прежде с настоящею хозяйкою. 2-е. Не имею экипажа без коего по причине грязного здешнего города никак не только мне, но тем более детям жить там неудобно.

Естьли вам моя квартира вовсе не нравится, то... я отыщу лучшую как для себя, так и для Вашего сына.

С истинным моим к вам почтением имею честь быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою Гавриил Сорочинский.

P. S. Квартира Мышкова мне нравится. Естьли бы я не был в должности, то не желал бы лучшей. Но часто опаздывать на должность, что весьма легко может случиться, весьма нехорошо»¹.

В этом письме Гавриил Сорочинский сообщает Василию Афанасьевичу Гоголю, что согласен продолжать обучение Николая Гоголя на предложенных ему условиях и просит к 1 сентября прислать в Полтаву провизию, в том числе полтора пуда сала и полпуда масла. В письме же от 14 августа 1820 г. Сорочинский уведомлял отца Гоголя о том, что «масло получил исправно, сала вместо 1 пд. 16 ф. — 1 пд. 7 фунтов» и просит приказать «отпустить повернее провизию».

Можно предположить, что оно написано в июле 1820 г. Здесь же Сорочинский просит отца Гоголя выслать ему деньги за прежнее время, а «остальное из провизии и денег доставить к первому Генваря будущего года».

Все это дает основание сделать вывод, что Сорочинский начал обучать Николая Гоголя раньше июля, еще с весны 1820 г. Согласно договоренности с родителями Гоголя, их сын Николай, повидимому, должен был жить и обучаться у Сорочинского и зимой 1820/21 г.

Проясняется, таким образом, спорный и неясный вопрос в биографии великого писателя — где учился он в 1820 и начале 1821 г. до поступления его в мае 1821 г. в нежинскую Гимназию высших наук.

Письма Сорочинского способствуют, кроме того, раскрытию содержания одного из ранних полтавских писем Николая Гоголя к родителям.

В письме № 3 Николая Гоголя к родителям из Полтавы без даты, помещенном в десятом томе Полного со-

¹ «Гоголиана» № 468.

брания его сочинений (изд. АН СССР, 1940), имеются такие строки: «В прошедшее воскресенье я обедал у Ивана Алексеевича, на другой день видел Ивана Дмитриевича, возвращаясь из сада с Гавриилом Максимовичем. Иван Дмитриевич показывал нам свой дом».

Комментируя это письмо, С. Н. Дурылин указывает, что Иван Алексеевич «раскрыт» как полтавский прокурор Горбовский, Иван Дмитриевич — как знакомый Гоголей Тишевский, а «о Гаврииле Максимовиче — сведений нет»¹.

«Гавриил Максимович», повидимому, и есть Гавриил Максимович Сорочинский — полтавский учитель Гоголя.

Что же представлял собой Г. М. Сорочинский, человек, неизвестный в обширной биографической литературе о Гоголе?

Из его письма к В. А. Гоголю видно, что он служил, «был в должности», но где служил Сорочинский — неизвестно. Можно предположить, что он был в должности учителя полтавской губернской гимназии, куда готовил и своего ученика.

Исследуя архив нежинской Гимназии высших наук, мы обнаружили аттестат № 583, выданный полтавской губернской гимназией ученику Петру Баранову 30 июня 1822 г. Аттестат подписан десятью учителями полтавской гимназии. Среди них есть отчетливая подпись учителя латинского языка Сорочинского.

Это казалось счастливым подтверждением нашего предположения. Однако при сличении почерка подписи Гавриила Сорочинского в его письмах к В. А. Гоголю с почерком и подписью учителя латинского языка Сорочинского оказалось, что они не идентичны, и, следовательно, учитель Гоголя Гавриил Сорочинский и учитель латинского языка гимназии Сорочинский не одно и то же лицо.

Остается предположить, что Гавриил Максимович Сорочинский служил не в гимназии, а в другом ведомстве и в свободное от служебных обязанностей время обучал и воспитывал Николая Гоголя.

Любопытна и сама фамилия «Сорочинский». Это, повидимому, выходец из села Сорочинцы, Полтавской губ., в котором родился Гоголь.

В трех выпусках биографического словаря «Полтавцы», составленного И. Ф. Павловским (в 1912—1914 гг.), со-

¹ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. X, АН СССР, 1940, стр. 388.

общающего биографические сведения о многочисленных лицах Полтавской губ., главным образом из дворянских семей, начиная со второй половины XVIII в., фамилии Сорочинских нет. Это дает основание предположить, что Гавриил Сорочинский был разночинцем.

Василий Афанасьевич Гоголь был заметным лицом на Полтавщине. Помещик средней руки, владелец 1000 дес. земли, родственник и приближенный человек к вельможе Д. П. Трощинскому, пользовавшемуся огромным влиянием на Украине. Однако в письмах к В. А. Гоголю Гавриил Сорочинский не заискивает перед ним, а держится вежливого делового и независимого тона.

«Извините, что я мало с вами знаком, а то мог бы уверить вас, что сын ваш в объятиях дружбы. Просил вас и теперь прошу будьте покойны, в противном случае вы лишаете меня всей охоты трудиться».

Весьма характерна фраза «сын ваш в объятиях дружбы». Ее не мог написать бюрократ-чиновник или подхалим молчалинского типа. Примечательны и последние строки— «в противном случае вы лишаете меня всей охоты трудиться», а также заявление Сорочинского в предыдущем письме: «Я согласен на Ваши условия но только с тем, 1-е, выбор квартиры оставить совершенно нашою волю».

Уверения Сорочинского в том, что он дружески расположен к своему ученику и доволен его прилежанием и успехами, соответствовало действительности. Подтверждением этого служит письмо Николая Гоголя бабушке (Т. С. Гоголь-Яновской из Полтавы, 1820 г.). «Обрадуйте папильку и мамильку, что я успел в науках, то что в первом классе гимназии, учитель мною доволен».

Николай Гоголь, который учителями полтавского поветового училища был аттестован как тупой и ленивый ученик, под руководством опытного, внимательного и, повидимому, демократически настроенного педагога усвоил предметы в объеме первого класса губернской гимназии и 1 мая 1821 г. был принят во второй класс нежинской Гимназии высших наук, одно из лучших учебных заведений провинциальной Украины того времени.

ГОГОЛЬ В НЕЖИНЕ

ГОГОЛЬ В НЕЖИНСКОЙ ГИМНАЗИИ ВЫСШИХ НАУК

Семь лет — с 1 мая 1821 по 27 июля 1828 г. — Н. В. Гоголь провел в нежинской Гимназии высших наук кн. Безбородко. В этот период в основном сформировалось его мировоззрение, наметились общественные и литературные интересы, были написаны первые произведения.

Естественно, что ученические годы Гоголя привлекали пристальное внимание биографов писателя, некоторые из них изучали для этого архив нежинской Гимназии высших наук, хранящийся в настоящее время в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР.

В результате обследования архива нежинской гимназии в досоветское время было опубликовано ряд работ различной научной ценности. Из них назовем обстоятельное исследование академика Н. А. Лавровского «Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине (1820—1832 гг.)», вышедшее отдельной книгой в Киеве в 1879 г. и переизданное в 1881 г.¹, работу И. А. Сребницкого «Материалы для биографии Н. В. Гоголя. Из архива Гимназии высших наук»².

Н. А. Лавровский и в особенности И. А. Сребницкий не только использовали первоисточники, но частично и опубликовали документы и материалы нежинского архива и тем самым в известной мере способствовали прояснению мало изученного периода в жизни Гоголя.

Необходимо, однако, отметить, что, во-первых, работы Лавровского и Сребницкого устарели. Они написаны свы-

¹ Сб. «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», СПб, 1881.

² «Гоголевский сборник», под ред. проф. М. Сперанского, Киев, 1902, стр. 291—445.

ше 50 лет тому назад и печатались в условиях царской цензуры; во-вторых, оба исследователя подходили к оценке общественно-политических и литературных явлений с либерально-буржуазных позиций. Ни один из них не охарактеризовал социальную среду, в которой проходило воспитание будущего великого писателя. Оба стремились затушевать, смягчить политическую остроту известного «дела о вольнодумстве» прогрессивной части профессуры нежинской Гимназии высших наук. И, в-третьих, не все материалы и документы из архива нежинской гимназии, представляющие интерес, были опубликованы Лавровским и Сребницким, как, например, показания по «делу о вольнодумстве».

Что же представляла собой нежинская Гимназия высших наук, чему и как в ней обучали Гоголя, какие он обнаружил успехи в науках, каков был круг его интересов в ученические годы, под влиянием каких факторов складывался характер и формировалось мировоззрение молодого Гоголя, что представляли собой первые его литературные опыты, какое социальное содержание и значение «дела о вольнодумстве» и какое участие в нем принимал Гоголь — все эти вопросы в советском гоголеведении либо вовсе не разработаны, либо по-разному толкуются литературоведами. Представляется поэтому важным и необходимым не только вновь рассмотреть архивы нежинской гимназии, но и пересмотреть весь комплекс вопросов, связанных с ученическими годами Гоголя. Это тем более необходимо, что в ряде принципиальных положений, как, например, по вопросу о его мировоззрении в этот период, в советском гоголеведении нет единого, установившегося мнения.

1

Нежинская Гимназия высших наук была организована во второй половине 1820 г. на средства екатерининского вельможи, государственного канцлера князя А. А. Безбородко и его брата графа И. А. Безбородко. Почетным попечителем гимназии был утвержден воспитанник Царско-сельского лицейского пансиона Александр Григорьевич Кушелев-Безбородко, позже доктор этико-политических наук и действительный член Российской академии наук.

Нежинской Гимназии высших наук были присвоены права высших учебных заведений. Устав гимназии, ут-

Здание нежинской Гимназии высших наук.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

вержденный Александром I, гласил: «Гимназия сия есть публичное учебное заведение. Она состоит между учебными заведениями в числе занимающих первую степень после университетов... и отличается перед губернскими гимназиями высшей степенью преподаваемых в ней предметов и особенными ей дарованными правами и преимуществами».

Полный срок обучения в гимназии был девятилетний, разделенный на три разряда, или трехлетия. Слушатели последнего трехлетия — седьмого, восьмого и девятого классов, изучающие «высшие науки» в объеме университетских курсов, назывались студентами. В первом и втором трехлетии — до седьмого класса — ученики изучали предметы в объеме губернских гимназий.

Окончившие нежинскую гимназию получали энциклопедическое образование. В 10-м параграфе устава было сказано, что «...предметы учения в гимназии суть: 1-е закон божий; 2-ое языки и словесности российская, латинская, греческая, немецкая и французская; 3-е география и история; 4-е науки физико-математические; 5-е политические; 6-е военные и, сверх того, танцы, рисование и черчение».

Во втором, или среднем, трехлетии главным предметом, кроме закона божьего, были российская словесность, а именно: «общие правила логики, риторики и поэзии». Здесь же проходили всеобщую и российскую географию, древнюю и новую всемирную и российскую историю «со всегдашним указанием на историю христианской церкви», а также алгебру, теоретическую и практическую геометрию, тригонометрию, рисование и черчение.

В третьем, или высшем, трехлетии «сверх закона божия» проходила теория конических сечений, история последних трех столетий, с указанием на дипломатию, всеобщая естественная история по всем трем царствам природы; физика со включением общих законов статики и механики.

В программе высшего, третьего, отделения нежинской гимназии значительное место занимали политические, а в особенности юридические науки — «логика, начальные основания нравственной философии и естественного права, основания общего народного права и государственного хозяйства, краткая история римского законодательства и основание римского права, российское гражданское и уголовное право»¹.

¹ Устав нежинской Гимназии высших наук.

«Особенные права и преимущества», «дарованные» гимназии Александром I, заключались, в частности, в разрешении изучать политико-юридические науки, как например: естественное право, которое кроме нежинской гимназии изучалось только в Царскосельском лицее. Необходимо отметить, что обучение естественному праву в нежинской гимназии продолжалось и после повсеместного запрещения в 1824 г. преподавания его в гимназиях.

Лекции по естественному праву молодого талантливый прогрессивного профессора Николая Григорьевича Белоусова и явились основанием «дела о вольнодумстве», о котором мы подробно будем говорить в следующей главе нашей работы. Это «дело», которое на протяжении трех лет (с 1827 по 1830 г.) привлекало напряженное внимание всего коллектива гимназии, размежевало профессию гимназии на два противоположных, враждебных лагеря — прогрессивный во главе с проф. Н. Г. Белоусовым и реакционный во главе с проф. М. В. Билевичем и окончилось разгромом нежинской гимназии и изгнанием из нее прогрессивной профессуры — Белоусова, Шапалинского, Ландражина, Зингера и Андрущенко.

По-разному оценивали нежинскую Гимназию высших наук старые биографы Гоголя. Многопредметность учебной программы, острый недостаток знающих и опытных преподавателей, отдаленность от центров общественно-политической жизни России — все это не могло не сказаться на качестве учебного процесса. Но и с учетом этих существенных недостатков, если подходить к оценке гимназии конкретно-исторически, следует согласиться с заключением видного советского гоголеведа, покойного профессора В. В. Гиппиуса, что «нежинская Гимназия высших наук... была одной из лучших школ, какую можно было найти в условиях тогдашней украинской провинции»¹.

2

В досоветском гоголеведении широко распространенным и устойчивым было мнение о том, что Гоголь плохо учился в гимназии и почти никаких знаний в гимназии не приобрел. Характерно, что этого мнения придерживались и распространяли его не только люди, которые не были зна-

¹ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. I, АН СССР, 1940; стр. 22.

комы с первоисточниками материалов о Гоголе, но и биографы писателя, пользовавшиеся архивом нежинской Гимназии высших наук.

Версия о плохой успеваемости Гоголя получила широкое распространение «с легкой руки» его первого биографа П. А. Кулиша, который утверждал, что «Гоголь мало вынес познаний из нежинской Гимназии высших наук». «Будучи одним из слабейших воспитанников в гимназии, не обладал даже умеренным запасом сведений»¹.

Последовавшие за первым биографом исследователи полностью соглашались с мнением Кулиша и даже выражали его более определенно, чем Кулиш. Так, например, академик Н. А. Лавровский в своей работе «Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине» считал, что плохие успехи Гоголя в нежинской гимназии факт общеизвестный, не требующий доказательств. «Известно, что Гоголь плохо учился в гимназии и вел себя неодобрительно, — писал Лавровский, — так отзывались о нем его товарищи и некоторые преподаватели»².

И. А. Сребницкий, специально обследовавший архив Гимназии высших наук и опубликовавший ряд ценных материалов, в подтверждение плохой учебы Гоголя ссылался на архивные данные. «Вопрос о том, как учился Гоголь, многократно и многообразно трактовался его биографами, которые пользовались для этого архивными материалами, в виде ведомостей об успехах учеников, — писал Сребницкий, — из всех этих данных и исследований давно уже сделан один несомненный вывод, что Гоголь плохо учился в школе и вынес из нея очень мало познаний»³.

Утверждения о плохой успеваемости Гоголя в нежинской гимназии повторяются и в ряде статей советских литературоведов. Н. С. Ашукин в биографическом вступительном очерке к избранным произведениям Н. В. Гоголя, переведенным на украинский язык, писал: «Вчився Гоголь погано»⁴.

¹ Николай М. [П. Кулиш], Записки о жизни Н. В. Гоголя, СПб. 1856, стр. 20—21.

² Н. А. Лавровский, Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине (1820—1832), Киев 1879, стр. 52.

³ «Гоголевский сборник», под ред. проф. М. Сперанского, И. А. Сребницкий, Материалы для биографии Гоголя из архива Гимназии высших наук, Киев 1902, стр. 301.

⁴ М. Гоголь, Вибрані твори, Біогр. нарис Н. С. Ашукіна, Київ 1935, стр. 8.

Мы проследили успеваемость Гоголя начиная с момента поступления в гимназию и вплоть до ее окончания. На основании изучения фактических документальных данных (ведомостей об успеваемости, протоколов конференций гимназии и др.) мы пришли к выводу, что утверждения о том, что Гоголь плохо учился и не получил в гимназии почти никаких знаний, не только сильно преувеличены, а прямо искажают фактическое положение вещей.

Обратимся, однако, к фактам: 1 мая 1821 г. Гоголь был условно зачислен во второй класс нежинской Гимназии высших наук без предварительных вступительных экзаменов. В июне 1821 г. 24 ученика второго класса гимназии были подвергнуты испытаниям по 10 предметам (священное писание, закон божий, русский язык, арифметика, география, рисование). В результате испытаний Гоголь получил оценки: по закону божьему и священному писанию отличные, по всем остальным предметам удовлетворительные и по французскому языку и рисованию неудовлетворительные. Неудовлетворительная оценка по языку помешала его переводу в третий класс. Он был оставлен во втором классе гимназии.

Биографы используют тот факт, что Гоголь был оставлен во втором классе как одно из доказательств того, что он плохо учился. А между тем эти биографы ошибаются. Они забывают о том, что Гоголь был принят во второй класс гимназии в мае, то есть в самом конце учебного года, и уже в следующем месяце подвергся испытаниям вместе с учениками, обучавшимися весь учебный год, и, несмотря на это, получил почти по всем предметам удовлетворительные оценки.

Ближе других к правильной трактовке этого вопроса подошел В. И. Шенрок, однако и он не располагал точными сведениями. «Подготовка Гоголя оказалась крайне не блестящая: на приемном испытании он обнаружил удовлетворительные познания единственно в законе божием»¹, — писал Шенрок, тогда как мы знаем, что это были не приемные испытания, а экзамены при переходе из второго в третий класс, и Гоголь «обнаружил удовлетворительные

---

¹ В. Шенрок, Ученические годы Гоголя. Биографические заметки, М. 1887, стр. 54.

1822 г.

Императорской
Академии наук
и Корпуса просвещенных

Ордена Почетного
Консультанта
Гимназии высших наук
Князь Безбородко
С. Петербургу
Марта 3 дня
1822 года
№ 7

Во Гимназии Высших наук Князь
Безбородко

Сержанту поименно во Гимназии высших наук Князь Безбородко пенсионеру воеводскому коллежскому советнику Есау Кошкинскому Алексею Васильевичу предписать Гимназии вступить в число воспитанников сoderжаннаго на Гимназическом казенном

Гр. Кн. Андрей Николаевич Гоголь

№ 16248.
134/2

Распоряжение почетного попечителя нежинской Гимназии высших наук А. Г. Кушелева-Безбородко от 3 марта 1822 г. о зачислении Николая Гоголя на гимназическое иждивение.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

«познания» не только в «законе божием», но и еще в шести предметах — русском языке, арифметике, географии, истории, латинском и немецком языках.

Доказательством справедливости нашего заключения являются результаты следующих полугодичных испытаний в январе 1822 г., когда Гоголя экзаменовали по десяти предметам (закону божьему, арифметике, географии, истории, логике, русской, латинской, французской и немецкой грамматикам и рисованию).

По семи из этих предметов Гоголь обнаружил отличные знания, по закону божьему и русской грамматике хорошие, а слабые только по французской грамматике. Общая оценка его знаний на экзаменах по классификации конференции Гимназии высших наук (протокол от 24 января 1822 г.) — 4, которая являлась высшим баллом, имел в виду, что в гимназии была установлена четырехбалльная система отметок. В том же протоколе конференции гимназии сказано: «...для отчисления превосходных успехов брать цифру 4-ю, хороших — 3-ю, посредственных — 2-ю, слабейших — 1-ю». С этой общей отличной оценкой по предметам — 4 Гоголь был переведен из второго в третий класс гимназии (протокол конференции нежинской гимназии от 24 января 1822 г., подписанный директором и четырьмя профессорами).

Из писем тринадцатилетнего Гоголя домой перед экзаменами видно, как он настойчиво стремился повысить свои знания, ликвидировать пробелы в подготовке по отдельным школьным дисциплинам. В письме от 7 января 1822 г. он просил прислать ему «французскую грамматику, латинский лексикон, Ивана Кроненбурга, арифметику 2-ю часть..., нравоучительные сказки г-на Мармонтеля и рисовальную книгу и еще нравственные примеры с картинками», которые нужны ему «для перевода с русского на французский язык».

Очень хорошие успехи обнаружил Гоголь и в третьем классе гимназии. В ведомостях гимназии за февраль 1822 г. значится, что у Гоголя по 10 предметам отличные и хорошие оценки (закон божий, русская словесность, география, история, математика, русский, латинский, французский, немецкий языки и рисование). То же самое и в ведомости за апрель. Отличная средняя оценка по предметам у Гоголя в мае, хорошая в июне.

В классификации поведения и успехов учеников третьего класса гимназии «по наукам, языкам и рисованию»¹ с 1 февраля по 1 июля 1822 г. Гоголь отнесен к ученикам хорошо успевающим с общей оценкой «хорошо». Переведен из третьего в четвертый класс гимназии.

В августе 1822 г. Гоголь писал своим родителям из Нежина: «Я теперь переведен в четвертый класс и, слава богу, учусь со всем старанием. К нам приехал новый профессор французского языка Ландражень. И я теперь со всяким старанием предаюсь сему языку. Не советуете ли мне учиться греческому языку, которого профессор уже приехал?».

Заявление Гоголя о том, что он учится «со всем старанием», соответствовало действительности. Это видно из того, что характеристика успеваемости Гоголя во втором полугодии 1822 г. (с 1 августа по 24 декабря) такая же хорошая, как и в первом полугодии. Общая средняя оценка его успехов в науках за это время «хорошо»².

К сожалению, журналы конференции гимназии за 1823 г. и ведомости успехов учеников пострадали во время пожара нежинского лицея, однако сохранившиеся ведомости дают все же возможность восстановить картину занятий Гоголя и в этом году.

В «Ведомости о поведении и успехах учеников за июнь по математическому классу и удостоении их при годичном испытании за 1823-й год по наукам и языкам» указано, что ученик четвертого класса Яновский Николай удостоен за 1823 г. по математике и по остальным предметам хороших оценок.

1 июля 1823 г. Гоголь был переведен в пятый класс гимназии и с августа учится в этом классе. В этот период усиливается интерес Гоголя к чтению, обнаружившийся у него еще в раннем возрасте. Во время каникул он широко пользуется книгами из библиотеки Д. П. Трощинского.

Успехи Гоголя в науках и в первом полугодии пятого класса продолжают оставаться хорошими. Он получает отличные и хорошие оценки по российской и немецкой словесности, истории и географии, алгебре и геометрии, хорошие и удовлетворительные оценки по латинскому и фран-

¹ Журналы конференции Гимназии высших наук за 1821—1822 г., стр. 98.

² Там же, стр. 191.

цузскому языкам. Еще выше оценки Гоголя во втором полугодии пятого класса. Ему выведен в среднем за полугодие отличный балл по наукам и языкам. Протокол от 5 июля 1824 г. журнала конференции гимназии гласил, что Николай Яновский переведен в шестой класс гимназии, а за «успехи в науках и языках, согласно уставу гимназии», награжден похвальным листом.

В первом полугодии 1824/25 учебного года ученику шестого класса гимназии Гоголю выведена средняя хорошая оценка по девяти предметам, а во втором полугодии — три с плюсом.

Гоголь продолжал успешно заниматься и в старших — седьмом, восьмом классах гимназии. Здесь у него в среднем по 11 и 12 предметам хорошие оценки с незначительными колебаниями по отдельным дисциплинам.

Интересно привести среднегодовые отметки Гоголя-студента за девятый класс гимназии, а также его отметки на окончательном выпускном экзамене.

Из двадцати шести предметов, изучаемых в девятом классе, у Гоголя отличные и хорошие оценки по двадцати одному предмету и удовлетворительные по пяти. Однако и эти, в среднем хорошие, оценки не удовлетворили Гоголя, и он последнее полугодие перед выпуском усиленно занимается, чтобы на выпускном экзамене добиться высоких оценок.

В письме из Нежина от 15 декабря 1827 г., за полгода до испытаний, Гоголь извещает мать, что он «теперь совершенный затворник в своих занятиях», он занимается «целый день с утра до вечера, ни одна праздная минута не перерывает глубоких занятий». Напряженная работа Гоголя увенчалась успехом. На выпускных экзаменах он по двадцати предметам получил отличные оценки, по трем (коническому сечению, общей физике и немецкому языку) — хорошие оценки и только по дифференциальному исчислению удовлетворительную оценку. Отличными баллами Гоголь был удостоен по нравоучительной философии, российской словесности, древней, средней, новой и российской истории, общей и частной физике, минералогии, ботанике и зоологии, истории римского права, российскому уголовному и гражданскому праву, латинскому и французскому языкам. Общий вывод у Гоголя в среднем по двадцати трем предметам на окончательных экзаменах «очень хорошо».

Вот фактические документальные данные, опровергающие версию, которая на протяжении ста лет широко распространялась биографами великого писателя о том, что Гоголь плохо учился в нежинской гимназии. Большое значение в ее возникновении и распространении имели воспоминания школьного учителя Гоголя И. Г. Кулжинского (1803—1884).

И. Г. Кулжинский преподавал в нежинской гимназии латинский язык. В 1854 и 1859 гг. Кулжинский опубликовал воспоминания о гимназии, в которых он писал: «От Гоголя менее всех можно было ожидать такой известности, какую он пользуется в нашей литературе. Это была terra rudis et inculta»¹ (почва невозделанная и необработанная).

Кулжинский утверждал, что в гимназии Гоголь «ничему не научился, как только переводить первый параграф из хрестоматии по латинской грамматике Кошанского»². «Чтоб грамматикальным образом оценить познания Гоголя при выпуске из гимназии,— продолжает далее Кулжинский,— я не обинуясь могу сказать, что он тогда не знал спряжения глаголов ни на одном языке. Впрочем это не помешало ему сделаться первоклассным писателем-художником»³.

Воспоминания Кулжинского получили самое широкое распространение в гоголеведении. Их много раз цитировали биографы писателя для того, чтобы подкрепить версию о плохой успеваемости Гоголя. А между тем эти воспоминания в основе своей неверны. Они документально опровергаются материалами из архива нежинской гимназии, подписанными рукой самого же Кулжинского.

Перед нами «Ведомость о поведении и успехах в латинском языке учеников Гимназии высших наук князя Безбородко. За август месяц 1825 года», составленная Кулжинским. В графе о пройденном учениками третьего отделения Кулжинский записал: «Повторили всю этимологию и из синтаксиса выучили от первых оснований языка до глаголов, управляющих именительным падежом.

¹ «Лицей кн. Безбородко», СПб. 1881, стр. 271.

² «Москвитянин», 1854, т. I, отд. V, «Воспоминания учителя», стр. 5.

³ «Лицей кн. Безбородко», СПб. 1881, стр. 271.

Сверх сего занимались переводом с русского языка на латинский».

В объеме повторенного и пройденного вновь материала Кулжинский спрашивал учеников третьего отделения и поставил Гоголю отличную оценку. Следовательно, утверждение о том, что Гоголь «ничему не научился по латинской грамматике», опровергнуто самим же Кулжинским.

Документально опровергается и второе утверждение Кулжинского. Если бы «Гоголь при выпуске не знал спряжения глаголов ни на одном языке», он не получил бы на выпускном экзамене отличных отметок по латинскому и французскому языкам и хорошего балла по немецкому языку¹.

Кулиш утверждал, что «не любя и не зная математики, Гоголь выписал «Математическую энциклопедию» Перевощикова, на собственные свои деньги, за то только, что она издана была в шестнадцатую долю листа»², так как очень любил издания миниатюрного формата.

Это утверждение Кулиша является клеветническим. Гоголь страстно любил книги и, естественно, предпочитал хорошо изданные книги. Вследствие неудовлетворительности математических учебников Фусса он на собственные, весьма ограниченные средства приобрел отечественную «Математическую энциклопедию» Перевощикова в 13 томах и основательно ее протудировал. Энциклопедия Перевощикова помогла ему хорошо усвоить некоторые математические теории, ликвидировать пробелы в математических познаниях. Доказательством этого могут служить два нежинских письма Гоголя его родственникам, братьям — Петру Петровичу и Павлу Петровичу Косяровским.

В первом письме от 13 сентября 1827 г. Гоголь писал: «На днях я получил 5-ю часть «Ручной математической энциклопедии», которая только что вышла. Не знаю, как воздать хвалу этому образцовому сочинению. Верите ли, что я, только читая ее, понял все то, что мне казалось темным, неудовлетворительным, когда проходил математику. Как убедительно изъяснена теория дифференциального и интегрального исчисления... Мне нра-

---

¹ Журнал конференции Гимназии высших наук от 27 июля 1828 г.

² Опыт биографии Н. В. Гоголя. Сочинения Николая М. (П. А. Кулиша. — Д. И.), СПб. 1854, стр. 18.

вится, что во всем этом курсе (который состоит из 13 томов) всякая часть, даже самая арифметика, написана так, что ее никак нельзя учить буквально, так, как многие делают с другими учебными книгами, особенно с геометрией — все здесь изъяснено, выведено, все основанно на умственном созерцании, но так просто, так легко, ясно изложено, что дитя в состоянии понимать его».

В другом письме на имя Павла Петровича Косяровского от 3 октября 1827 г. Гоголь разъяснял: «Вы спрашиваете меня, что это за ручная математическая энциклопедия? Она включает полное собрание физико-математических наук: по своему новейшему, прекрасному расположению, по вмещению в себе новых истин и новейших открытий, изысканий и исчислений, наконец по легкости, удобности, с какой изложена, она может быть первым математическим сочинением; вмещается в 13-ти маленьких томах, которые все можно разместить по карманам; включает в себе всю чистую и высшую математику, динамику, статику, гидродинамику, гидравлику, гидростатику, физику, оптику и астрономию».

Следовательно, не только удобство формата, как утверждал Кулиш, но главным образом содержание «Математической энциклопедии» Перевощикова заинтересовало юношу Гоголя. Он обстоятельно изучил содержание и дал, как мы видим, вполне грамотную развернутую характеристику и оценку энциклопедии.

Что же касается успехов Гоголя по физико-математическим наукам, то в ведомости результатов по выпускным экзаменам у Гоголя значатся следующие оценки: по общей физике «хорошо», частной физике «хорошо», конечному сечению «хорошо», дифференциальному и интегральному исчислению «удовлетворительно», военному делу (полевой фортификации, входящей в состав математических наук) «отлично»¹.

Мы проследили успеваемость Гоголя в нежинской Гимназии высших наук на протяжении семи лет с момента поступления и вплоть до окончания. На основании фактических документальных данных можно считать установленным, что широко распространявшаяся старыми биографами Гоголя версия о его плохой успеваемости, некрити-

---

¹ Журнал конференции Гимназии высших наук от 27 июля 1828 г.

№ 1827 VIII.

Всѣмъ Императорскому Высочайшему
Коллежскому Секретарю

Всѣмъ Императорскому 3^{му} Классу Академическому
Секретарю

Прошение

Объ увольненіи Конференціи XVIII. 5^{ти} профессоровъ
1826го года, сардатовско пожеланіемъ Императорского
Секретаря на Высочайшемъ повелѣніи послѣ
Н^{его} Высочайшаго. свидѣнія 1го Сентября 1826го года
1826го года, а по повелѣнію Императорскому свидѣнія
Секретаря. Съ 1827го года, въ виду того, что на Высочайшемъ
повелѣніи, повелѣніемъ къ Высочайшему
Секретарю. - По тому, какъ въ 3^{мъ} Классѣ Академическомъ
прошу Конференцію на основаніи Высочайшаго
повелѣнія увольненіемъ Императорского Секретаря
3го по 4^{му} свидѣнію по увольненію. - 1827го 20 Августа 20го.

Увольненію 3го Класса Академическаго Секретаря

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

чески воспринятая некоторыми советскими гоголеведами, извращает подлинный образ молодого Гоголя.

Одними биографами Гоголя легенда эта распространялась вследствие незнания фактических материалов, а другими — сознательно в реакционных целях. К последним надо отнести первого биографа Гоголя П. А. Кулиша.

В письмах к В. И. Шенроку, о которых мы уже говорили, семидесятилетний Кулиш, от некоторых либеральных взглядов молодости которого не осталось и следа, поучает и консультирует Шенрока, работающего над биографией Гоголя.

Реакционер и националист Кулиш, ранее лицемерно скрывавший свое подлинное отношение к Гоголю, в письме к Шенроку от 5 января 1890 г. характеризует Гоголя как человека «крайне невежественного в вопросах истории, политики и философии», которому «не говоря уже об учености не доставало простой начитанности»¹.

Клевету на Гоголя Кулиш маскировал своим авторитетом знатока биографии писателя, в частности ученических лет его жизни.

Любопытно отметить, что В. Вересаев, составитель сборника «Гоголь в жизни», считал, что отношение Кулиша «к Гоголю благоговейно хвалебное»².

Таким образом, поднятый и освещенный нами казался бы частный вопрос об успеваемости Гоголя в нежинской гимназии, об объеме полученных им знаний имеет важное значение и для разоблачения клеветнических легенд о личности великого писателя.

3

В досоветском гоголеведении весьма распространенной была версия о том, что религиозно-мистические настроения Гоголя, определившиеся в последний переломный период его жизни, были довольно устойчивыми и в раннем возрасте. Эти религиозные начала якобы были прочно заложены еще в детстве, и в ученические годы Гоголь будто бы с особой страстью относился к изучению религиозных предметов.

¹ «Гоголиана» № 359.

² В. Вересаев, Гоголь в жизни, «Academia», М.—Л. 1933, стр. 518.

Реакционный профессор В. Зеньковский, например, в третьей главе своей большой работы «Н. В. Гоголь в его религиозных исканиях», рассматривая ученические годы Гоголя, утверждал, что «уже в этот период в Гоголе с большой силой накаплился религиозный опыт, зрели... религиозные порывы и замыслы»¹.

Эти утверждения, к сожалению, и в советское время повторяли некоторые исследователи Гоголя. Так, например, В. Вересаев, автор книги «Как работал Гоголь» (1932) и составитель сборника «Гоголь в жизни» (1933), дважды, и в книге, и в сборнике, повторил: «Всю свою идеологию Гоголь целиком впитал из недр старосветской помещичьей жизни. И что замечательно: через жизнь свою, полную самого напряженного художественного искания и творчества, эту идеологию свою он пронес в совершенно нетронутым виде, совсем в таком виде, в каком получил ее в раннем детстве. В вопросах общественной морали, религии великий автор «Ревизора» и «Мертвых душ» стоял совершенно на том же уровне, на котором стояла его наивная и глуповатая мать помещица. В этих областях оба они говорили на одном языке»².

Оставляя в стороне вопрос о мировоззрении матери Гоголя, охарактеризованной в предыдущей главе нашей книги, а также вопрос относительно общественных идеалов юного Гоголя, о которых мы будем говорить дальше, скажем, что утверждения биографов писателя об устойчивых религиозных настроениях Гоголя в ранний период жизни неверны, и это можно доказать, пользуясь первоисточниками, в частности материалами полтавского поветового училища и нежинской Гимназии высших наук.

Большой интерес в этом отношении представляет письмо Гоголя к матери из Петербурга, от 2 октября 1833 г., в котором Гоголь дает четкий ответ на интересующий нас вопрос: «Детство мое донныне часто представляется мне,— писал Гоголь.— Вы употребляли все усилия воспитать меня как можно лучше. Но, к несчастью, родители редко бывают хорошими воспитателями детей своих... На все я глядел бесстрастными глазами; я ходил в церковь потому, что мне приказывали или носили меня; но, стоя в ней, я

¹ «Христианская мысль», 1916, кн. V, Киев, стр. 7.

² В. Вересаев, Как работал Гоголь, М. 1932, стр. 69, его же, Гоголь в жизни, «Academia», М.—Л. 1933, стр. 6.

ничего не видел, кроме риз, попа и противного ревеня дьячков. Я крестился потому, что видел, что все крестятся».

Что касается школьных лет жизни, то мы уже говорили, что в полтавском поветовом училище, в первом классе которого Гоголь учился, он не смог воспринять церковную схоластику и был аттестован по закону божьему как тупой и ленивый ученик. Ведомости успехов Гоголя по закону божьему в нежинской гимназии также не дают основания для утверждений об особом пристрастии Гоголя к богословским предметам и успехах его в этой области, а наоборот, из этих материалов можно сделать противоположные выводы. Особенно показательны в этом отношении ведомости за 1822/23 уч. год и первое полугодие 1823/24 уч. года, когда Гоголь учился в четвертом и пятом классах гимназии, то есть в тот период, когда мальчик становился юношей.

В октябре 1822 г. ученик четвертого класса нежинской гимназии Николай Гоголь получил по закону божьему единицу. Это была первая неудовлетворительная оценка по школьным дисциплинам за время пребывания Гоголя в третьем классе гимназии. В январе 1823 г. законоучитель протоиерей Павел Воынский снова поставил Гоголю единицу за поведение и за успехи в законе божьем. Несмотря на это, Гоголь не обнаружил стремлений улучшить свои познания по этому предмету, и в ведомостях за февраль, а также за март 1823 г. у него по закону божьему вновь появились единицы. Гоголь оставался на подозрении у протоиерея Воынского и в первом полугодии 1823/24 уч. года, когда он был уже в пятом классе гимназии.

В августе 1823 г. только у него одного из шестнадцати учеников пятого класса стоят по поведению и успехам в законе божьем посредственные оценки, а у всех остальных учеников — хорошие и отличные отметки. То же имело место в августе, сентябре, октябре и ноябре. В ноябре, например, из всех учеников законоучителем Воынским опять выделен Гоголь — только у него посредственные оценки, а у остальных учеников — отличные.

В журнале конференции нежинской гимназии от 5 января 1824 г. в классификации успехов учеников пятого класса записано, что у Гоголя за декабрь 1823 г. по российской истории отличные оценки, по словесности и логике, алгебре и коническому сечению, геометрии и физике, географии и

всеобщей истории хорошие оценки и только по закону божьему — посредственные.

В журналах, которые вели надзиратели гимназического пансиона во время пребывания в нем Гоголя, имеется любопытная запись от 20 декабря (год не установлен): «Н. Яновский за то, что он занимался во время класса священника с игрушками был без чаю».

Воспоминания школьных товарищей свидетельствуют, что и в старших классах гимназии законоучитель протоиерей Вольтинский, сыгравший реакционную роль в деле по обвинению в «вольномудстве» любимого учителя Гоголя проф. Н. Г. Белоусова, враждебно относился к Гоголю.

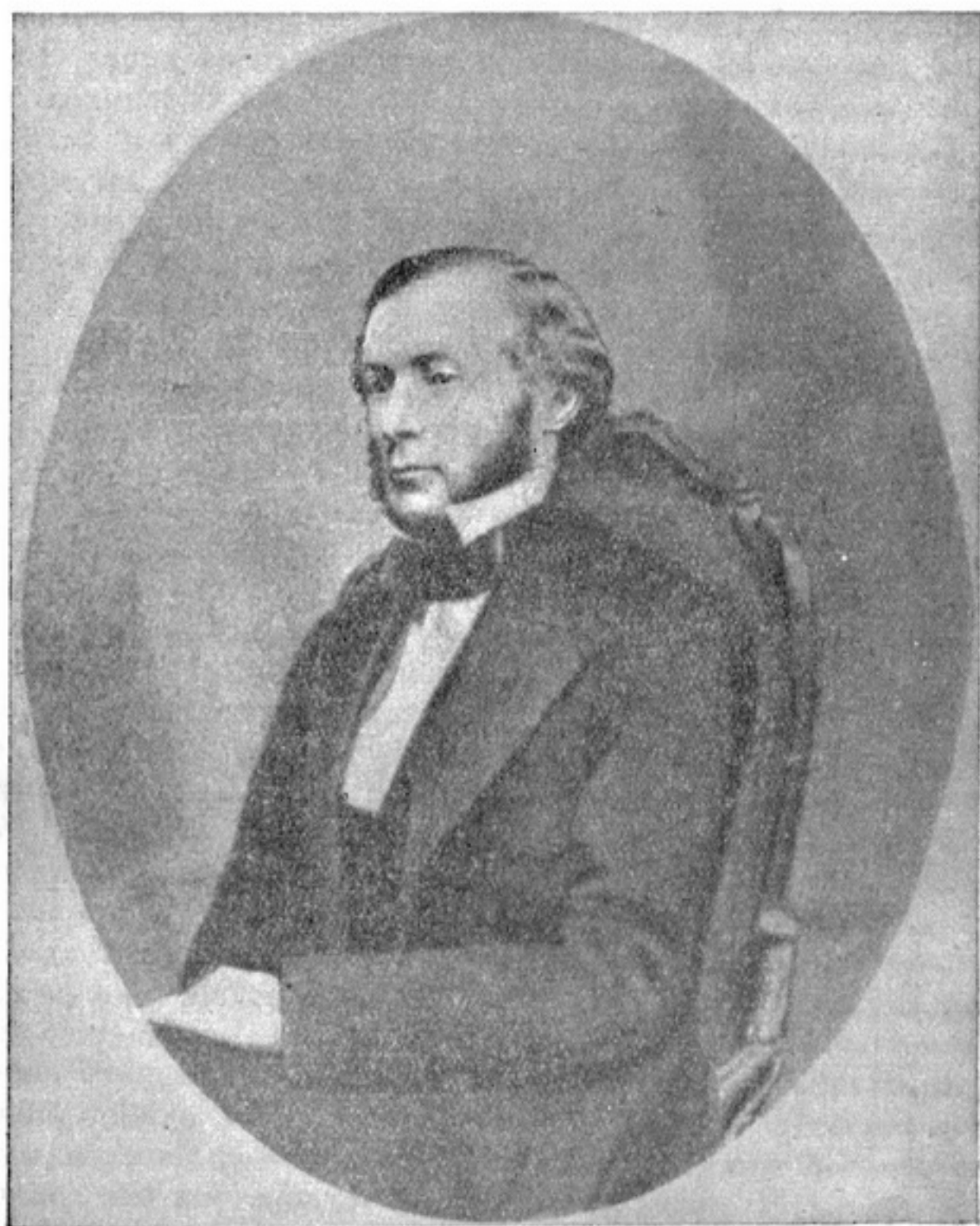
А. С. Данилевский рассказывал биографу писателя В. И. Шенроку, что самым большим врагом Гоголя в нежинской гимназии был протоиерей Павел Вольтинский. В задуманном письме Г. И. Высоцкому в Петербург от 17 января 1827 г. Гоголь называет протоиерея Вольтинского ироническим именем «батюшечка».

Вот документальные данные, из которых видно, в какой мере в ученические годы у юного Гоголя «накоплялся религиозный опыт, зрели религиозные порывы и замыслы», как утверждал В. Зеньковский.

В письмах Гоголя домой этого периода нет таких, которые свидетельствовали бы о том, что он предаётся религиозным размышлениям, интересуется богословской литературой. Наоборот, письма к родителям говорят о том, что в то время его интересы были далеки от религиозно-мистических раздумий.

В трагические дни, когда шестнадцатилетний Гоголь узнал о смерти горячо любимого отца; он, мужественно преодолевая порывы отчаяния, стремится утешить мать, облегчить ее душевные страдания, и, как обычно в таких случаях, зная религиозность матери, рекомендует ей прибегнуть к богу: «Ах, меня беспокоит больше всего ваша горесть! — писал Гоголь к матери 23 апреля 1825 г., — сделайте милость, уменьшите ее, сколько возможно, так, как я уменьшил свою. Прибегните так, как я прибегнул, к всемогущему».

Но уже в письме, написанном к матери на следующий день, 24 апреля 1825 г., Гоголь ни одного слова не говорит о боге. Жизненные интересы, отнюдь не религиозного характера, снова занимают свое обычное место в письмах к матери.

Александр Семенович Данилевский.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

В 1881 г., когда в Нежине сооружался памятник великому писателю, престарелый учитель Гоголя, упомянутый нами выше Иван Кулжинский, писал: «Гоголь был не только гениальный писатель, но и христианин в собственном смысле этого слова. Нет сомнений, что лучшие его религиозные воззрения и симпатии воспитывались в церкви, и в особенности в церкви того заведения, где он учился»¹.

В своих воспоминаниях Кулжинский не говорит, какие же конкретно «религиозные воззрения и симпатии» воспитывала в Гоголе нежинская гимназическая церковь. И ответом на этот вопрос могут служить весьма любопытные воспоминания В. И. Любича-Романовича: «В числе странностей Гоголя, — говорил Любич-Романович, — было много его своеобразных взглядов на все окружающее его общество и на то, что общество признавало для себя законом или правилом жизни, как нечто неизбежное, чему следовало поклоняться, веровать... и это-то все Николай Васильевич игнорировал, называл недостойным делом, от которого надо было бежать,... и избавлять себя, как от врага, мечем мысли... В церкви, например, Гоголь никогда не крестился перед образами святых отцов наших и не клал перед алтарем поклонов наравне с другими молящимися, но святые молитвы слушал со вниманием, иногда даже повторял их нараспев... Не одобрял Гоголь степеней и градаций в церкви, — продолжал далее Любич-Романович, — и толкал мужика вперед, говоря: «Тебе бог нужнее, чем другим, иди к нему ближе»... Это иногда вызывало нареkanie на него со стороны именитых граждан Нежина, но он не обращал на то никакого внимания и всегда оставлял протестантов без ответа... Не находя ничего лучшим для себя, как сделать что-нибудь для мужика полезное, он нередко обращался к нему в церкви с вопросом: «Есть у тебя деньги на свечку?» — и получив отрицательный ответ, сейчас же вынимал из кармана какую-нибудь монету и отдавал ее мужику, говоря: «На, поди, поставь свечку, кому ты желаешь, да сам поставь, это лучше, чем кто другой за тебя поставит»... И мужик шел ставить свечку тому образу, которому молился... Это постоянно вызывало толкотню в церкви, на что иные сетовали... Но Гоголь был счастлив... Он торжествовал, что его цель была достигнута, и мужик подошел к алтарю, опередив все

---

¹ Дело комитета по сооружению бюста Н. В. Гоголю в Нежине, «Гоголиана» № 1200.

мундиры, стоящие перед амвоном... Ему только этого и нужно было; он только того и хотел, чтобы мужик потерся своим зипуном о блестящие мундиры и попачкал бы их своей пылью...»¹.

Воспоминания Любича-Романовича заканчиваются описанием любопытного конфликта между Гоголем и священником нежинской гимназической церкви: «Однажды Гоголь, недовольный пением, зашел к нему на клирос и стал подпевать обедню, ясно произнося слова молитв, но священник, услышавший незнакомый ему голос, выглянул из алтаря и, увидев Николая Васильевича, велел ему удалиться... Это страшно разобидело Гоголя, и он перестал ходить в церковь. Замечая его отсутствие за обедней, священник прочел ему нотацию и сказал, что если он и впредь не будет посещать храма божия, то наложит на него эпитимию... Но Гоголь этим не утрашился и попрежнему не ходил. Эпитимию же, на него наложенную священником, он также не пожелал выполнять в церкви в присутствии всех молящихся и постоянно отзывался больным... За это ему в «поведении» была поставлена единица, и он над ней поспеялся в следующих словах: «Хорошо, что не двойка; единицу-то хоть можно принять за туза, а двойка так и останется двойкой»².

Эти воспоминания не оставляют сомнения в том, что Гоголь в юности не только не был ханжой или мистиком, а, наоборот, он восставал против официальной церкви и ее служителей. И, следовательно, Кулжинский и на сей раз извратил факты, утверждая, что церковь нежинской гимназии воспитывала «лучшие религиозные воззрения и симпатии Гоголя».

Подтверждением того, что воспоминания Любича-Романовича правдивы, может служить и тот факт, что Гоголь поместил в своей подручной записной нежинской «Книге всякой всячины, 1826 года» отрывок из «Энеиды» Котляревского, подтверждающий ироническое отношение юноши Гоголя к служителям церкви:

И все разумны хфиложены,
Що в свити вчились мудровать
Ченцы, попы и крутопопы
Мирян щоб знали научать.

¹ В. И. Любич-Романович, Гоголь в лицее, «Исторический вестник», 1902, кн. 2, стр. 554—555,

² Там же.

Щоб не гонялись за гривнами,
Щоб не возились с попадьями,
Та знали церковь щоб одну.

И, наконец, сам Гоголь в письме к матери из Петербурга 2 октября 1833 г., говоря о воспитании своей сестры Лизы, рекомендует матери внушить дочери «правила религии», отрицающие официальные церковные каноны: «Не учите ее какому-нибудь катехизису, который та-рабарская грамота для дитяти. И это немного тоже делает добра, если она будет беспрестанно ходить в церковь. Там для дитяти тоже все непонятно: ни язык, ни обряды. Она привыкнет на это глядеть, как на комедию».

Как видим, утверждения представителей реакции о том, что Гоголь еще в юности был верным сыном православной церкви¹, опровергаются самим же Гоголем. И если можно говорить о религиозном чувстве молодого Гоголя, то, во всяком случае, о чувстве, ничего общего не имеющем с официальными церковными канонами.

Отметим кроме того, что сам характер Гоголя в юношеские годы противоречил утверждениям о его склонности в этот период к религиозно-мистическим размышлениям. Он был жизнерадостным юношей, с неистощимым стремлением к веселой, остроумной шутке, с даром острой наблюдательности, способностью «угадать человека», раскрыть характер человека, в особенности подметить смешное и талантливо воспроизвести это.

Эти свойства характера Гоголя, сыгравшие большую роль в развитии его гениального сатирического дарования, проявлялись у него еще в ученические годы, о чем он сам говорит позже в авторской исповеди.

Меланхолические черты в характере Гоголя сказались в зрелые годы и в особенности в последнее десятилетие его жизни, а в ученические годы живые силы юношеского оптимизма, огня и задора так и кипели в нем и рвались наружу.

Свои стремления к радостям жизни юноша Гоголь иногда прятал под маской холодности, задумчивости, угрюмости, о чем откровенно признавался в письме к матери

---

¹ См. брошюру И. И. Троицкого «Великий писатель Н. В. Гоголь — верный сын православной церкви», Киев 1909, в которой автор утверждал, что Гоголь был верен заветам «православной церкви от детства до могилы».

26 февраля 1827 г. «Вы знаете, какой я охотник всего радостного? Вы одни только видели, что под видом иногда для других холодным, угрюмым таилось кипучее желание веселости... и часто в часы задумчивости, когда другим казался я печальным, когда они видели или хотели видеть во мне признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывал науку веселой, счастливой жизни, удивлялся, как люди, жадные счастья, немедленно убегают его, встретясь с ним».

Жизнерадостность Гоголя в ученические годы, его остроумие, его талант рассказчика-юмориста подтверждаются воспоминаниями его школьных товарищей по Нежину.

В отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР хранятся дела комитета по сооружению бюста Н. В. Гоголя в Нежине. В делах комитета среди прочих материалов обнаружены письма-воспоминания товарищей Гоголя по нежинской Гимназии высших наук, дополняющие мемуарную литературу о Гоголе.

Вот впервые публикуемый нами отрывок из воспоминаний о Гоголе его школьного товарища.

Григорий Шапошников, который на протяжении пяти лет учился вместе с Гоголем в нежинской гимназии, 25 ноября 1880 г. писал комитету по сооружению бюста Н. В. Гоголя в Нежине: «Да, Гоголь постоянно был мне близок душою в школе и любим как за свой симпатичный характер, так и за литературный талант, обнаружившийся в нем с самых еще юных лет... Его веселые и смешные рассказы, его шутки и самые штуки, всегда умные и острые, без которых не мог он жить, до того были комичны, что и теперь не могу вспомнить об них без смеха и удовольствия. Целых пять лет провел я с ним в незабвенной нашей гимназии. Эти пять лет постоянно живы в моей памяти и сердце и конечно умрут тогда, когда я сам закрою глаза навеки».

Было бы, однако, глубоко ошибочным считать ученические годы Гоголя, в особенности когда он был в старших классах гимназии, «бездумными», «безмятежными», «веселыми», как это делали некоторые биографы писателя, повторявшие ошибки историографов Пушкинского лицея¹.

Так, например, по мнению проф. Нестора Котляревского, автора неоднократно переиздававшейся до 1917 г.

---

¹ См. Б. Мейлах, Пушкин и его эпоха, «Звезда», 1949, № 1, стр. 168.

книги «Николай Васильевич Гоголь», юноша Гоголь вел в Нежине веселую жизнь. Н. Котляревский писал: «...на тринадцатом году он был отдан в Нежинский лицей, и веселая жизнь в усадьбе сменилась не менее веселой жизнью в коридорах училища, в его саду и в окрестностях маленького провинциального городка»¹.

Конечно, Гоголь, так же как и Пушкин-лицеист, отдавал дань юношескому веселью, юношеской беззаботности, но, наряду с этим, именно в старших классах Гоголь, так же как и Пушкин, много читал и размышлял над вопросами общественно-политического значения, задумывался над государственным устройством России, о назначении человека, думал о своей будущей деятельности.

Юношеские раздумья, идеалы Гоголя представляют большой историко-литературный интерес для прояснения важного и сложного вопроса о его мировоззрении, о котором в среде литературоведов, не говоря уже о широких читательских кругах, нет еще единого, устойчивого мнения.

Выяснение мировоззрения Гоголя в ранний период его жизни и является конечной целью нашего исследования.

4

Прежде чем перейти к характеристике «дела о вольнодумстве» в нежинской Гимназии высших наук и отношения к этому делу Гоголя, необходимо осветить очень важный вопрос о литературных опытах Гоголя-гимназиста и студента, о его литературных интересах в нежинский период.

Проф. В. В. Гиппиус, автор одного из лучших очерков о жизни и творчестве Н. В. Гоголя, посвятил этому вопросу только две фразы. «Ранние литературные опыты Гоголя, к сожалению, почти не дошли до нас, однако заглавие и план сатиры «Нечто о Нежине, или дуракам закон не писан» говорит о том, что сатирическое изображение действительности не чуждо было Гоголю и в эти ранние годы. В то же время юмор Гоголя проявлялся в формах весьма разнообразных, но еще не получивших литературного выражения: в шутках, метких характеристиках, в исполнении комических ролей на школьной сцене»².

¹ Нестор Котляревский, Николай Васильевич Гоголь, СПб. 1911, стр. 4.

² Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. I, АН СССР, 1940, стр. 23.

Замечания проф. В. В. Гишпиуса справедливы. Ранние литературные опыты Гоголя до нас не дошли. Они не сохранились и в архивах нежинской гимназии. Биографы Гоголя, пользуясь воспоминаниями его школьных товарищей, отмечают, что в нежинской гимназии Гоголем были написаны: 1) акrostих «Спиридон» и стихотворение «Непогода», 2) трагедия «Разбойники», 3) стихотворная баллада «Две рыбки», 4) повесть «Братья Твердиславичи», 5) поэма «Россия под игом татар», 6) сатира «Нечто о Нежине, или дуракам закон не писан», 7) несколько эпиграмм.

Полагают, что первые литературные опыты Гоголя относятся к 1824—1825 гг., когда Гоголь был в шестом и седьмом классах гимназии. Подтверждением этого может служить уже цитированное нами письмо Гоголя к матери, написанное вскоре после смерти отца 24 апреля 1825 г.: «Я папеньке хотел было прислать несколько своих сочинений. Также своего рисования картинок. Но... ему не угодно было их видеть. Я не знаю, прислать ли мне вам их и примете ли вы милостиво первые плоды ваших родительских обо мне попечений». Говоря о первых своих сочинениях, Гоголь, повидимому, имел в виду трагедию в стихах «Разбойники» и повесть «Братья Твердиславичи».

Друг Гоголя Н. Я. Прокопович сохранил воспоминания о том, что еще раньше этих произведений, вскоре после поступления в гимназию, Гоголь написал сентиментальную стихотворную балладу «Две рыбки», в которой он в чувствительных тонах изобразил свою судьбу и долю рано умершего (в 1820 г.) брата Ивана.

Ранние произведения Гоголя, по свидетельству его школьных товарищей, помещались в рукописных журналах «Звезда» и «Метеор литературы», которые издавались в нежинской гимназии в 1825, 1826, 1827 гг. при самом активном участии Гоголя.

К сожалению, рукописные журналы нежинской гимназии до нас также не дошли. Относительно одного из них — «Метеора литературы» — в майской книге «Киевской старины» за 1885 г. опубликована довольно любопытная заметка С. Пономарева «Нежинский журнал Н. В. Гоголя».

Автор заметки сообщал: «Метеор литературы, январь 1826». Под таким заглавием доставлены А. А. Савичем в редакцию «Киевской старины» рукописные тетрадки, в зеленой обложке, из сероватой бумаги, в 42 перенумерован-

Николай Яковлевич Прокопович.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

ные страницы, в малую осьмушку. На внутреннем заглавном листке повторено название журнала — «Метеор литературы. Часть I». Затем эпитафия — первые восемь стихов из басни Крылова «Орел и Пчела» и, наконец, «Нежин. 1826».

«Очевидно, что это один из тех рукописных журнальцев, которые издавались в Гимназии высших наук князя Безбородко, во время пребывания в ней Гоголя, — продолжает далее С. Пономарев, — тетрадка писана вся одной рукой и несомненно рукою Гоголя, как видно из сличения письма тетрадки с другими его автографами».

Таким образом, в руках у С. Пономарева был автограф Гоголя, не известный биографам писателя. Все произведения «Метеора» не были подписаны авторами, и С. Пономарев не мог решить, какие из них принадлежат самому Гоголю. Внимательно, по его словам, прочитав «Метеор» и «не имея возможности решить положительно, что же в «Метеоре» принадлежит Гоголю», Пономарев пришел к заключению, что «Гоголь был его редактором и вел свое дело с любовью; сам переписал все статьи его, сделал на нем красивенький бордюр, название журнала писал всякий раз различным манером, бока каждой страницы обвел карандашом».

С. Пономарев приводит и содержание гоголевского рукописного журнала. Из 42 страниц «Метеора» проза занимала 22 страницы, поэзия 20 страниц. Проза представлена началом оригинальной повести «Ожесточенный» и переводом немецкой повести «Завещание».

В отделе поэзии «Метеора» были помещены пять стихотворений: 1) «Песнь Никатомы» (отрывок из поэмы Оссиана) и «Берратон», 2) «Битва при Калке», 3) «Альма» — стихотворение, посвященное вождю угров, проходивших через Днепр, 4) подражание Горацию, 5) К... (стихотворение о прекрасном утре) и две эпитафии. Одна из них называлась «Насмешнику некстати».

Лучшим из произведений рукописного журнала «Метеор» С. Пономарев считает вторую эпитафию, которую полностью публикует в своей заметке, высказывая предположение, что автором ее мог быть Гоголь.

Вот эта эпитафия:

Наш Вралькин в мире сем редчайший человек!
Подобного ему не сыщешь в целой век.
Как станет говорить, — заслушаться все нада,

Как станет — так и рай вдруг делает из ада.
Был в Риме, в Лондоне... да где он не бывал
Весь мир на языке искусно облетал.

Предполагая, что эпиграмма принадлежит Гоголю, и не зная, на кого она написана, С. Пономарев обращался в 1884 г. в своей заметке с просьбой к нежинским товарищам Гоголя (П. Г. Редкину, А. С. Данилевскому и другим) помочь установить это. Повидимому, и школьные друзья Гоголя не помогли раскрыть эпиграмму. Это видно из того, что В. П. Авенариус, переиздавая в 1898 г. свою биографическую повесть «Гоголь-студент», упомянув о гоголевском рукописном журнале «Метеор литературы» за январь 1826 г., полностью публикуя текст эпиграммы «Наш Вралькин в мире сем редчайший человек», также не мог сообщить, кому она посвящалась.

Скорее всего, что кличка «Вралькин», как и вся эпиграмма, относится к соученику Гоголя по нежинской гимназии Ивану Григорьевичу Пащенко, который в школьные годы имел обыкновение выдумывать небылицы, рассказывать неправдоподобные истории.

Подтверждением вероятности этого предположения может служить весьма любопытное юмористическое стихотворение, написанное Гоголем совместно с его задушевным другом А. С. Данилевским в Париже в декабре 1836 г., посвященное нежинской гимназии и посланное Данилевским И. Г. Пащенко в Петербург.

Стихотворение это найдено в бумагах друга Гоголя Н. Я. Прокоповича под заголовком «Неоконченные стихи Гоголя и Данилевского, присланные из Парижа»¹.

Да здравствует нежинская бурса
Севрюгин², Билевич³ и Урсо⁴
Студенты первого курса
И прочие курсы все также!
Без них обойтись как же?
Не все они теперь в Петербурге:

¹ Стихотворение впервые опубликовано Н. Гербелем в очерке памяти Н. Я. Прокоповича (сб. «Лицей кн. Безбородко», СПб. 1859, отд. второй, стр. 107).

² Учитель музыки и танцев в нежинской гимназии в бытность в ней Гоголя.

³ М. В. Билевич — ст. профессор полит. наук в нежинской гимназии, возглавлявший реакционную часть профессуры. Здравница в честь его провозглашена здесь иронически.

⁴ Учитель фехтованья.

В карете в Стамбул уехал один¹, другой в
Оренбурге²,
А те же, что прочих здоровьем' пожиже,
Все лето водами лечились, а зиму проводят в Париже³
Женились одни и в сладком дремлят покое⁴;
Учители в корпусе двое⁵
Известный лгунишка бумаги в юстиции пишет⁶
Чорт его колышет
Артистов⁷, поэтов⁸ меж них есть довольно:
Читаешь, сердцу становится больно!
А те, что в гусарах⁹, не храброго люди десятку
Коней объезжают в манеже, гнут короля и десятку.

Таким образом, Гоголь в шуточном послании к Ивану Григорьевичу Пащенко, вспоминая ученические годы, называет его «известным лгунишкой». Название это, безусловно, родственно «Вралькину». Повидимому, эпиграмма Гоголя в рукописном школьном журнале «Метеор» посвящена И. Г. Пащенко и является дружеским шаржем на школьного товарища.

Между Гоголем и Пащенко еще со школьной скамьи установились длительные дружеские отношения. Позже они втроем (Гоголь, Данилевский и Пащенко) жили на одной квартире в Петербурге. Пащенко обладал хорошим литературным и музыкальным вкусом. Он высоко ценил творчество Пушкина и Гоголя. Когда Гоголь, затравленный реакционным великосветским петербургским обществом, после постановки «Ревизора» на сцене Александринского театра 19 апреля 1836 г. уехал за границу, Пащенко извещал его через Данилевского о том, что «Ревизора» каждую

¹ Базили Константин Михайлович (1809—1884), по происхождению албанский грек, товарищ Гоголя по нежинской гимназии, служил в министерстве иностранных дел, был русским генеральным консулом в Сирии и Палестине. Автор ряда работ о Турции и Греции.

² Шапошников Иван Степанович, соученик Гоголя по нежинской гимназии, служивший тогда в Оренбурге.

³ Авторы шуточного стихотворения Гоголь и Данилевский.

⁴ Соученики Гоголя братья С. Г. и Л. Г. Милорадовичи.

⁵ Задушевный друг Гоголя, издатель его сочинений Николай Яковлевич Прокопович (1810—1857) и его брат Василий Яковлевич (умер 1840).

⁶ Товарищ Гоголя Пащенко Иван Григорьевич (умер 1848), в честь которого и было написано приводимое здесь стихотворение.

⁷ А. Н. Мокрицкий, А. И. Гороневич.

⁸ Н. В. Кукольник, Н. Я. Прокопович, В. И. Любич-Романович и др.

⁹ Н. Ф. Романович, Ф. К. Бороздин, П. А. Баранов и др.

неделю играют в театре и многочисленные зрители восторженно его принимают¹.

В конце 1836 г. Гоголь за границей прочитал «Капитанскую дочку» Пушкина. Он писал об этом Н. Я. Прокоповичу из Парижа 25 января 1837 г.: «...где выберется у нас полугодие, в течение которого явились бы разом две такие вещи, каковы «Полководец» и «Капитанская дочь». Видана ли была где-нибудь такая прелесть! Я рад, что «Капитанская дочь» произвела всеобщий эффект. Даже Иван Григорьевич (Пашенко.— Д. И.) пишет, что чудная вещь. Когда эта музыкальная душа признала ее достоинства, то что же, я думаю, говорят прочие»².

Гоголь ценил литературное мнение И. Г. Пашенко и был сильно огорчен его преждевременной смертью. «Меня очень поразила весть о смерти Пашенка, — писал он А. С. Данилевскому из Одессы 4 мая 1848 г. — Это была добрейшая душа. Он был умен и имел способность замечать. А ты и я лишились в нем товарища закадычного. Я до сих пор не могу привыкнуть к мысли, что его уже нет»³.

5

В хронологической канве жизни и творчества Н. В. Гоголя, опубликованной в десятом томе академического издания полного собрания его сочинений⁴, сказано, что к первым литературным опытам шестнадцатилетнего Гоголя относится также историческая поэма «Россия под игом татар».

Эта поэма, так же как и другие юношеские произведения Гоголя, до нас не дошла. В воспоминаниях школьных товарищей Гоголя нет никаких указаний о содержании и стиле поэмы. Можно предположить, что и само название, переданное по устным воспоминаниям, не точно. Это наводит на мысль о том, что стихотворение «Битва при Калке», помещенное в рукописном гоголевском журнале «Метеор литературы» за январь 1826 г., и могло быть произведением Гоголя, которое называется в воспоминаниях его школьного товарища поэмой «Россия под игом татар».

¹ См. письмо Гоголя Н. Я. Прокоповичу из Парижа от 25 января 1837 г. (Письма Н. В. Гоголя, Ред. В. И. Шенрока, т. I, стр. 424).

² Там же, стр. 426.

³ Там же, т. IV, стр. 189.

⁴ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. X, АН СССР, 1940, стр. 13.

Естественно предположить, что кровопролитная битва русских в союзе с половцами против монголов на реке Калке в 1223 г., после которой татары устремились в русские земли, привлекла творческое воображение юного Гоголя, с увлечением изучавшего в нежинской гимназии отечественную историю, и он посвятил этому трагическому событию в жизни русского народа стихотворение, или небольшую поэму в 64 строки¹.

Многочисленные биографы Гоголя утверждают, что первые литературные опыты писателя были преимущественно написаны так называемым «высоким» патетическим слогом в сентиментально-романтическом духе. К сочинениям такого рода относили его юношеские произведения: балладу «Две рыбки», трагедию «Разбойники», повесть «Братья Твердиславичи». Сам Гоголь в своей авторской исповеди, как уже говорилось, писал, что его первые литературные опыты в последние годы пребывания в гимназии «были почти все в лирическом и серьезном роде».

Подтверждением правдивости этих строк «авторской исповеди» Гоголя может служить его юношеская поэма «Ганс Кюхельгартен», о которой мы будем говорить дальше. О стремлениях молодого Гоголя к романтической патетике свидетельствует и сочинение Гоголя на историческую тему, написанное на выпускных экзаменах в нежинской гимназии в июне 1828 г., отрывок из которого хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР.

Сочинение Гоголя на тему «В какое время делаются славяне известными по истории, где, когда и какими деяниями они себя прославили до расселения своего и какое их было расселение» начинается романтической фразой: «Трудно и почти невозможно отдернуть темный непроницаемый занавес истории первоначального происхождения славян»².

¹ В заметке С. Пономарева «Нежинский журнал Н. В. Гоголя» указано, что стихотворение «Битва при Калке» помещено на четырех страницах (25—28) журнала, а в каждой странице 16 строк.

² Н. А. Лавровский, автор исследования «Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине» (Киев 1879), думал, что это сочинение Гоголя не сохранилось (см. его примечание на стр. 55—56). Впервые школьное сочинение Гоголя опубликовано И. А. Сребницким («Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук». Гоголевский сборник, Киев 1902, стр. 391), однако во время публикации Сребницким были допущены неточности.

Романтические увлечения юного Гоголя вполне закономерны. Вспомним, что с романтизма начинали и Пушкин и Лермонтов. Тургенев, например, в своих литературных воспоминаниях писал, что первым сильным литературным впечатлением его детских лет было знакомство с романом М. Н. Загоскина «Юрий Милославский». В университете он «целовал имя Марлинского на обертке журнала, плакал, обнявшись с Грановским, над книжкой стихов Бенедиктова и пришел в ужасное негодование, услышав о дерзости Белинского, поднявшего на них руку»¹.

Важно, вместе с тем, подчеркнуть, что еще с юношеских лет в Гоголе наблюдается самое настойчивое тяготение к реализму, окрашенному неповторимым гоголевским юмором. Это сказалось и в первых его театральных выступлениях на школьной сцене нежинской гимназии, в превосходном исполнении ролей комических старух и стариков, в частности роли Простаковой в «Недоросле» Фонвизина, няни Василисы в комедии «Урок дочкам» Крылова, дряхлого старика в украинской комедии², и в первых литературных опытах в юмористическом духе, и в юношеских шутках и проделках.

Мы имеем в виду юношеские эпиграммы Гоголя, например его первый акrostих «Спиридон», который приводится в многочисленных биографиях писателя³, и названную выше эпиграмму «Наш Вралькин в мире сем редчайший человек», а также его юношескую сатиру «Нечто о Нежине, или дуракам закон не писан».

---

¹ М. К. Клеман, Иван Сергеевич Тургенев, Л. 1936, стр. 18.

² См. «Воспоминания школьного товарища Гоголя Т. Г. Пашенко, записанные Пашковым», журн. «Берег», 1880, № 268.

³ Школьный товарищ Гоголя Федор Корнилович Бороздин имел обыкновение коротко стричься. Гоголь прозвал его Разстригою Спиридоном и в день его именин 12 декабря выставил в зале гимназии сделанный им транспарант с изображением чорта, стригущего дервиша. На транспаранте был написан следующий акrostих:

Се образ жизни нечестивой,
Пугалище монахов всех,
Инок монастыря строптивой,
Разстрига, сотворивший грех,
И за сие-то преступление
Достал он титул сей
О чтец! Имей терпенье
Начальные слова в устах запечатлей

К сожалению, и эта сатира до нас не дошла. О ней рассказывает Г. И. Высоцкий, соученик Гоголя по полтавскому поветовому училищу и нежинской гимназии. Старший товарищ и друг Гоголя Высоцкий хранил одно время эту сатиру у себя и хорошо помнил ее план и содержание.

Сатира Гоголя изображала представителей разных сословий Нежина; показанных на фоне городской жизни. Произведение было разделено на следующие отделы: I. Освящение церкви на греческом кладбище. II. Выбор в греческий магистрат. III. Весенняя ярмарка. IV. Обед у предводителя дворянства. V. Роспуск и съезд студентов¹.

Значительную часть населения города Нежина во времена Гоголя составляли греки. Они поселились здесь еще в 1656 г. и получили от Богдана Хмельницкого право беспошлинной торговли не только в Нежине, но и во всей Украине. Нежинские греки пользовались привилегиями: имели свои органы самоуправления, школу и другие учреждения².

Греки шумно решали свои общественные дела, что вызвало ироническое замечание молодого Гоголя и получило отражение в его сатире (в отделе «Выбор в греческий магистрат»). Об этом же в юмористическом духе писал Гоголь Г. И. Высоцкому из Нежина в Петербург 19 марта 1827 г.: «В Нежине теперь беспрестанные движения между греками; шумят, спорят в магистрате, хотят нового образа правления, в прошедшую субботу мятежные сенаторы самовольно свернули архонта Бафу, а на его место и в сенаторское достоинство возвели до того неизвестного Афендулю. Базиль³ уже заключил с ним мирный трактат и открыл греческую лавку»⁴.

Таким образом, уже в ранний, нежинский период первые литературные опыты Гоголя были не только «в лирическом и серьезном роде», но и в юмористическом и даже сатирическом.

В первой половине 1828 г., когда Гоголь был в восьмом классе гимназии, в одном из своих классных сочинений (по теории словесности) на тему: «О том, что требуется

¹ «Лицей кн. Безбородко», СПб. 1859, отд. второй, стр. 33.

² Там же, отдел первый, стр. 7—8.

³ Константин Михайлович Базили.

⁴ Цитируем по оригиналу письма, которое хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР («Гоголиана» № 72).

от критики», юноша высказал ряд важных мыслей, которые как бы предвосхитили будущие эстетические взгляды Гоголя о литературной критике.

«Что требуется от критика? вот вопрос, которого решение слишком нужно, (особливо) в наши времена, — писал Гоголь, — когда благородная цель критики унижена несправедливыми притязаниями, личными выходками и часто обращается в позорную брань»¹.

И, отвечая на поставленный вопрос, Гоголь подчеркивал, что «первая, главная принадлежность, без которой критика не может существовать, это — беспристрастие, но нужно, чтобы оно правилось умом зорким, истинно-просвещенным, могущим вполне отделить прекрасное от неизящного»².

«Критика должна быть строга, — продолжал далее Гоголь, — чтобы тем более дать цены прекрасному, потому что просвещенный писатель не ищет безотчетной похвалы и славы, но требует, чтобы она была определена умом строгим и верно понявшим его мысль, его творение»³.

Критика «должна быть благопристойна, — говорит Гоголь, — чтобы ни одно выражение оскорбительное не вкралось, через то уменьшающее достоинство критики и заставляющее думать, что рецензентом водила какая-нибудь вражда, злоба, недоброжелательство. Следственно отсутствие личности также необходимо для критики»⁴.

И «наконец последнее, — заключал Гоголь, — нужно, чтобы пером рецензента или критика правило истинное желание добра и пользы, оно должно одушевлять все его изыскания и разборы и быть всегда его неизменным водителем»⁵.

Итак, еще в юности Гоголь сформулировал основные принципы литературной критики: объективность и беспристрастность суждений, строгость, но в то же время справедливость оценки, отсутствие личных побуждений и желание добра писателю в интересах развития отечественной литературы — вот эти принципы, которыми сам Гоголь руководствовался всю жизнь и как писатель, и как литературный критик, публицист.

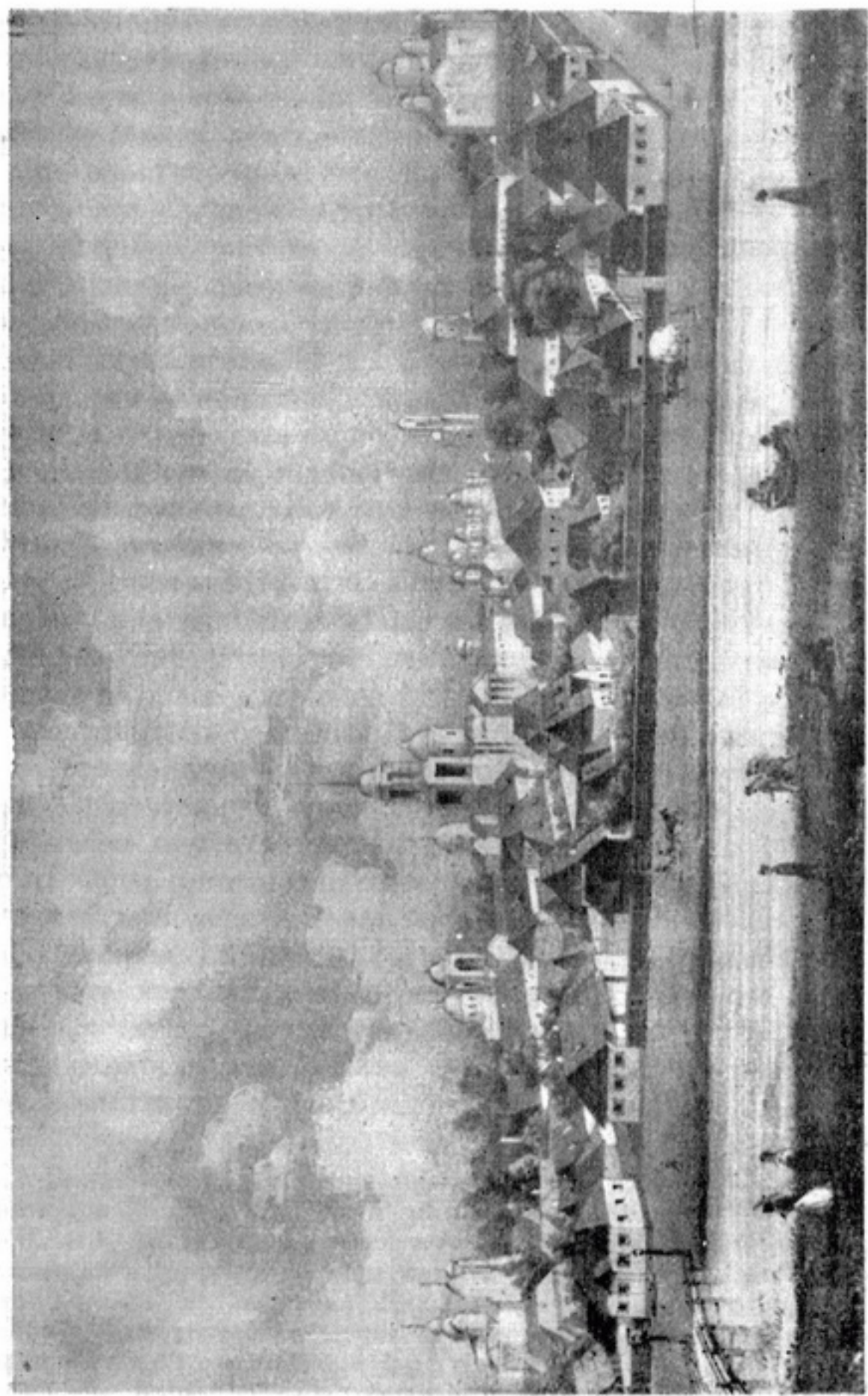
¹ Н. В. Гоголь, Соч., под ред. Н. С. Тихонравова, т. I. изд. 11, СПб. 1893, стр. 51.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Нежин первой половины XIX в.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

В письмах нежинского периода нет прямых указаний об отрицательном отношении Гоголя к литературным произведениям, уводящим читателей от русской действительности. Вместе с тем имеются косвенные, весьма убедительные, факты, не использованные нашими предшественниками, для доказательства того, что еще в Нежине Гоголь отрицательно относился к литературе далекой от жизни, высмеивал ложную патетику, искусственность и фальшивость произведений слащавого сентиментализма и консервативного романтизма.

Учитель Гоголя И. Г. Кулжинский, который не только преподавал латынь, но и подвизался в литературе, в начале 1827 г. опубликовал книгу под названием «Малороссийская деревня». Гоголь подверг это произведение резкой и остроумной критике. Вот что он писал по поводу «Малороссийской деревни» своему другу Г. И. Высоцкому в Петербург 19 марта 1827 г.: «Теперь у нас происходят забавные истории и анекдоты с Иваном Григорьевичем Кулжинским. Он теперь напечатал свое сочинение под названием Малороссийская деревня. Этот литературный урод причиною всех его бедствий: когда он только проходит через класс, тотчас ему читают отрывки из Малороссийской деревни, и почтенный князь бесится, сколько есть духу; когда он бывает в театре, то кто-нибудь из наших объявляет громогласно о представлении новой пьесы; ее заглавие: Малороссийская деревня, или Закон дуракам не писан, комедия-водевиль. Несколько раз прибегая к покровительству и защите конференции и наконец видя, что его жалобы худо чувствуют, решился униженно и смиренно просить нашей милости не рушить стихотворное его спокойствие и не срамить печатный бред его»¹.

¹ В примечаниях к этому письму Гоголя к Высоцкому, опубликованном в десятом томе акад. изд. Полн. собр. соч. Н. В. Гоголя (1940, стр. 407), не раскрыто, почему Гоголь иронически называет Кулжинского «почтенным князем». Мы полагаем, что это название взято Гоголем из описания Кулжинским в его книге украинской свадьбы: «У малороссиян жених и невеста слынут под общим названием молодого князя и молодой княгини и все явления их свадьбы носят на себе признак чего-то царского», — так писал Кулжинский об украинском свадебном обряде. Это и послужило поводом для иронического наименования автора книги «почтенным князем».

Отрицательный отзыв Гоголя о книге Кулжинского вызвал возражения со стороны некоторых литературоведов. Проф. М. Сперанский, посвятивший специальную работу И. Г. Кулжинскому, считает, что Гоголь «произнесгоряча свой суд не только над книгой, но и ее автором»¹.

Книга Кулжинского имеет 140 страниц, шесть глав: Вместо предисловия. 1) Весна в Малороссии, стр. 11—40; 2) Обжинки (праздник жатвы), стр. 41—52; 3) Вечерниці (гулянья по вечерам), стр. 53—60; 4) Малороссийская свадьба, стр. 61—71; 5) О малороссийской поэзии, стр. 72—118; 6) Малороссийские песни, стр. 118—136. В конце — «Изъяснение малороссийских слов, находящихся в сей книге», то есть небольшой словарь на трех страницах.

«Много есть деревень на свете, но под кротким небом Малороссии всякая деревня есть сокращенный Эдем, где иногда недостает только добродетели и чувствительности сердца, чтобы людям быть совершенно блаженными», — вот в таком чувствительном тоне начинает свою книгу И. Г. Кулжинский (стр. 5).

Далее чувствительный автор сожалеет о том, почему не живет он «в то благословенное время, когда еще в Малороссии зло и пороки были известны только по отдаленному слуху — и прекрасные девушки малороссийские не боялись в жаркое время выходить на улицу в одних чистых рубашках, подпоясавшись красною лентою» (стр. 6).

Заканчивая свое предисловие, автор «не обещает читателям глубоких и тонких замечаний о народном характере малороссиян» (стр. 9).

И надо отметить, что Кулжинский выполнил свое обещание. Его «замечания» о народном украинском характере не имеют ничего общего с истиной. Он клеветает на трудолюбивый украинский народ. И это не могло не вызвать справедливого негодования Гоголя.

По мнению Кулжинского, крестьянин-украинец, «беспечный любитель сладостной неги... целую зиму заключал себя в объятиях теплой печки и никакие явления природы его не возмущали»².

---

¹ М. Сперанский, Один из учителей Н. В. Гоголя (И. Г. Кулжинский), Нежин 1906, стр. 37.

² И. Г. Кулжинский, Малороссийская деревня, гл. «Весна в Малороссии», М. 1827, стр. 12.

Рассматривая деревню в традиционном для консервативного сентиментализма плане, Кулжинский не показал нищеты и рабской зависимости крепостного крестьянина от помещика, а, наоборот, изобразил жизнь крестьянина как счастливую идиллию, преисполненную всяческого благополучия.

«Огородивши себя плетнем от соседа, человек есть царь самовластный, — рассуждает Кулжинский, — чего недостает ему под смиренною кровлею? — румяная жена, здоровые дети, овцы, волы и коровы! вот те существа, из которых каждое смотрит на него с приятною улыбкою и от него одного ожидает счастья»¹.

Согретый «улыбками» коров и овец и насладившись обильным ужином, после которого «остатки блинов в роскошном беспорядке разбросаны по столу»², «пресыщенный и самодовольный хозяин лежит небрежно на постели и покуривает трубку... Сладострастный шопот ветра в отдушинах окон: все располагает его к покойному сну... Огонь в печурке вспыхнул и потух, трубка докурилась и завидный счастливец беспечно засыпает».

Собирается заснуть и сам автор нарисованной идиллии, но перед сном фамильярно обращается к своей музе: «О Муза! — восклицает автор, — дай мне свою руку, обнимем с тобою и ляжем в постелю»³.

Вот в таком духе написана книга Кулжинского. Украинская деревня изображена в ней в розовых красках. Ни одной строчки нет в ней об изнурительном труде, тяжелой доле бесправного, угнетенного крепостного крестьянства. Наоборот, жизнь крепостного крестьянина показана как сплошной веселый праздник. Отношения помещика и крестьян, по Кулжинскому, трогательно-любовные, умиляющие чувствительное сердце автора: «Веселые жнецы ожидают господина», который встречает их «с улыбкой на устах и удовольствием во взоре».

Отдельные зерна верных этнографических наблюдений автора утопают в сладком море чувствительных и фальшивых излияний. Нетрудно убедиться, что вся книга, за исключением главы «Малороссийская поэзия», выдержана

¹ И. Г. Кулжинский, Малороссийская деревня, М. 1827, стр. 18.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 42.

в традиционном стиле карамзинского сентиментализма, а ее автор Кулжинский является эпигоном ученика Карамзина князя П. И. Шаликова, который в своем «Путешествии в Малороссию» (1803 г.) прославлял крепостнические отношения в украинской деревне в таких тонах: «Там раздавались нежные свирели, здесь громкие песни... Мы ходили везде и веселились с счастливыми поселянами. Добрый помещик радовался искренно счастью их и разделял его с ними в чувствительном своем сердце».

Незадачливый подражатель Шаликова заимствовал у него целый ряд традиционных выражений карамзинистов. Крестьянских девушек он называет «прелестными нимфами», «смуглявыми миловидками». Между крестьянскими девушками и парнями «порхают амуры.. и из-за плечей красавиц пускают свои стрелы». Певчих птиц Кулжинский зовет «пичужечками», ветерок превращается у него в «дыхание зефира», украинская наливка «варенуха» — в «напиток любви» и т. д.

И неудивительно, что П. И. Шаликов, по словам Кулжинского, благосклонно отнесся к его «Малороссийской деревне» и охотно печатал произведения Кулжинского в своем «Дамском журнале».

Примечательно, что девятнадцатилетний Гоголь остроумно осмеял книгу Кулжинского, назвал ее «литературным уродом» и «печатным бредом» в тот период, когда сентименталисты еще пользовались некоторым влиянием и популярностью в среде читателей, особенно провинциальных. Это говорит о здоровом стремлении к реализму у будущего главы «натуральной школы» еще в ранний период творчества.

Надо полагать, что отрицательное мнение Гоголя и его нежинских друзей о литературных упражнениях Кулжинского являлось одной из причин неблагоприятного отзыва Кулжинского о Гоголе, о котором мы говорили выше. Впрочем, сам Кулжинский позже в своей автобиографической статье, опубликованной в 1859 г. в сборнике «Лицей князя Безбородко», весьма невысоко оценивал свои сочинения.

Интересно привести полностью этот отзыв Кулжинского о своем раннем творчестве: «Писал и печатал я очень много в разных журналах; но как черновых я у себя не оставил, то теперь не помню не только содержания, но даже и названия большей части моих сочинений,— по всему видно, не стоят памяти, и я говорю это не по чув-

ству смирения и унижения, но просто потому, что так оно есть»¹.

Такая оценка своего творчества в 1859 г. не помешала Кулжинскому еще на протяжении 25 лет после этого продолжать свою литературную деятельность. Он печатал басни, стихотворения, статьи на историко-литературные, религиозно-богословские и педагогические темы².

В 1872 г. в сборнике «Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М. П. Погодина» были опубликованы приветственные стихи И. Г. Кулжинского, посвященные юбилею, среди них четверостишие — воспоминание о Гоголе:

Я Гоголя давно когда-то
Латинской азбуке учил
И память о поре той свято
Досель в смирении хранил³.

Творчество Кулжинского последних десятилетий носит вполне определенный реакционный характер. Он писал в уваровском духе «православия, самодержавия и народности». Его историко-литературные работы посвящены главным образом борьбе против гражданского и религиозного «вольнодумства».

7

Отрицательное отношение Гоголя к консервативному сентиментализму Кулжинского не единственное доказательство созревания в молодом Гоголе настойчивых стремлений к обличительному, критическому реализму.

Не менее убедительным фактом для подтверждения этого является и отношение юного Гоголя к творчеству своего школьного товарища Нестора Васильевича Кукольника (1809—1868), будущего вождя русского реакционного романтизма, автора многочисленных ходульно-патриотических произведений.

Кукольник, так же как и Гоголь, активно участвовал в школьных рукописных журналах нежинской гимназии. Гоголь был хорошо знаком с ранним творчеством Кукольника, в частности с его первой драматической фантазией

¹ Сб. «Лицей кн. Безбородко», отдел первый, СПб. 1859, стр. 116.

² Библиографию соч. И. Г. Кулжинского см. в брошюре М. Сперанского «Один из учителей Н. В. Гоголя (И. Г. Кулжинский)», Нежин 1906.

³ Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М. П. Погодина, М. 1872, стр. 87.

в стихах «Торквато Тассо», написанной еще в 1826 г. в Нежине.

Кукольник считался незаурядным студентом, но Гоголь уже тогда, со свойственным ему еще в раннем возрасте умением «угадать», «раскрыть» человека, обнаружил в способном и знающем юноше стремление к позерству, к трескучим фразам. Гоголь подметил напыщенность и искусственность ранних произведений Кукольника и высмеивал все это. Он дал еще в Нежине меткое прозвище Кукольнику «Возвышенный», которым подчеркивал отсутствие в произведениях Кукольника жизненной правды. Горячо любивший Пушкина, Гоголь оборонял его произведения от нападков Кукольника.

Критическое отношение к Кукольнику и его творчеству Гоголь сохранил и впоследствии. В тридцатые годы, когда консервативная публика восторженно приветствовала казенно-патриотические, ходульные трагедии Кукольника, Гоголь отзывался о них все так же иронически.

30 марта 1832 г. Гоголь писал своему другу А. С. Данилевскому из Петербурга: «Хочешь ли ты знать, что делается у нас, в этом водяном городе. Приехал Возвышенный с паном Платоном (братом Н. В. Кукольника.—Д. И.). Возвышенный все тот же, трагедии его все те же. Тасс его, которого он написал уже в шестой раз, необыкновенно толст, занимает четверть стопы бумаги. Характеры все необыкновенно благородны, полны самоотверженья и в добавок выведен на сцену мальчишка 13 лет, поэт и влюбленный в Тасса по уши».

Далее в письме к Данилевскому Гоголь подчеркивал, что искусственность сравнений, вычурность языка, наблюдавшиеся в раннем творчестве Кукольника, еще более усилились в его последующих трагедиях и что попрежнему консервативному романтику Кукольнику претит здоровый и полнокровный реализм Пушкина. «А сравнениями играет, как мячиками: небо, землю и ад потрясает будто перышко. Довольно, что прежние: губы посинели у него цветом моря, или: тростник шепчет, как шепчут в мраке цепи ничто против нынешних. Пушкина все попрежнему не любит. Борис Годунов ему не нравится»¹.

¹ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. X, АН СССР, 1940, стр. 228.

В следующем письме Данилевскому от 8 февраля 1833 г. Гоголь, вспоминая позерство Кукольника в нежинской гимназии, продолжает все так же иронически отзываться о его трагедиях: «Чего бы я не дал, чтобы встретить, обнять, поглотить в себя весну. Весну! как странно для меня звучит это имя. Я его точно так же повторяю, как Кукольник (который находится опять здесь и успел уже написать 7 трагедий) повторял, помнишь,—Поза, Поза, Поза. Кстати, о Возвышенном: он нестерпимо скучен сделался. Тогда было соберет около себя толпу и толкует или о Моцарте и интеграле, или движет эту толпу за собой испанскими звуками гитары. Теперь совсем не то. Не терпит людности и выберет такое время притти, когда я один и тогда... душит трагедией».

Еще в ранний период у Гоголя вполне отчетливо определилось отрицательное отношение к фальшивой, казенно-патриотической литературе, реакционному сентиментализму и романтизму (Кулжинского и Кукольника), затушевывающим и идеализирующим русскую действительность.

Уже в это время (20-е годы XIX в.) у Гоголя начинает складываться его сатирический, обличительный стиль, его критическое отношение к действительности. Об этом свидетельствуют его юношеские произведения и эпиграммы, его письма и, наконец, его критическое отношение к произведениям консервативного сентиментализма и романтизма.

Вместе с стремлением к реализму в своем раннем творчестве Гоголь отдает дань направлению, которое господствовало в это время в русской литературе.

В своей авторской исповеди Гоголь, наряду с признанием того, что уже в ранний период умел «угадать» человека, подметить в нем отрицательные черты и высмеять их, указывал, что первые литературные опыты в последнее время пребывания в гимназии «были в лирическом и серьезном роде», повидимому, имея в виду свою юношескую романтическую поэму «Ганс Кюхельgarten», к рассмотрению которой мы обратимся.

ЮНОШЕСКАЯ ПОЭМА «ГАНС КЮХЕЛЬГАРТЕН»

Юношеская поэма «Ганс Кюхельgarten», или «Идиллия в картинах», как ее назвал автор, вышла в свет в июне 1829 г. под псевдонимом В. Алова. В предисловии

к поэме, написанном от имени неведомых издателей самим Гоголем, как это было позже установлено, было сказано: «Предлагаемое сочинение никогда бы не увидело света, если бы обстоятельства, важные для одного только автора, не побудили его к тому. Это произведение его восемнадцатилетней юности».

Современные Гоголю консервативные критики — Н. Полевой в «Московском телеграфе» (1829, № 12) и рецензент в «Северной пчеле» (1829, № 27, от 20 июля) отрицательно отозвались о «Гансе Кюхельгартене». Это, как известно, послужило причиной того, что Гоголь сжег свою поэму и внезапно уехал за границу.

И только прогрессивный литературный критик 30-х годов Орест Сомов, принадлежавший к литературному лагерю людей, близких к Пушкину, в своей статье «Обозрение российской словесности за первую половину 1829 года» (альманах «Северные цветы», 1830) справедливо оценил юношескую поэму Гоголя. Он указал, что «в сочинителе виден талант, обозначающий в нем будущего поэта», вместе с тем Сомов отметил «молодость воображения», незрелость слога автора, рекомендовал ему более тщательно обдумывать свои произведения и не спешить с изданием их в свет — в этом случае «надежды доброжелательной критики не будут обмануты».

В юношеской романтической идиллии Гоголя есть картины, написанные сильно и выразительно, но в целом «Ганс Кюхельгартен» — это ученическое, идейно и художественно незрелое произведение. Главная причина неудачи молодого автора заключалась в том, что, в отличие от всех последующих произведений, Гоголь изобразил в нем не русскую действительность или историческое прошлое России, а незнакомый ему мир немецкой патриархальной деревни.

30 марта 1837 г. Гоголь писал М. П. Погодину из Рима весьма примечательные строки: «О, когда я вспомню наших судей, меценатов, ученых умников, благородное наше аристократство, сердце мое содрагается при одной мысли! Должны быть сильные причины, когда они меня заставили решиться на то, на что бы я не хотел решиться. Или, ты думаешь, мне ничего, что мои друзья, что Вы отдалены от меня горами? Или я не люблю нашей неизмеримой, нашей родной русской земли! Я живу около года в чужой земле, вижу прекрасные небеса, мир, богатый искусствами и че-

ловеком; но разве перо мое принялось описывать предметы, могущие поразить всякого? Ни одной строки не мог посвятить я чуждому. Непреодолимой цепью прикован я к своему, и наш бедный, неяркий мир наш, наши курные избы, обыкновенные пространства предпочел я небесам лучшим, приветственно глядевшим на меня. И я после этого могу не любить своей отчизны?».

Эти патриотические, волнующие строки, которые характеризуют основную особенность национального творчества Гоголя, в то же время могут служить объяснением причин его творческой неудачи с «Гансом Кюхельгарте-ном».

Вместе с тем это первое, еще незрелое, ученическое произведение Гоголя представляет значительный историко-литературный интерес потому, что в нем Гоголь выразил свои настроения, свои размышления в последние годы лицейской жизни. Оно является как бы ключом к разумению некоторых черт формирующегося мировоззрения молодого Гоголя. Это и определило необходимость подробно остановиться на характеристике поэмы.

* *

*

«Ганс Кюхельгартен» был датирован Гоголем 1827 г. Эта авторская датировка поэмы вызвала сомнения уже у друзей писателя и первых его биографов и стала предметом длительной литературной полемики.

Кулиш в «Опыте биографии Н. В. Гоголя» и «Записках о жизни Гоголя» передавал, что близкий, еще с времен Нежина, друг Гоголя Н. Я. Прокопович полагал, что «Ганс Кюхельгартен» написан в 1829 г. и помечен на титульном листе ложной датой. «Если бы Гоголь написал свою поэму в гимназии..., то хоть отрывок из нея был бы известен кому-нибудь из тогдашней его публики, — якобы говорил Прокопович, имея в виду товарищей Гоголя по Нежину, — нет, эта поэма была написана именно в то время, когда он проживал без дела в Петербурге»¹.

Авторы комментария к поэме Гоголя «Ганс Кюхельгартен», опубликованной в первом томе академического издания полного собрания сочинений писателя, М. К. Клеман

¹ Николай М. [Кулиш], Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, т. I, СПб. 1856, стр. 66.

и академик А. И. Белецкий полагали, что «мысль о том, что Гоголь, располагая читателей и критику к снисхождению, прибег к мистифицированной дате, вполне допустима, тем более, что явной мистификацией было предисловие к книжке, написанное от имени неведомых издателей (идиллия была издана самим Гоголем)»¹.

Вместе с тем М. К. Клеман и А. И. Белецкий указывают, что исследователи текста Гоголя академик Н. С. Тихонравов и В. И. Шенрок «настаивали на авторской датировке. Сомнения Прокоповича отводились ими ссылкой на чрезвычайную скрытность Гоголя, особенно в последние годы пребывания в гимназии, а возможность отнесения идиллии к 1827 г. аргументировалась совпадениями мыслей и настроений с собственными высказываниями Гоголя в письмах этого периода»².

Мы считаем соображения Н. С. Тихонравова³ и В. И. Шенрока⁴ заслуживающими внимания и думаем, что дата указана Гоголем правильно. Поэма написана еще в нежинской гимназии. Доказательством этого может служить действительно поразительное совпадение настроений и стремлений Ганса Кюхельгартена и самого Гоголя, которые он выразил в своих письмах из Нежина.

26 июня 1827 г. Гоголь писал из Нежина своему другу Г. И. Высоцкому в Петербург: «...Ты знаешь всех наших существователей, всех населивших Нежин. Они задавили корою своей земности, ничтожного самодовольствия высокое назначение человека. И между этими существователями я должен пресмыкаться»⁵.

Эту же мысль развивает юный Гоголь и в письме к своему дяде Петру Петровичу Косяровскому 3 октября того же 1827 г. «Холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что, может быть, мне доведется погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом,— быть в мире

¹ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. I, АН СССР, 1940, стр. 494.

² Там же.

³ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., под ред. Н. С. Тихонравова, т. V, изд. 10, стр. 544.

⁴ В. И. Шенрок, Материалы для биографии Гоголя, т. I, стр. 159—161.

⁵ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. X, АН СССР, 1940, стр. 98.

и не означить своего существования — это было бы для меня ужасно... исполнятся ли высокие мои начертания? или неизвестность зароев их в мрачной тучи своей». (Подчеркнуто нами. — Д. И.)

Эти размышления Гоголя вполне отчетливо выразил Ганс Кюхельgarten в восьмой картине идиллии. Ганс в полуночный час погружен в глубокую думу:

1

Все решено. Теперь ужели
Мне здесь душою погибать?
И не узнать иной мне цели?
И цели лучшей не сыскать?
Себя обречь бесславыю в жертву?
При жизни быть для мира мертву?

2

Душой ли славу полюбившей,
Ничтожность в мире полюбить?
Душой ли, к счастью не остывшей,
Волненья мира не испытать?
И в нем прекрасного не встретить?
Существованья не отметить?

«Как тяжело быть зарыту вместе с созданиями низкой неизвестности в безмолвии и мертвом», — говорит Гоголь в письме к другу Высоцкому из Нежина в июне 1827 г. и мысль его повторяет Ганс в поэме: «Себя обречь бесславыю в жертву? При жизни быть для мира мертву?» (Подчеркнуто нами. — Д. И.)

«...Погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом, — быть в мире и не означить своего существования — это было бы для меня ужасно», — восклицает Гоголь в письме к дяде из Нежина в октябре 1827 г. и ему вторит Ганс:

Душой ли, к счастью не остывшей,
Волненья мира не испытать?
И в нем прекрасного не встретить?
Существованья не отметить?

Нельзя, конечно, считать случайным такое совпадение душевных размышлений Гоголя и Ганса. Нет возможности установить: написаны ли письма Гоголя к Высоцкому и Петру Петровичу Косяровскому раньше восьмой картины идиллии «Ганс Кюхельgarten», или восьмая картина поэмы предшествовала письмам. Ясно, во всяком случае, одно, что и письма и поэму писал Гоголь в Нежине. И нет ничего

удивительного, что скрытный самолюбивый юноша, не уверенный в положительной оценке своего лирического произведения, скрыл его даже от своих близких школьных друзей А. С. Данилевского и Н. Я. Прокоповича.

Предположение это подтверждается письмами самого Гоголя. Так, в уже упомянутом письме к своему дяде Косяровскому от 3 октября 1827 г. Гоголь признавался: «В эти годы, эти долговременные думы свои я затаил в себе. Недоверчивый ни к кому, скрытный, я никому не говорил своих тайных помышлений, не делал ничего, что бы могло выявить глубь души моей.—Да и кому бы я поверил и для чего бы высказал себя, не для того ли, чтобы смеялись над моим сумасбродством, чтобы считали пылким мечтателем... Никому, и даже из своих товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойных». (Подчеркнуто нами. — Д. И.)

Вспомним, что и в Петербурге Гоголь никому не открыл своей тайны, сам издал поэму за подписью В. Алова и после ее провала вместе со своим слугой Якимом собрал в книжных магазинах экземпляры «Ганса Кюхельгартена» и сжег их, и только после смерти писателя удалось установить принадлежность поэмы Гоголю.

Подтверждением того, что Гоголь писал «Ганса Кюхельгартена» в последний год обучения в Нежине, может служить и конец поэмы, где автор говорит о настроениях юноши, расстающегося после окончания учения с друзьями школьных лет:

Он независимый, он вольный,
Собою и миром всем довольный,
Но расставаяся с семьей
Своих товарищей, душой
Делал с кем шалость, труд, покой, —
И размышляет он, и стонет,
И с невыразною тоской
Слезу невольную уронит.

Наконец, есть еще одно косвенное, но существенное, на наш взгляд, обстоятельство для доказательства того, что идиллию «Ганс Кюхельгартен» Гоголь писал в Нежине.

Мы имеем в виду утверждения почти всех биографов писателя (дореволюционных и советских), что в «Гансе Кюхельгартене» отчетливо чувствуется знакомство Гоголя с лирической идиллией немецкого поэта Иоганна-Фридриха Фосса (1751—1826), которую Гоголь мог читать в переводе Павла Теряева еще в Нежине.

В. И. Шенрок для подтверждения того, что идиллия написана Гоголем в 1827 г., считал необходимым сравнить ее с «Луизой» Фосса в переводе Теряева, так как эта пьеса служила, по мнению Шенрока, образцом для Гоголя, но сделать этого он не смог вследствие того, что ему, «к сожалению, не удалось достать этой книги, сделавшейся в настоящее время библиографической редкостью»¹.

Мы разыскали среди книг библиотеки нежинской гимназии перевод Теряева «Луизы» Фосса, которым и пользовался Гоголь. Книги библиотеки нежинской гимназии в настоящее время хранятся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР.

Из реестра библиотеки нежинской гимназии видно, что книга Фосса поступила в Нежин до января 1828 г., и, следовательно, Гоголь мог читать ее в Нежине в 1827—1828 гг. Это и служит дополнительным доказательством того, что поэма была написана Гоголем еще в Нежине.

В какой же мере «Луиза» Фосса была образцом для Гоголя, как утверждали многие биографы писателя?

Эта длинная сентиментальная немецкая идиллия повествует на 223 страницах о выходе замуж Луизы Блюм, дочери сельского пастора из деревни Гринава, за Валтера, молодого человека из соседней деревни, будущего пастора. Первая глава, или первая идиллия книги, называется «Праздник в лесу», вторая идиллия — «Посещение» и третья — «Девичник». Книга Фосса не лишена некоторых достоинств. В ней имеются отдельные верные и даже детальные наблюдения над немецким бюргерским бытом. Но в целом она представляет типичную приторную немецкую сентиментальную идиллию, в которой люди и изображаемая среда идеализированы.

Нет нужды доказывать исключительную оригинальность творчества Гоголя. «Ганс Кюхельгартен» — ученическое, еще незрелое произведение его «восемнадцатилетней юности», как указал Гоголь в предисловии к поэме.

Гоголь воспользовался книгой Фосса как этнографическим пособием для зарисовки неизвестного ему немецкого мещанского быта. Однако, и это надо решительно подчеркнуть, образцом Гоголю послужила не «Луиза» Фосса, а «Евгений Онегин»

---

¹ В. И. Шенрок, Материалы для биографии Гоголя, т. I, М. 1892, стр. 161.

Пушкина. Именно у Александра Пушкина, а не Иоганна Фосса учился Гоголь, создавая свою поэму.

Великий Пушкин был властителем дум Гоголя начиная с юношеской поры и кончая зрелым творчеством. «Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерло с ним, — писал Гоголь Погодину из Парижа 30 марта 1837 г., узнав о трагической гибели Пушкина, — когда творил, я видел перед собой только Пушкина». Благотворное влияние Пушкина на Гоголя, как известно, весьма значительно, что отнюдь не снижает оригинальности творчества Гоголя, родоначальника обличительной сатирической прозы и драматургии в русской литературе.

В пору создания «Ганса Кюхельгартена» Гоголь еще не был знаком, еще не общался с Пушкиным, но творческое воздействие Пушкина на Гоголя уже в этот период неоспоримо. Поэтому следует признать вполне справедливым заключение М. К. Клемана и А. И. Белецкого о том, что «с особенной силой проявилось в «Гансе Кюхельгартене» пушкинское влияние, влияние всей поэтической системы Пушкина в целом»¹.

Образ главного героя гоголевской поэмы Ганса Кюхельгартена, без которого поэма теряет весь свой идейный смысл, ничего общего с фоссовским Валтером не имеет. Валтер у Фосса — маловыразительная схема сентиментального молодого человека с весьма ограниченным кругом запросов и стремлений. Ганс у Гоголя — это человек высоких дум, высоких и страстных исканий. Это сам молодой Гоголь, говорящий языком пушкинских романтических героев.

Вольнолюбивые мечты, преклонение перед произведениями классического искусства роднят Ганса с Ленским. Подобно Ленскому, душа которого «воспламенялась... поэтическим огнем... муз возвышенных искусства», Ганса привлекает древняя Греция:

Земля классических, прекрасных созиданий,
И славных дел и вольности земля,
Афины! К вам, в жару чудесных трепетаний
Душой приковываюсь я!²

¹ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. I, 1940, АН СССР, стр. 495.

² «Ганс Кюхельгартен», картина III.

Живой интерес к «Евгению Онегину» Пушкина пятнадцатилетний Гоголь обнаружил еще в 1824 г., когда первая глава романа еще не была напечатана, а в «Литературных листках» (1824, № 4) появилось сообщение о ней и был процитирован отрывок из строфы XX первой главы. Уже в письме из Нежина от 1 октября 1824 г. Гоголь просит отца прислать ему «поэму Онегина» Пушкина.

В воспоминаниях А. С. Данилевского сказано: «Мы выписывали с ним и с Прокоповичем журналы, альманахи... Мы собирались втроем и читали «Онегина» Пушкина, который тогда выходил по главам. Гоголь уже тогда восхищался Пушкиным»¹.

В октябре 1826 г. вышла в свет вторая глава «Евгения Онегина», в которой Пушкин мастерски нарисовал образ «романтика» Ленского. И несомненно, что Гоголь, прочитав еще в Нежине главу из романа в стихах любимого поэта, воспользовался образом, который отвечал его собственным настроениям в этот период, и отразил его черты в своем Гансе.

Это лишний раз подтверждает, что «Ганс Кюхельгартен» написан Гоголем под свежим впечатлением второй главы «Евгения Онегина» еще в Нежине.

Так же как и у Ленского, романтические мечтания Ганса возвышенны, но, в то же время, не вполне ясны, и выражены они языком с отчетливым отпечатком творческой учебы молодого Гоголя у Пушкина:

Живого юности стремленья
Так испестрялися мечты
Порой небесного черты,
Души прекрасной впечатленья
На нем лежали; но чего
В волненьях сердца своего
Искал он думою неясной,
Чего желал, чего хотел,
К чему так пламенно летел
Душой и жадною, и страстной,
Как будто мир желал обнять, —
Того и сам не мог понять².

Ганс Кюхельгартен живет в мирной, идиллической обстановке на берегу моря, его нежно любит Луиза, дочь старика-пастора. Все предвещает счастливую свадьбу. Но

¹ В. И. Шенрок, Материалы для биографии Гоголя, т. I, М. 1892, стр. 102.

² «Ганс Кюхельгартен», картина, IV

Ганса не удовлетворяет окружающая его действительность, его гнетет убожество мещанской жизни. Он романтик душой. Его посещают ночные видения. В полуночный час он мечтает о неведомых странах, мысль его, так же как и у Ленского, устремляется в «туманную» и «неизведанную» даль. Ганс оставляет мирный уголок, Луизу и отправляется искать «земли роскошные края».

В ночь разлуки Луизе снился страшный сон, напоминающий сновидение пушкинской Татьяны, будто она в темной пустыне и вокруг нее туман и глушь. Так же как и Татьяна, Луиза спешит в кабинете Ганса среди его книг найти разгадку своего сна и внезапного бегства Ганса.

Нет сомнения, что описания сна Луизы и ее посещение кабинета Ганса также подсказаны Гоголю «Евгением Онегиным» Пушкина.

Два года странствовал Ганс. Его возвышенные мечты о служении высоким идеалам развеялись, прийдя в столкновение с холодным эгоистическим светским обществом. Разочарованным, измученным морально и физически, но духовно прозревшим возвращается Ганс на родину. Изменилось его миросозерцание под влиянием суровой правды реальной действительности. Здесь уже выступает не романтик Ленский, а другой разочарованный романтический герой из ранних поэм Пушкина — «Кавказского пленника» и «Цыган»:

Прошел он дальний, видно, путь;
Страдает больно, видно, грудь;
Душа страдает, жалко ноя;
Ему теперь не до покоя.
О чем же думы крепки те?
Дивится сам он суете:
Как был измучен он судьбою;
И зло смеется над собою,
Что поверял своей мечтой
Свет ненавистой, слабоумной;
Что задивился в блеск пустой
Своей душою неразумной¹.

Наряду с чертами разочаровавшихся в светском обществе кавказского пленника и Алеко все с большей и большей силой в размышлениях Ганса выступают обличительные тенденции самого автора по отношению к низкопоклонству, продажности и корыстолюбию людей светского общества, как бы предзнаменую некоторые социаль-

¹ «Ганс Кюхельгартен», картина XVII.

ные мотивы будущего творчества Гоголя. И, конечно, эти обличительные гоголевские мотивы «Ганса Кюхельгартена» ничего общего с приторно сентиментальной «Луизой» Фосса не имеют:

Что, не колеблясь, смело он
Сим людям кинулся в объятья;
И, околдован, охмелен,
В их злые верил предприятия,
Как гробы холодны они;
Как тварь презреннейшая низки
Корысть и почести одни
Им—лишь и дороги, и близки.
Они позорят дивный дар;
И попирают вдохновенье;
Их холоден притворный жар
И гибельно их пробужденье¹.

Поэтическая тирада Ганса заканчивается словами, разоблачающими лицемерие и коварство светской знати.

О, кто б нетрепетно проник
В их усыпительный язык!
Как ядовито их дыханье!
Как ложно сердца трепетанья!
Как их коварна голова!
Как пустозвучны их слова!².

В картине XVII, очень важной для разумения идейных позиций самого автора «Ганса Кюхельгартена», особого внимания заслуживает «Дума» — лирическое авторское отступление, в котором Гоголь подводит итог, синтезирует свои юношеские размышления о самом главном, — о смысле существования, о назначении человека:

Благословен тот дивный миг,
Когда в поре самопознанья,
В поре могучих сил своих,
Тот, небом избранный, постиг
Цель высшую существованья;
Когда не грез пустая тень,
Когда не славы блеск мишурный
Его тревожат ночь и день,
Его влекут в мир шумный, бурный;
Но мысль я крепка, и бодра
Его одна объемлет, мучит
Желаньем блага и добра;

---

¹ «Ганс Кюхельгартен», картина XVII.

² Там же.

Его трудам великим учит.
Для них он жизни не щадит
Вотще безумно чернь кричит:
Он тверд средь сих живых обломков
И только слышит, как шумит
Благословение потомков.

Велико значение «Думы» для понимания мировоззрения молодого Гоголя. К сожалению, и в наши дни есть литературоведы, утверждающие, что консервативность убеждений Гоголя, определившаяся в период выхода в свет «Переписки с друзьями», закономерна и для раннего Гоголя.

Раздумья юного Гоголя, так ярко и так отчетливо выраженные в «Думе», опровергают эти довольно распространенные представления об исконном консерватизме Гоголя. В самом деле, высшую цель существования Гоголь усматривал не в пустой мечтательности и созерцательности и не в стремлении к «мишурному блеску славы», а в неустанных «великих трудах» для «добра и блага» отчизны. Во имя этих высоких идеалов, говорил Гоголь, не следует «щадить и самой жизни».

Примечательны и последние четыре строки приведенного выше отрывка из «Думы». Разумея по-пушкински слово «чернь» как великосветскую толпу, Гоголь проповедует твердость и верность идеалам, невзирая на шум и нападки светской черни, пророчески веря в «благословение потомков» тех, кто непоколебимо борется за высокие идеалы добра и справедливости.

В своей известной статье о «Евгении Онегине» Пушкина В. Г. Белинский дал очень меткую характеристику Ленскому. «Ленский был романтик и по натуре, и по духу времени,— писал Белинский,— нет нужды говорить, что это было существо, доступное всему прекрасному, высокому, душа чистая и благородная. Но, в то же время, «он сердцем милый был невежда», вечно толкуя о жизни, никогда не знал ее».

Пушкин всесторонне раскрыл мироощущение типичного для 30-х годов XIX в. романтического героя — Ленского. Он, как справедливо замечает проф. Б. Мейлах¹, трезво наметил пути, по которым мог пойти Ленский. Первый путь — путь самоотверженных благородных поступков. Ленский мог быть повешен, как Рылеев. Эту мысль Пуш-

¹ Б. Мейлах, А. С. Пушкин, М.—Л. 1949, стр. 109.

кин высказал в не пропущенной цензурой и не дошедшей полностью до нас XXXVIII строфе шестой главы. Но могло случиться другое. Может быть, «поэта обыкновенный ждал удел». «Прошли бы юношества лета», «пыл души охладел». Ленский «расстался б с музами, женился» и превратился в типичного провинциального помещика-обывателя.

Белинский был убежден, что «с Ленским сбилось бы непременно последнее» — он переродился бы в совершенного филистера.

Очень интересно отметить, что в своей юношеской поэме 1826—1827 гг., написанной в период господства в русской литературе романтизма, Гоголь так же трезво, как и Пушкин, говорит о двух возможных путях, по которым мог пойти герой-романтик:

Когда ж коварные мечты
Взволнуют жаждой яркой доли,
А нет в душе железной воли,
Нет сил стоять среди суеты, —
Не лучше ль в тишине укромной
По полю жизни протекать,
Семьей довольствоваться скромной
И шуму света не внимать?

У Ганса Кюхельгартена не было «железной воли», и он избрал второй путь. Он женился на сентиментальной Луизе, возвратился в лоно патриархальной мещанской семьи и превратился в обывателя.

Сам же автор юношеской поэмы, как мы знаем, пошел иным путем. Он преодолел свои юношеские романтические мечтания. Никогда его страстная натура не стремилась «к тишине укромной», к обывательскому спокойствию.

Вся его жизнь была посвящена служению своей великой родине. Он верил в славное будущее своего отечества. И во имя этого будущего обличал современную ему самодержавно-крепостническую действительность суровым словом реалиста-сатирика.

Идейное содержание «Ганса Кюхельгартена» дает основание утверждать, что не мотивы фоссовской сентиментальной поэзии разрабатывал Гоголь в своей поэме, а мотивы русской гражданской поэзии, наиболее ярко выраженные в творчестве декабристов.

Гоголь писал «Ганса Кюхельгартена» в 1827 г., в период после разгрома царизмом декабристского движения, когда лучшие представители декабризма были казнены

или сосланы в Сибирь, но их идеи еще были живы в среде прогрессивной дворянской молодежи, к которой принадлежал Гоголь.

Конечно, в юношеской поэме Гоголя вольнолюбивые мотивы не выражены так отчетливо и так ярко, как, скажем, в творчестве Пушкина и Лермонтова, в произведениях Рылеева, Кюхельбекера, Одоевского, но близость поэмы Гоголя всем своим поэтическим строем к поэзии декабристов несомненна.

В декабристской поэзии значительное место занимали понятия, взятые из античного мира. В поэме Гоголя эта характерная особенность поэзии декабристов сказалась очень сильно. Неоднократно Гоголь в «Гансе Кюхельгартене» обращается к античным образам и античному лексикону. Возьмем, например, картину III поэмы Гоголя. Она вся насыщена образами, сравнениями, метафорами из мира древней Греции. Поэта влекут Афины, «земля классических, прекрасных созиданий, и славных дел, и вольности земля». Здесь «от треножников до самого Пирея кипит, волнуется торжественный народ» и «речь Эсхинова, гремя и пламенея, все своенравно вслед влечет».

В этой же картине Гоголь говорит о «шумных водах прозрачного Иллиса», о «мраморном изящном Парфеноне», о Минерве, изваянной резцом Фидия, о произведениях Парразия, Зевкиса, о порывистых стихах Софокла, медоточивой улыбке Эпикура, о греческих войнах и многом другом из жизни Греции.

Почему же Гоголя так заинтересовала Греция? Чем объяснить восторженное отношение поэта к этой стране? Интерес Гоголя и его восторженное и сочувственное отношение к прошлому и к современной Гоголю истории Греции не случаен.

В 1821 г. вспыхнуло греческое восстание против турок. Борьба за греческую независимость продолжалась девять лет и закончилась лишь в 1830 г. провозглашением независимого греческого королевства.

Декабристы, сочувствовавшие национально-освободительным движениям, горячо приветствовали греческое восстание. Рылеев посвятил восстанию восторженные стихи. Многие декабристы хотели принять личное участие в борьбе за освобождение греческого народа. Пушкин хотел бежать в Грецию и написал в 1823 г. пламенное обращение «Восстань, о Греция, восстань!.. Страна героев и бо-

гов, расторгни рабские вериги при пеньи пламенных стихов Тиртея, Байрона и Риги!».

Молодой Гоголь горячо сочувствовал борьбе греков за свое освобождение и вполне отчетливо выразил это в «Гансе Кюхельгартене». Не случайно Гоголь не от имени Ганса, а от своего собственного имени в начале картины III говорит о том, что всей «душой приковывается к Афинам, городу вольности и славных дел».

Именно Афины были в 1826 и первом полугодии 1827 г., то есть в тот период, когда Гоголь писал «Ганса Кюхельгартена», ареной ожесточенной героической борьбы греков за свое освобождение. На протяжении целого года небольшой отряд греков, укрепившихся в афинском акрополе, оказывал отчаянное сопротивление туркам, и только 5 июня 1827 г. пал этот последний оплот греческой свободы. Поэтому есть основание считать, что именно эту героическую борьбу греков за свое освобождение имел в виду Гоголь, когда он говорил о славных патриотических делах города вольности Афин.

После поражения восстания летом 1827 г. большая часть греческого населения оставила Афины, превратившиеся почти в груды развалин. Турки разрушили драгоценные памятники греческой архитектуры, в том числе «мраморный, изящный Парфенон»¹, о котором Гоголь говорит в картине III.

О разрушении древних Афин Гоголь писал в картине XIII своей поэмы:

Печальны древности Афин.
Туманен ряд былых картин.
Облокотясь на мрамор хладный,
Напрасно путник алчет жадный.
В душе былое воскресить,
Напрасно силится развить
Протекших дел истлевший свиток, —
Ничтожен труд бессильных попыток;
Везде читает смутный взор
И разрушенье, и позор.

Можно подумать, читая эти строки, что Гоголь говорил о событиях давно прошедших, сожалел о разрушении города Афин в далеком прошлом. Однако последующие строки не оставляют сомнения, что Гоголь имел в виду

¹ Храм дорического стиля, построенный по поручению Перикла архитектором Иктином.

современные ему события, разрушения Афин турками во время греческого восстания (1821—1827):

Промеж колон чалма мелькает,
И мусульманин по стенам,
По сим обломкам, камням, рвам,
Коня свирепо напирает,
Останки с воплем разоряет.

Устойчивости интереса молодого Гоголя к событиям в Греции способствовали не только созвучные ему настроения передовой части русского общества, но и местные, нежинские обстоятельства.

Дело в том, что в нежинской гимназии вместе с Гоголем обучалась группа греческих юношей, бежавших в Россию со своими родителями, участниками греческого движения. С одним из этих греческих юношей, Константином Базили, будущим русским дипломатом и литератором, Гоголь был дружен.

Из неопубликованного архивного дела о воспитанниках, принятых в пансион нежинской Гимназии высших наук в 1822 г., хранящегося в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР, видно, что почетный попечитель нежинской гимназии А. Кушелев-Безбородко отношением от 7 июля 1822 г. уведомил, что он предполагает направить в гимназию «несколько детей греческих семейств ныне по смутным обстоятельствам находящихся в Одессе».

В августе 1822 г. шесть греческих мальчиков прибыло в Нежин. Среди них был «Константин, сын Михайлы Базиля, имеющий от роду 12 лет», как было указано в его свидетельстве. В письме от 1 августа 1822 г. новороссийский генерал-губернатор граф Ланжерон уведомлял директора нежинской гимназии И. С. Орлая, что «по причине крайней бедности родителей и родственников сих детей, Одесская вспомогательная греческая комиссия снабдила их на путевые издержки необходимой денежной суммой»¹.

Между энергичным и способным подростком Константином Базили и Николаем Гоголем установились дружеские отношения, которые продолжались всю жизнь. 17 ноября 1880 г. престарелый К. М. Базили в письме на имя комитета по сооружению бюста Н. В. Гоголя в Нежине бла-

¹ «Гоголиана» б/н.

Константин Михайлович Базили.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

годарил за избрание его в почетные члены комитета и выражал признательность «за оказание внимания к старому товарищу и другу знаменитого воспитанника дорогой всем ее питомцам Гимназии высших наук»¹.

Во время обучения в Нежине Константин Базили рассказывал Гоголю о греческих событиях, выражал сожаление о разрушении Афин, «города вольности и великих дел». Эти рассказы способствовали возбуждению в молодом Гоголе сочувствия к судьбе восставших греков. Сочувственные настроения юного автора получили свое отражение в его юношеской поэме «Ганс Кюхельgarten».

В. А. Десницкий в своей работе «Задачи изучения жизни и творчества Гоголя» высказывает предположение, что название гоголевской поэмы «Ганс Кюхельgarten» напоминает имя школьного товарища Пушкина, поэта-декабриста Вильгельма Кюхельбекера.

В 1824—1825 гг. Кюхельбекер в Москве совместно с В. Ф. Одоевским издал четыре книжки альманаха «Мнемозина», в котором были опубликованы некоторые произведения Кюхельбекера. В. А. Десницкий полагает, что не исключена возможность наличия «Мнемозины» в нежинской товарищеской библиотеке, которой, как мы знаем, заведывал Гоголь.

Обследовав библиотеку нежинской Гимназии высших наук, рукописные фонды Черниговского областного архива и Государственной публичной библиотеки УССР, мы, к сожалению, не обнаружили в ней альманаха «Мнемозина». Впрочем, этот альманах мог и не попасть в гимназическую библиотеку, так как выписывался на средства учеников гимназии. Гоголь мог ознакомиться с альманахом «Мнемозина» и творчеством Вильгельма Кюхельбекера во время каникул в кибинской библиотеке Д. П. Трощинского, куда поступали все новинки литературы, и дома в родной Васильевке и в соседней с ней Обуховке, где проживала дружеская Гоголям семья известного прогрессивного писателя В. В. Капниста.

Яркая и оригинальная личность Кюхельбекера, его героическое поведение на Сенатской площади во время восстания декабристов, его трагическая судьба, его высокие стремления к благу и добру, близкие молодому Гоголю, и,

---

¹ Архивное дело о сооружении бюста Н. В. Гоголю в Нежине, «Гоголиана» № 1172.

наконец, его увлечение античной Грецией, где, по его выражению, «целый народ был поэтом» — все это могло заинтересовать Гоголя, и он назвал своего героя «Кюхельгартен», напоминая имя Кюхельбекер.

Не следует, конечно, идеализировать молодого Гоголя, преувеличивать прогрессивность его мировоззрения. Он не был декабристом. В его юношеской поэме, как мы уже говорили, не получили такого широкого звучания вольнолюбивые мотивы, как у Пушкина, Лермонтова и у поэтов-декабристов.

Глубоко ошибочными, вместе с тем, являются утверждения старого буржуазного литературоведения, к сожалению, некритически воспринятые некоторыми советскими гоголеведами, об исконном консерватизме политических убеждений Гоголя, о том, что он был равнодушен к явлениям общественно-политической жизни его времени.

Нет оснований отрывать Гоголя от прогрессивной дворянской молодежи, передовых людей его времени. Наоборот, внимательный анализ его писем юношеского периода, его поступков и высказываний в нежинской гимназии и, в частности, его отношения к «делу о вольнодумстве», о котором мы будем говорить дальше, и, наконец, внимательный анализ его юношеской художественно-незрелой поэмы «Ганс Кюхельгартен» дают убедительные доказательства безусловной прогрессивности убеждений молодого Гоголя, созвучных самым передовым людям его эпохи.

Прогрессивное мировоззрение молодого Гоголя, его критическое отношение к русской действительности уже в этот ранний период были той идеологической основой, на которой выросли его бессмертные произведения.

«КНИГА ВСЯКОЙ ВСЯЧИНЫ, ИЛИ ПОДРУЧНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» Н. В. ГОГОЛЯ

Убедительным опровержением клеветнических измышлений реакции и доказательством разносторонности знаний Гоголя еще в старших классах нежинской гимназии может служить «Книга всякой всячины, или подручная энциклопедия», которую Гоголь начал вести в Нежине в 1826 г.

«Книга всякой всячины» в настоящее время хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР

им. В. И. Ленина¹. Описание ее мы даем, пользуясь публикацией В. И. Шенрока².

В тетради на 490 страницах голубой бумаги, в прочном кожаном переплете, на первом листе рукой Гоголя написано следующее заглавие: «Книга всякой всячины, или подручная энциклопедия. Составл. Н. Г. Нежин. 1826».

Разнообразные сведения, заметки, выписки, рисунки вписывались Гоголем в книгу в алфавитном порядке. На стр. 7 наклеены вырезанные архитектурные рисунки и чертежи дорического и ионического стиля с надписями: «Оглавие и отбор дорический», «Оглавие и отбор ионический» и т. д. К стр. 10 подклеен конверт, в который вложены скалькированные на прозрачную бумагу образцы архитектурных стилей. Карандашные кальки архитектурных чертежей помещены дальше, после 15 стр. книги.

На стр. 37 — четырнадцать хорошо исполненных чернилами рисунков, изображающих древнее греческое вооружение.

На стр. 41—43 записана «Вирша, говоренная гетьману Потемкину запорожцами».

Стр. 61, 62 и 63 занимает перечень названий монет под заглавием: «Деньги и монеты разн. государств. (в сравн. с Рос.)».

На стр. 68 записан исторический документ о гетмане Иване Скоропадском.

На стр. 71—72 помещена статья «Распространение диких деревьев и кустов в Европе (по Риттеру)». Начало статьи: «Природа распространила растения по земному шару далее, нежели то могли сделать доселе труд и старание человека, но не в такой повсеместности по всем стихиям, как породы животных». Конец: «Преимущественно важны леса по влиянию их на образ жизни и удовлетворение потребностей как для человека вообще, так и в частности для отдельных народов».

На стр. 80—81 книги записаны отрывки из «Энеиды» Котляревского. Всего выписано из «Энеиды» 23 эпиграфа в последовательном порядке самого текста произведения.

¹ Рукописи Гоголя, Каталог, Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, 1940, стр. 56.

² Н. В. Гоголь, Соч., т. VII, изд. 10, СПб. 1896, стр. 873—891.

«Книга всякой всячины» свидетельствует о разносторонних интересах юноши Гоголя, о его настойчивых стремлениях расширить круг своих знаний. Необходимо подчеркнуть, что большая часть записей в книге посвящена описанию жизни братских народов — русского и украинского. Язык народа, его предания, обычаи и нравы, его мудрые и меткие поговорки и пословицы, его песни — все это очень интересовало молодого Гоголя.

Василий Афанасьевич Гоголь и его сын были пионерами в сложном и трудном деле — составлении русско-украинского словаря. В бумагах В. А. Гоголя встречается запись свыше сорока украинских слов на букву «К» с соответственными объяснениями и переводом их на русский язык, например: коваль—кузнец; кучерявый—кудрявый; кучери — кудри; кизяк, кизяки — засохший навоз; крута каша — густая каша, говорится крутой человек — значит (упрямый) несговорчивый и т. д.

Повидимому, отец возбудил интерес у сына к составлению словаря. Юный Гоголь проводил эту работу последовательно и систематически. В «Книге всякой всячины, или подручной энциклопедии», начиная с стр. 21, с буквы «Б», на все буквы алфавита, за исключением «Ъ», Гоголь записывал украинские слова по мере их накопления. Так, например, на стр. 99 записаны слова на букву «Ж» — жерело, джерело — ключ водяной; жах — ужас; жвавый — проворный, удалый и т. д.; на стр. 109 слова на букву «З» — запашный — душистый; зарученный — сговоренный жених; заверуха — вьюга; змарнеть — похудеть; занедбать — забыть, пренебречь; зрадливый — неверный, изменник и т. д.

Надо отметить, что Гоголь записывал слова не механически. Он стремился выяснить происхождение слова и давал необходимые пояснения. В работе молодого Гоголя по отбору и записи слов были, несомненно, элементы научного исследования. Вот, например, его запись слов на букву «М» на стр. 175 своей «подручной энциклопедии»: марне (польск.) — тщетно; материнка — растение, душица, *Origanum vulgare*; мерщей — скорей; муситы — мушу (польск., богемск.: быть принужденным, должным); мара — видение, призрак (у Котляр. мана); мирковать — рассуждать; мусиньдзіовый (с немецк.) — зеленой меди: мшаник — место, где пчел содержат зимой.

Отбирая и объясняя украинские слова, Гоголь опирался

на народную разговорную речь, но в то же время обнаруживал хорошее знакомство с литературными источниками — отечественными и западнославянскими. Это отчетливо видно из процитированных его записей слов на букву «М», а также на букву «К» и др.

Так, например, на стр. 137 Гоголь записал: кватырка — фортка в окне; квапытыся, кваплюся (польск., богемск.) — торопиться; керовати — править, управлять; кобза — бандура; ключка — палка на конце с колотыком или крючком для доставления чего; конвалія — ландыш; коновок — деревянный сосуд, род ведра от славян[ского] коноб — сосуд; коровай называется свадебный кулич; кпитися (польск. простон.) — чваниться, издеваться; кайданы — цепи; карбовати — насека́ть, нарезывать знаки; конячина — означает траву дятлину (*Trifolium pratense*); кавьяр — икра; кадный — дымный; каламайка, коломенка — водоходное большое судно, похожее на барку; каплиця — часовня; каюк — лодочка; квадранець — четверть часа (см. Котляр.); кендюх — желудок животных; клунки — связка, укладка; кнур — боров; ковадло — наковальня; ковдра — одеяло; ковнир — воротник; ковткы — называются в степных местах серьги; корж — лепешка сухая (изъяснение Котляревского) и т. д.

Не все записи Гоголя правильно передавали значение русских слов. Однако нас в данном случае интересует не точность словаря, составленного Гоголем, а настойчивая, кропотливая работа молодого исследователя по отысканию нужного слова, желание выяснить его происхождение, стремление связать язык с жизнью народа, его бытом и нравами.

Вся «Книга всякой всячины» Гоголя насыщена этнографическими сведениями. Так, на стр. 122, 123 описаны «игры и увеселения малороссиян», на стр. 126 записаны в два столбца «разные малороссийские имена, даваемые при крещении», на стр. 181 — украинские загадки, на стр. 182 — малороссийские блюда и кушанья, на стр. 183 — малороссийские предания, обычай, обряды.

Особенный же интерес еще в молодости Гоголь обнаружил к народным песням. В свою «подручную энциклопедию» Гоголь записал целый ряд русских и украинских народных песен, сопроводив их этнографическими комментариями.

Так, например, на стр. 183 «Книги всякой всячины» Гоголь отметил: «Троицкие песни поют обыкновенно в продолжении зеленой недели, начиная с Духова дня, ибо в Малороссии сим днем называется воскресение, а Троица, т. е. Троицын день, бывает в понедельник. В сей день обыкновенно кумятся». «Зеленая неделя называется еще клечальною — от деревьев, ставимых в домах и на дворах (клечанье — или май). Около Стародуба сия неделя называется греною, а песни — гренухами, гренушками,—продолжает далее Гоголь, обнаруживая знакомство с деталями песенного жанра,— по народному поверью русалки, живущие обыкновенно в Днепре, в сие время расходятся и бегают по лесам и бурьянам с Петрова дня, посему и неделя называется русальною, а песни — русальными, русальями».

Здесь же Гоголь вспоминает песни, приуроченные ко дню Ивана Купала: «Купаловы песни поют в Иванов день, или в день Купала. Песни сии поются обыкновенно вечером. В сие время скачут через огонь, через кучи крапивы и проч.»

Далее Гоголь, говоря о крестьянских свадьбах, приводит свадебную песню: «Свадьбы у крестьян малороссийские, обыкновенно бывают осенью, и есть пословица про девушку, не вышедшую замуж в это время: «Прошла уже и Покрова, заревела девка, як корова». Песня свадебная: «Заковала зозуленька» поется тогда, когда молодая на посаде, то есть когда невеста сидит на парадном месте, за караваем. Разрезывая каравай, поют:

Свитит місяць у раю
Нашему караваю,
Щоб було видненько
По краям его дрибненько».

На стр. 199 Гоголь записал украинскую песню:

Ой ну Юрку, продай курку,
А сам пристань до вербунку
Будеш исты, будеш питы,
Довбешками воши биты¹.

Народные песни упоминаются Гоголем и на других страницах его «подручной энциклопедии», особенно

¹ Н. В. Гоголь, Соч., т. VII, изд. 10, СПб. 1896, стр. 883.

там, где юный этнограф описал свадебные обряды. Здесь отмечены песни молодой, молодого, песни дружков и т. д., как например: «Молодой с боярами приходит в хату, и когда приближается к столу, то в углу подле молодой стоящий мальчик, брат ея, лет 5-ти или 6, с дубиной, не допускает и не отдает сестры. Тут ему должен молодой давать деньги по грошу, он не соглашается, а дружки поют «Братику, не лякайся, братику, постарайся, не продавай сестры за рубль, за четыре, за 2 золотые, братови гроши—слина, братови сестра мила».

Свадебный обряд сопровождается песнями, и Гоголь приводит начало этих песен, заканчивая песней, которую «молодая должна непременно запеть своей свекрови: «Не бойся, матинко, не бойся: в червони чобитки обуйся, топчи вороги под ноги, щоб твои пидкивки бряжчали, щоб твои вороги мовчали».

Как видим, Гоголь хорошо знал народные песни и многие из них записал и отметил еще в Нежине в «Книге всякой всячины». Он пользовался для этого собранием народных песен Цертелева, изданным в 1819 г., и Максимова — в 1827. Это видно из ссылок Гоголя в своей записной книге на эти источники.

Вместе с тем главным источником для записей песен послужили Гоголю свои собственные наблюдения в родной Яновщине (Васильевке) и в соседних с нею селах, а также в предместье Нежина — Магерках. Гоголь часто посещал крестьянские семьи, бывал у них на свадьбах, знакомился с их бытом, слушал и записывал народные песни¹.

Имея в виду, что «Книга всякой всячины» велась Гоголем на протяжении ряда лет и записи в ней не датировались, вопрос о времени внесения автором в эту книгу разнообразных этнографических сведений вызвал полемику в литературе о Гоголе.

В. И. Шенрок, подробно описавший и частично опубликовавший «Книгу всякой всячины», утверждал, что этнографические записи и выписки из «Энеиды» Котляревского на стр. 80 и 81 записной книги сделаны Гоголем еще в Нежине и характеризуют «литературное чтение Гоголя в школе»².

¹ См. об этом воспоминания школьного товарища Гоголя Н. Ю. Артынова в журн. «Русский архив», 1877, кн. III, стр. 191.

² Н. В. Гоголь, Соч., т. VII, изд. 10, СПб. 1896, стр. 875.

Исследователь текстов Гоголя Г. П. Георгиевский, отмечавший заслуги Гоголя как собирателя народных песен, публикуя песни, собранные писателем, утверждал, что «Гоголь с юных лет полюбил народные песни и придавал им огромное значение в деле изучения народа... Весьма рано в нем явилось желание собирать и записывать эти памятники народного творчества. Еще в Гимназии высших наук в Нежине Гоголь завел для себя особую записную книгу, под названием «Книга всякой всячины», и внес первые опыты собирания народных песен»¹.

Шенроку и Георгиевскому возражал Н. И. Коробка. Он считал, что «большая часть содержания записной книги Гоголя... относится ко времени работ над «Вечерами» — к 1829, 30 и может быть 31 годам»².

Н. И. Коробка замечал: «Лучшим доказательством, что эта рукопись («Книга всякой всячины» Гоголя. — Д. И.) не может относиться к 1826 г., является тот факт, что в ней мы находим ряд цитат из сборника малорусских песен Максимовича, вышедшего в 1827 году»³.

Аргумент исследователя нам кажется неубедительным. Шенрок и Георгиевский утверждали, что многие этнографические записи сделаны Гоголем еще в ученические годы. Гоголь же, как известно, обучался в нежинской гимназии до середины 1828 г. и, следовательно, он мог сделать выписки из сборника Максимовича еще в Нежине и в 1827 и в 1828 гг., а из сборника песен Цертелева и ранее этого времени, в Кибинцах в библиотеке Д. П. Трощинского, которому Цертелев посвятил свой сборник.

Ясно, во всяком случае, что основные записи в «Книге всякой всячины» сделаны Гоголем в ранний период на протяжении пяти лет (с 1826 по 1831 г.), еще до опубликования «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Несомненно также и то, что интерес к жизни народа и народному творчеству, который Гоголь обнаружил еще в Нежине, усилился в период творческой подготовки к написанию первых своих повестей.

---

¹ Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя, в. 2, Песни, собранные Н. В. Гоголем. Изданы Г. П. Георгиевским, СПб. 1908, стр. 2—3.

² Н. В. Гоголь, Вечера на хуторе близ Диканьки, под ред. Н. И. Коробки, СПб. стр. 54.

³ Там же.

Записи «Книги всякой всячины» Гоголь использовал в живописных «Вечерах на хуторе близ Диканьки», которыми так восхищался Пушкин.

Из 13 эпитафий «Сорочинской ярмарки» четыре взято Гоголем из «Книги всякой всячины». Мы имеем в виду три эпитафии из «Энеиды» Котляревского: а) к главе III повести—«Чи бачишь вин який парнище? На свити трохи есть таких. Сивуху так мов брагу хлыще»; б) к главе IV—«Хоть человекам не онее, да коли жинци, бачишь тее, так треба угодыты...»; в) к главе VIII—«Пиджав хвист, мов собака, мов Каин затрусывсь увесь; из носа потекла табака».

Здесь же в «Сорочинской ярмарке», в эпилоге главы XIII, в котором Черевик благословляет свою дочь Параску и ее жениха, в качестве эпитафии использована Гоголем свадебная песня, записанная в «Книге всякой всячины»: «Не бійся, матінко, не бійся, в червоние чобитки обуйся» и т. д.

Вводя в текст повести «Сорочинская ярмарка» целый ряд украинских слов, Гоголь также воспользовался для этого словарем из записной книги. В первом и втором издании «Вечеров» Гоголь предпослал к каждой части свой словарь украинских слов, взятых, в основном, также из нежинской «подручной энциклопедии». Этот словарь Гоголь использовал для всех повестей «Вечеров».

В основу сюжета «Вечера накануне Ивана Купала» положена запись из «Книги всякой всячины» народной легенды о том, что человек, который сорвет под Иванов день цветок папоротника, отыщет клад. Краткая запись мастерски превращена Гоголем в красочную, полную трагизма повесть «Вечер накануне Ивана Купала».

Воспользовался Гоголь словарем «Книги всякой всячины» и для объяснения ряда украинских слов, введенных им для колоритности в «Вечере накануне Ивана Купала». Кроме того Гоголь использовал здесь свои этнографические записи. Так, например, на стр. 225 своей «подручной энциклопедии» Гоголь записал «Одеяния малороссиян», в том числе: «кунтуш — старинное название длинной, нарядной верхней женской, распашной, летом и зимой носимой одежды». Далее молодой этнограф поместил сведения о девичьем головном уборе: «Дрибушки —

мелкие косы; их заплетают по несколько и обвивают вокруг головы. Синдячки — разноцветные ленты, коими повязывается голова; концы их распускаются по плечам». Всеми этими сведениями Гоголь воспользовался для описания внешности Пидорки — героини повести «Вечер накануне Ивана Купала».

Кое-что почерпнул Гоголь из «Книги всякой всячины» и для повести «Майская ночь, или утопленница». Герой повести «Майская ночь» Левко рассказывает своей любимой девушке Гале легенду о дочери сотника, которую погубила злая мачеха-ведьма. Панночка, дочь сотника, бросилась в пруд и, сделавшись русалкой, поклялась отомстить своей мачехе. В майскую ночь русалки играют в народную игру «в вѳрона». Во время игры Левко помогает панночке обнаружить мачеху. Благодарная девушка устраивает его свадьбу с Галей.

Таков коротко сюжет повести. Некоторые элементы его мы находим в «Книге всякой всячины». Так, на стр. 183 сказано, что, по народному поверью, в зеленую, или майскую неделю русалки выходят на берег, а на стр. 122—124 подробно описана народная игра «в вѳрона».

* *

*

«Книга всякой всячины, или подручная энциклопедия», которую Гоголь начал вести в Нежине в 1826 г., является неопровержимым доказательством разносторонности интересов будущего писателя. Вместе с тем она показывает, что коренные интересы молодого Гоголя были связаны с жизнью и бытом народа, народным творчеством.

Записи «Книги всякой всячины» Гоголь использовал в своем творчестве, особенно широко в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

ПИСЬМА ГОГОЛЯ НЕЖИНСКОГО ПЕРИОДА (1821—1828)

Письма Гоголя нежинского периода представляют собой значительный материал для характеристики процесса развития Гоголя из мальчика в подростка, а затем в сформировавшегося молодого человека, самостоятельно вступающего в петербургскую столичную жизнь.

Известны 75 нежинских писем Гоголя к родителям, родственникам и друзьям. Из них 22 ранних письма адресованы родителям В. А. и М. И. Гоголь-Яновским, 44 непосредственно адресованы матери (после смерти отца) и только остальные 9 — родственникам и друзьям.

Отрывки из некоторых нежинских писем Гоголя мы уже цитировали, характеризуя школьные успехи Гоголя, разносторонность его юношеских интересов. Однако для того, чтобы представить себе наиболее полно облик Гоголя, вначале мальчика, а затем юноши, обратимся к последовательной характеристике основных его писем нежинского периода, пользуясь для этого оригиналами некоторых из них и главным образом текстом писем, опубликованных в 1940 г.¹

Две особенности характерны для ранних нежинских писем Гоголя. Это, во-первых, неизменно серьезный тон писем Гоголя к родителям. В письмах мы не встретим веселой, остроумной шутки, живого юмора, столь характерного для Гоголя-подростка, Гоголя-юноши.

И, во-вторых, во всех ранних письмах нежинского периода Гоголь выражает чувство неизменной покорности и преданности родителям: «С истинным почтением и преданностью честь имею быть вашим покорным слугою и послушнейшим сыном Николай Гоголь-Яновский». Вот обычная концовка почти всех писем Гоголя. И если формула «покорный слуга» иногда опускается, то «послушнейший сын» неизменно остается и в письмах двенадцатилетнего мальчика, и в письмах восемнадцатилетнего юноши. Разумеется, эта концовка писем, так же как и начало их — «дражайшие родители папилька и мамилька» или «почтеннейшая, любезная мамилька», «милостивая государыня мамилька», обуславливалась тем эпистолярным стилем, который был принят в дворянских кругах того времени. Так писал Василий Афанасьевич Гоголь и люди его круга. Так считал для себя обязательным писать его сын.

Вместе с тем сквозь шелуху этих условных оборотов и слов выступают подлинные чувства юного Гоголя. И это прежде всего чувство искренней любви и благодарности к родителям, которое было взаимным. Никоша, стар-

---

¹ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. X, АН СССР, под ред. В. В. Гиппиуса.

ший и единственный сын (после смерти брата Ивана), был надеждой и радостью семьи.

Первое письмо из Нежина от 10 июня 1821 г. двенадцатилетний Никоша Гоголь начинает риторической фразой: «Дражайшие родители папилька и мамилька, с величайшим удовольствием принимаюсь за перо..., чтоб изъявить вам благодарность за ваше родительское о мне попечение».

В таком же духе написано следующее короткое письмо от 13 августа 1821 г.: «Дражайшие родители папилька и мамилька. Осведомившись, что вы находитесь здоровы, пишу к вам единственно для того, чтоб благодарить вас за ваше родительское ко мне расположение. Что касается до меня, я, слава богу, здоров, чего желая вам, остаюсь навсегда вашим послушнейшим сыном и покорным слугой Николай Гоголь-Яновский».

Но уже в следующем письме, написанном на другой день, 14 августа 1821 г., Никоша, получив известие, что родители приедут к нему в Нежин только в октябре, дает волю искренним чувствам: «Весьма опечалился, услыша, что вы приедете еще в октябре месяце. Ах! Как бы я желал естли б вы приехали как можно поскорей и узнали б о участи своего сына. Прежде каникул писал я, что мне здесь хорошо, а теперь напротив того. О! естли бы Дражайшие родители приехали в нынешнем месяце, тогда бы вы услышали что со мною делается. Мне после каникул сделалось так грустно, что всякий божий день слезы рекой льются и сам не знаю от чего, а особливо когда спомню об вас, то градом так и льются».

В этом письме Гоголь высказал гуманные чувства к своему крепостному слуге Симону. Гоголевский гуманизм и демократизм, так ярко сказавшийся в изображении им маленьких, обездоленных людей, впервые проявился в письме двенадцатилетнего мальчика: «Не забудьте также доброго моего Симона,— писал Гоголь,—который так старается обо мне, что не прошло ни одной ночи, чтобы он не увещевал меня не плакать об вас, Дражайшие родители, и часто просиживал по целой ночи над мною, уже я его просил, чтоб он пошел спать, но никак не мог его принудить. Жалованье ему не выдают, и он принужден сам на нас всех (гимназистов.—Д. И.) готовить кушанье, ибо другого повара нету, был один и тот выпросился домой на два месяца».

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

В письме от 6 октября 1821 г. Гоголь просит родителей «прислать несколько книг», в которых «великая надобность».

В следующем письме, от 10 декабря 1821 г., Гоголь поясняет, что ему нужна латинская грамматика «Бантыш-Каменского, Латинский Лексикон, Французские разговоры и Немецкие разговоры и рисовальная книга», а в постскриптуме добавляет: «Еще прошу вас прислать мне Нравоучительные Сказки г-на Мармонтеля, потому что мы их переводим на французский язык».

В этом же письме Гоголь извещает родителей о том, что «ежели угодно» им, чтобы он учился «танцевать и играть на скрипке и фортепиано, так извольте заплатить 10 рублей в месяц».

Стремление учиться музыке не оставляет Гоголя и через год. В письме от 10 октября 1822 г. он просит родителей прислать ему скрипку.

В августе 1822 г. Гоголь извещал родителей о том, что переведен в четвертый класс и учится «со всем старанием».

В следующем письме от 10 октября он просит извинить его за долгое молчание, которое произошло вследствие того, что он «опасно был болен. Но теперь уже почти выздоровел».

Сообщение об опасной болезни Гоголя встревожило его родителей. В ответ на их запрос надзиратель Е. И. Зельднер 8 ноября 1822 г. известил В. А. Гоголя, что его сын был болен скарлатиной, но совершенно выздоровел.

* *

*

Нежинских писем Гоголя 1823 г. до нас дошло четыре. Из них представляют интерес два письма. В первом, от 3 октября, Гоголь просил родителей выслать ему «Вестник Европы», один из лучших общественно-политических и литературных журналов того времени, основанный в 1802 г. Карамзиным. Повидимому, родители Гоголя выписывали этот журнал или могли получить его в кибинской библиотеке Д. П. Трощинского. Из переписки между Василием Афанасьевичем Гоголем и А. А. Трощинским видно, что библиотека эта была весьма обширной, ею заведывал специальный библиотекарь.

Родители Гоголя часто снабжали Никошу и его сверстников новинками литературы, и Никоша аккуратно возвращал прочитанную литературу. В данном случае, из письма от 22 января 1824 г., видно, что Гоголь «в целости» возвратил «Вестник Европы».

В этом же письме Гоголь просит родителей выслать ему для школьного театра ряд комедий, обещая также «возвратить их в целости», а в письме от 1 октября 1824 г. просил прислать ему «2 тетради со стихами», которые он забыл дома, а также новую балладу и «Пушкина поэму Онегина».

С. Н. Дурьин, комментировавший нежинские письма Гоголя к родителям, полагал, что «2 тетради со стихами — одни из тех рукописных сборников стихотворений, которые обращались и размножались среди нежинских гимназистов. В этих сборниках встречались запрещенные стихотворения Пушкина, Рыльева и др.»¹.

Что же касается «новой баллады», С. Н. Дурьин считал возможным, что «это один из отрывков поэмы К. Ф. Рыльева «Войнаровский», которая публиковалась частями в журналах 1824 года»².

Как мы уже говорили, Гоголь в Нежине много читал. Он был знаком с передовой литературой своего времени, и его нежинские письма к родителям и друзьям убедительно подтверждают это.

Настойчивые просьбы присылать новые книги повторяются во многих письмах Гоголя. Так, в письме от 13 июня 1824 г. Гоголь, собираясь с гимназистами Барановым и Данилевским домой на каникулы, писал родителям: «Сделайте милость, пришлите нам на дорогу... несколько книг из Кибицеу; будьте уверены, что мы их привезем такими, какими они будут нам врученны. Но вместо повестей пришлите вы нам книгу под заглавием: «Собрание образцовых сочинений в стихах, с портретами авторов в шести томах», за что мы будем очень благодарны»³.

---

¹ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. X, АН СССР, 1940, стр. 395.

² Там же.

³ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе, изданное обществом любителей отечественной словесности, в 12 частях, составлено А. И. Тургеневым, В. А. Жуковским и А. Ф. Воейковым, изд. 1, СПб. 1815—1817; изд. 2, СПб. 1821—1824.

В мартовском письме 1825 г. Гоголь просил отца «прислать к празднику хоть несколько книжек на прочот». Эту же просьбу повторяет Гоголь в письме к матери от 10 июня: «Еще просил бы у вас, дражайшая маминька, прислать на дорогу несколько книг новых и хороших».

Еще одним доказательством страстного стремления студента Гоголя к чтению художественной литературы является его письмо к матери от 6 апреля 1827 г. В нем Гоголь сообщает, что с большим удовольствием читал Шиллера. «Не забываю также и русских (писателей.—Д. И.) и выписываю что только выходит самого отличного». Далее Гоголь пишет матери, что материальные возможности не позволяют ему приобрести более одной книжки в полугодие. Это его огорчает чрезвычайно. «Иногда читаю объявление о выходе в свет творения прекрасного, сильно бьется сердце — и с тяжким вздохом роняю из рук газетный листок объявления».

Книги доставляли Гоголю огромную эмоциональную радость. «Не знаю, что было бы со мною, ежели бы я еще не мог чувствовать от этого радости, я бы умер от тоски и скуки», — замечал он в этом же письме к матери.

* *

*

Нежинские письма Гоголя свидетельствуют о страстном увлечении юноши театром. Любовь к театру зародилась у Гоголя в детстве. Во многом способствовали этому кишинские театральные представления, которые наблюдал мальчик, бывая с родителями в Кишинцах. Способность Гоголя «подражать», «копировать» людей укрепила в нем стремление к актерской деятельности.

В Нежине Гоголь был не только актером, но и режиссером и декоратором. Еще с 1824 г. он принимает самое деятельное участие в театральных спектаклях в нежинской гимназии.

Театральные увлечения Гоголя во время пребывания в гимназии отразились в его письмах к родителям. В письме от 22 января 1824 г. он просил Василия Афанасьевича прислать ему комедии: «Бедность и благородство души, Ненависть к людям и раскаяние, Богатанов или провинциал в столице» и другие комедии, обещая возвратить их «в целости». Здесь же Гоголь обращался к отцу с просьбой

прислать «полотна и других пособий для театра», извещая родителей, что в нежинской гимназии «первая пьеса... будет представлена Эдип в Афинах, трагедия Озерова».

В конце того же 1824 г. Гоголь просил отца прислать ему роль, заверяя его, что он хорошо ее сыграет: «Сделайте милость, объявите мне, поеду ли я домой на Рождество; то, по вашему обещанию, прошу мне прислать роль. Будьте уверены, что я ее хорошо сыграю, чем я вам буду много благодарен»¹.

Театральные представления возобновились в нежинской Гимназии высших наук в 1827 г., о чем Гоголь сообщал своему другу Г. И. Высоцкому в Петербург в письме от 19 марта 1827 г.: «Пьесы, представленные нами, были следующие: Недоросль, соч. Фонвизина, Неудачный примиритель, комедия Я. Княжнина, Береговое право Коцебу и в добавок еще одну французскую, соч. Флориана, и еще не насытились. К светлomu празднику заготовляем еще несколько пьес».

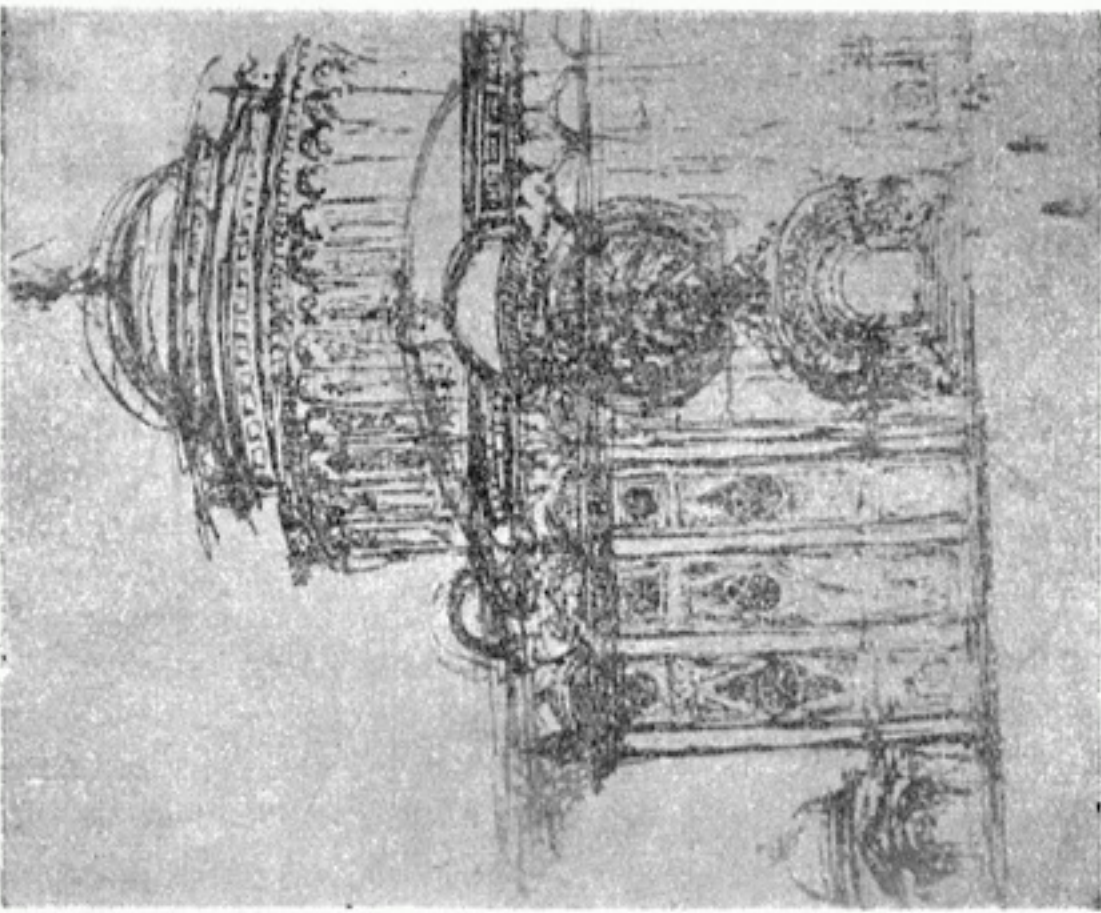
Об этом же писал Гоголь своей матери 26 февраля 1827 г.: «Четыре дня сряду был у нас театр, и к чести нашей признали единогласно, что из провинциальных театров ни один не годится против нашего. Правда, играли все прекрасно. Две французские пьесы, соч. Мольера и Флориана, одну немецкую соч. Коцебу. Русские: Недоросль, соч. Фонвизина, Неудачный примиритель Княжнина, Лукавин Писарева и Береговое право, соч. Коцебу². Декорации были отличные, освещение великолепное, посетителей много».

Заверения Гоголя в том, что он «хорошо сыграет роль», не были бахвальством. Юноша был превосходным актером. Особенно удавались ему комические роли. Он играл Василису в пьесе Крылова «Урок дочкам», Простакову в «Недоросле». Школьные товарищи с восхищением вспоминали о незаурядном актерском реалистическом даровании юноши Гоголя. А. С. Данилевский говорил о Гоголе: «Если бы он поступил на сцену, он был бы Щепкиным»³.

¹ Это письмо до нас не дошло. Его нет в т. X Полн. собр. соч. Н. В. Гоголя. Письма (1820—1835), 1940. Повидимому, П. Е. Щеголев, впервые опубликовавший отрывок из него («Исторический вестник», 1902, кн. III, стр. 537), не возвратил письмо в архив.

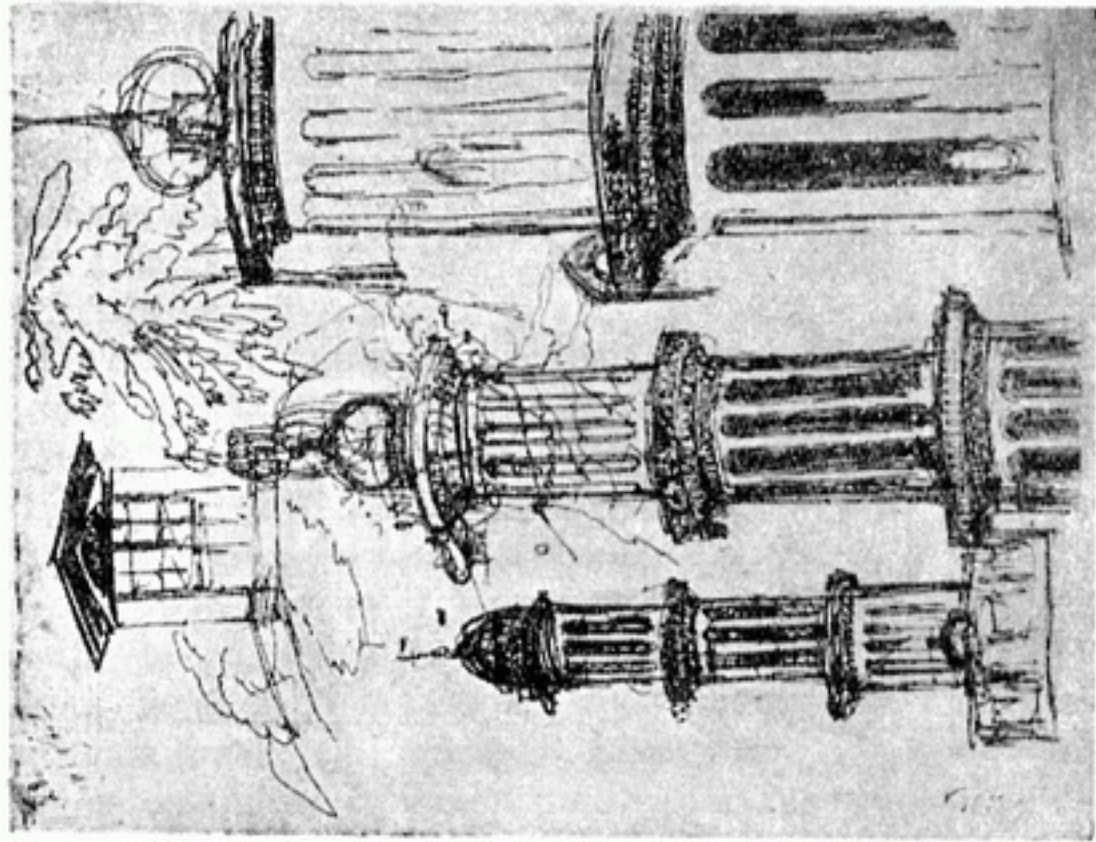
² Русский перевод Каченовского.

³ А. С. Данилевский по записи В. И. Шенрока, Материалы, т. I, стр. 102.

Собор.

Рисунки Н. В. Гоголя.

Башни.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

Другой школьный товарищ Гоголя рассказывал, как мастерски исполнил Гоголь небольшую роль старика: «Вот является дряхлый старик в простом кожухе, в бараньей шапке и в смазных сапогах. Опираясь на палку, он едва передвигается, доходит кряхтя до скамьи и садится. Сидит, трясется, кряхтит, хихикает и кашляет, да, наконец, захихикал и закашлял таким удушливым и сильным старческим кашлем, что вся публика грохнула и разразилась неудержимым смехом»¹.

Гоголь не любил иностранных пьес и неохотно участвовал в их постановках. Зато он с восторгом принимал участие в русских пьесах. Здесь его игра была неподражаема. Об этом рассказывает Н. В. Кукольник в своих воспоминаниях: «Нам поставлено было в обязанность каждый раз, когда у нас будут спектакли, непременно и прежде всего, сыграть французскую или немецкую пьесу. Гоголь должен был также участвовать в одной из иностранных пьес. Он выбрал немецкую. Я предложил ему роль в двадцать стихов, которая начиналась словами: «O mein Vater!», затем шло изложение какого-то происшествия. Весь рассказ оканчивался словами: «nach Prag». Гоголь мучился, учил роль усердно, одолел, выучил, знал на трех репетициях, во время самого представления вышел бодро, сказал: «O mein Vater!», затнулся... покраснел... но тут же собрался с силами, возвысил голос, с особенным пафосом произнес: «nach Prag!» — махнул рукой и ушел... И слушатели, большею частью не знавшие ни пьесы, ни немецкого языка, остались исполнением роли совершенно довольны».

«Зато в русских пьесах, — продолжает Н. В. Кукольник, — Гоголь был истинно неподражаем, особенно в комедии Фонвизина «Недоросль», в роли г-жи Простаковой; — я играл Митрофанушку... Из русских пьес — я помню еще представление «Чудаков», комедии Княжнина, «Хлопотуна» — Писарева (главная роль — Гоголь)»².

Гоголю не удалось осуществить своего юношеского стремления — стать актером. Администрация петербургского театра, где он держал экзамен, привыкшая к ходульной, искусственной игре актеров старой ложноклассической

¹ П. Е. Щеголев, Школьные годы Гоголя, «Исторический вестник», 1902, кн. III, стр. 537.

² «Лицей кн. Безбородко», СПб. 1859, стр. 21.

школы, отрицательно оценила его реалистическое художественное чтение и отказалась принять его в театр.

Гоголя испытывал инспектор русской сцены А. И. Храповицкий, который был убежден, что «для истинного трагического актера необходимо: протяжное чтение стихов, декламация, дикие завывания и неизбежные всхлипывания, или, как тогда выражались, драматическая икота»¹.

В развитии эстетических взглядов Гоголя как драматурга, одного из создателей русского национального репертуара, несомненно, большое значение имело его участие в нежинских театральных представлениях. Вполне закономерно предположить, что еще в Нежине у Гоголя, страстно увлекавшегося театром и наблюдавшего бедность отечественного репертуара, возникла идея послужить своей родине на этом поприще. И если ему не удалось сделать это как актеру, то он блестяще осуществил это как драматург— создатель бессмертных «Ревизора», «Женитьбы» и «Театрального разъезда».

* *

*

Как мы уже упоминали, наряду со страстным увлечением театром, Гоголь-гимназист с большим интересом занимался также живописью. Надо полагать, что это увлечение окрепло у Гоголя под влиянием талантливого преподавателя рисования нежинской гимназии — русского свободного художника-самородка Капитона Степановича Павлова.

К. С. Павлов родился в 1792 г. в Ревеле. Он обучался в московском воспитательном доме. Расширил свои познания на службе в московском театре. Здесь он обучался музыке и танцевальному искусству. В сентябре 1820 г. Павлов определился учителем рисования в нежинскую Гимназию высших наук.

В Нежине К. С. Павлов зарекомендовал себя как хороший педагог. Он пользовался расположением учеников и сумел привить им любовь к живописи. Выделяя и поощряя наиболее способных учеников, Павлов жаловался на недостаток учебных пособий. «Лучшим ученикам, — писал он в одном из своих отчетов, — давно следовало бы начать

¹ См. воспоминания Н. П. Мундта (секретарь директора петербургских театров князя Гагарина), «С.-Петербургские ведомости», 1861, № 235.

целые головы и фигуры, но, за неимением сих оригиналов, продолжают рисовать ландшафты»¹.

Увлечаться рисованием Гоголь начал в конце 1824 г., будучи в пятом классе гимназии. Девять писем Гоголя родителям свидетельствуют, что это увлечение было у юноши довольно устойчивым. В ноябре — декабре 1823 г. Гоголь писал родителям: «Я трудился долго и наконец нарисовать успел 3 картины, а 4-ю еще только что начал и можно сказать, что стоит чего-нибудь. Ежели бы вы их увидели, то верно бы не могли поверить, что я рисовал. Только жаль, что они пропадут, ежели не будет рамок, ибо они все рисованы на грунту и долго лежать никак не могут и для того прошу вас покорнейше прислать как можно поскорее рамки со стеклами».

Далее в письме Гоголь называет размер необходимых ему рамок. Письмо заканчивается любопытной тирадой, свидетельствующей о том, что, видимо, преподаватель рисования и соученики Гоголя весьма одобрительно отзывались о его рисунках: «Сделайте милость, дражайший папинька, вы, я думаю, не допустите погибнуть столько себя прославившимся рисункам».

О занятиях живописью Гоголь сообщает родителям еще в ряде писем: «Прошу вас покорнейше прислать мне для рисования тонкого полотна несколько аршин» (30 марта 1824 г.). «Хотел бы вам (прислать. — Д. И.) несколько картинок, рисованных на картонах и сухими колерами, но некоторые из них еще не докончены, а другие боюсь чтоб не потерялись дорогою, потому что рисовка их весьма нежна» (18 марта 1825 г.).

Чем старше становится Гоголь, тем более сдержанно отзывался он о своих рисунках. В июне 1825 г., предвосхищая встречу с матерью, Гоголь писал ей: «Я постараюсь к вам привезть несколько своих произведений, также хорошеньких картинок своей работы: дары скудные, но они от чистого сердца, и их приносит нежный чувствительный сын».

К нежинскому периоду относится сохранившийся ситуационный чертеж (стр. 221), сделанный Гоголем в девятом классе гимназии. И. А. Сребницкий, впервые опубликовавший этот рисунок², обнаружил его в архивных ма-

¹ «Гоголиана» б/н.

² «Гоголевский сборник», Киев 1902, после стр. 198.

териалах учеников девятого класса гимназии, среди чертежей по фортификации.

Военные науки — полевую фортификацию и начальный курс артиллерии в нежинской Гимназии высших наук преподавал старший профессор математических наук Казимир Варфоломеевич Шапалинский, один из обвиняемых по «делу о вольнодумстве», о котором мы подробно будем говорить дальше. Шапалинский читал теоретический курс по военным наукам и проводил со студентами практические занятия — съемку планов.

Один из школьных товарищей Гоголя передавал В. И. Шенроку: «Летом бывало Шапалинский водил нас за город, верст за пять и за десять, с инструментами снимать планы». В отчете за январь 1828 г. Шапалинский записал: «Из полевой фортификации, по причине праздников и особой порученности господина директора, не терпящей отлагательства, урока не имел, а сами занимались по моему назначению черчением»¹.

Письмо Гоголя своему дяде Петру Петровичу Косяровскому, который готовился к поступлению на военную службу, уточняет воспоминания школьного товарища Гоголя. Из этого письма видно, что полевую фортификацию начали изучать в нежинской гимназии осенью 1827 г. «Теперь у нас проходят полевую фортификацию, — писал Гоголь дяде 13 сентября 1827 г., — жаль, что мне нельзя с вами позадорить (поспорить. — Д. И.) немного, а я б вам рассказал, какой план войны производил Тюренъ, принц Евгений, Наполеон, Суворов, великий Конде, отчего проиграли имперцы, какую ошибку сделали французы в укреплениях в 1812 г. и проч. и пр.»

К сожалению, до нас дошли только несколько рисунков Гоголя. Назовем прежде всего два его архитектурных наброска. На одном из них тушью изображен собор. На другом, повидимому, церковные башни. Оба рисунка представляют собой еще не обработанные черновые наброски, которые мы воспроизводим (стр. 215) с оригиналов, хранящихся в Киеве в Государственном музее Т. Г. Шевченко.

К этому же жанру примыкают и сохранившиеся две акварели Н. В. Гоголя. Первая из них изображает передний фасад дома Гоголей в Васильевке в готическом стиле,

¹ «Гоголевский сборник», Киев 1902, стр. 298.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

вторая — задний фасад того же дома с наружными украшениями под красной крышей. Акварели эти нарисованы Гоголем в Нежине, не позже 1825 г., о чем свидетельствует письмо Гоголя к матери от 10 сентября 1826 г.: «Я отыскал план и фасад нового дома, который я еще рисовал при папинеке. Посылаю вам их, оне ониманы без масштаба, без исправности, но ими можно пользоваться, когда нет другого, и особливо касательно наружных украшений. Один фасад представляет передний вид дома, другой — задний».

Печатая эти рисунки (стр. 227), мы не можем согласиться с отрицательной оценкой их, данной в сообщении А. Некрасова: «Наиболее любопытно то, что Гоголь особенно интересовался архитектурными рисунками, в частности готическими, — писал Некрасов. — Сюда относятся, например, сделанные им чертежи готических фасадов дома в Васильевке, также, повидимому, принадлежащие к юношеским работам. Выполненные акварелью фасады показывают полную беспомощность автора. Бросается в глаза кривизна форм, дрожание и неуверенность руки, полная растерянность перед линией; которая автору положительно не дается... пятна и мазки также не складываются в согласованный рисунок»¹.

Гоголь восхищался готической архитектурой. В статье «Архитектура нашего времени» он замечал: «Готическая архитектура... есть явление такое, какое еще не производил вкус и воображение человека»². Конечно, Гоголь не был художником-профессионалом, хотя и посещал в 1830 г. в Петербурге рисовальные классы Академии художеств. Вместе с тем, если справедливо оценивать два акварельных рисунка юноши Гоголя, то они не только не показывают «полной беспомощности» и «полной растерянности» автора, как утверждал А. Некрасов, а, наоборот, могут быть доказательством несомненных способностей молодого Гоголя как художника.

В петербургский период своей жизни, вспоминая свое увлечение живописью в детские годы, Гоголь припоминал нарисованный им сельский пейзаж. «Мне пришло на память одно происшествие из моего детства, — писал Гоголь в

¹ А. Некрасов, Приписываемые Гоголю рисунки к «Ревизору», «Литературное наследство», 1935, т. 19—21, стр. 536.

² Н. В. Гоголь, Собр. соч., т. VI, М. 1950, стр. 40.

своей статье о Пушкине, — я всегда чувствовал в себе маленькую страсть к живописи. Меня много занимал писанный мною пейзаж, на первом плане которого раскидывалось сухое дерево. Я жил тогда в деревне; знатоки и судьи мои были окружные соседи. Один из них, взглянув на картину, покачал головою и сказал: «Хороший живописец выбирает дерево рослое, хорошее, на котором бы и листья были свежие, хорошо растущее, а не сухое». В детстве мне казалось досадно слышать такой суд, но после я из него извлек мудрость: знать «что нравится и что не нравится толпе»¹.

Долгое время полагали, что пейзаж этот утерян. Оказывается, что он сохранился. 28 декабря 1948 г. историко-культурный заповедник Киево-Печерская лавра передал его Государственному музею Т. Г. Шевченко в Киеве вместе с семью другими рисунками, которые значились как оригинальные рисунки Н. В. Гоголя.

Впервые публикуя пейзаж Гоголя (стр. 233), сделанный карандашом, обратимся к характеристике семи других рисунков. Два архитектурных наброска, о которых мы говорили выше, изображают собор и церковные башни. Они известны в литературе и неоднократно воспроизводились.

Два рисунка представляют собой левую и правую стороны знаменитой немой сцены в комедии «Ревизор». Местонахождение оригиналов этих рисунков, приписываемых Н. В. Гоголю, было неизвестно. Оба рисунка исполнены карандашом на тонкой бумаге. Бумага истлела и местами распадается, что видно на фотокопиях рисунков, снятых с оригиналов в 1950 г. (стр. 239).

Остальные три рисунка, из переданных историко-культурным заповедником Киево-Печерская лавра Государственному музею Т. Г. Шевченко, до сих пор не были известны в литературе о Гоголе. На одном из них цветным карандашом нарисован цветок. Это, вероятно, еще детский рисунок Гоголя.

Два других рисунка весьма любопытны. Они изображают портреты неизвестных женщин. На первом изображена, повидимому, молодая крестьянка (стр. 249).

На другом нарисован профиль женщины, черты лица которой дали основание предположить ее родственную

---

¹ Н. В. Гоголь, Собр. соч., т. VI, М. 1950, стр. 36—37.

близость к Гоголю. Разыскания в этой области привели нас к выводу, что это родная сестра писателя Анна Васильевна Гоголь (1821—1893), нарисованная Гоголем в 1850 или 1851 г., когда Анне Васильевне было двадцать девять или тридцать лет. Сопоставление этого рисунка Гоголя с портретом Анны Васильевны в преклонном возрасте, нарисованным художником В. А. Волковым¹, обнаруживает несомненное сходство обоих портретов (стр. 253).

По свидетельству бывшей заведующей фондами историко-культурного заповедника Киево-Печерская лавра Л. М. Глащинской, восемь упомянутых выше рисунков Гоголя, а среди них и оба портрета, до Великой Отечественной войны хранились в Полтавском краеведческом музее, куда были переданы семьей Быкова, родственниками Гоголя, вместе с девятью другими документами и письмами Гоголя.

Во время войны рисунки, письма и документы были эвакуированы из Полтавы в Москву, откуда в 1947 г. поступили в заповедник Киево-Печерская лавра. Из заповедника письма и документы были переданы в 1948 г. отделу рукописей Государственной публичной библиотеки УССР, а рисунки Гоголя — Государственному музею Т. Г. Шевченко в Киеве.

Мы назвали ряд рисунков Гоголя различного жанра: архитектурные наброски, акварели, портреты. Дополним этот список еще двумя — это черновой набросок портрета «владельца дум» Гоголя — Пушкина, сделанный чернилами (стр. 259), и обложка ко второму изданию «Мертвых душ»² (стр. 260).

Все эти рисунки характеризуют Гоголя как способного художника, рисовальщика и графика, который хотя и не овладел в совершенстве этим искусством, но обладал развитым художественным вкусом и умением правильно передать натуру.

Искусствоведу А. Некрасову понадобилась несправедливо низкая оценка Гоголя как художника для доказательства, что виртуозно исполненные рисунки немой сцены в

---

¹ Карандашный рисунок В. А. Волкова опубликован в сб. «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. I, М.—Л. 1936, после 88 стр.

² Характеристика этой графической работы Н. В. Гоголя дана в заметке Б. Алексеева, «Огонек», 1950, № 48.

комедии «Ревизор» не могли быть написаны Гоголем¹. Оставляя открытым требующий специального исследования вопрос о том, действительно ли Гоголь нарисовал приписываемые ему рисунки к «Ревизору», надписи на которых: «Земляника», «Хлопов», «судья», «почтмейстер», «Гибнер» сделаны, безусловно, рукой Гоголя, отметим, что страсть к живописи во многом способствовала созреванию в Гоголе тех идей, которые он отразил в литературном творчестве и в изображении образов художников в «Невском проспекте» и «Портрете» и в публицистических статьях по вопросу о живописи и архитектуре.

* *

*

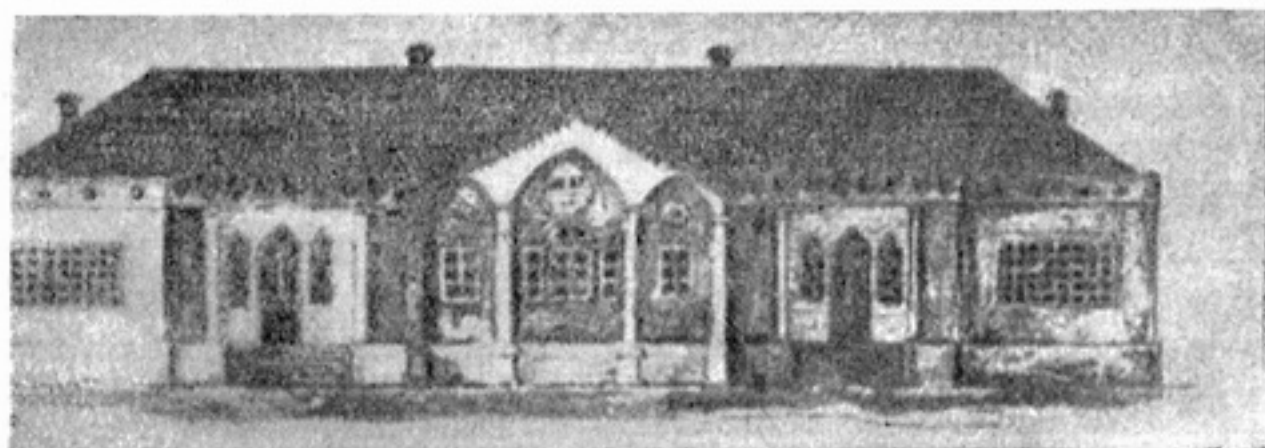
Как мы уже писали, 1825 г. был тяжелым, переломным годом для Гоголя. В марте, когда Гоголю исполнилось шестнадцать лет, внезапно умер его отец. После получения этого трагического известия Гоголем вначале овладело безумное отчаяние. Он даже хотел посягнуть на свою жизнь. Но разум помог юноше преодолеть отчаяние: «Не беспокойтесь, дражайшая маминька! Я сей удар перенес с твердостью... Правда я сперва был поражен ужасно сим известием, однако ж не дал никому заметить, что я был опечален, — писал Гоголь к матери. — Оставшись же наедине, я предался всей силе безумного отчаяния. Хотел даже посягнуть на жизнь свою, но... к вечеру приметил я в себе только печаль, но уже не порывную, которая наконец превратилась в легкую, едва приметную меланхолию».

Этот отрывок письма весьма примечателен. Он, во-первых, свидетельствует о волевых качествах юноши, умении подчинить разуму чувства и, во-вторых, умении скрывать от окружающих даже самые сильные свои переживания.

Скрытность являлась одной из особенностей характера Гоголя еще в юности и сохранилась до конца его дней. Свои сокровенные мысли и чувства, творческие замыслы, которые зрели в нем, он скрывал даже от своих близких школьных друзей и в этом он откровенно признавался в письмах к матери и к дяде П. П. Косяровскому².

¹ А. Некрасов, Приписываемые Гоголю рисунки к «Ревизору», «Литературное наследство», 1935, т. 19—21, стр. 540.

² См. выше цитированное письмо Гоголя к матери от 26 февраля 1827 г., а также письмо к П. П. Косяровскому от 3 октября 1827 г.

Передний и задний фасады дома в Васильевке.

Рисунки Н. В. Гоголя.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

Зная, что после смерти мужа М. И. Гоголь пребывала в состоянии тяжелой нервной депрессии, ее сын в письме от 23 апреля 1825 г. старается утешить мать, вернуть ее к жизни: «Так дражайшая маминька! Я теперь спокоен — хотя не могу быть счастлив: лишившись лучшего отца, вернейшего друга всего драгоценного моему сердцу. Но разве не осталось ничего, что б меня привязывало к жизни? Разве я не имею еще чувствительной, нежной, добродетельной матери, которая может заменить и отца, и друга, и всего что есть милее, что есть драгоценнее?»

В искреннем стремлении уменьшить скорбь горячо любимой матери юноша Гоголь не жалеет красок: «Я мучусь каждый день об вас, мне все представляется, что вы теперь в величайшей горести. Ах маминька! я вам говорю и повторяю, что я спокоен — что мое спокойствие зависит от вашего. Сделайте милость, не печальтесь, пожалейте нас несчастных сирот, которых все благополучие зависит от вас. Пожалейте, говорю, не расстраивайте нашего последнего счастья. Ах чего бы я не сделал, чтобы быть теперь с вами. Мое нетерпение увеличивается, мне хочется вас видеть, слышать, хочется говорить с вами, но пространство разлучает нас. Говорите хотя со мною письменно! Сделайте милость, скорее только пишите, прошу вас, умоляю... Когда бы приходили скорей каникулы. Но они удаляются от меня, они смеются моей горести. Маминька! пощадите хотя вы ее». (Письмо от 24 апреля 1825 г.)

Смерть отца была первой глубокой травмой в жизни Гоголя. Трагические ноты, страстность процитированных выше строк, так же как и строк из следующего за ним письма от 26 мая того же года: «Сделайте милость, я вас прошу, ...заклинаю вас именем ваших детей... отвечайте мне... пожалейте своего несчастного сына», в какой-то мере по своему стилю напоминают страстные строки из «Записок сумасшедшего» Гоголя: «Матушка, спаси твоего бедного сына! Урони слезинку на его больную головушку! Прижми ко груди своего бедного сироту».

Смерть отца нарушила спокойное течение нежинской школьной жизни Гоголя, внеся большие изменения в формирование его характера. «Ежели бы вы меня увидели, вы бы согласились, что я совсем переменялся, — писал Гоголь в названном выше письме к матери. — Я теперь можно сказать совсем не свой, бегаю с места на место, не могу ничем утешиться, ничем заняться... Печальные мысли на-

перерыв теснятся в моей голове и не дают мне минуты насладиться спокойствием».

В трудный период горестного раздумья юноша ищет утешения в священном чувстве патриотизма, любви к родине. «Я думаю все переменилось, но мое сердце всегда останется привязанным к священным местам Родины, и теперь они еще вдвое драгоценнее для сердца горестного».

Впервые в 1825 г. Гоголь стал задумываться о своей будущей жизни. Смерть отца, необходимость заменить его своим малолетним сестрам — все это вызывало тревожные раздумья о будущем. И выражал их Гоголь в романтической и риторической форме: «Вы не поверите, дражайшая маминька, какое удовольствие принесло мне ваше письмо, — писал Гоголь к матери 10 июня 1825 г., — но вместе с ним я не мог не быть растроган, особливо видя вашу любовь, вашу горячность родительскую, какую вы имеете к вашим детям, но ваши слова: что вы уже более для себя и для мира не живете, что может быть я скоро должен занять место отца малолетним моим сестрам... поселили печальные предчувствия в моем сердце. Зачем предаваться горестным мечтаниям! Зачем раскрывать грозную завесу будущности! Может быть, она готовит нам спокойствие и тихую радость, ясный вечер и мирную семейственную жизнь».

Неопределенны еще мечтания Гоголя о будущем. «Что касается до меня, — продолжал далее Гоголь, — то я совершу свой путь в сем мире и ежели не так, как предназначено всякому человеку, по крайней мере буду стараться сколько возможно быть таковым».

Через два года (в 1827 г.) мысли молодого Гоголя о будущем назначении если и не стали более конкретными, то, во всяком случае, выяснился их безусловно прогрессивный характер. О подвиге, о благородном труде во имя процветания своей отчизны, во имя счастья сограждан мечтал восемнадцатилетний юноша. «Испытую свои силы, для поднятия труда важного, благородного: на пользу отечества, для счастья граждан, для блага жизни подобных, и доколе нерешительный, неуверенный (и справедливо) в себе, я вспыхиваю огнем гордого самосознания»¹.

¹ Письмо к матери от 19 марта 1827 г. (Подчеркнуто нами—Д. И.)

Сокровенные думы Гоголя, выраженные в юношеских письмах, не оставляют камня на камне от реакционной легенды о том, что консервативные его взгляды, высказанные в 1847 г. в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», были закономерными и для юноши Гоголя.

Тщетно некоторые реакционные критики пытались изобразить юношу Гоголя как карьериста, мечтающего о крупных бюрократических постах. Гоголь в Нежине думал о государственной службе в Петербурге и об этом писал к матери (19 марта 1827 г.): «Через год вступаю я в службу государственную», но он думал о службе как о подвиге, о службе честной, о самоотверженном труде для счастья сограждан. Приехав в Петербург, в короткий срок изжил он свои юношеские иллюзии, пришел к убеждению, что на царской государственной службе невозможно быть полезным народу.

Вместе с тем, отказавшись от государственной службы и найдя свое истинное призвание в литературном творчестве, он сохранил навсегда веру в благородство труда «на пользу отечества, для счастья граждан, для блага жизни подобных» и этому труду посвятил всю свою жизнь и всю свою творческую деятельность.

* *

*

Вульгарные социологи называли Гоголя представителем «поместного стиля». Характерно, например, что Переверзевым Гоголь назван «крупнейшим представителем поместного стиля»¹. Такого стиля в русской литературе нет. Отметим, что жизненные, а тем более творческие интересы Гоголя не были связаны с мелкопоместной или среднепоместной средой, и это отчетливо видно из юношеских писем Гоголя.

До семнадцатилетнего возраста юноша не проявлял никакого интереса к делам поместья Гоголей. И это не случайно. В лирическом отступлении в начале главы VI первого тома гениальных «Мертвых душ», вспоминая юношеские годы, Гоголь называет рожь и пшеницу, главные статьи дохода в помещичьем хозяйстве, скучной материей для юности.

Впервые Гоголь заинтересовался хозяйственными делами имения в письме к матери от 21 апреля 1826 г. Не

¹ Литературная энциклопедия, т. II, 1929, стр. 561.

трудно убедиться, что интерес этот напоминает любопытство дилетанта. И юноша откровенно в этом признается матери, иронически отзываясь о своих сельскохозяйственных познаниях: «Напишите мне что-нибудь о хозяйственных делах. Я теперь сделался большим хозяином, умею различать хлеба и на каникулах покажу вам, где сено, овес, жито и прочее, и могу даже целый час спорить с житными панами о посеве озимой гречихи», — писал Гоголь к матери, зная, что посевы гречихи производились только весной, и сделав в постскрипту ироническое примечание к этому месту письма: «Типографическая ошибка, самая непростительная при моем великом знании».

«Кстати о хозяйстве, — продолжал далее Гоголь уже не в ироническом, а серьезном тоне, — продолжается ли у нас теперь постройка дома? Работают ли в саду? Курится ли винокурня? Эти известия для меня весьма любопытны».

Живой интерес к архитектуре и строительному делу определился у Гоголя еще в гимназии. Любовь к этим специальностям Н. В. Гоголь сохранил на протяжении всей своей жизни. Это видно из его записей в «Книге всякой всячины», из его архитектурных рисунков, из его писем к матери и, наконец, из его творчества, например, из описания в «Мертвых душах» помещичьих домов, построек и строительного материала, из которого они сделаны.

Подтверждением этого может служить и письмо Гоголя к матери от 20 августа 1826 г.: «Особливо извещайте касательно построек, новых заведений и проч. и ежели нужно будет фасад и план, то сделайте милость, известите меня немедленно и уже фасад будет непременно хорош, а главное, издержки будут самые малые... и фасад, и план будет тщательно нарисован и по первой же почте без замедления прислан».

Изъявляя готовность немедленно нарисовать хороший и недорогой архитектурный проект любой постройки, юноша не хвастал. В следующем письме от 10 сентября того же года он послал матери свои акварельные рисунки дома в Васильевке и приложил к ним план, показывающий «расположение пристроек».

Гоголь, однако, этим не ограничился. Он дает матери весьма полезные советы, показывающие его хорошую осведомленность в строительном деле: «Да, забыл вам сказать еще об одном деле и, думаю, весьма важном,

«Сельский пейзаж».

Рисунок Н. В. Гоголя.

Литературное наследство Гоголя. Т. 1. С. 100.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

а именно: когда окончится полевая работа, то не худо бы приняться отыскивать глины, годной для черепиц. Я не знаю, что может быть полезнее, как завести этакую завод. Крыша, ими укрытая, издержками не превышает соломенной, зато какая выгода в прочности. Черепичная крыша лет пятьдесят и более не требует подчинки, притом как красивы под нею будут строения, не надо никогда деревянной. Да притом и деревянная далеко ей уступает в прочности и крепости. Под этой крышею конюшни, амбары, все приняло бы другой (вид) и вековую несломаемость. Для стен и штукатурки я знаю один дешевый способ, который со временем объявлю вам, не знаю придется ли по мыслям, но за прочность ручаюсь». (Письмо от 20 августа 1826 г.)

Об интересе Гоголя к строительству свидетельствует и его письмо к матери от 15 октября 1826 г. «Позвольте еще спросить Вас: Агафия Матвеевна¹ не перебралась еще жить к нам?... Она тогда еще хотела сделать для себя комору, которая должна была стоять в саду и составлять красивый фасад. Напишите ко мне тогда, когда будете строить. Я имею в уме очень хороший фасад для этого строения». В этом же письме Гоголь интересуется, «отыскана ли глина, годная для черепицы».

Архитектура и строительное дело были не единственным увлечением юного Гоголя. Как мы уже говорили, в юности он страстно увлекался театром, живописью, литературным чтением, не говоря уже о его раннем литературном творчестве. К этой поре надо отнести и его страсть к садоводству.

О своей страсти к садоводству Гоголь писал к матери 24 марта 1827 г.: «Весна приближается. Время самое веселое, когда весело можем провести его. Это напоминает мне времена детства, мою жаркую страсть к садоводству. Это-то время было обширный круг моего действия. Живо помню, как бывало с лопатою в руке глубокомысленно раздумываю над изломанною дорожкой... Признаюсь, я бы желал когда-нибудь быть дома в это время. Я и теперь такой же, как и прежде, жаркий охотник саду. Но мне не удастся я думаю долго побывать в это время. Несмотря на все, я никогда не оставляю этого изящного занятия...

---

¹ Агафия Матвеевна Лукашевич, урожд. Косяровская, родная тетка М. И. Гоголь.

Оно было любимым упражнением папюнки, моего друга, благодетеля, утешителя».

Практически о насаждении сада говорит Гоголь в письме к матери от 17 апреля 1827 г. «Не забываете, маминька, саду. Там, где я говорил прошлый (год), распространить его засаживанием деревьев молодых, также ежели бы не утерять времени для дернования и щепки». А через месяц (в письме от 20 мая) спрашивает мать: «...водится ли что в саду нашем».

Сохранилось интересное воспоминание одного из соучеников Гоголя В. И. Любича-Романовича, свидетельствующее не столько о практических познаниях Гоголя в области садоводства, сколько о характере его бесед с простыми людьми.

«Как человек, выросший в соседстве самой природы, Николай Васильевич любил ботанику, — рассказывал Любич-Романович, — и всегда, когда у него была свободная минута, он отправлялся в лицейский сад и там подолгу беседовал с садовником о предметах его задач. — Ты разсаживай деревья не по ранжиру, как войска в строю, один подле другого на рассчитанном расстоянии, а так, как сама природа это делает, — говорил он. И взяв в руку несколько камешков, он бросал их на поляну, добавляя при том: «вот тут и сажай деревцо, где камень упал».

«— Невозможно-с, господа требуют подравнять, — отвечал садовник. — Ну, а ты плюнь на господ, — возражал Гоголь, — порченые они люди, портят и тебя, а ты в угоду им портишь свои деревца... Ведь свобода дорога... Ну, деревцо также любит свободу...»¹

* *

*

В нежинских письмах Гоголя, особенно последних лет, вполне отчетливо видно его прогрессивное отношение к человеческому труду как к источнику всех материальных благ. И если в его юношеских письмах нет осуждения крепостного права, то, во всяком случае, нет ни одной строки, направленной в его защиту.

Желая благополучия своей матери, юноша не забывал о том, что благополучие это создается трудом крепостных

¹ В. И. Любич-Романович, Гоголь в нежинском лицее. «Исторический вестник», 1902, кн. 2, стр. 556.

крестьян, и он хотел, чтобы крепостные крестьяне были хорошо вознаграждены за свои труды. Характерно в этом отношении письмо от 20 мая 1827 г. В этом письме Гоголь желал, «чтобы роскошь плодородия упитала счастливое наше жилище, чтобы все крестьяне наши были награждены с избытком за годичные труды свои». (Подчеркнуто нами. — Д. И.)

Эту же мысль Гоголь выражает в письме от 7 апреля 1828 г., конец которого до нас, к сожалению, не дошел: «У нас еще начало весны, но мне кажется, я не видел лета, которое было бы так жарко, — писал Гоголь к матери, — думаю, что в этот год должно ожидать плодородия: зима была прекрасна; дожди шли, дай бог, чтоб ожидания исполнились, и трудящиеся...» На этом письмо обрывается, но смысл его ясен. Речь, несомненно, так же как и в предыдущем письме, идет о пожелании Гоголя, чтобы трудящиеся крестьяне получили продукты за свои труды. Интересно отметить, что здесь Гоголь впервые употребляет слово «т р у д я щ и е с я», получившее широкое распространение в наше время.

Необходимо подчеркнуть, что еще в юности Гоголь бесспорно решил, что основой всей его будущей жизни будет трудовая деятельность, а не доходы от эксплуатации крепостных крестьян.

Неопровержимым доказательством этого служат письма Гоголя 1827 и 1828 гг. В одном из них 15 декабря 1827 г. восемнадцатилетний юноша писал матери: «Не старайтесь сохранять для меня имения, к чему мне оно? Только разве на первые два или три года в Петербурге мне будет нужно вспоможение, а далее... разве я не умею трудиться. Разве я не имею твердого неколебимого намерения к достижению цели... Продайте тот лес большой, который мне назначен. Деньгами, вырученными за него, можно не только сделать вспоможение мне, но и сестре моей Машиньке».

В черновике письма после 6 января 1828 г. Гоголь настойчиво повторяет: «Я умолял вас несчетное число раз. [К чему со]хранять ... для меня такое имение. [Я не хочу оста]вить себе вещественное [имение]». Здесь же он повторял, что надо продать некоторые земли и помочь не только ему, но и сестре Машеньке, которой после окончания пансиона «нужно порядочно окупироваться (одеться. — Д. И.) и что-нибудь положить [на приданое]». Что же

касается дальнейшей жизни, то Гоголь указывал, что он сможет «своими трудами жить».

8 сентября 1828 г., незадолго до переезда в Петербург после окончания нежинской гимназии, Гоголь писал из Васильевки Петру Петровичу Косяровскому¹, родственнику и близкому другу семьи Гоголей: «Я еду в Петербург непременно в начале зимы, а оттуда бог знает, куда меня занесет, весьма может быть, что попаду в чужие края, что обо мне не будет ни слуху, ни духу несколько лет, и признаюсь, меня самого не берет охота ворочаться когда-либо домой, особенно бывши несколько раз свидетель, как эта необыкновенная мать наша бьется, мучится, иногда даже об какой-нибудь копейке, ...и все для того, чтобы доставить нужное нам».

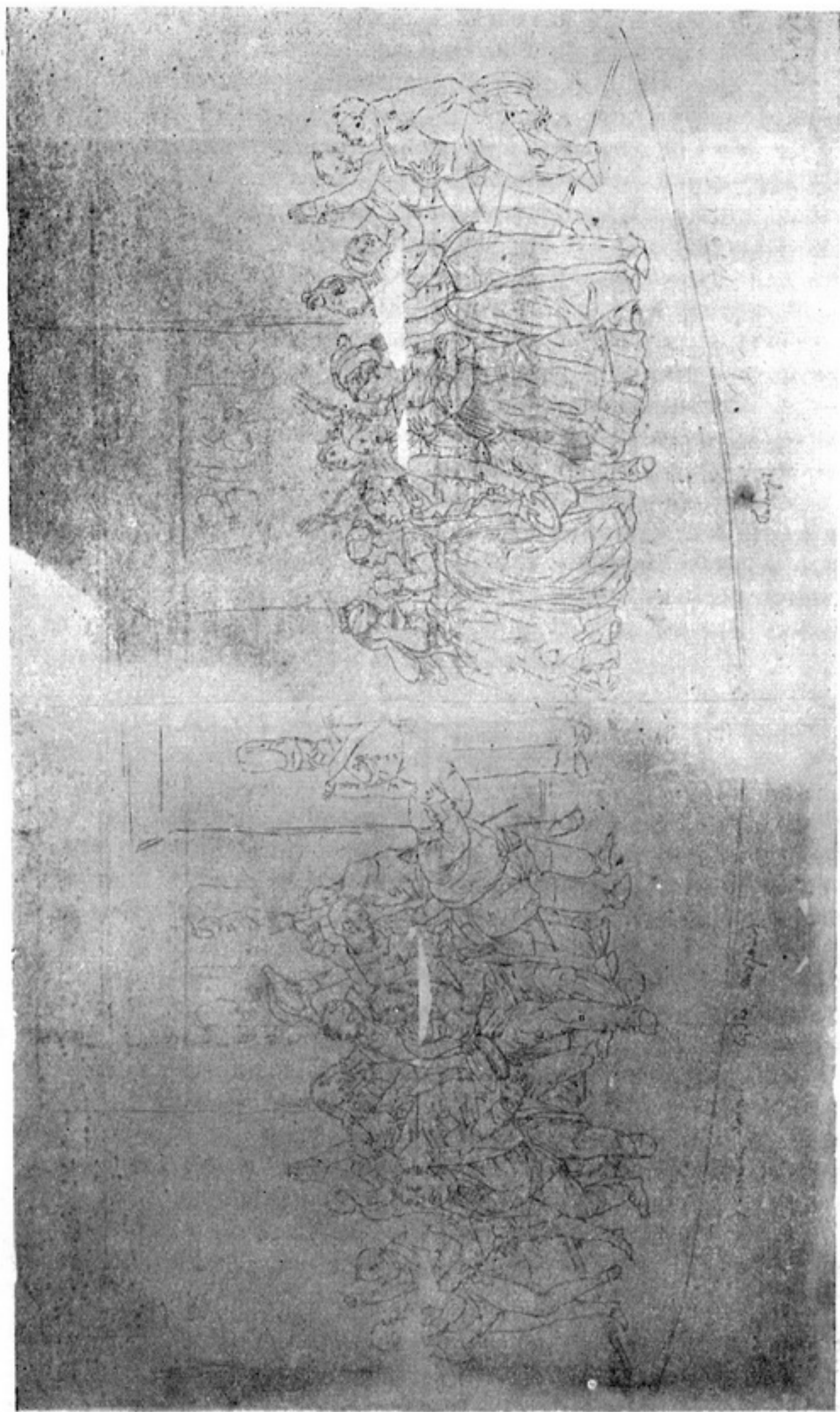
Далее Гоголь убедительно просил дядю облегчить заботы матери и быть ей помощником в управлении хозяйством: «...я с своей стороны почти все сделал, — продолжал Гоголь, — денег беру с собой немного, чтобы стало на проезд и на первое обзаведение; а для обеспечения ее состояния отказываюсь от своего наследия и теперь занимаюсь составлением дарственной записи, по которой часть имения, принадлежащего по завещанию мне, с домом, садом, лесом и прудами, оставляется матери моей в вечное владение».

Таким образом, вступая в самостоятельную жизнь и не имея еще никаких заработков, Гоголь без колебания отдает свою часть имения матери, лишая себя на всю жизнь права получения доходов от поместья.

Особо следует отметить и дальнейшую часть письма к дяде: «Что касается до меня, — писал Гоголь, — ежели найду свое счастье, ежели приду в состояние помочь своим родственникам и сестрам — приеду. Ежели нет — потерплю нужду, а кого нужда не совершенствует и не делает богатым? Притом же до слишком большой нужды не доеду. Ежели для постоянного приобретения знаний не буду иметь всех способов, могу прибегнуть покуда к другому, вы еще не знаете всех моих достоинств. Я знаю кой-какие ремёсла. Хороший портной, недурно раскрашиваю стены алфрескою живописью,

---

¹ Петр Петрович Косяровский, небогатый помещик, двоюродный брат М. И. Гоголь, в 1829 г. поступил на военную службу. Умер в 1849 г. в чине полковника артиллерии.

Немая сцена из «Ревизора».

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

работаю на кухне и много кой-чего уже разумею из поваренного искусства; вы думаете, что я шучу, спросите нарочно у маминьки... Не для того, чтобы хвалить себя, я говорю это, но чтобы обеспечить вас на счет моей будущей участи. Итак хлеб у меня будет всегда». (Подчеркнуто нами.—Д. И.)

Эти строки весьма примечательны. Дворянин, сын помещика средней руки, заявлял, что в случае нужды он будет заниматься ремеслом живописца, портного или повара, больше того, он был подготовлен практически к этим занятиям. Это, во-первых, свидетельствовало о демократических убеждениях и навыках будущего великого писателя и, во-вторых, о его разносторонних способностях.

Все это решительно опровергает вульгарно-социологические и им подобные легенды о каком-то «мелкопоместном» или «среднепоместном» мировоззрении или стиле Гоголя. В юношеские годы у молодого Гоголя сложилось, безусловно, прогрессивное мировоззрение, в основу которого легли представления о необходимости широкой трудовой деятельности для процветания горячо любимой отчизны, для счастья и блага народа.

* *
*

И, наконец, о языке и стиле юношеских, главным образом нежинских писем Гоголя. И. В. Сталин в своей гениальной работе «Относительно марксизма в языкознании», отвечая на вопрос: «Верно ли, что язык есть надстройка над базисом?», писал: «Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина»¹.

Верный и последовательный ученик и сподвижник

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 7.

Пушкина, вместе с Пушкиным создававший новую русскую литературу критического реализма, Гоголь — отец русской сатирической прозы и драматургии — немало сделал и для создания русского литературного языка, основоположником которого был великий Пушкин.

В длительном и сложном процессе кропотливой работы Гоголя над языком самым ранним этапом являются его юношеские, главным образом нежинские письма. В этих письмах при всей еще незрелости некоторых из них и шероховатости их слога уже отчетливо виден стиль раннего Гоголя, который литературоведы характеризуют как сочетание элементов реализма с романтизмом.

Вот, например, письмо к родителям пятнадцатилетнего Гоголя от 13 июня 1824 г.: «Я вам писал о приятном путешествии, которое мы скоро предпримем; о радостном нашем свидании, о удовольствиях, которые я буду вкушать... Верьте, любезные родители! что вся так сказать жизнь моя основана на этом... Я уже почти собрался, уклад все свое имущество и ожидаю со дня на день сего времени: уже вижу все милое сердцу, — вижу вас, вижу милую Родину, вижу тихий Псел, мерцающий сквозь легкое покрывало, которое я сброшу, наслаждаясь истинным счастьем, забыв протекшие быстро горести. Одна счастливая минута может вознаграждать за годы скорбей. (Подчеркнуто нами. — Д. И.) ...Прощайте! дражайшие родители, прощайте... Скоро мы увидимся, и сия радостная мысль наполняет мою душу восторгом. Скоро вы увидите у ног своих благодарного сына Н. Гоголя-Яновского».

Это восторженное романтическое письмо с поэтическими образами милой родины и тихой реки, мерцающей сквозь легкое покрывало, сопровождалось следующей прозаической припиской: «P.S. Прошу вас прислать мне денег десять рублей, которые мне следует получить. Еще раз, они теперь мне пренужны, ибо мне надо расплатиться и купить еще красок для рисования».

В январе 1831 г. над только что вышедшим в свет «Борисом Годуновым» Пушкина молодой Гоголь, вступающий в литературу, дает торжественную клятву. Вдохновленный высоким примером своего учителя, Гоголь клянется неподкупно служить писательскому долгу: «Будто прикованный, уничтожив окружающее, не слыша, не внимая, не

помня ничего, пожираю я твои страницы, дивный поэт! ...Великий! над сим вечным творением твоим клянусь!.. Еще я чист, еще ни одно презренное чувство корысти, раболепства и мелкого самолюбия не заронялось в мою душу. — Если мертвящий холод бездушного света похитит святотатственно из души моей хотя часть ее достоинства; если кремень обхватит тихо горящее сердце; если презренная ничтожная лень окует меня; если дивные мгновения души понесу на торжище народных хвал; если опозорю в себе тобой исторгнутые звуки... О! тогда пусть обольется оно немолчным ядом, вопьется миллионами в невидимого меня, неугасимым пламенем упреков обовьет душу и раздается по мне тем пронзительным воплем, от которого бы изныли все суставы и сама бы бессмертная душа застонала, возвратившись безответным эхом в свою пустыню...»¹

«Романтический пафос этой клятвы сейчас вызывает улыбку, однако в искренности ее сомневаться не приходится», — справедливо замечает Д. Д. Благой в своем ценном исследовании «Творческий путь Пушкина», характеризуя огромное влияние Пушкина на Гоголя, способствовавшее «Гоголю освободиться от «пестрого убранства», в которое облечена его «клятва», превратившее автора «Ганса Кюхельгартена» в автора «Ревизора» и «Мертвых душ»².

Статья Гоголя о «Борисе Годунове» Пушкина написана в начале 1831 г. Нетрудно, однако, убедиться, что по своему стилю романтической патетики она напоминает некоторые нежинские письма Гоголя.

Вот, например, начало нежинского письма Гоголя к задушевному другу Г. И. Высоцкому в Петербург от 19 марта 1827 г.: «Итак, ты все-таки любишь меня, добрый, бесценный друг. — Ты оторвал часть времени тебе драгоценного, чтобы порадовать того, который кипит неизъяснимою, жаркою к тебе привязанностью. Твое письмо блеснуло для меня звездою радости. — Из стороны чуждой льдистого севера... я услышал родные звуки сердца, меня понимающего». (Подчеркнуто нами. — Д. И.)

Здесь что ни фраза, то романтическая метафора. В таком же духе написана и следующая часть письма: «Много

¹ Н. В. Гоголь, Собр. соч., т. VI, М. 1950, стр. 10—11.

² Д. Д. Благой, Творческий путь Пушкина, М.—Л. 1950, стр. 493.

времени кануло со дня нашего, разрознения; лета кипучего возраста охлаждались непрерывно изменчивою неверностью счастья настоящего. Я холодал постепенно и разучался принимать жарко к себе все сбывающееся. Без радости и без горя, в глубоком раздумьи стоял я над дорогою жизни, безмолвно осматривая будущее. С минуты твоего выбытия¹ в душе моей залегла пустота, какое-то безжизненное чувство. И вот ты меня высвободил из моего мертвого усыпления. Я теперь все тот же как прежде, веселый, преданный тебе, с виду холодный, но в сердце пламенный к чувствам дружбы».

После столь романтического вступления, которое, повидимому, юный Гоголь считал необходимой формой для выражения высоких дружеских чувств, он переходит к изображению жизни нежинской гимназии. И эта самая значительная часть письма написана живым, остроумным языком.

Юмористическими красками характеризовал Гоголь занятия соучеников, окончивших нежинскую гимназию: «Спиридон, т. е. Федор Бороздин² в гусарах и отличный гусар из самого негодного попа... Баранов находится в собственном благоприобретенном и родовом своем поместье; преосторожно, прехитро, преинтересно ловит мух, сажает в баночку, обшивает полотном, запечатывает фамильным потомственным гербом и рассматривает при лунном свете».

Уже в языке юношеских писем Гоголя ощутимы черты новатора. Смело включает он в литературный язык новые выразительные слова. В данном случае он три раза подряд повторяет приставку «пре» и образует новые три слова «преосторожно», «прехитро», «преинтересно», которые усиливают юмористическую характеристику Баранова.

Подобно Пушкину, смело вводит Гоголь в эпистолярный слог образные слова из простой народной речи.

«Кланяется тебе Антон Васильевич Лопухайский, — писал Гоголь в названном выше письме к Высоцкому, — желает тебе, чтобы ты распузател, как и он». (Подчеркнуто нами. — Д. И.)

И даже там, где Гоголь следовал романтическим традициям своего времени, он не повторял словесных романтических штампов, образуя новые звучные и яркие сравне-

¹ Отъезда Г. И. Высоцкого из Нежина в Петербург.

² Ученику Федору Бороздину Гоголь придумал юмористическое прозвище «Расстрига Спиридон» и написал на него эпиграмму.

ния: «звезда радости», «льдиный север», «родные звуки сердца», «лета кипучего возраста», «дорога жизни», «мертвое усыпление».

«Я иноземец, забредший на чужбину искать того, что только находится в одной родине», — говорит он в письме к Высоцкому из Нежина от 26 июня 1827 г. «Я... все тот же пламенный, признательный, никогда не загасивший вечного огня привязанности к родине», — говорит он в письме к матери от 7 июня того же года, выражая романтическим языком свои неизменно искренние патриотические чувства.

Неутомимый еще с юношеских лет собиратель устного народного творчества, Гоголь вводит в текст своих писем народные поговорки и пословицы.

Обсуждая с Высоцким планы возможной поездки за границу, он вспоминает поговорку: «Не ищи того за морем, что сыщешь ближе» (письмо от 26 июня 1827 г.). Незадолго до выпускных экзаменов в нежинской гимназии он сообщил своей матери (3 мая 1828 г.): «Наши премурые наставники, дремавши целый год, вздумали приударить во всю ивановскую». В письме от 13 сентября 1827 г. к дяде Павлу Петровичу Косяровскому юный Гоголь приводит довольно замысловатую пословицу: «Всякая вологодская пивоварня имеет свою сметанную тетку и всякая изюмная попадьа имеет свою гарусную коровницу».

Нежинские письма Гоголя разнообразны. Содержание и стиль их зависят от того, к кому они адресованы. Письма к матери написаны в почтительном тоне. Обращения к матери изобилуют сентиментальными излияниями, иногда даже без чувства меры. Характерным примером может быть письмо от 23 ноября 1826 г.: «Но прощайте, почтеннейшая, милая маминька! утешительная мысль, приближаемая праздником рождества, останавливает письмо мое, да и зачем напрасно мараить безчувственным пером бумагу, когда на словах могу я выявить жаркое чувство сердца, вечно горящее к вам сыновней любовью. Ваш покорнейший, послушнейший сын Н. Гоголь-Яновский».

Сквозь словесную шелуху этих обычных для эпистолярного стиля того времени обращений в сыновних письмах выступает, как мы уже говорили, вполне реалистическое содержание, изложенное гоголевским выразительным языком. Так, в том же письме (от 23 ноября 1826 г.) Гоголь дает лаконичную, но очень меткую характеристику

почетному попечителю нежинской Гимназии высших наук графу А. Г. Кушелеву-Безбородко: «К нам приезжал граф, был у нас немалое время, много говорил, ничего не сделал и уехал во-свояси».

Дирекция и профессура нежинской гимназии превозносили достоинства А. Г. Кушелева-Безбородко, его ученость, благотворительность, доброту. Семнадцатилетнему юноше надо было обладать острой наблюдательностью, чтобы критически оценить деятельность почетного попечителя гимназии, разглядеть его фразерство, неумение улучшить дела гимназии.

На материале нежинских писем Гоголя можно проследить работу его над языком. Чем старше делался подросток, тем богаче и выразительней становился язык его писем.

В ранних нежинских письмах Гоголя 1823 г. встречаются устаревшие выражения. Одно из них, безобидное слово «заплата», — существительное от глагола «заплатить», причинило юноше Гоголю серьезные огорчения. Молодой автор неосторожно ввел это слово в текст юношеской поэмы «Ганс Кюхельgarten». Этим воспользовался критик Н. Полевой, автор первой отрицательной рецензии о «Гансе Кюхельgartене».

В художественно еще незрелой поэме Гоголя есть такие строки:

Мне лютые дела не новость
Но дьявола отрекся я
И остальная жизнь моя —
Заплата малая моя
За прежней жизни злую повесть.

По поводу этих строк Н. Полевой иронически замечал: «Заплатою таких стихов должно бы быть сбережение оных под спудом»¹.

* *

*

Из 83 дошедших до нас детских и юношеских писем, написанных Гоголем до его переезда в январе 1829 г. в Петербург, 68 адресованы его родителям и только остальные 15 — родственникам и друзьям.

Три письма Гоголя 1827 г. Г. И. Высоцкому, в которых юношеская восторженная романтика сочеталась с вполне реалистическим юмористическим описанием нежин-

¹ «Московский телеграф», 1829, № 12.

Портрет неизвестной молодой женщины.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

ских «существователей», мы уже характеризовали и будем говорить о них дальше.

Упоминались также и некоторые письма Гоголя к его родственникам Павлу, Петру и Варваре Косяровским. Письма эти написаны живым, эмоциональным языком.

Нам остается охарактеризовать три коротких письма Гоголя к Александру Семеновичу Данилевскому, дружба с которым, сложившаяся еще в детские годы, продолжалась всю жизнь. Язык этих писем простой, доходчивый, без малейшей вычурности и красоты.

17 августа 1825 г. Гоголь писал Данилевскому: «Ты не поверишь, как я был раздосадован, узнавши, как ты был в гимназии и мне не удалось тебя видеть. А мне бы весьма хотелось тебе порассказать и пересказать много разных разностей, из коих некоторые для тебя были бы довольно важны и занимательны. Ты не знаешь, теперь я осветился новыми знаниями и новыми сведениями о нашем любезном с. Питере. Не знаю, придешь ли ты сегодня к нам или лучше напиши, могу ли я теперь тебя застать дома — я сам к тебе приду. Прощай Н. Гоголь».

Слово «осветился», которое Гоголь повторял и в некоторых других письмах, образно выражало мысль о том, что знания как бы внутренним светом освещают жизнь человека.

Следующее дошедшее до нас письмо Гоголя к Данилевскому написано в сентябре 1828 г., в тот период, когда Гоголь после окончания гимназии полгода проживал в Васильевке, по соседству с имением Данилевских: «Извини, друг мой, что я не сей час, по приезде моем являюсь к тебе,— писал Гоголь Данилевскому,— лошади наши все выморенны ужасно колесивши из Полтавы по всем окрестностям... Приезжай, если тебе мила наша беседа, которая так радовала меня в прошлый раз, если тебе мил старый друг и бутылка мадеры. Твой Н. Гоголь».

Язык и этого письма реалистический, выразительный. Это же можно сказать и о третьем письме к Данилевскому, написанном в декабре 1828 г., перед отъездом Гоголя и Данилевского в Петербург: «Как только от тебя приехал, то уже все было готово. В ту же ночь Симон приехал с подорожною и кибиткой и если бы не проклятая невзгода, то я вчера совсем бы выехал. Теперь же снег посыпал. Приезжай сейчас, позавтракаем у нас, у вас пообедаем, а на ночь в Кибенцы. Н.».

Простота и непринужденность, с какой написаны письма к Данилевскому, отсутствие в них риторики, обыденность, но в то же время задушевность их, лаконичность этих писем показывают, что уже в нежинский период Гоголь овладевал реалистическим стилем.

* *
*

Гоголь вырос на Украине. Разумеется, что еще в детстве он хорошо знал украинский язык. Богатство языка Гоголь использовал в своем творчестве, особенно широко в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Изображая жизнь украинского народа, Гоголь очень искусно ввел в текст повестей свыше 100 украинских слов. И слова эти органически вошли в ткань произведений, усилив их яркий национальный колорит.

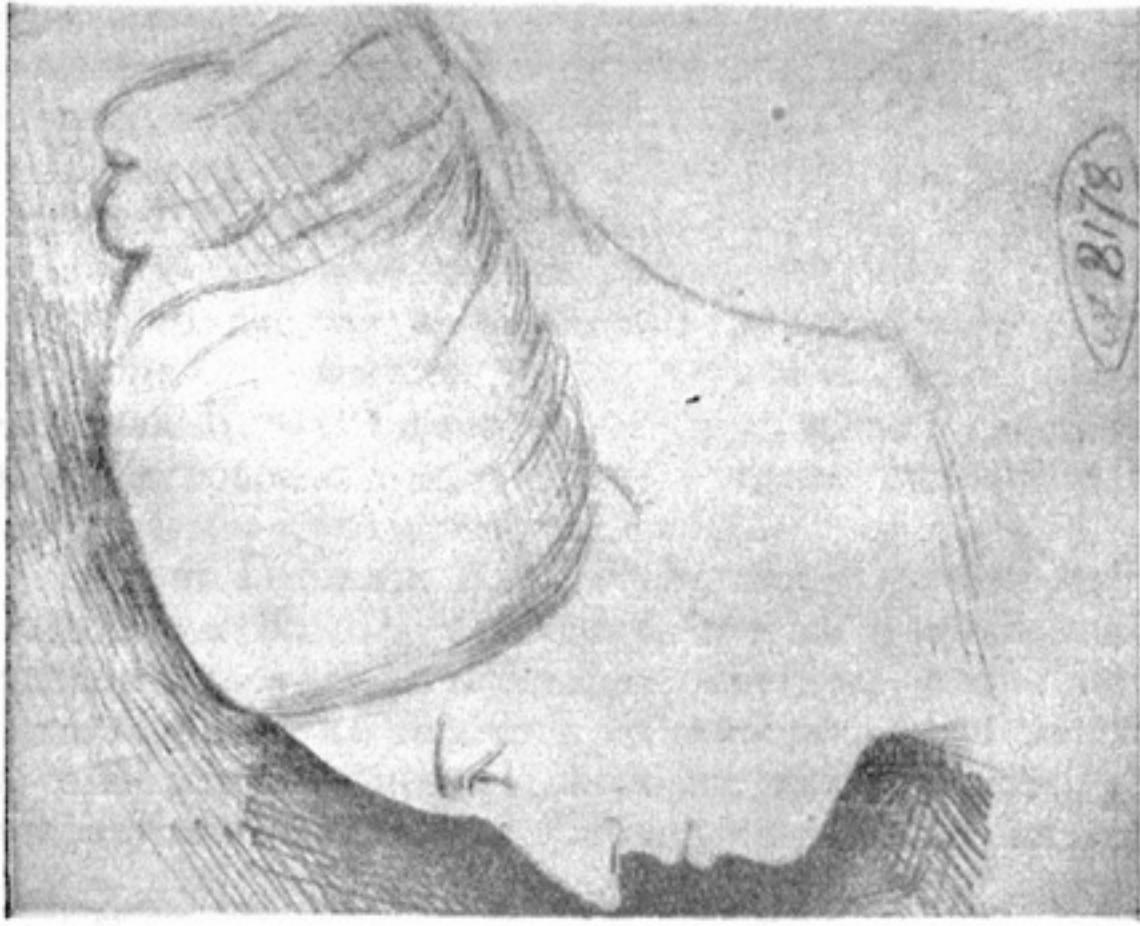
Что же касается его юношеских писем, то здесь украинизмы встречаются лишь изредка, главным образом в ранних письмах. В августе 1822 г. он писал родителям: «Я и теперь позычил денег немного за письмо это...», «...хотел бы вам прислать несколько картинок, рисованных на картонах и сухими колерами». (Письмо от 12 марта 1825 г.)

В более поздних письмах Гоголь иногда украинизмы применяет для придачи юмористического оттенка переписке. Так, 2 сентября 1828 г. он писал из Васильевки дяде Павлу Петровичу Косяровскому¹: «Благодарю вас, милый Павел Петрович, благодарю вас дядько, за письмо ваше, за вашу память обо мне. Ежели бы вы знали, как мне дуже не добре вас не видеть. Вообразите, что я один без всякого камрада скучаю в Васильевке. Я весь в каком-то безчувствии, и только порою воспоминание о нашей благословенной веселой тройце, обитавшей на верхнем жильє купно в здравии и благоденствии, шевелит мои думы. Но все так угрюмо, пусто, ни стола, ни стула, и даже самый наш шаткий паркет разобран при расташовке ярмонки на ятки». (Подчеркнуто нами. — Д. И.)

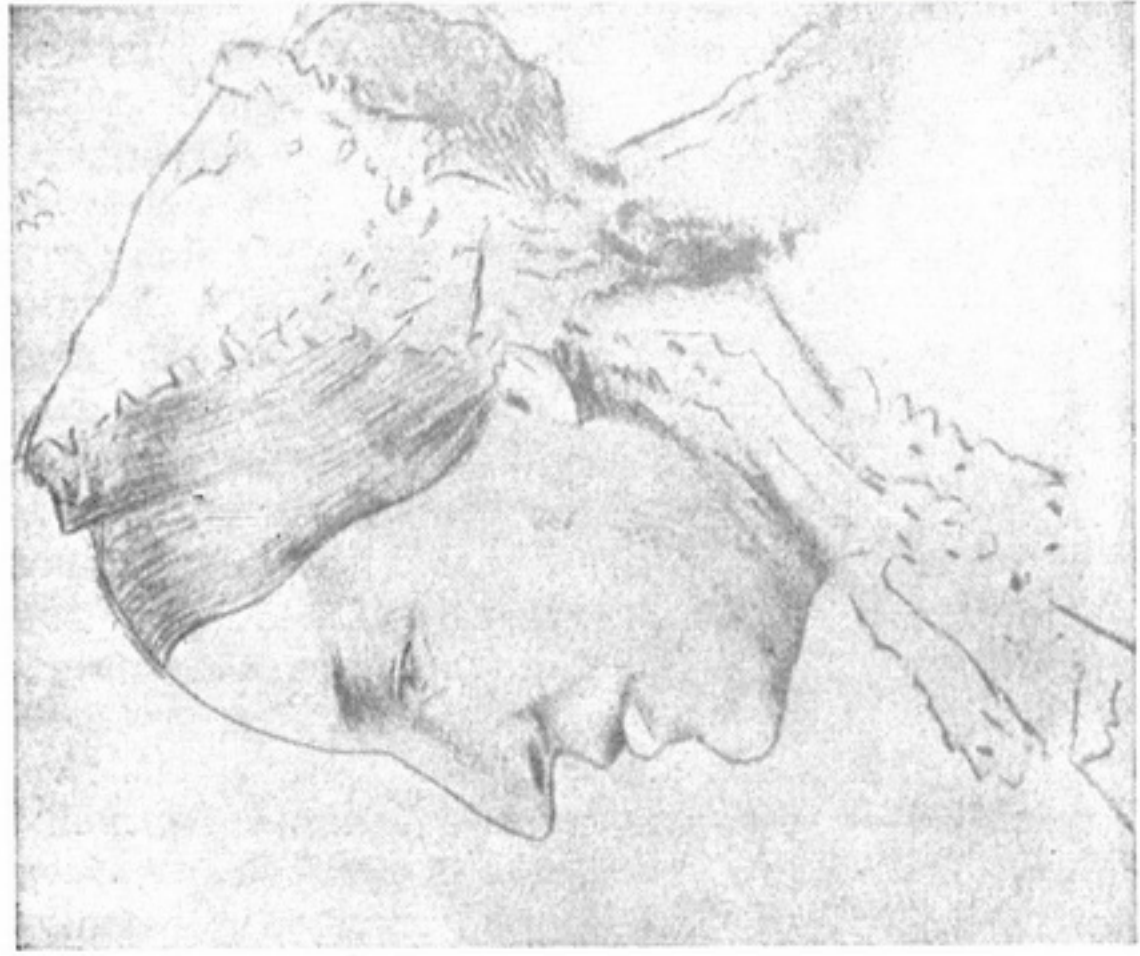
Как мы уже говорили, письма Гоголя к родителям

---

¹ Павел Петрович Косяровский, небогатый помещик, двоюродный брат М. И. Гоголь и друг семьи. Служил на военной службе, впоследствии был экономом кадетского корпуса.

Женская голова. Повидимому, сестра Гоголя
Анна Васильевна.

А. В. Гоголь, сестра писателя.

почти все написаны в серьезном тоне. Неподражаемый гоголевский юмор, бивший ключом в Гоголе еще в юношеские годы, сказался в письмах его к друзьям и родственникам.

Вот, например, его нежинское письмо от 13 сентября 1827 г. Варваре Петровне Косяровской:

«Драгоценнейшая тетинька Варвара Петровна! Приветствую вас из-за 300 верст и желаю вам найсчастливейшего, наилучшего окончания всех ваших дел, работ и занятий, и проч. и проч. Уделяю вам на всю жизнь две части веселости и здоровья, одну часть денег и четвертую часть — порядочный запас друзей и приятелей. Хорошо ли проводите время? Я думаю Ксения Федоровна бывает у вас часто — Э, мини казав Чцюцюшка э... каже э... мене, каже ниhto уже юбить, каже, Пупую¹ юбять ючше, чим мене и Каяяюшку э... отако э, каже Чцюцюшка э, бачете, що вона каже, э... э... А панич нежинський мини письмо пише, э... А що, чи вы бачили? — Ось воно. Э.

Э...!!»

Письмо это требует специального пояснения. «Чцюцюшка» — ироническое прозвище, данное юношей Гоголем Ксении Федоровне Тимченко, проживающей вместе со своими сестрами в имении Федоровка в 30 километрах от Васильевки. Повидимому, недалекая К. Ф. Тимченко, не выговаривая некоторых букв, не очень красноречиво выражала свои мысли. Это и явилось предметом дружеской юношеской пародии Гоголя.

Того же 13 сентября 1827 г. Гоголь писал Павлу Петровичу Косяровскому: «Чцюцюшка разов двадцать изъявляла мне свое негодование касательно того, что не пишу к ней. Сделайте милость вручить ей при сем приложенное письмецо». В письме В. П. Косяровской Гоголь изображал, как К. Ф. Тимченко («Чцюцюшка») расскажет Варваре Петровне о том, что она получила письмо от «нежинского панича», то есть от Гоголя.

Письмо Гоголя к В. П. Косяровской весьма любопытно. Пародируя К. Ф. Тимченко, юноша Гоголь «обыграл» междометие «...э». Интересно отметить, что прием этот Гоголь применил позже в «Ревизоре», куда перекочевало и само междометие «э», которое, как известно, явилось предметом спора между Бобчинским и Добчинским.

¹ Пупуя — искаженное имя собаки Пупура.

Бобчинский. ...Э — не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста не перебивайте... Э! говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Петр Иванович, это сказал я: Э.

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом я сказал: Э! сказали мы с Петром Ивановичем...

И, наконец, в третий раз использовал Гоголь междометие «э» в комедийной сцене «Тяжба», написанной в начале 1840 г., придав этому междометию новую смысловую нагрузку:

Бурдюков. ...Что же тетушка? Я вижу не может уже языком поворотить, и только сказала: «Э... Э... Э...». А эта шельма, что стоял возле кровати ее, брат, говорит: «Тетушка сим изъясняет, что она уже распорядилась». Слышите, слышите.

Пролетов. Как же, да ведь она разве сказала это?

Бурдюков. Кой черт сказала! Она сказала только «Э... Э... Э». Я все подступаю: «Но позвольте же узнать, тетушка, какое же это распоряжение?» Что же тетушка? Тетушка опять отвечает: Э, Э, Э. А тот подлец опять: «Тетушка говорит, что все распоряжение по этой части находится в духовном завещании».

Таким образом, письмо Гоголя к Косяровской может служить убедительным примером того, что юмористический стиль Гоголя начал складываться еще в юности, в частности отразился в его юношеских письмах.

Острая наблюдательность, свойственная Гоголю еще с детских лет, отмеченная им в авторской исповеди и в начале главы VI первого тома «Мертвых душ», способствовала развитию его таланта сатирика.

Предметом особенно частых насмешек Гоголя был его соученик по нежинской гимназии, сын остзейского дворянина Михаил фон-Риттер. Неумный и бездарный подросток страдал графоманией. Тетрадь с многочисленными стихами Риттера Гоголь остроумно наименовал «Парнасским навозом».

Однажды Гоголю удалось убедить Риттера в том, что у того не человеческие, а бычьи глаза. П. Е. Щеголев отмечал в школьных шутках Гоголя «долю злорадства и далеко не дружелюбное отношение к своим сверстникам»¹. Это не совсем верно. Недружелюбно относился Гоголь преимущественно к кичливым барчукам, сыновьям аристократов, которые третировали незнатного и болезненного

¹ П. Е. Щеголев, Школьные годы Гоголя, «Исторический вестник», 1902, кн. 3, стр. 532.

подростка, о чем рассказывает в своих воспоминаниях Любич-Романович, о которых мы будем говорить дальше.

Вместе с тем Гоголь еще в Нежине умел ценить чувство дружбы. Он был дружен с близкими ему по духу демократически настроенными юношами Герасимом Ивановичем Высоцким, Николаем Яковлевичем Прокоповичем, Александром Семеновичем Данилевским и другими, дружеское расположение к которым Гоголь сохранил до конца своих дней.

Еще в Нежине Гоголь научился пользоваться острым оружием смеха в борьбе с пошлостью, скудоумием, напыщенностью. Гоголь был мастер придумывать юмористические названия.

Какие только имена не придумал Гоголь для Риттера! Он называл его бароном Кунжут-фон-Фонтиком Девинье, Барончиком, Доримончиком, Купидончиком, Хопцики, Дюсенькой.

В письме из Нежина от 19 марта 1827 г. Г. И. Высоцкому в Петербург Гоголь в таких юмористических красках описывал нежинские проделки Риттера: «Барон фон-Фонтик, табачный таможенный пристав, иначе, заводчик кунжутного масла, служивший только что перед этим всем драгунским юнкерам подрядчиком в торговле, пьяный подрался с Канчотихою, судились в земском суде. Но, наконец, батюшка фона, узнавши об его проказах, прислал за ним крытую кибитку, чтобы притащить свое чудо в Прилуку и поместить его в хозяйственные форпосты. Но Девинье объявил, что он «никогда не занимался таковою презренною наукою, какова политическая экономия», а непременно хочет ехать в Московский Университет, и вот слова его присланному: «Скажи дураку папильке, что я лучше его знаю, что должно мне делать». Но наконец побивши Лауру¹ и разнесши по всем Магеркам страх и опустошение, отправился во свояси. Вообрази что и это утешение отняли у нас».

В следующем письме от 26 июня 1827 г. Гоголь сообщал Высоцкому: «Мишель наш, барон Кунжут-фон-Фонтик, радуйся — снова у нас, а мы уже было думали, что он совсем нас оставит. Уже подал было прошение о при-

---

¹ Лаура — прозвище учителя грамматики и чистописания Константина Андреевича Персидского.

нятии его в драгунский полк; но благоразумный отец, узнав об этом, отеческою рукою расписал ему задний фасад, в числе 150 ударов, и он, барончик Хопцики, обновленный явился у нас снова, празднуя свое перерождение».

«Похождения» Риттера, описанные Гоголем в письмах к Высоцкому, сильно преувеличены. В действительности же гимназист Риттер никого не избивал. Томительная пошлость нежинской жизни, на которую часто жалуется Гоголь в своих письмах, среда обывателей, которых Гоголь в письме к Высоцкому образно назвал «существователями», усидывали стремление юноши юмористически окрасить серые нежинские будни.

В таком же гиперболизированном юмористическом духе изображены Гоголем и некоторые другие нежинские «происшествия»: «У нас теперь в Нежине завелось сообщение с Одессою, — писал Гоголь Высоцкому 26 июня 1827 г., — посредством парохода, или брички Ванькина. Этот пароход отправляется отсюда ежемесячно с огурцами и пикулями и возвращается набитый маслинами, табаком и гальвою¹. Семенович Орлай, который теперь обращается в Одессе, подманил отсюда Демирова-Мышковского, которому давно уже гимназия открыла свободный, без препятствий пропуск за пьянство, и по сему поводу пароход совершал седьмую экспедицию для взятия в пассажиры Мышковского, а на место его в гувернеры высадил директорскую ключницу, ростом в сажень с половиною, которая привела было в трепет всю челядь гимназии... пока один Бодян² не доказал, что русский солдат чорта не боится, и в славном сражении при Шурше оборотил передние ее челюсти на затылок».

Подтверждением того, что еще в Нежине формировался юмористический и сатирический талант Гоголя, могут служить у другие его письма в Петербург к Г. И. Высоцкому. Важно подчеркнуть, что уже в ранний период Гоголь не смеялся ради смеха, а высмеивал то, что заслуживало осмеяния.

«С первоначального нашего здесь пребывания (в Нежине. — Д. И.) уже мы поняли друг друга, — писал Го-

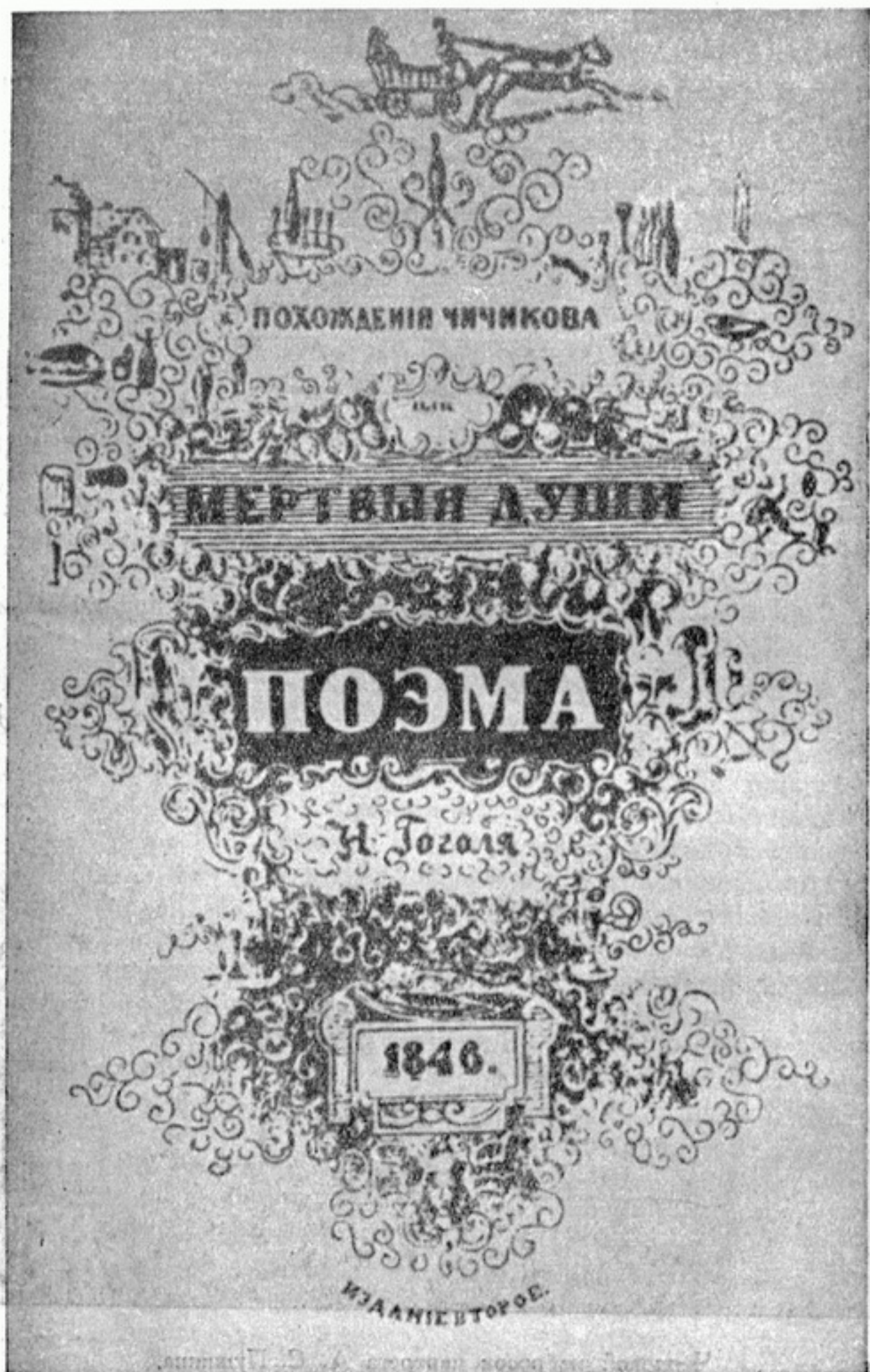
---

¹ Халвой.

² Бодян — сторож гимназии.

Черновой набросок портрета А. С. Пушкина.

Обложка ко второму изданию «Мертвых душ».

голь Высоцкому в Петербург 17 января 1827 г.,—а глупости людские уже рано сроднили нас; вместе мы осмеивали их и вместе обдумывали план будущей нашей жизни».

Весьма существенное значение имели впечатления и наблюдения раннего, нежинского периода для дальнейшей творческой деятельности Гоголя.

Продолжительные летние каникулы и более короткие—рождественские Гоголь проводил дома, в Васильевке, в кругу семьи. Из нежинских писем к родным видно, с каким нетерпением юноша ожидал этих каникул.

Обычно Гоголь ехал домой из Нежина в Полтаву вместе со своими школьными товарищами соседями Александром Данилевским или Петром Барановым. Гоголь проезжал деревни, села, населенные пункты, уездные города. С неослабным молодым интересом наблюдал он течение провинциальной жизни. Острая память Гоголя на долгие годы сохранила эти свежие, юношеские впечатления. Они послужили материалом для раннего и зрелого творчества. И если дорожные наблюдения скупо отражены в нежинских письмах, то сам Гоголь очень ярко рассказывает о силе их и значении в начале главы VI первого тома «Мертвых душ».

«Прежде, давно; в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего моего детства, мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту: все равно, была ли то деревушка, бедный, уездный городишка, село ли, слободка, любопытного много открывал в нем детский любопытный взгляд. Всякое строение, все, что носило только на себе напечатленье какой-нибудь заметной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли, каменный дом, известной архитектуры, с половиною фальшивых окон, один-одинешенек торчавший среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажных мещанских, обывательских домиков, круглый ли, правильный купол, весь обитый листовым белым железом, вознесенный над выбеленною, как снег, новою церковью; рынок ли, фронт ли уездный, попавшийся среди города, ничто не ускользало от свежего тонкого внимания, и, высунувши нос из походной телеги своей, я глядел и на невиданный до того покроем какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики с гвоздями, с серой, желтевшей вдали, с изюмом и мылом, мелькавшие из дверей овощной лавки вместе с банками высохших московских конфет, глядел и на шедшего в стороне пехотного офицера,

занесенного бог знает, из какой губернии на уездную скуку, и на купца, мелькнувшего в сибирке на беговых дрожках, и уносился мысленно за ними в бедную жизнь их...»

Рассказывая дальше о наблюдениях над встречающимися в дороге людьми: над уездным чиновником, помещиком и его семьей, над дворовыми крестьянами и другими, Гоголь заканчивал свое лирическое вступление в главе VI следующей взволнованной тирадой: «...Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на ее пошлую наружность; моему охлажденному взору неприятно, мне не смешно, и то, что пробудило бы в прежние годы живое движение в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О моя юность! О моя свежесть!».

* *
*

Изложенное выше дает нам основание считать безусловно ошибочным заключение профессора Д. Н. Овсянико-Куликовского о том, что «письма (Гоголя. — Д. И.) не помогают, а затрудняют понимать творчество Гоголя, осложняя задачу исследователя. Его облик, который возстает перед нами при чтении писем, ничего общего не имеет с удивительным художником, создавшим «Вечера на хуторе», повести, «Ревизора», «Мертвые души»¹.

Юношеские письма Гоголя не только не «затрудняют понимать творчество Гоголя и его облик», а, наоборот, способствуют разумению того, как складывался характер Гоголя, формировались его жизненные и творческие запросы, его юношеские идеалы.

Нежинские письма юноши Гоголя, особенно письма к Г. И. Высоцкому и братьям Косяровским, помогают проследить возникновение элементов юмористического и сатирического стиля, основополагающего в творчестве великого писателя.

---

¹ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., вст. ст. Д. Н. Овсянико-Куликовского, т. I, стр. 2.

„ДЕЛО О ВОЛЬНОДУМСТВЕ“

В 1827 г., предпоследнем году обучения Гоголя в нежинской Гимназии высших наук, возникло «дело» о политическом и религиозном «вольнодумстве» некоторых профессоров гимназии. История эта, вышедшая далеко за пределы Нежина, напоминала известное «дело о вольнодумстве» группы прогрессивных профессоров и студентов Петербургского университета (1821 г.). Оно представляет значительный историко-литературный и общественный интерес прежде всего потому, что в качестве главного обвиняемого был привлечен самый любимый учитель Гоголя — профессор Николай Григорьевич Белоусов. Сам Гоголь проявил живой интерес к «делу о вольнодумстве», которое характеризует общественно-политические настроения профессорско-преподавательского состава и студенчества одного из лучших учебных заведений на Украине в годы после поражения декабристского движения.

В 90-е годы прошлого столетия архивные материалы по «делу о вольнодумстве», хранящиеся в настоящее время в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР и в нежинском филиале Черниговского областного государственного архива, исследовали Н. А. Лавровский и И. А. Сребницкий, которые охарактеризовали это «дело» в своих работах, посвященных нежинской гимназии¹.

Оба исследователя изложили обстоятельства «дела». Необходимо, вместе с тем, отметить, что буржуазные исто-

¹ Н. А. Лавровский, Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине, Киев 1879; И. А. Сребницкий, Материалы для биографии Н. В. Гоголя, из архива Гимназии высших наук, «Гоголевский сборник», Киев 1902.

рики литературы Лавровский и Сребницкий не только не раскрыли и не показали общественно-политическую, социальную среду, в которой проходило воспитание молодого Гоголя, формирование его мировоззрения, а, наоборот, стремились затушевать и смягчить политическую остроту «дела о вольнодумстве».

Профессор В. И. Савва, опубликовавший в 1908 г. статью «К истории о вольнодумстве в Гимназии высших наук кн. Безбородко»¹, также не раскрыл политической суги дела. В результате своих разысканий В. И. Савва пришел к выводу, что «дело о вольнодумстве профессоров Гимназии высших наук не представляет... достаточных данных для суждения, насколько были верны все обвинения, к каждому из профессоров предъявленные. Можно думать, что дело это было сильно раздуто»².

Поэтому считаем необходимым заново осветить это «дело», пользуясь для этого архивными материалами и, в частности, показаниями проф. Белоусова. Однако прежде чем перейти к характеристике самого «дела», необходимо охарактеризовать общественно-политическую обстановку нежинской гимназии, среду, в которой оно возникло.

В работах советских литературоведов о Пушкине много страниц посвящено характеристике лицейского периода в жизни великого поэта, выяснению того «лицейского духа», как его называют пушкиноведы, который господствовал в лицее во время обучения там Пушкина.

Проф. Б. Мейлах, в работе «Пушкин и его эпоха»³, для исследования лицейского периода обратился к первоисточникам и архивным материалам. Первую главу («Лицейская республика») своей книги Б. Мейлах начинает с освещения причин возникновения лицея и рассмотрения проекта лицея, а затем переходит к характеристике директоров лицея В. Ф. Малиновского и Е. А. Энгельгардта, справедливо полагая, что взгляды их «имеют определяющее значение для понимания «лицейского духа».

Значение нежинской Гимназии высших наук в жизни и духовном формировании Гоголя так же велико, как и значение Царскосельского лицея для Пушкина. Это и вызвало необходимость нового обстоятельного изучения пер-

¹ Сб. Харьковского историко-филологического общества, т. XVIII, Харьков 1908.

² Там же, стр. 18.

³ Журн. «Звезда», 1949, № 1, стр. 164—198.

воисточников и неопубликованных архивных материалов нежинской гимназии. Важное значение для понимания «духа» нежинской гимназии имеют взгляды и практические мероприятия директоров гимназии. Поэтому обратимся к их характеристике.

Деятельность первого директора нежинской гимназии проф. В. Г. Кукольника была непродолжительной. Она началась в сентябре 1820 г. и оборвалась, в связи с его внезапной смертью, в феврале 1821 г. 3 сентября 1821 г. директором нежинской гимназии был назначен магистр словесных наук и философии, доктор медицины Иван Семенович Орлай.

Имея в виду, что И. С. Орлай руководил нежинской гимназией на протяжении пяти лет, по август 1826 г., и был в дружеских отношениях с семьей Гоголя еще до назначения директором гимназии, характеристика его личности представляет особый интерес.

Из жизнеописания И. С. Орлая, которое было помещено в журнале конференции нежинской Гимназии высших наук от 19 августа 1822 г., видно, что он был по национальности украинцем, родившимся в Венгрии в 1771 г. в г. Густе в семье Семена Орлая и Екатерины Белезнаевой.

Первоначальное образование Орлай получил в Мукачевском училище, затем он обучался в Унгварской и Велико-Карловской гимназиях, а в 1788 г. поступил в Львовский университет, где изучал философские и словесные науки, высшую математику и другие дисциплины.

В 1791 г. Орлай приехал в Петербург. Здесь он поступил в медико-хирургическое училище, преобразованное позже в медицинскую академию, которую он окончил в 1793 г. На протяжении почти тридцати лет, до назначения его директором нежинской гимназии, Орлай работал в области теоретической и практической медицины, был членом многих научных обществ, исполнял одно время обязанности ученого секретаря медицинской академии.

В архивах нежинской Гимназии высших наук за 1826 г. имеется любопытное показание И. С. Орлая о принадлежности его в 1810 г. к петербургскому тайному обществу масонов.

Рескриптом от 21 апреля 1826 г. император Николай I, напуганный декабристским движением, приказал «искрывать вновь по всему государству обязательства от всех находящихся в службе и отставных чиновников и не слу-

жащих дворян в том, что они ни к каким тайным обществам, под каким бы они названием не существовали, впредь принадлежать не будут, а если кто прежде к какому-либо из них когда бы то ни было принадлежал, то с подробным объяснением в обязательстве его под каким названием оно существовало, какая была цель его и какие меры предполагается было употребить для достижения этой цели».

В ответ на предложение начальства дать показание о принадлежности его к тайным обществам Орлай 28 июня 1826 г., в бытность его директором нежинской гимназии, писал: «Я, нижеподписавшийся, объявляю, что я короткое время принадлежал в 1810 году в С.-Петербурге к ложе масонов, именованной (сколько могу помнить) «Александра», в которую я вступил было единственно из любопытства, но в том же году, декабря месяца, по учинении присяги на вечное подданство России, я скоро отстал от оной... Цель при вступлении в вышеозначенную ложу мне сделалась известной только та, которая мне тогда же объявлена была, то есть упражнение в добродетели, человеколюбие, благотворительность неимущим раздачею денег, и вообще исполнение христианских и гражданских добродетелей»¹.

В работе Н. А. Лавровского² и в воспоминаниях воспитанника нежинской гимназии Н. В. Кукольника³ И. С. Орлай характеризовался как человек широко образованный, высоких нравственных достоинств. Однако ни тот ни другой ничего не сказали о политических убеждениях И. С. Орлая, а между тем имеются интересные материалы об этом.

Мы имеем в виду прежде всего «Мнение о преобразовании училищ в России» Орлая, в котором он в ответ на циркуляр министра—консерватора А. С. Шишкова—от 13 июня 1825 г. об устройстве учебных заведений изложил свои соображения по этому вопросу.

«Мнение» Орлая свидетельствует не только о широкой эрудиции автора, но и о его несомненных прогрессивных, демократических убеждениях. Орлай выступил как про-

¹ «Гоголевский сборник», Киев 1902, стр. 348.

² Н. А. Лавровский, Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине, Киев. 1879.

³ «Лицей кн. Безбородко», СПб. 1881, стр. 189—205.

Иван Семенович Орлай.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

светитель, проповедующий необходимость всеобщего образования народа.

В самом начале «Мнения» Орлай писал: «Доброе воспитание юношества есть первая основа благосостояния государства, отсюда добрые отцы семейства, добрые граждане, добрые чиновники. Всякий благомыслящий уверен в той непреклонной истине, что если бы в государстве все сословия были образованы (подчеркнуто нами.—Д. И.)... то чистая нравственность и добродетель, сами собою постыждая возникающий порок, служили бы всегдашней преградой столь пагубному для человеческого рода разврату, а следовательно, все сословия государства наслаждались бы мирной жизнью и счастьем в спокойствии незазорной совести».

Несмотря на идеалистические концепции философских рассуждений Орлая, воспринятые им еще в Львовском университете, и его религиозность дальнейшие замечания Орлая еще более отчетливо показывают его патриотические и демократические взгляды на школьное народное образование в России.

«И почему бы дети неимущих родителей должны быть исключены от чувствований добродетели и чести?—писал Орлай. —Разве мы не знаем, что в бедности скрываются нередко величайшие дарования и отличные таланты? Разве бессмертный наш Ломоносов не из рыбацкого шалаша вознес себя славою выше многих богачей и дворян?»¹

Орлай осуждал пренебрежение дворян к простым людям из народа, резко критиковал дворянскую галломанию: «Замечаемое в дворянах отвращение от совокупного воспитания с детьми людей неблагородных основывается на ложном понятии о чести, внушенном нам также иноземцами, ищущими в пансионах своей корысти. Но если безчестно учиться вместе с неимущими низкого сословия своими соотечественниками, то почему не безчестно иметь иногда иноземных ремесленников своими учителями?»²

В условиях самодержавно-крепостнического сословного режима взгляды И. С. Орлая на народное образование были, безусловно, прогрессивными. Демократичность убе-

---

¹ И. С. Орлай, Мнение о преобразовании училищ в России. Опубликовано в приложении № 5 кн. Н. А. Лавровского «Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине», Киев 1879, стр. 145.

² Там же, стр. 152—153.

ждений Орлая сказались и в управлении им нежинской Гимназией высших наук. Интересы дела Орлай ставил выше всего. Он предлагал профессорам и учителям гимназии свободно высказывать свои мнения об улучшении управления гимназией и учебного процесса даже в том случае, если эти мнения шли вразрез с мнением самого директора гимназии.

Очень интересна для подтверждения этого запись в журнале заседания конференции (правления, или ученого совета) нежинской гимназии от 17 декабря 1821 г.: «Проф[ессор] и господин директор изъявил свое желание, чтобы каждый из присутствующих в заседаниях, на счет управления гимназии объявлял свои мысли свободно и вольно, хотя бы случилось то против какой-либо меры, предлагаемой самим господином директором (подчеркнуто нами. — Д. И.), и чьи окажутся основательнейшими суждения, записывать в параграфах журналов под его именем, то есть такой г. профессор или учитель подал такое то мнение, по которому определено и прочее»¹.

Прогрессивные убеждения И. С. Орлая, его широкие научные и педагогические познания способствовали делу улучшения организации учебного процесса в нежинской гимназии. Авторитет гимназии возрос, усилился приток гимназистов, число которых к концу 1826 г. достигло 250 человек. Прогрессивный, «демократический дух», который установился в гимназии при Орлае, его мероприятия по организации среди учащихся сознательной, а не палочной дисциплины, вызывали недовольство реакционной части профессуры во главе с профессором политических наук М. В. Билевичем и профессором русской словесности П. И. Никольским.

Даже Н. В. Кукольник, воспитанник нежинской гимназии, который впоследствии примкнул к лагерю консерваторов, в своих воспоминаниях об И. С. Орлае писал, что «некоторые наставники, еще в бурсе привыкшие к раболепству, называли этот период существования гимназии (во время директорства Орлая. — Д. И.) периодом беспорядка, ...Иван Семенович с умыслом предоставил наставникам свободу споров, в надежде и из них образовать самостоятельное и разумное общество и видеть в них не

¹ «Гоголиана» № 1126.

цигрушечных человечиков с ниточкой, за которую дергает невежественная рука по утвержденной программе, а рассуждающих помощников»¹.

Недовольство реакционной и невежественной группы профессоров особенно усилилось, когда Орлай в конце 1824 г. пригласил в гимназию человека, разделяющего его взгляды на воспитание юношества, молодого и талантливого киевского профессора политических и юридических наук Николая Григорьевича Белоусова.

Как мы уже говорили, между семьей Гоголя и И. С. Орлаем еще до назначения его директором гимназии установились дружеские отношения. Орлай познакомился с родителями Н. Гоголя летом в Кибинцах.

О назначении Орлая двенадцатилетний Гоголь в письме из Нежина от 6 октября 1821 г. уведомлял своих родителей: «...с полным удовольствием пишу к вам и извещаю о новостях здешних, которые будут для вас любопытны. Сюды ожидают со дня на день директора, которой уже утвержден в здешнюю гимназию. Директор же вам известный доктор Орлай, который был в Кибинцах».

Во время пребывания в нежинской гимназии Орлай интересовался успехами Гоголя, часто беседовал с ним, лечил его, принимал участие в его личных делах. Так, например, из письма Гоголя к М. И. Гоголю от 14 мая 1826 г. видно, что Иван Семенович напомнил ему о необходимости почаще писать к матери. Сам Орлай в письмах к родителям Гоголя характеризовал его как очень способного и резвого подростка, которому недостает только прилежания.

28 марта 1824 г. И. С. Орлай писал отцу Гоголя: «Милостивый государь, почтеннейший друг Василий Афанасьевич!.. Я знаю, сколь много любите вы сына своего, а по сему считаю, во-первых, нужным уведомить вас, что он здоров и хорошо учится... Жаль, что ваш сын иногда ленится, но когда принимается за дело, то и с другими может поравняться², что и доказывает его отличные способности»³.

Все это дает основание сделать вывод, что И. С. Орлай, человек прогрессивных убеждений и высоких моральных качеств, оказал на Гоголя благотворное влияние.

¹ «Лицей кн. Безбородко», СПб. 1881, стр. 198

² Орлай имел в виду лучших учеников нежинской гимназии.

³ П. Е. Щеголев, Школьные годы Гоголя, «Исторический вестник», 1902, кн. III, стр. 516—517.

В августе 1826 г. И. С. Орлай, в связи с назначением его директором Ришельевского лицея, переехал в Одессу. Вместо него исполняющим обязанности директора был назначен старший профессор физико-математических наук нежинской гимназии Казимир Варфоломеевич Шапалинский.

В письме к матери 16 ноября 1826 г. Гоголь сообщал, что «должность директора исправляет профессор физики и химии Шапалинский».

Шапалинский был знаком с матерью Гоголя. В письме 13 октября 1825 г. Гоголь просил мать прислать для поездки из Нежина домой на рождественские каникулы помещительный экипаж, ибо «профессор физики и химии, по прошению Дмитрия Прокофьевича (Трошинского. — Д. И.), обещался приехать к нему на рождество». Свою просьбу Гоголь повторил и в письме из Нежина от 2 декабря того же года: «Не зная теперь, можно ли ехать на колесах, я думаю, что к празднику зима гораздо увеличится и будет довольно постоянная; следовательно не худо бы приискать экипаж санный гораздо поболее, чтобы можно было четверем удобно поместиться; ибо, как я вам прежде упоминал, и г-н профессор едет с нами».

С 1821 г., со времени поступления Гоголя в гимназию, Шапалинский был старшим профессором математических и естественных наук, с 18 октября 1826 по октябрь 1827 г. он исполнял обязанности директора нежинской гимназии. В этот период в гимназии возникло «дело о вольнодумстве».

В 1830 г. Шапалинский был сам привлечен в качестве одного из обвиняемых по «делу о вольнодумстве». Поэтому необходимо как можно полнее охарактеризовать его личность и осветить деятельность Шапалинского в нежинской Гимназии высших наук.

Казимир Шапалинский родился в 1786 г. в Польше. Образование он получил вначале в Виленской гимназии, затем в Виленском университете. В 1810 г. он поступил в Петербургский педагогический институт, который окончил в 1815 г., а в начале 1816 г. был назначен старшим учителем естественных наук в Могилевскую губернскую гимназию¹.

¹ «Гоголиана» № 1126.

В 1817 г. Шапалинский был переведен в Киевскую гимназию, а в ноябре 1820 г. назначен младшим профессором нежинской Гимназии высших наук.

Современники и ученики К. В. Шапалинского характеризовали его как прекрасного человека и педагога. Особенно интересны воспоминания о Шапалинском воспитанника нежинской гимназии П. Г. Редкина.

Петр Григорьевич Редкин (1808—1891) был школьным товарищем Гоголя, вместе они в 1826 г. в нежинской гимназии выпускали рукописные журналы, помещая в них свои первые ученические литературные опыты.

Получив впоследствии широкую известность как выдающийся русский юрист и педагог, доктор прав и профессор Петербургского университета, автор многочисленных научных работ, в которых он одно время проповедывал независимость юстиции, то есть свободное развитие права в самом народе, П. Г. Редкин всю свою жизнь хранил память о Гоголе. В письме на имя председателя комитета по сооружению бюста великого писателя в Нежине Редкин называет Гоголя своим «незабвенным товарищем».

Молодой Н. А. Добролюбов был знаком с Редкиным. В своем дневнике Добролюбов положительно отзывается о взглядах Редкина на воспитание, называя его стремления благородными. Впервые они встретились на квартире у А. Н. Татаринова — известного либерального деятеля по подготовке реформы 1861 г. «Часа два я с желчным наслаждением распространялся о педагогической теории и практике Давыдова и Вышнеградского, — писал Добролюбов, — Редкин был вне себя от восторга. Вообще в наших понятиях о воспитании и пр. мы с ним сошлись... лицо его довольно умно, тон умеренный и уверенный... стремления благородны»¹.

В своих воспоминаниях о нежинской гимназии Редкин с особой теплотой отзывался о Шапалинском. Он не жалеет эпитетов, чтобы изобразить высокие достоинства Шапалинского как человека и преподавателя: «Безукоризненная честность, неумытная справедливость, правдолюбивое прямодушие, скромная молчаливость, тихая серьезность, строгая умеренность и воздержание в жизни, отсутствие всякого эгоизма, всегдашняя готовность ко всякого

---

¹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. VI, М. 1939, стр. 480—481.

рода самопожертвованиям для пользы ближнего... вот основные черты нравственного характера этого чистого человека, достойного во всех отношениях гораздо лучшей участи»¹.

Эта характеристика Шапалинского, может быть, несколько и преувеличена, но в основе своей справедлива. Так же высоко оценивал Редкин и знания Шапалинского, и его педагогические способности. «Как профессор, он горячо любил и очень хорошо знал преподаваемые им предметы и излагал их с краткою, но ясною сжатостью, без всякого фразерства, но с увлечением, умея заохочивать к их изучению тех из учеников, в которых таилась искра бескорыстной преданности истине, науке»².

В этом отзыве о Шапалинском отсутствует самое главное — характеристика его мировоззрения, его политических убеждений. А между тем имеются интересные факты, удостоверяющие прогрессивность политических взглядов Шапалинского.

Отметим прежде всего, что в протоколах конференции нежинской гимназии в июне 1826 г. записано показание — обязательство К. В. Шапалинского, из которого видно, что он с конца 1818 по январь 1821 г. «принадлежал к ложе братьев масонов... соединенных славян, состоящей в городе Киеве».

Историки, изучающие организацию в России тайных масонских обществ, отмечают, что в начале XIX в., начиная с 1803 г., масонские ложи резко меняют свой социальный состав. В них появляются разночинцы, офицеры, мелкие и средние чиновники, купцы, учителя, врачи, юристы, ремесленники.

Известно также, что участниками масонских лож в этот период были многие будущие декабристы, которые использовали масонские ложи с их конспирацией для привлечения новых сторонников декабристского движения. По указанию Пестеля, например, в ложу «Трех добродетелей» вступали многие его сподвижники. А. Муравьев разработал план участия декабристов в масонских организациях.

Проф. М. Нечкина в своей работе о декабристах отмечает, что первоначальной организацией, из которой позже выросло «Общество соединенных славян» (одно из самых

¹ «Лицей ки. Безбородко», СПб. 1881, стр. 317.

² Там же.

Петр Григорьевич Редкин.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

революционных по своей тактике декабристских обществ), является масонское «Общество первого согласия», основанное юнкерами братьями Борисовыми в 1818 году. Общество приняло правила «Питагоровой секты», скрывавшие за внешней целью самоусовершенствования революционные цели. Вскоре «Общество первого согласия» было преобразовано в «О-во друзей природы», «за внешними формами масонской символики преследовавшее цель образования в России республики»¹. (Подчеркнуто нами. — Д. И.)

Нет сомнения, что вступление Шапалинского в масонскую ложу «Соединенных славян» в конце 1818 г., в период возникновения тайных декабристских обществ, определялось не только стремлением к личному самоусовершенствованию, но и прогрессивным стремлением принять личное участие в переустройстве всей общественной жизни на новых началах.

Доказательством прогрессивности взглядов Шапалинского на воспитание юношества может служить его резкая полемика с реакционным профессором Билевичем по поводу применения телесных наказаний в нежинской гимназии.

Когда на одном из заседаний конференции гимназии обсуждались случаи непослушания некоторых пансионеров, факты их враждебного отношения к реакционной профессуре, их шумного поведения на уроках законоучителя и Билевич предложил применить телесное наказание, Шапалинский, ударив сильно рукою по столу, закричал: «протестую!». Решительно возражая против телесных наказаний, Шапалинский старался доказать, что «понижение шаров за нерадение или худое поведение есть уже наказание, после которого не должно подвергать другому»².

И, наконец, прогрессивные взгляды Шапалинского вполне отчетливо выразились в его отношении к «делу о вольнодумстве», о чем мы будем говорить дальше.

Таким образом, можно считать установленным, что оба директора нежинской гимназии — И. С. Орлай и К. В. Шапалинский — были людьми передовых для своего времени убеждений. Это в значительной мере способствовало тому, что «дух» нежинской гимназии, несмотря на

¹ М. Нечкина, Декабристы, БСЭ, т. XXI, стр. 45.

² «Лицей кн. Безбородко», СПб. 1881, стр. 101.

убожество и пошлость провинциальной жизни того времени, идейную и культурную ограниченность части преподавателей, был все же в основе своей прогрессивным, демократическим.

3

Очень много сделал для того, чтобы поднять идейный и культурный уровень воспитанников нежинской гимназии, ее инспектор, профессор юридических наук (римского и естественного права) Николай Григорьевич Белоусов (1799—1854).

Н. Г. Белоусов родился в Киеве. Его отец принадлежал к сословию киевских граждан. Белоусов рано обнаружил стремление к чтению научных книг. Родители поощряли это стремление и отдали его в Киевскую духовную академию, которую он окончил по философскому факультету в возрасте 15 лет.

Знания, полученные в академии, не удовлетворили юношу. В Киеве в это время университета еще не было, и Белоусов поступил в Харьковский университет. Из журнала конференции нежинской Гимназии высших наук от 27 декабря 1824 г. видно, что Белоусов при поступлении в гимназию представил два аттестата, выданные ему Харьковским университетом, «из которых явствует, что он, Белоусов, обучался в сем университете по этико-филологическому отделению философского факультета и по юридическому факультету с превосходными успехами».

Белоусов окончил университет в 1818 г., а в январе 1820 г. был назначен учителем русской словесности в Киевскую губернскую гимназию, где зарекомендовал себя как талантливый и знающий педагог.

Характеризуя в своих воспоминаниях о Белоусове его способности как учителя русской словесности, Н. В. Кукольник писал: «Николай Григорьевич знал этот предмет превосходно. Одаренный необычайной памятью, он помнил годы рождения и смерти всех важнейших русских литераторов; но знание Белоусовым истории русской литературы от Кирилла и Мефодия до Пушкина не ограничивалось одной хронологией. Напротив, он разумел критически характер, достоинство, недостатки, склад слога каждого писателя, цитируя наизусть иногда отрывки из малоизвестных сочинений целыми страницами. И при всем этом литература для него была — знанием... вспомогательным, так

как главным предметом его занятий были науки юридические»¹.

Особой заботой директора нежинской гимназии И. С. Орлая был подбор в гимназию опытных и знающих преподавателей. Из протокола журнала конференции гимназии от 30 июня 1822 г.² видно, как серьезно смотрел Орлай на выбор педагогов для Гимназии высших наук. Он требовал, чтобы они имели ученые степени и были бы известны «способностью своею и усердием в наставлении юношества, и притом имели бы столько других ученых познаний, чтобы, в случае отлучки или болезни кого-либо из профессоров, могли на время занимать его место».

В условиях того времени, когда даже университеты не были обеспечены квалифицированными педагогами, привлечение в нежинскую гимназию хороших педагогов было задачей трудно выполнимой. Вот почему так настойчиво приглашал Орлай Белоусова в гимназию: «Директор Орлай приглашал меня неоднократно и употреблял, для убеждения меня, заслуженных людей, имеющих пребывание в Киеве, — писал Белоусов в своем рапорте конференции гимназии 30 сентября 1827 г., — ...отличаем будучи не только местным, но и университетским начальством, желавшим переместить меня в университет, я не соглашался переместиться в здешнюю гимназию».

Орлай был широко образованным человеком, но недостаточно опытным администратором. За четыре года, с 1821 по 1825 г., количество учеников гимназии значительно увеличилось. Кроме пансионеров, находившихся на полном содержании и помещавшихся в здании гимназии, при Орлае, который отрицательно относился к закрытым учебным заведениям, были приняты в гимназию 180 вольноприходящих учеников. Значительный приток гимназистов вызвал некоторое ослабление дисциплины и в пансионе, и в среде вольноприходящих учеников. Орлаю одному трудно было управлять гимназией. Он нуждался в деятельном и энергичном помощнике. Получив от киевских ученых друзей благоприятные отзывы о Белоусове, Орлай справедливо предполагал, что таким помощником будет Белоусов.

Орлаю удалось убедить Белоусова, и тот в конце декабря 1824 г. подал заявление «об определении его на вакант-

¹ «Лицей кн. Безбородко», СПб. 1881, стр. 241.

² «Гоголиана» № 1126.

ное место профессора юридических наук». 6 мая 1825 г. Белоусов был утвержден младшим профессором юридических наук нежинской гимназии, а в начале 1826 г. назначен инспектором гимназии.

В 1825/26 уч. году Белоусов читал в восьмом классе гимназии римское право, а в седьмом — историю римского права. В последующем 1826/27 уч. году, с августа по декабрь 1826 г., Белоусов прочитал в седьмом классе, где обучался Кукольник, и восьмом классе, где учился Гоголь, курс естественного права. В декабре в тех же классах Белоусов читал государственное, а в январе 1827 г. — народное право.

Лекции профессора Белоусова по естественному и народному праву и явились главным материалом для обвинения его реакционным профессором М. В. Билевичем в 1827 г. в «вольнодумстве». Однако столкновения Белоусова с реакционной профессурой начались раньше этого.

Уже в первый год работы в нежинской гимназии Белоусов завоевал прочный авторитет в среде учеников и передовой группы профессоров и учителей гимназии.

Гоголь, который в своих письмах домой весьма сдержанно говорил о преподавателях гимназии, дает самые положительные отзывы о Белоусове.

10 сентября 1826 г. в письме к матери Гоголь сообщал: «Пансион наш приметно начал улучшаться: стол теперь сделался у нас прекрасный, и всем этим обязаны мы нынешнему нашему инспектору».

Еще положительнее оценивал деятельность Белоусова Гоголь в следующем письме к матери 16 ноября 1826 г.: «Пансион наш теперь на самой лучшей степени образования... и этому всему причина наш нынешний инспектор, ему обязаны мы своим счастьем, стол, одеяние, внутреннее убранство комнат, заведенный порядок, этого всего вы теперь нигде не сыщете, как только в нашем заведении. Советуйте всем везть сюда детей своих: во всей России они не найдут лучшего».

Между Белоусовым и группой учеников старших классов гимназии установились самые лучшие взаимоотношения. Особенно дружески расположен был молодой профессор к юноше Гоголю.

В душевном письме к своему школьному другу Г. И. Высоцкому в Петербург, 19 марта 1827 г., восемнадцатилетний Гоголь характеризует высокие достоинства

Белоусова не только как организатора пансиона, но и как наставника, руководителя духовной жизни гимназистов: «Часто среди самых удовольствий я впадаю в странное забытие, вспоминаю о тебе и сокрытая горечь ярко проскакивает на лице и освещает его печальное движение, несмотря, что в пансионе у нас теперь весело. Все возможные удовольствия, забавы, занятия доставлены нам, и этим всем мы одолжены нашему инспектору. Я не знаю, можно ли достойно выхвалить этого редкого человека. Он обходится со всеми нами совершенно как с друзьями своими, заступает за нас против притязаний конференции нашей и профессоров школяров. И, признаюсь, ежели бы не он, то у меня не достало бы терпения здесь окончить курс — теперь по крайней мере могу твердо выдержать эту жестокую пытку». (Подчеркнуто нами. — Д. И.)

Говоря о заступничестве Белоусова против преследований профессор-школяров, Гоголь имел в виду борьбу Белоусова против школярства, то есть сухого педантизма, схоластической мелочности во взглядах консервативной группы профессоров гимназии, и, в частности, столкновение и полемику Белоусова с реакционными профессорами М. В. Билевичем¹ и П. И. Никольским² по поводу театральных представлений в гимназии, организатором и душой которых был Гоголь.

В архивах нежинской гимназии сохранились любопытные рапорты-доносы проф. Билевича, изобличающие его как консерватора и сухого формалиста, которого с полным правом можно назвать прототипом чеховского учителя Беликова с его жизненной формулой «как бы чего не вышло».

¹ Михаил Васильевич Билевич родился в 1779 г. в Трансильвании в семье венгерского дворянина. Образование получил в Львовской гимназии и университетах гг. Львова и Пешта. С 1806 г. был учителем философии и латинского языка Новгород-Северской гимназии. В декабре 1821 г. утвержден учителем немецкой словесности нежинской гимназии, а в январе 1824 г. — профессором политических наук. (Протоколы конференции нежинской гимназии.)

² Парфений Иванович Никольский родился в 1782 г. в с. Фатеичи, Московской губ., в семье священника. Обучался в подмосковной семинарии, Московской славяно-греко-латинской академии и Петербургском педагогическом институте, который окончил в 1807 г. С 1820 по 1833 г. — профессор российской словесности нежинской Гимназии высших наук. (Протоколы конференции нежинской гимназии.)

Вот, например, одно из характерных заявлений Билевича, направленное против организации театральных представлений в нежинской гимназии:

«В конференцию Гимназии высших наук князя Безбородко от старшего профессора оной гимназии надворного советника *Михаила Билевича*

ПРОШЕНИЕ

Сего 1827 года января 29 числа по утру на вторых часах учения я, послышавши необыкновенный стук возле классов в зале под аркою, зашел в оную, где нашел работающих плотников и увидел различные театральные приуготовления, как-то: кулисы, палатки и возвышенные для сцен особые полы, почему спросил, для чего таковые производятся работы и приуготовления, на что мне работники и бывший притом г-н надзиратель *Адольф Аман* сказали, что это делается для театра, на котором воспитанники пансиона будут представлять разные театральные пьесы. А как таковые театральные представления в учебных заведениях не могут быть допущены без особого дозволения высшего учебного начальства, то дабы мне, как члену конференции гимназии... безвинно не ответствовать за мое о сем молчание перед высшим начальством, вслучае нет от оного особенного на это позволения, почему, доводя о сем до сведения конференции, прошу уволнить меня в том случае по сему предмету от всякой ответственности и, записав сие мое прошение в журнал конференции, учинить о том надлежащее определение и донести о последствии сего г.г. окружному и почетному попечителям, ежели не имеется от оных на то позволение.

К сему прошению подписался старший профессор надворный советник *Михаил Билевич*¹.

1827 г. генваря 29 дня. Нежин».

Страхуя себя на всякий случай от возможного недовольства «высшего учебного начальства», Билевич, вместе с тем, превосходно знал, что «театральные приуготовления» не могли делаться без предварительного разрешения и указаний инспектора гимназии *Белоусова*. Следовательно, Билевич имел скрытое намерение скомпрометировать *Белоусова* перед начальством и в то же время показать свое усердие.

Взаимная неприязнь Билевича и *Белоусова* определилась уже в первый год работы *Белоусова* в Нежине. Невежественный педагог Билевич, читавший вначале немецкую словесность, а затем утвержденный старшим профессором политических наук, повидимому, опасался, что молодой и талантливый профессор *Белоусов*, знаток политических и юридических наук, обнаружит его невежество в этих науках.

¹ «Гоголевский сборник», Киев 1902, стр. 353—354.

Случилось то, чего опасался Билевич. Самоуверенный, смелый и решительный Белоусов, как только в 1826 г. был назначен инспектором гимназии, подверг резкой критике деятельность Билевича как преподавателя.

«С начала вступления в должность г. Белоусова в гимназии начал я встречать от него разные неприятности и оскорбления, — писал позже в своем рапорте от 9 декабря 1827 г. Билевич на имя нового директора гимназии Д. Е. Ясновского. — ...В прошлом 1826 году в июне месяце на публичном экзамене учеников из государственного хозяйства при бывшем г. директоре Орлае и при многих других чиновниках и учениках сей гимназии г. младший профессор Белоусов нанес мне тяжкую обиду тем, что он на сем экзамене, делая ученикам разные вопросы по таким системам, какие вовсе не должны были входить в предмет преподавания науки государственного хозяйства, сказал при всех чиновниках и учениках, тогда присутствовавших, следующие слова: «я вижу, что ни ученики, ни профессор ничего не знают»¹.

Билевич, опасаясь, что Белоусов займет его место старшего профессора политических наук, решил при помощи своих реакционных единомышленников опорочить Белоусова и добиться увольнения его из гимназии.

Однако в бытность Орлая директором, зная о его авторитете в Петербурге и о поддержке им Белоусова, Билевич не решился открыто выступить против Белоусова. Воздержался от этого Билевич и в то время, когда обязанности директора временно исполнял старший профессор физико-математических наук К. В. Шапалинский, прогрессивные убеждения которого и его расположение к Белоусову были известны Билевичу. Но как только Билевич в конце января узнал, что директором гимназии назначен Д. Е. Яновский, он немедленно, опираясь на близких к нему консервативных профессоров П. И. Никольского, К. А. Мойсеева и Х. Н. Иеропеса, начал свою черную работу против Белоусова и против Шапалинского. Указанный рапорт Билевича от 29 января 1827 г. о театральных представлениях в гимназии является, таким образом, первым в цепи его доносов.

Кирилл Абрамович Мойсеев (1790—1853) был профессором истории и статистики в нежинской Гимназии

¹ «Гоголиана» № 1368.

высших наук с 1820 по 1832 г. Одно время исполнял обязанности инспектора. В этой должности его сменил проф. Н. Г. Белоусов. Сухой педант и формалист, Мойсеев не пользовался расположением учеников гимназии. Н. В. Кукольник в воспоминаниях о нем писал: «О характере Кирилла Абрамовича я не могу сказать ничего положительного...» Отрицательно характеризовал Кукольник Мойсеева и как педагога и, в особенности, как инспектора: «На лекциях он говорил много, на инспекции пребывал сух, молчалив и холоден»¹.

Христофор Иеропес был младшим профессором греческого языка и словесности нежинской гимназии. Беспринципный и безвольный человек, он находился под влиянием консерватора Билевича, на дочери которого был женат.

О преподавательской деятельности Иеропеса сохранились весьма любопытные воспоминания самого Н. В. Гоголя, переданные дружески расположенной к Гоголю В. Н. Репниной: «В Риме Гоголь часто к нам ходил и был очень забавен, — писала Репнина, — я тогда была смешлива и от его рассказов хохотала во все горло. Между прочим, он рассказывал, что в Нежинском лицее был у них профессор греческого языка грек. Он читал студентам Гомера, которого никто из них не понимал. Прочитав несколько строк, он подносил два пальца ко рту, щелкнет и, отводя пальцы, говорит «чудесно», с сильным греческим выговором. Потом, прочитав о каком-то сражении, он перевел греческий текст словами: «и они положили животики свои на ножки», и весь класс разразился громким смехом. Тогда профессор сказал: «по-русски это смешно, а по-гречески очень жалко»².

Активно содействовал консервативным проискам Билевича профессор «старовер» П. И. Никольский, читавший историю русской словесности. Он признавал только старую ложноклассическую литературу и отвергал всю новую литературу. Особенно отрицательно относился он к Пушкину. Он преследовал Гоголя и группу студентов, для которых Пушкин был «властителем дум», доносил на них, что они читают Пушкина и других передовых писателей.

¹«Лицей кн. Безбородко», СПб. 1881, стр. 289.

²Из воспоминаний В. Н. Репниной о Гоголе, «Русский архив», 1890, кн. 10, стр. 229.

16 апреля 1827 г. Парфений Никольский подал в конференцию Гимназии высших наук длинный рапорт. В начале рапорта Никольский обращал внимание конференции на то, что пансионеры, вверенные попечению Белоусова, читают недозволенные книги, отчего в пансионе происходят «всякие беспорядки», а конференция (правление гимназии) не принимает мер для их предупреждения и прекращения.

Никольский писал также, что, кроме того, пансионеры увлекаются «выучиванием театральных ролей, которые они на открытом в гимназии театре уже шесть раз для приглашаемых из города зрителей представляли», а между тем ему «не известно, имеется ли от начальства на заведение сего театра разрешение» и «в случае каких-либо по оному предмету востребований правительства, кто берет на себя за это ответственность?» — восклицал Никольский. В конце своего рапорта Никольский просил представить этот рапорт «на благоусмотрение» попечителей гимназии, а его самого за беспорядки в гимназии «ответственности» не подвергать.

Таким образом, этот рапорт Никольского расширял и подкреплял положение, выдвинутое в первом заявлении Билевича от 29 января 1827 г. Никольский не называл фамилий, но из его доноса на имя обоих «господ попечителей» (попечителя Харьковского учебного округа Карнева и почетного попечителя Александра Кушелева-Безбородко) ясно было видно, что ответственны за «беспорядки» в гимназии, по его мнению, исполняющий обязанность директора Шапалинский и инспектор Белоусов.

Через три недели после этого — 7 мая 1827 г. Билевич подал новый рапорт, который, по мнению исследователей, положил начало «делу» о неблагонамеренном преподавании естественного права и «вольнодумстве» профессора Белоусова и некоторых других преподавателей нежинской гимназии.

Рапорт Билевича (на 12 страницах) содержит 10 пунктов. В первых двух Билевич характеризовал поведение некоторых пансионеров, воспитанников Белоусова, в третьем Билевич говорил о дерзком поведении пансионера Яновского (Гоголя. — Д. И.), который во время занятий шел по коридору гимназии и на вопрос Билевича, «почему он не в классе, не остановившись, ответил, что в 8-м классе учения нет, ибо Белоусов не будет в классе».

Билевич сообщал конференции, что экзекутор майор Шишкин сказал ему, что непочтительное поведение некоторых пансионеров объясняется тем, что «иные наставники (Белоусов. — Д. И.) часто с учениками, побравшись под руки, по коридору прохаживают и слишком фамильярно с ними обращаются».

Если в третьем пункте своего рапорта Билевич только намекает на либеральное отношение Белоусова к пансионерам, то в девятом пункте Билевич впервые вполне четко сформулировал обвинение Белоусова в «вольнодумстве»: «Равномерно необходимою обязанностию для себя поставляю, как старший профессор юридических наук, сказать, что я приметил у некоторых учеников некоторые основания вольнодумства, а сие, полагаю, может происходить от заблуждения в основаниях права естественного, которое, хотя и предписано преподавать здесь по системе г-на Демартина, он, г-н младший профессор Белоусов, проходит оное естественное право по своим запискам, следуя в основаниях философии Канта и Шада»¹.

В своем ответном рапорте от 2 июля 1827 г. Белоусов заявил, что Билевич не имеет ни малейшего представления о философии Канта и содержании курса естественного права проф. Шада, которое тот читал в Харьковском университете. Ссылкой же на Шада Билевич думал придать больше веса своему доносу, так как знал, что Шад выслан за границу, а его философские труды, и в том числе естественное право, запрещены в России.

Зная, чем грозит ему обвинение в «вольнодумстве», Белоусов отвергал это обвинение, в доказательство чего представил конференции записки, или конспект, по естественному праву, якобы взятый им у одного из своих учеников.

Ознакомившись с ответом Белоусова, Билевич в рапорте от 18 июля называет записки, представленные Белоусовым конференции, подложными. Билевич доносил, что 21 июня Белоусов отобрал у учеников тетради-конспекты своих лекций по естественному праву с целью их исправления. Однако Билевич успел захватить у двух уче-

¹ «Гоголевский сборник», Киев 1902, стр. 363—364.

ников подлинныя записки, писанныя со слов Белоусова, которые он, Билевич, представляет конференции вместе с их критическим разбором¹.

По мнению Билевича, подлинныя конспекты лекцій Н. Г. Белоусова «преисполнены таких мнений и положений, которые неопытное юношество действительно могут вовлечь в заблуждение, так как в них совершенно не упоминается об отношении к богу, к ближнему, к родителям и детям, общественной и семейной жизни и проч.»².

Конспекты лекцій Белоусова по предложению исполняющего обязанности директора гимназии Шапалинского конференция передала на рассмотрение законоучителя гимназии протоиерея Волинского³, «и это привлечение к делу законоучителя составляет оригинальную часть нежинской истории, не находящую соответствия ни в Петербургской, ни в Харьковской историях», — отмечал Н. А. Лавровский в своей работе⁴.

4

Получив конспекты лекцій Белоусова 4 июля 1827 г., протоиерей Волинский 20 июля представил конференции любопытный разбор их, который хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР.

Разбор свой Волинский начинает в торжественно напыщенном тоне: «Конференция сия в полном собрании членов ея, — писал он, — сего июля 4-го дня поручила мне представленную того же 4-го июля младшим профессором Белоусовым при рапорте его тетрадку преподаваемого им естественного права для прочтения и рассмотрения, не находится ли в содержимом оной тетрадкою правоучении чего-либо для юношеских умов или сомнительного, или сбивчи-

¹ В отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР этого рапорта нет. См. об этом в работе Н. А. Лавровского, Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине, Киев 1879, стр. 96—97.

² Там же.

³ Павел Иванович Волинский (1770—1839), протоиерей и законоучитель в нежинской гимназии с 1821 по 1829 г. Обучался в Киевской духовной академии и черниговской семинарии, с 1795 по 1803 г. был учителем в этой семинарии, с 1803 по 1821 г. — священнослужитель в Нежине.

⁴ Н. А. Лавровский, Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине, Киев 1879, стр. 97.

вого, или противного догматам веры либо государственным постановлениям»¹.

Волынскому были переданы Шапалинским для рассмотрения только конспекты лекций, представленные самим Белоусовым. Лавровский же утверждал, что одновременно Билевичем Волынскому были вручены конспекты лекций, которые Белоусов не признавал своими. Это свидетельствует о том, что Лавровский стремился, как мы уже говорили, смягчить политическую остроту дела, представить его как результат только личных враждебных отношений Белоусова с Билевичем.

Следовательно, Волынский рассматривал тетрадку лекций Белоусова, переданную самим Белоусовым, а не Билевичем. По мнению Волынского: «По прочтении и рассмотрении сей тетрадки г-на Белоусова, скрепленной исправляющим должность директора гимназии старшим профессором Шапалинским, оказались в некоторых местах оной мысли при научении юношества к сбивчивым и к ложным понятиям ведущие».

Обвинения Белоусова в политическом и религиозном «вольномудстве» Волынский изложил в последовательном порядке, сформулировав их в шести пунктах. Волынский писал: «В общем обозрении истории естественного права на странице 4-й и 5-й, говоря о началах права по системе Томазия², как-то о справедливом, честном и приличном, именует г-н профессор Белоусов сии начала неважными, тогда как справедливого и честного (начала. — Д. И.) закон божий держаться повелевает»³.

В конце изложения истории естественного права Белоусов, как утверждал Волынский, отдает предпочтение философской системе Канта перед другими системами: «... упоминается о критике чистого практического ума Канта (то есть «Критике чистого разума» Канта. — Д. И.) с приметным преимуществом оного пред прочими системами»⁴.

«Из лекций Белоусова, — продолжает далее Волынский, — можно сделать вывод, что «разум человеческий берется за начало правоучения естественного, без подчине-

¹ «Гоголиана» № 1369.

² Томазий Христиан (1655—1728) — немецкий юрист и философ.

³ «Гоголиана» № 1369.

⁴ Там же.

ния сего самого разума высшему закону, какова есть для всех творений и для самого человека воля божия»; «...такое начало, — заключает Волынский, — легко быть может обращено в худое направление юных умов»¹.

Второй пункт своей обвинительной рецензии Волынский начинает с критических замечаний по поводу определения Белоусовым самого предмета естественного права: «Предмет права есть то, чем человек посредством его права исключительно располагать может». Это определение Волынский считает неправильным, «ибо никак предполагать не можно никакого человеческого права прежде существования закона»².

Решительно возражает Волынский против положения Белоусова: «...предмет врожденных прав может быть только в самом человеке», которое Белоусов поясняет так: «...ибо по своему существованию в чувственном мире человек не имеет ничего, кроме себя, своей души и тела, следовательно, и предмет врожденных прав может только быть в нем самом».

«Такое положение, — замечает Волынский, — для неопытных умов юношеских небезопасно, ибо, во-первых, человек существует не в одном чувственном, но и в духовном мире, а сверх того, он имеет еще что-то более кроме себя, своей души и тела»³.

Прямым следствием этого неправильного, по мнению Волынского, понятия является и следующее утверждение Белоусова: «Человек имеет право на свое лицо, то есть он имеет право быть так, как природа образовала его душу и тело, а потому достоинство разумной природы в чувственном мире составляет ненарушимость лица».

В этом утверждении Волынский усматривает два вредных заблуждения: во-первых, Белоусов отрицает «всякое повиновение закону», во-вторых, — «уничтожается власть родителей на детей».

И главное, что подчеркивал Волынский, Белоусов все время говорит о чувственном мире. По Белоусову, заключал Волынский, «человек существует в чувственном мире» (то есть познает внешний мир через чувственные ощущения. — Д. И.); «достоинство разумной природы в чув-

¹ «Гоголиана» № 1369.

² Там же.

³ Там же.

ственном мире». «Такая неопределительная одним чувственным миром ограниченность ведет к заблуждениям материализма!»¹ — восклицал протоиерей Волынский.

Затем рецензент (в третьем и четвертом пунктах), излагая взгляды Белоусова на право собственности, полемизировал с ним по этому вопросу. Он решительно был не согласен с утверждением Белоусова о том, что «по прекращении владения (вещью. — Д. И.) всякий другой имеет право опять пользоваться вещью». «Сии положения, — заявлял Волынский, — отнимают и понятие, и возможность наследования во владении, на котором... основывается благосостояние семейств».

По мнению Волынского, параграфы 18, 34, 36, 37 лекций Белоусова о праве собственности «так изложены, что из оных видно равное право всех людей на сущность или на материя вещей даже в собственности чьей-либо находящихся»². (Подчеркнуто нами. — Д. И.)

В заключительной части своей рецензии Волынский рассматривает главу «об обидах» в лекциях Белоусова. Основные положения этой главы Волынский также считает порочными.

По мнению Волынского, Белоусов, говоря, «что всякий обидчик имеет юридические обязанности к вознаграждению», присовокупляет к сему следующее несправедливое положение: «...и обиженный сам определяет меру вознаграждения», а за сим непосредственно сказано: «...кто отказывается от вознаграждения, тот теряет свою неприкосновенность, составляющую, как выше сказано, достоинство разумной природы в чувственном мире»³.

Такой вывод, как думает Волынский, «ведет к неблагомыслию» и противоречит учению отцов церкви: «Блюдите да никто же зла за зло не воздаст».

Белоусов в лекциях проповедывал: «Обиженный имеет право на наказание того, кто его обидел». И эту мысль Волынский считал вредной «потому, что право наказания принадлежит не обиженному, а закону, иначе опять выйдет самоуправство и также война»⁴.

¹ «Гоголиана» № 1369.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Не менее вредным считал Волынский и следующее утверждение Белоусова: «...вынужденное обещание никогда не обязывает». По мнению Волинского, такое утверждение «может внушать юношеству вредное понятие насчет исполнения законных обещаний».

В заключительной части своего разбора лекций Белоусова Волынский делал вывод, что вредные поучения и утверждения Белоусова по естественному праву не соответствуют задачам воспитания юношества и «с самим благочестием несообразны», тем более, что в этих лекциях «нигде ничего не было препода-но о должностях к богу и к родителям, к наставникам, к начальству»¹. (Подчеркнуто нами.— Д. И.)

Таким образом, процитировав целый ряд отрывков из лекций Белоусова по естественному и народному праву и прокомментировав содержание лекций, протоиерей Волынский не только подтвердил утверждения Билевича о «вольнодумстве» профессора Белоусова, но и конкретно сформулировал обвинение Белоусова в политическом и религиозном «вольнодумстве».

5

Интересно отметить, что исполняющий обязанности директора нежинской гимназии старший профессор К. В. Шапалинский на протяжении более шести месяцев с момента подачи Билевичем (7 мая 1827 г.) первого рапорта о «вольнодумстве» Белоусова не сообщил об этом высшему начальству, не известил попечителей гимназии, а также умолчал о рапорте протоиерея Волинского от 20 июля того же года.

По всему ходу «дела» видно, что Шапалинский, симпатизировавший Белоусову, стремился «замять» «дело», не предавать его огласке, «спустить его на тормозах». Этим, повидимому, надо объяснить то, что Белоусов, несматривая на серьезность предъявленных ему обвинений с точки зрения официальных, правительственных воззрений на воспитание юношества, на протяжении четырех месяцев, вплоть до приезда в Нежин нового директора гимназии Ясновского,

¹ «Гоголиана» № 1369.

не представил конференции своих объяснений по поводу разбора его лекций Вольтером.

За это время в нежинской гимназии, при активном участии Гоголя, произошло любопытное происшествие. Мы уже говорили о страсти Гоголя к театру и о том, что он был одним из организаторов школьных спектаклей в Нежине, а также талантливым исполнителем ролей комических старух и стариков на этих спектаклях.

Увлечение Гоголя театром, несомненно, способствовавшее развитию в юноше его гениального дарования комедиографа-сатирика, вызывало враждебное отношение к нему консервативных педагогов — «профессоров-школяров», по его выражению, и прежде всего Билевича.

На этой почве между Гоголем и Билевичем 26 сентября 1827 г. произошло столкновение, которое нашло отражение в архивах нежинской гимназии.

Вот как это происшествие изложено в рапорте Билевича на имя конференции: 26 сентября 1827 г. в пятом часу вечера Билевич и его зять профессор греческого языка Х. Н. Иеропес, «возвращаясь из библиотеки, шли по коридору, к классам ведущему», увидели бегущего по коридору ученика и стали за ним наблюдать. Ученик подбежал «к дверям той залы, в которой учрежден театр и, приклонившись к замку тех дверей, позвал кого-то изнутри и сказал вслух: «свой», был тотчас впущен в оную залу, после чего двери опять с поспешностью затворили и ключем изнутри заперли»¹.

Иеропес подошел к двери и стал требовать, чтобы ему открыли дверь театральной залы. Однако находящиеся внутри зала это требование не выполнили. Тогда Билевич и Иеропес, «дабы не упустить из виду могущего в сем разе случиться чего-либо худого, решились обратиться к г. экзекутору сей гимназии и попросить его, чтобы он приказал отпереть оную дверь»².

По требованию экзекутора майора Шишкина дверь была открыта и трое вошедших (Билевич, Иеропес, Шишкин) увидели в зале Гоголя, а за кулисами и позади сцены театра в маленькой комнатке «еще четырех воспитанников гимназии: Маркова, братьев Пашенко и Гютена». В ответ

¹ «Гоголевский сборник», Киев 1902, стр. 366.

² Там же, стр. 367.

на вопрос Билевича к пансионеру Яновскому, «зачем они таились здесь и не отворяли дверей», Гоголь «вместо должного вины своей сознания, — писал Билевич, — начал с необыкновенной дерзостью отвечать мне свои разные суждения и при этом более, нежели сколько позволяют ученические границы благопристойности... Видя сильное его разгорячение и даже наглость в преследовании меня, я вместо наставлений ему до сего деланных начал уже просить его, чтобы он оставил меня; но он, как бы не слыша сего, с упорством до дверей и за двери преследуя меня с необыкновенной дерзостью, кричал против меня и сим возродил во мне сомнение, не разгорячен ли он каким-либо крепким напитком»¹.

В заключении своего рапорта Билевич отмечал, что давно знает Яновского, однако «никогда его таким дерзким и нахальным не видал», а поэтому он «оставляет его у себя на замечании впредь до исправления».

«Происшествие» в театральном зале гимназии немедленно стало известным инспектору Белоусову и К. В. Шапалинскому, и они решили воспользоваться ложным обвинением Гоголя в пьянстве для того, чтобы обуздать ретивого консерватора Билевича.

По указанию Шапалинского того же 26 сентября 1827 г. было созвано внеочередное срочное заседание конференции, подробный протокол которого гласит: «Сего двадцать шестого дня текущего сентября в восемь часов пополудни, г. исправляющий должность директора гимназии старший профессор и кавалер Казимир Шапалинский собрал экстраординарное собрание конференции, в присутствии всех гг. профессоров, также законоучителя протоиерея Волинского и доктора медицины Карла Фиблига, объявил: что причина необыкновенного сего собрания есть чрезвычайное происшествие, случившееся того дня в пятом часу пополудни, в гимназическом театре, где г. профессор Михаил Билевич пансионеров в театре бывших назвал пьяными, почему он, г. исправляющий должность директора, намерен действовать решительно и в полной конференции произвести следствие, дабы узнать посредством г. доктора Фиблига, точно ли пансионеры пьяные или были пьяные»².

¹ «Гоголевский сборник», Киев 1902, стр. 368.

² Там же, стр. 369.

После сообщения Шапалинского объяснения давал Билевич. Он устно доложил конференции обстоятельства «происшествия», изложенные им позже (2 октября 1827 г.) в письменном рапорте.

Билевич заявил, что пьяными он назвал не всех пансионеров, бывших в театральном зале, а только Гоголя, который грубо и дерзко с ним разговаривал. «Кажется, ты пьян», — сказал Билевич Гоголю. Потом, обратясь к профессору Иеропесу и экзекутору Шишкину и указывая на Гоголя, сказал: «посмотрите, как он нагло ко мне суется, мне кажется, он пьян»¹.

Иеропес и Шишкин подтвердили показание Билевича. После этого по приказанию Шапалинского и Белоусова были опрошены и освидетельствованы доктором медицины Фиблигом пансионеры: Яновский (Гоголь), Марков, Гютен, братья Тимофей и Андрей Пащенко. Все они были признаны доктором Фиблигом «не только трезвыми, но и без малейшего признака хмельных напитков».²

«По учинении расследования г. исправляющий должность директора гимназии старший профессор и кавалер Казимир Шапалинский предложил записать все сие в журнал конференции», что и было исполнено.

Шапалинский и Белоусов, поощрявшие театральные представления в гимназии, знали, что ни Гоголь, ни его товарищи пьяными не были. Чрезвычайный созыв конференции гимназии нужен был Шапалинскому и Белоусову для того, чтобы проучить ретивого консерватора, публично показать несостоятельность преследований им школьных спектаклей, защитить Гоголя от несправедливых нападков Билевича.

Именно так расценил сам Билевич действия Шапалинского и Белоусова, что видно из публикуемого нами рапорта Билевича на имя нового директора гимназии Д. Е. Яновского, поданного им 9 декабря 1827 г. Четвертый пункт этого рапорта гласит: «К вящей и грубой моей обиде с преклонностью б. исправляющего должность директора профессора Шапалинского к г. Белоусову сего 1827 года сентября 26 дня пополудни в 10 часу собрана была экстрординарная полная конференция, в которой к об[иде] моей и к соблазну учеников, призванных в конференцию и в

¹ «Гоголевский сборник», Киев 1902, стр. 370.

² Там же, стр. 371.

оной спрашиваемых, делано было формальное против меня следствие за то, что я вместе с гг. эзекутором гимназии и профессором Иеропесом, случайным образом увидевши некоторых пансионеров в той зале, где устроен театр, зашел туда, и нашедши их там без всякого надзора, сказал г. эзекутору, чтобы он объявил кому следует, что пансионер Яновский, находящийся в числе прочих без надзора в театральной зале, тут же своей дерзостью в словах против меня оказался неблагопристойным, о каком следствии над мной учиненном г. секретарю конференции со стороны г. исправляющего—должность директора приказано было написать журнал, по сему и я со своей стороны в объяснение этого обстоятельства должен был 2 октября сего же года подать в конференцию рапорт, из коего таковое обстоятельство и явствует»¹.

Как мы видим, в бытность Шапалинского исполняющим обязанности директора гимназии обстановка в гимназии, так же как и в годы управления Орлая, не благоприятствовала проискам реакционной профессуры. Шапалинский не давал хода обвинениям Белоусова в «вольнодумстве», не сообщал об этом начальству, продолжал поддерживать Белоусова, и, как только представился случай, он и Белоусов попытались обуздать реакционера Билевича.

Обстановка в гимназии резко изменилась, как только в Нежин, в начале октября 1827 г., приехал новый директор Д. Е. Ясновский (1769—1840). Ясновский был верно-подданным чиновником. В отличие от Орлая и Шапалинского, он до назначения директором гимназии никакого отношения к научно-педагогической работе не имел.

По характеристике И. Кулжинского, Ясновский был образованным человеком. Он окончил Киевскую духовную академию, хорошо знал языки. Все время, до назначения его директором нежинской гимназии, Ясновский служил — вначале в канцелярии малороссийского генерал-губернатора Румянцева-Задунайского, а после его смерти управлял большими украинскими поместьями его сына С. П. Румянцева.

Биография Ясновского написана Кулжинским в положительном тоне. Однако и из этой биографии, явно идеализирующей Ясновского, можно представить некоторые черты его личности.

¹ «Гоголиана» № 1368.

«Неоднократно Ясновский вспоминал и рассказывал», — писал Кулжинский, — что случай помешал ему поступить «в правители канцелярии к наследнику престола», будущему императору Александру, сделать большую карьеру. «Он был очень красив, мил, вкрадчив... дар слова имел необыкновенный, — продолжает Кулжинский, — и мог без усталости говорить о чем угодно и сколько угодно»¹.

Вот этот вкрадчивый краснбай и карьерист, ознакомившись с «делом», «принявшим, — как отмечал Н. А. Лавровский, — весьма злокачественный характер и угрожавшим большой ответственностью, решительно принял сторону противников Белоусова»².

Необходимо отметить, что этому в значительной мере способствовало грозное письмо, полученное 27 октября 1827 г. новым директором гимназии от и. о. попечителя Харьковского учебного округа Виельгорского: «До сведения моего дошло, — писал Виельгорский, — что в сей гимназии преподается естественное право не в том духе и не с той целью, как бы следовало, и что проф. Белоусов, увлекаемый личным неудовольствием, или другим чем, против проф. Билевича, входит при публичных экзаменах в такие споры, возражения и толкования, которые оскорбляют г. Билевича и служат к явному соблазну других, особенно учащихся»³.

Попечитель предложил директору принять меры к «устранению соблазна» и потребовал от него немедленного доставления в подлинниках относящихся к «делу» бумаг и представленных в канцелярию ученических тетрадей, а также объяснения, «какое со стороны конференции делано по всему тому распоряжение и почему она конференция не донесла ему доселе о вышеизложенных, столь важных... обстоятельствах», а также «кем и когда разрешено для гимназии обучение естественному праву после сделанного повсеместно в 1824 году запрещения преподавать оное в гимназии»⁴.

6

Немедленно после получения предписания попечителя Харьковского учебного округа Ясновский предложил кон-

¹ «Лицей кн. Безбородко», СПб. 1881, стр. 208.

² Н. А. Лавровский, Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине, Киев 1879, стр. 103—104.

³ Там же.

⁴ Там же.

конференции «учинить распоряжение об отобрании у учеников всех тетрадей и записок, касающихся до естественного права, какие бы они не были, так как с одной стороны из поданного г. законоучителем Волинским в конференцию рапорта явствует, что он в ученических тетрадях о естественном праве находит некоторые выражения сомнительными, а с другой и сам проф. Белоусов в поданных им в конференцию бумагах объясняет, что тетрадки, под именем его изъяснений или замечаний, не сообразно его изъяснениям составлены»¹.

Ясновский не ограничился этим распоряжением. Для установления подлинности и содержания записок лекций проф. Белоусова, якобы отобранных Билевичем у двух учеников гимназии и переданных им конференции еще 18 июля 1827 г., которые Белоусов в рапорте от 30 сентября не признавал своими, был произведен допрос учеников, слушавших лекции Белоусова.

Допрос этот производился с 29 октября по 3 ноября 1827 г. в присутствии всех членов конференции. Допрошены были 10 учеников гимназии, в их числе и ученик девятого класса Николай Гоголь-Яновский. Оригиналы показаний всех этих учеников хранятся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР.

Первым был допрошен восемнадцатилетний ученик восьмого класса Федор Михно, который утверждал, что «тетрадь под буквою «Б» о праве естественном, на которой он приметил подпись Новохацкого, точно имел он у себя и с нее списывал, а другой тетради Новохацкого, г-м Билевичем в конференцию представленной, он не узнал и у себя оной не имел».

Далее Михно показал, что «профессор Белоусов спрашивал и объяснял введение в естественное право большей частью с тетрадью, и самое естественное право объяснял по тетради собственной; под именем же введения понимает он, Михно, [понятие] естественного права и историю оного».

31 октября конференция гимназии допросила ученика восьмого класса Александра Новохацкого. Он «признал своими тетради под буквами «А» и «Б», на которых написано «Естественное право». Дальше в своем показании Новохацкий объяснил конференции, как его тетради под

¹ Н. А. Лавровский, Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине, Киев 1879, стр. 104.

буквами «А» и «Б» попали в руки профессора Билевича. Кроме того Новохацкий показал, что «у него была тетрадь истории естественного права и самое естественное право, списанное, по приказанию профессора Белоусова, с начала учебного года с записок прошлого курса, принадлежавших пансионеру Яновскому и отданных в пользование Кукольнику; каковая тетрадь сего октября предпоследних чисел отдана им по спросу профессору Белоусову».

Ученик восьмого класса гимназии Нестор Кукольник в показаниях 1 ноября 1827 г. подтвердил, что у него были тетрадки пансионера Яновского, написанные по диктовке с тетрадок профессора Белоусова, что эти тетрадки он переписал «без всяких прибавок».

3 ноября 1827 г. был допрошен ученик девятого класса Николай Гоголь-Яновский. Протокол его очень короткого показания гласил: «1827 года ноября 3-го дня ученик 9-го класса Николай Яновский, 19-ти лет, призван будучи в конференцию, показания Новохацкого подтвердил в том, что он тетрадь истории естественного права и самое естественное право отдал в пользование Кукольнику; сверх того Яновский добавил, что объяснения о различии права и этики профессор Белоусов делал по книге. К сему показанию собственноручно подписался Николай Гоголь-Яновский».

Показание Гоголя свидетельствует о его стремлении «выгородить», «не выдавать» своего любимого профессора. Белоусова обвиняли главным образом в том, что он руководствовался в чтении курса естественного и народного права не официально рекомендованными учебными пособиями, а своими собственными неблагонадежными записками.

Ученики гимназии Федор Михно, Николай Родзянко показали, что Белоусов читал лекции по своим запискам. Пансионер Петр Горонович заявил, что он «не помнит, приносил ли профессор книгу» для разъяснения различия права от этики и характеристики вспомогательных наук. В противовес этим показаниям Гоголь заявил, что «объяснения... профессор Белоусов делал по книге», то есть по учебному пособию. Текст показания Гоголя публиковался Н. А. Лавровским¹, И. А. Сребницким² и другими, одна-

¹ Н. А. Лавровский, Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине, Киев, 1879.

² «Гоголевский сборник», Киев 1902.

«о никто из них не обратил внимания на то, что в тексте протокола допроса Гоголя зачеркнуты три с половиной строки.

Первоначальный текст показания Гоголя, составленный, видимо, директором гимназии Яновским, гласил: «1827 года ноября 3-го дня ученик 9-го класса Николай Яновский, 19-ти лет, призван будучи в конференцию, подтвердил показание Новохацкого, что у него, Новохацкого, была тетрадь истории естественного права и самое естественное право, списанное по приказанию профессора Белоусова с начала учебного года с записок прошлого курса, принадлежащих ему, Яновскому».

Гоголь, повидимому, отказался подписать протокол в такой редакции, он просил зачеркнуть в показаниях фразу о том, что его записки, находившиеся у Новохацкого, были списаны по приказанию профессора Белоусова с начала учебного года с записок прошлого курса, который читал Белоусов, и лишь только после внесения в текст протокола этих существенных изменений Гоголь подписал показание. Это обстоятельство лишний раз подтверждает стремление Гоголя оправдать своего учителя.

Протоколы допроса учеников старших классов гимназии показывают, что в орбиту «дела о вольнодумстве» были втянуты профессорско-преподавательский состав и студенты (так назывались ученики старших классов гимназии). Гоголь был одним из самых активных в группе студентов, принимавших живое участие в судьбе своего учителя.

Активно действовал, чтобы выручить профессора Белоусова, и ученик восьмого класса Нестор Кукольник. Он признал своими восемь тетрадей с записками по естественному праву и только в отношении одной тетрадки показал, что она переписана с тетради ученика девятого класса Яновского, написанной под диктовку с тетради проф. Белоусова. Остальные семь, по заявлению Кукольника, составлены были им самим как материал для диссертации о естественном праве, причем он якобы использовал для этого произведения Вольтера, Руссо и Канта.

Гоголь не изменил своего отношения к Белоусову до конца своей жизни, Кукольник же перед выпускными экзаменами в гимназии, в июне 1829 г., когда расследование «дела о вольнодумстве» приняло для Белоусова еще более

угрожающий оборот, не только полностью отказался от своих показаний 1827 г., но и очернил своего учителя.

В рапорте на имя директора гимназии Ясновского двадцатилетний Кукольник, опасаясь, что его прежние показания испортят ему аттестат и будущую карьеру, всячески оправдывался, изображая себя наивным младенцем, а Белоусова, который был только на девять лет старше Кукольника, — опытным злодеем-искусителем. Рапорт Кукольника интересен и в филологическом отношении. В нем есть черты того напыщенного риторического стиля, которым отличался позже Нестор Кукольник, будущий автор многочисленных казенно-патриотических популярных в официальных кругах трагедий, осмеянных Гоголем.

«Находясь в ближайшем надзоре и власти инспектора, — писал Кукольник, — будучи молодым и неопытным, страшась и избегая преследователей, приведен был в горестную необходимость отвечать неисправно и принимать на себя обстоятельства, о которых не имел ни малейшего понятия. В сем положении, не желая подвергнуться негодованию, а с другой стороны остаться в ответственности, я хотя и решился принять много на себя, но в то же время показать таким образом, чтобы конференция легко удостоверится могла в невероятности моих показаний, а через то удостоверились в моей невинности. Ныне, оставляя, по окончании полного курса наук, гимназию и будучи совершенно свободен, нахожу необходимым объяснить с совершенною искренностию прежние мои ложные показания, в полной мере уничтожая и опровергая оные, а через то оправдать себя и очистить от всякого пятна трудов мои, коих вы, начальник мой и благодетель, были ближайшим свидетелем, а также поведения моего, ничем в течение всего времени пребывания моего в гимназии не помраченного»¹.

Далее Кукольник указывал, что он «не воображал, чтобы в оных (записках. — Д. И.) могло находиться что-либо вредное», а инспектор (Белоусов. — Д. И.) его об этом никогда не предупреждал и никогда не предлагал исправить или уничтожить какие-либо вредные записи. В конце своего заявления Кукольник изъявлял готовность присягой подтвердить истину своего настоящего показания.

---

¹ Н. А. Лавровский, Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине, Киев 1879, стр. 114.

Допрос учеников нежинской гимназии, произведенный с 29 октября по 3 ноября 1827 г. в присутствии всей конференции, не только не разрядил напряженной обстановки в гимназии, а, наоборот, еще более накалил атмосферу, обострил взаимоотношения между прогрессивной и реакционной частью профессорско-преподавательского состава.

В этой обстановке проф. Белоусов был вынужден давать объяснения по поводу разбора его лекций, сделанного протоиереем Волинским еще в июле 1827 г.

29 ноября 1827 г. Белоусов представил конференции обстоятельные объяснения, которые в настоящее время хранятся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР и публикуются нами полностью впервые.

Показания Белоусова пострадали во время пожара здания бывшего нежинского лицея. Однако большая часть их, 22 страницы, написанные мелким почерком Белоусова, сохранилась. Их удалось прочитать почти полностью.

Рассматривая показания Белоусова, необходимо иметь в виду, что Белоусов, зная, чем грозит ему обвинение в «вольномудстве», был вынужден оправдываться, доказывать свою благонадежность. И все же его показания свидетельствуют, во-первых, о прогрессивности его мировоззрения, во-вторых, о его широких, для своего времени, знаниях и незаурядных юридических и полемических способностях.

В начале своего рапорта на имя конференции гимназии Белоусов изложил обстоятельства возникновения «дела». Тут же указал, что он и члены конференции были «того мнения, что сам о. Павел не сможет сделать им (запискам Белоусова. — Д. И.) надлежащего рассмотрения». Однако, поскольку Белоусов был уверен, что в них нет ничего, «могущего поселить вольномудство», то он не возражал против передачи лекций протоиерею Волинскому.

По мнению Белоусова, «вольномудство» может быть двойного рода: «одно против веры», а другое — «против правительства». «Веры же, — как утверждал Белоусов, — его записки ни в чем не касаются, против правительства же могло ли быть что-либо там, где доказывается, что повиновение законам государства есть первая и единственная обязанность гражданина»¹.

¹ «Гоголиана» № 1367.

После этих, пока еще голословных, не подтвержденных текстом своих лекций утверждений Белоусов перешел к полемике с Волынским и Билевичем.

«Протоиерей Волынский, хотя и не делал разбор запискам, но подписал рапорт, в коем тот разбор сделан, не желая видеть связь и совокупность мыслей,— писал Белоусов,— вырывая некоторые только места из записок и то часто изменяя [и] произвольно смысл оных толкуя».

Далее Белоусов отмечал, что свои нападки Волынский обратил в основном «против права естественного, чистого, в коем излагаются только внешние права по одной природе человека, по одному существованию его в чувственном мире принадлежащие ему, между тем как все чистое право взято из того автора, коим руководствовались в преподавании права естественного и в Киевской, на особых правах состоящей гимназии, из коей я будучи переведен в здешнюю начал читать по тому же автору и то с величайшей осторожностью»¹.

Расхвалявая далее автора учебного пособия по естественному праву, которым якобы пользовался Белоусов, он нигде не называет ни его имени, ни имени переводчика этого пособия на русский язык, ни имени того, кому переводчик посвятил свой труд. Обо всем этом Белоусов говорил иносказательно: «Небольшое творение автора, взятого мною за руководство, под названием «*Jus naturae*» переведено в С. Петербурге, ныне публичным ординарным профессором одного из российских университетов и посвящено тому, коего заслуги по учебной части в России для нас драгоценны, коего сведения употреблены были при воспитании всеавгустейшего монарха нашего, удивляя мудростию и правосудием весь образованный мир, и сей перевод, как говорит общее мнение между учеными, предпринят по поручению того, кому оный посвящен. Следовательно, я имел надежного автора при преподавании»².

Сославшись, таким образом, на авторитет переводчика и благонадежность того, кому труд был посвящен, хотя они к содержанию работы не имели никакого отношения, и не называя их имен, Белоусов далее говорит не о содержании рапорта, а дает характеристику его стиля: «Самое начало рапорта о. Павла, написанное с какою-то особенной

¹ «Гоголиана» № 1367.

² Там же.

пышностью, может удобно показать, что тут не истины, а чего-то другого ожидать должно», — отмечал Белоусов.

Прочитывая приведенное нами выше начало рапорта Волинского (см. стр. 285 этой главы), Белоусов замечал: «Сие столь напыщенное начало заставляет уже сомневаться, что не о. Павел писал рапорт. Как духовная особа и как старик, он мог бы выразиться с большею простотою, найпаче не принимать на себя то, чего выполнить не в состоянии»¹.

«Кто привык, рассматривая слог, замечать характер пишущего, — продолжал далее Белоусов, — пред тем не может скрыться заключающаяся в сих словах какая-то злобная радость, что, наконец, сии записки вверены о. протоиерею и можно будет под именем духовной особы разобрать их по предложенной цели»².

Руководствуясь правилом, что нападение — лучший способ защиты, Белоусов обвинил своего рецензента протоиерея Волинского в нескромности, изворотливости, пристрастии и даже неблагомыслии. «О. протоиерею и по сану своему, и по летам можно было рассматривать записки скромно, не прибегая к таким средствам и изворотам, какие показывают неблагомыслие и пристрастие высокой степени»³, — писал Белоусов.

Охарактеризовав таким образом своего оппонента, Белоусов вступает в полемику с ним. Прежде всего Белоусов отмечает, что уже в первом пункте своих замечаний на его лекции Волинский недобросовестно толкует его выражения, искажает их смысл.

Прочитывая замечание Волинского «...говоря о началах права по системе Томазия, как-то о справедливом, честном и приличном, именует г. профессор Белоусов сии начала не важными, тогда как справедливого и честного (начала. — Д. И.) закон божий держаться повелевает», Белоусов заявляет, что в записках неважно названа система Томазия, а не честное и справедливое начало.

Немецкий юрист и философ-просветитель Христиан Томазий (1655—1728) в свое время был пропагандистом рационального познания, он проповедывал необходимость разграничения богословия и мирских знаний. Однако его

¹ «Гоголиана» № 1367.

² Там же.

³ Там же.

политические идеалы были ограниченными и не выходили за пределы абсолютной монархии.

Белоусов считал философскую систему Томазия, изложенную главным образом в его труде «Основы естественного права» (1705 г.), устаревшей.

В своем рапорте от 20 ноября Белоусов пояснял, что он назвал систему Томазия «неважною», в частности потому, что Томазий этику, или учение о нравах, смешивал с естественным правом. Полемизируя по этому вопросу с Воынским, заявлявшим, что Белоусов «игнорирует божественные начала», Белоусов замечал: «Можно взять в систему самые лучшие божественные начала, но система не сделается от этого лучшею, ежели сии начала или не все к ней принадлежат или не преподаны надлежащим образом. История философских систем всех веков убедительно нам сие доказывает»¹.

Оспаривал Белоусов утверждение Воынского о том, что якобы он, Белоусов, в своих лекциях отдает предпочтение философской системе Канта перед другими системами.

«Кант мною ни расхвален, ни опорочен», — писал Белоусов. В доказательство этого он приводил цитату из своих лекций, в которой, по его утверждению, он объективно изложил значение философской системы Канта: «Кант своею критикою чистого и практического ума сделал совершенный переворот в философии германской. Его критический метод философствования имел влияние на все науки, а следовательно, в особенности на этику и естественное право»².

Для того чтобы убедить конференцию в пристрастности к нему Воынского, Белоусов в полемике с ним применил довольно своеобразный прием. По целому ряду пунктов обвинения он не столько опровергал их, сколько доказывал, что в лекциях по естественному праву его противника Билевича, полностью одобренных протоиереем Воынским, эти положения естественного права изложены еще в большей мере «неблагодарно», чем у него. В частности, отводя обвинение в сочувствии системе Канта, Белоусов замечал: «Если же тут о. Павел хочет мне поставить в вину, что в истории естественного права

¹ «Гоголиана» № 1367.

² Там же.

отдается приметное преимущество Канту или его философии, то из записок г. Билевича, во всем одобренных о. Павлом, преимущество сие гораздо виднее»¹.

Лекции проф. Билевича представляли примитивный эклектический сплав различных философских, часто даже противоречивых взглядов. Белоусов воспользовался невежеством Билевича для того, чтобы обезоружить своих политических противников, повернуть огонь, направленный против него, в сторону Билевича и Волинского.

И надо отметить, что эта тактика Белоусова увенчалась успехом. В следующем рапорте на имя нового директора гимназии Ясновского, поданном 9 декабря 1827 г., Билевич подробно перечисляет «обиды и оскорбления», нанесенные ему Белоусовым, однако ничего уже не говорит о его «вольнодумстве».

Вынужденный защищаться и доказывать свое «благомыслие», Белоусов, вместе с тем, не отказался от ряда принципиальных своих взглядов, высказанных в его лекциях.

Решительно берет под защиту Белоусов свое убеждение о том, что человек существует в чувственном, то есть видимом, осязаемом материальном мире.

В ответ на замечание Волинского, что это положение опасно для умов юношества, «так как человек существует не в одном чувственном, но и духовном мире», Белоусов заявлял, что он «рассматривает в лекциях только такие права, кои человеку, как существу чувственно разумному, принадлежат по одному его существованию в чувственном мире». Что же касается «духовного мира» (в понимании Волинского, мира, связанного с «духовными», то есть церковными, религиозными представлениями), то эта сфера не имеет отношения к естественному праву, — говорил Белоусов. «В том-то и состоит достоинство автора, коим я руководствовался, — писал Белоусов, — что он с точностью отделил естественное право от того, что к нему не принадлежит»².

Обвинения Волинского в том, что ограниченность философских взглядов Белоусова только «чувственным миром... ведет к заблуждениям материализма», Белоусов оставляет без ответа.

¹ «Гоголиана» № 1367.

² Там же.

Не менее решительно защищает Белоусов и положение. «Человек имеет право на свое лицо, то есть он имеет право быть так, как природа образовала его душу и тело, а потому достоинство разумной природы в чувственном мире составляет ненарушимость лица». Это утверждение, по мнению Волинского, могло привести к «отрицанию всякого повиновения закону».

Возражая Волинскому, Белоусов замечает: «Нет нигде закона положительного, который бы запрещал человеку быть так, как природа образовала его душу и тело, напротив, законы положительные охраняют найпаче врожденные права человека»¹.

Эта мысль, так же как и предыдущая («человек существует в мире чувственном»), имела глубокий философский и социальный смысл. Она означала, что Белоусов признает только положительные, то есть прогрессивные законы, которые охраняют право человека быть свободным «как природа образовала его душу и тело», и отрицал законы реакционные, утверждавшие крепостное право и всю самодержавно-крепостническую систему, основанные на угнетении и закабалении людей, свободных по своей природе.

В таком же духе построены возражения Белоусова и по другим пунктам обвинения. Он не признает ошибочным ни одно из положений своих лекций и оспаривает толкование этих положений Волинским.

По поводу обвинений его Волинским в том, что он «сокрушает право собственности, на котором основывается благосостояние семейств», и проповедует равное право всех людей на материальные блага, Белоусов замечает: «...не должно забывать, что наследство почитается неестественным по гражданским способам приобретения обладания»².

Далее, разъясняя свои взгляды на право собственности, Белоусов снова ссылается на положительные, то есть прогрессивные законы. Он указывает, что в его лекциях сказано: «...для завладения потребно, чтобы вещи никому не принадлежали, ибо очевидно, что чрез такое только завладение мы ничьих прав не нарушаем»³.

---

¹ «Гоголиана» № 1367.

² Там же.

³ Там же.

Он говорил, что естественное право основывается не на понятии наследственной собственности на вещи, а «на понятии о передаче». Таким образом, и в своих показаниях Белоусов в завуалированной форме продолжал пропагандировать равноправие людей «в завладении» вещью и, следовательно, отрицал наследственные права помещиков на земли и на крестьян и выступал против вековых устоев самодержавно-крепостнического строя.

К сожалению, показания Белоусова обрываются на 23 странице, и нам не известно, как защищал Белоусов свои революционные, в условиях того времени, взгляды о том, что «обиженный имеет право на наказание того, кто его обидел», и «все врожденные права находятся для всех людей в безусловном равенстве». Проследив, однако, систему взглядов Белоусова, ход его рассуждений по основным вопросам естественного права, мы можем предположить, что и это утверждение Белоусов не признал ошибочным.

Таким образом, есть все основания сделать вывод, что показания Белоусова, в которых он вынужден был всячески маскировать свои подлинные убеждения и доказывать свою благонадежность и приверженность официальным философским системам, все же вполне отчетливо свидетельствуют о безусловной прогрессивности его политических и философских взглядов.

8

Все материалы делопроизводства по «делу о вольнодумстве», а именно: рапорты Билевича, Волинского, показание Белоусова, протоколы допросов учеников вместе с объяснением конференции были направлены попечителю Харьковского учебного округа Виельгорскому 30 декабря 1827 г. согласно его требованию от 27 октября того же года. Однако толки о «деле» в связи с этим не только не прекратились, а, наоборот, интерес к нему возрос еще больше.

Слухи о «вольнодумстве» профессора Белоусова и некоторых учеников гимназии вышли за пределы гимназии и самого Нежина, проникли в Чернигов и другие города Украины.

Весной 1828 г. директору гимназии Ясновскому стало известно, что у профессора Белоусова есть единомышленники в среде преподавателей гимназии.

В связи с этим Ясновский с 17 по 29 мая 1828 г. вновь допросил некоторых учеников гимназии. На этот раз допрос был произведен не в присутствии всей конференции гимназии, а самим директором.

Во время вторичного допроса ученик восьмого класса Алексей Колышкевич 18 мая 1828 г. показал, что в 1826 г. профессор немецкой словесности Зингер¹, переводя и комментируя статью Канта о высоком и земном, заявил, что «частицы креста, носимые на шее, и самые мощи суть глупость».

Ученик девятого класса Александр Котляревский, услышав это заявление, заметил: «у нас в России читать так нельзя, а тем более с кафедры», в ответ на это Зингер выразил уверенность, что он «имеет дело с благородными людьми», которые не донесут о его замечаниях².

Опрошенный Александр Котляревский подтвердил это и добавил, что Зингер «часто заменял лекции рассуждениями политическими», которые прекратились с приездом директора Ясновского³.

Егор Котляревский, ученик девятого класса, подтвердил показание брата. Оба передали директору для рассмотрения конспекты лекций по немецкой словесности, в которых Ясновский усмотрел выражения, направленные против канонов греко-российской церкви.

В число подозреваемых в «вольномудстве» попал и профессор французской словесности Иван Яковлевич Ландражин.

Ландражин, окончивший курс наук в парижском фило-техническом училище, преподавал французскую словес-

---

¹ Фридрих-Иосиф (Федор Осипович) Зингер получил образование в Львовском университете (1804—1809). В нежинскую гимназию на должность профессора был назначен в июле 1824 г. В начале 1819 г. Зингер баллотировался для поступления в ревельскую ложу масонов (показание Зингера от 29 июня 1826 г.). По отзыву учеников гимназии, Зингер читал немецкую словесность и был популяризатором произведений Шиллера и Гете и других прогрессивных немецких писателей.

² Нежинский филиал Черниговского областного государственного архива, дело 180а, лист 131. В дальнейшем в тексте будут указываться только номера листов этого дела.

³ Там же.

ность в нежинской гимназии с июля 1822 г. По отзыву учеников, Ландражин был человеком прогрессивных убеждений.

До 1822 г., вплоть до закрытия масонских лож, Ландражин состоял членом вначале минской ложи под названием «Rochodnia polnospa», а затем киевской ложи «Соединенных славян»¹, о которой В. И. Семевский писал, что название ложи напоминало о тайном декабристском обществе «Соединенных славян»².

Во время вторичного допроса ученик Кольшкевич показал, что Ландражин раздавал ученикам для чтения сочинения Вольтера, Гельвеция, Монтескье, Локка и др.

Ученик шестого класса Александр Змиев сообщил директору 20 мая 1828 г., что он, когда Ландражин предложил ученикам по их выбору перевести на французский язык поэтические произведения, перевел стихи Кондратия Рылеева, «касающиеся до призывания к свободе», полученные им от бывшего ученика шестого класса Мартоса, служившего во 2-м уланском украинском полку. На вопрос директора, какие именно стихи были переведены, Змиев ответил, что не помнит.

Ученик Алексей Кольшкевич, присутствовавший при допросе Змиева, рассказал, что он помнит содержание стихов Рылеева, и, по предложению директора, написал их, заявив при этом, что стихи Рылеева знали и читали кроме Мартоса и другие ученики гимназии.

Дальнейшим расследованием было установлено, что перевод революционных стихов Рылеева, сделанный учеником Змиевым, проф. Ландражин оставил у себя.

Таким образом, группа прогрессивной профессуры в нежинской гимназии состояла из Н. Г. Белоусова, К. В. Шапалинского, И. Я. Ландражина, Ф. О. Зингера. К этой группе примыкали Семен Матвеевич Андрущенко (1782—1850), младший профессор латинской словесности и ученый секретарь конференции гимназии, а также молодой профессор естественных наук Никита Федорович Соловьев (1801—1837), окончивший Петербургский университет в 1825 г. и в том же году рекомендованный Орлаю ректором университета Зябловским.

¹ Показания И. Я. Ландражина от 28 июня 1826 г. (журналы конференции нежинской Гимназии высших наук).

² В. И. Семевский, Декабристы-масоны в минувших годах, 1908, стр. 152—154.

Во время вторичного допроса учеников гимназии в мае 1828 г. директор Ясновский проявил всю свойственную ему ловкость, вкрадчивость и красноречие. На этот раз ему удалось собрать против Белоусова достаточно веские улики.

После долгих уговоров со стороны директора ученик девятого класса Егор Котляревский показал, что в 1826 г., когда он был в седьмом классе, проф. Белоусов, говоря о верховной власти, обратился к ученикам с вопросом: «Что, если государь дурак, подлец, то что вы думаете с ним?» (то есть, как следует с ним поступить?). Ученики молчали, и Белоусов сказал: «Ну, изгнать его, убить» (лист 41).

Это показание Егора Котляревского 29 мая 1828 г. подтвердил его брат, ученик того же седьмого класса Николай Котляревский, который уточнил формулировку вопроса и ответа Белоусова. По его словам, Белоусов, говоря о верховной власти, спросил учеников: «Если представитель народа — государь — подл и во зло употребляет вверенную ему от народа власть, то что с ним должно делать?» Так как ученики молчали, то на поставленный вопрос ответил сам профессор Белоусов. Он сказал, что «можно такого государя низвергнуть, убить» (лист 41).

Далее Николай Котляревский заявил, что эти слова профессора Белоусова должны были слышать все ученики тогда седьмого класса, а теперь девятого (следовательно, и Гоголь), «но всех больше заметил сии профессорские слова, — подчеркнул Котляревский, — ученик Иван Сушков, находящийся теперь в Харьковском университете, ибо он, Сушков, вышедши из класса, имел суждение о тех профессорских словах».

Революционные мысли проф. Белоусова в отношении царя в том же 1827 г. стали известны в Нежине и Чернигове.

Это обнаружилось во время допроса Ясновским 17 мая 1828 г. ученика восьмого класса Ефима Филипченко, который показал, что 25 декабря 1827 г. он со своим родным братом Петром Филипченко — учителем нежинского поветового училища был в доме дворянина Гаевского, проживающего в Нежине, и находившийся там землемер Подга-

евский в беседе с братьями Филипченко сказал, что слышал, «будто проф. Белоусов на лекции говорил ученикам, что ежели государь дурак и подлец, то можно его изгнать и убить» (лист 42).

Ученик восьмого класса Алексей Кольшкевич сообщил во время допроса директору Ясновскому о том, что слухи о словах Белоусова проникли в Чернигов. Кольшкевич показал, что он осенью 1827 г. «виделся в Нежине с служащим в черниговской казенной палате чиновником Тищинским, который ему говорил, что худые слухи в Чернигове о нем, Кольшкевиче, носят, что чуть ли он с некоторыми учениками и проф. Белоусовым не поедет в кибитке (в Сибирь. — Д. И.). Он, Кольшкевич, спросил Тищинского: да за что же? Тищинский ответил, что проф. Белоусов читал на кафедре, что «если государь подл, то можно его убить». Когда же Кольшкевич спросил Тищинского, от кого он о том слышал, то Тищинский сказал, что сие у них известно и что глас народа — глас божий» (лист 41).

Далее Кольшкевич показал, что сам он от профессора Белоусова не слышал слова о государе, переданные ему Тищинским, так как в 1827 г. он, Кольшкевич, обучался не в седьмом, а в шестом классе. При этом Кольшкевич добавил, что во время разговора его с Тищинским осенью 1827 г. присутствовал ученик седьмого класса Александр Котляревский.

Опрошенный Ясновским 19 мая 1828 г. ученик Александр Котляревский подтвердил, что в показаниях Кольшкевича верно передан разговор Кольшкевича с Тищинским.

В своем донесении на имя высшего начальства директор гимназии Яновский, комментируя показания учеников гимназии, указал, что Ефим Филипченко и Алексей Кольшкевич не учились в одном классе с братьями Котляревскими¹ и, следовательно, лично они не могли слышать слов Белоусова о монархе.

На лекциях проф. Белоусова по естественному праву в 1826 г., продолжал далее Яновский, присутствовали ученики седьмого класса Николай Григоров, Владимир Марков, Николай Миллер, Николай Яновский (Гоголь),

---

¹ Ефим Филипченко окончил нежинскую гимназию в 1829 г., на год позже Гоголя.

Андрей Божко, Иван Сушков, Яков Бороздин — все они, по мнению Ясновского, должны были слышать «непристойные» выражения Белоусова по адресу представителя верховной власти.

Интересно отметить, что Ясновский, зная о близости Гоголя к Белоусову, о сильной привязанности Гоголя к своему учителю и наставнику, не считал целесообразным вторично допрашивать Гоголя, видимо не рассчитывая, что ему удастся, несмотря на все свое искусство «уговаривать», получить от Гоголя показания против Белоусова. Кроме того, Ясновский «опасался, — как он сам отметил, — открыв преждевременно сие дело, подвергнуть учеников Филиппченко, Котляревских и Павла Гороновича (дonesших на Белоусова. — Д. И.) неприятности» со стороны Гоголя и других близких к Белоусову учеников.

И после вторичного допроса учеников в мае 1828 г., перед выпускными экзаменами, борьба между прогрессивной и реакционной группой профессоров нежинской гимназии не только не прекратилась, но достигла своего наибольшего напряжения, причем необходимо подчеркнуть, что ученики старших классов гимназии не только были в курсе всех перипетий по «делу о вольнодумстве», но и сами принимали участие в этой борьбе, главным образом на стороне прогрессивной части профессуры.

10

Развязка «дела о вольнодумстве», которое возникло в 1827 г., наступила лишь через три года. В феврале 1830 г. в Нежин прибыл из Петербурга член главного правления училищ Э. Б. Адеркас, командированный министром народного просвещения и духовных дел, с особыми полномочиями для производства секретного следствия по «делу».

Адеркас, еще в Петербурге ознакомившись с материалами по «делу», в Нежине на протяжении почти трех месяцев, вплоть до 15 мая, занимался его расследованием.

Во время пребывания Адеркаса в Нежине поведение Белоусова не изменилось. Он продолжал держать себя так же смело и самоуверенно, не признавая себя ни в чем виновным, все время полемизируя и опровергая обвинения со стороны Ясновского и реакционных преподавателей гимназии.

Самую активную помощь Адеркасу в расследовании

«дела о вольнодумстве» оказал директор гимназии Ясновский; о чем свидетельствуют черновые материалы, обнаруженные нами в нежинском филиале Черниговского областного государственного архива¹.

Черновые материалы по «делу о вольнодумстве», большей частью написанные рукой Д. Е. Ясновского, хранились в большом пакете из плотной оберточной серой бумаги, на котором сохранились семь сургучных печатей. На пакете рукой Ясновского надпись: «Черновые бумаги, которых подлинники поданы директором Ясновским г. действительному статскому советнику Адеркасу, производившему следствие в Гимназии в[ысших] н[аук] к[нязя] Б[езбородко] о преподавании права естественного и о прочем. Дело сие производилось по секрету. Бумаги сии сданы числом 91 в тетрадах, листах, полулистах и лоскутках 20 мая 1835 года г. исправляющему должность директора лицея Н. Б. Мойсееву. Директор Д. Ясновский».

Шаг за шагом проследил консерватор Ясновский обстоятельства этого «дела» и изложил свое мнение в донесениях на имя Адеркаса.

В своих донесениях Ясновский называет лекции проф. Белоусова по естественному праву весьма вредными и опасными для юношества и подвергает их резкой критике.

Пространно говоря о своих верноподданнических чувствах, Ясновский в своих выводах писал, что лекции Белоусова противоречат уставам «учебных заведений его величества, которые полагают главнейшим основанием веру, благочестие и страх божий, а потом полезные науки и искусства» (лист 59).

Ясновский не только подтвердил обвинения Белоусова в политическом и религиозном «вольнодумстве», но и дополнительно сформулировал эти обвинения по ряду пунктов.

Кроме того, как мы уже говорили, Ясновскому во время вторичного допроса в мае 1828 г. учеников гимназии Ефима Филипченко, братьев Котляревских и Павла Гороновича удалось собрать против Белоусова веские улики по обвинению его в революционном призыве к царевубийству.

Адеркас потребовал от Белоусова объяснений по существу предъявленных ему обвинений. Такие объяснения

¹ Дело № 180а.

Белоусов представил в письменном виде 27 апреля 1830 г. К сожалению, они до нас не дошли. Ознакомившись с показаниями Белоусова, Адеркас предложил Ясновскому рассмотреть их и изложить свое мнение. Ясновский ревностно исполнил это предложение и представил Адеркасу подробную докладную записку-донесение.

В начале своего донесения Ясновский вспоминал, что он «вскоре по прибытии на должность в октябре м-це 1827 года увидел из бумаг, что проф. Белоусов должен иметь у себя отобранные им у пансионеров книги и сочинения... весьма вредного содержания, напомнил ему, что он обязан взнести их в конференцию, а когда сего в надлежащее время им не учинено, то предложил бы он те сочинения мне, но пр. Белоусов от того уклонялся, изговаривался, что он имеет причины удерживать оные у себя» Наконец, когда он принужден был потребовать у Белоусова передать ему вредные сочинения, — продолжал далее Ясновский, — то Белоусов отвечал, что «у него никаких книг и сочинений, отобранных у пансионеров, нет» (лист 50).

Сформулировав таким образом обвинения против Белоусова в укрывательстве литературы «вредного содержания», Ясновский отмечает дальше, что пансионер Кукольник представил ему «в присутствии инспектора Белоусова свою тетрадь, наполненную листами и правилами пагубными» (лист 50).

Напомним, что тетрадь пансионера Кукольника, как видно из его показания от 1 ноября 1827 г., была переписана «без всяких прибавок» с тетради Гоголя, написанной под диктовку с тетрадок профессора Белоусова. Следовательно, тетрадь Гоголя, по мнению Ясновского, была «наполнена мнениями и правилами пагубными».

Затем Ясновский переходит к характеристике той статьи «прощения», или объяснений Белоусова, которая касалась естественного права, отметив, что «из оной извлечено только то, что требует оговорки, или опровержения»

Здесь Ясновский отмечает прежде всего, что не враги Белоусова «разгласили о вольнодумном его, Белоусове, преподавании естественного права», как утверждал Белоусов, а сами его друзья, ученики, «по всей Малороссии разгласили об учении проф. Белоусова» (лист 56).

Далее Ясновский опровергал утверждение Белоусова, что «он желал поселить сколько возможно, более уважения

к законоучителю и предмету им преподаваемому», заявляя, что «все ученики, а еще более пансионеры знали неуважение проф. Белоусова к бывшему законоучителю¹, которое, неуважение, обнаружил он, Белоусов, необыкновенным образом во многих бумагах; а от того пансионеры... в классе законоучителя производили самые дерзкие шалости» (лист 56).

По мнению Ясновского, поведение Белоусова способствовало тому, что ученики гимназии «на уроках законоучителя производили такой шум, что ему учить и даже в классе быть не можно», и когда директор поручил экзекутору записывать буянов, то «пансионеры поднялись и кричали, что их никто не смеет записывать, ибо они признают своим начальником одного только инспектора» (Белоусова. — Д. И.). Пансионеры выгнали экзекутора. Они даже «в храме божьем производили беспорядки» (лист 57).

Источником всех этих беспорядков и «вольнодумства» в гимназии Ясновский считал профессора Белоусова. Он отмечал также, что у Белоусова есть единомышленники в лице профессоров Шапалинского, Ландражина и Зингера.

После этого Ясновский переходит к разбору содержания лекций Белоусова, который он начинает с опровержения утверждения Белоусова, что «истины евангельские противны истинам права естественного», в доказательство чего Белоусов приводил заповедь Христа «любить врагов своих» (лист 58).

«Во-первых, святейший закон спасителя о всеобщей любви называется здесь просто «мнением», сим словом хочет прикрыться необыкновенная дерзость, — лицемерно возмущался Ясновский. — Надо совсем отказаться от разума и человечества, чтобы отвращать людей от любви ко всем и внушать им, что такая любовь может быть вредной для них лично и для общества» (лист 58).

«Если бы все люди исполняли заповедь Христову, то не было бы и врагов, — продолжает далее Ясновский, — но как они бывают, то законы Христовы, с одной стороны, вручают меч властям для наказания нарушителей общего и частного покоя..., а с другой, велят повиноваться безусловно всем (без изъятия) законам власти, как от бога происходящей. Вот твердое и неспровержимое ограждение обще-

---

¹ Протоиерею Вольнскому.

ства» (лист 58), — заключает Ясновский, прикрывая, таким образом, бесчеловечные самодержавно-крепостнические законы именем Христа.

«Таким же точно обманчивым мудрованием оскорбляется и ослабляется (Белоусовым. — Д. И.) и вся святая вера, — делает вывод Ясновский, — внушающая людям все гражданские добродетели... вера смешивается с этикой, дабы на место их под именем права естественного поставить всякое нечестие» (лист 58).

Касаясь других разделов лекции Белоусова, Ясновский утверждал, что «его рассуждения показывают ужасное усилие поколебать евангелие, христианскую веру, этику и законы, данные богом Моисею» (лист 59).

Кроме того, Ясновский обращал внимание Адеркаса на антиправительственные выпады Белоусова по вопросу о воспитании юношества. В его лекциях «обвиняются все правительства, — доносил он, — в том, что будто они стараются воспитывать юношей сообразно своим видам» (лист 59).

«Такое ложное и возмутительное мнение, — замечал Ясновский, — весьма способно внушить юношеству недоверчивость к правительству и ко всем мерам, принимаемым для его образования» (лист 59).

В конце своей докладной записки на имя Адеркаса Ясновский утверждал, что «вымышленное (Белоусовым. — Д. И.) внеобщественное состояние названо естественным и все произвольные и ложные следствия, выводимые из оно-го вымысла, законами естественными, для ослепления простых и неопытных людей» (лист 59).

«Все возмутители общественного порядка, мира и благоденствия обещали прельщенному ими народу сие блаженное внеобщественное состояние, но для достижения оно-го сперва устремляли его на опровержение законных властей, на грабеж, зажигательство, насилие и убийство» (лист 60), — заключал свое донесение Ясновский, обвиняя, таким образом, Белоусова в революционном потрясении основ самодержавно-бюрократической системы.

Здесь же Ясновский подчеркивал, что учение Белоусова широко распространилось по Украине. «Вот какие правила содержатся в тетрадях учеников, воспитанников пансиона, гимназии и вольноприходящих, — писал он. — Они, без сомнения, весьма далеко распространены и произвели всеобщие слухи о некоем вредном учении, препода-

ваемом в Гимназии высших наук князя Безбородко» (лист 60).

На одном из черновых листов, написанных рукой Ясновского, сформулировано его заключение по «делу». Оно изложено в последовательном порядке по пунктам (см. публикацию на стр. 418). Ясновский считал доказанным, что профессор Белоусов не представил конспектов своих лекций, которые он читал, по утверждению Ясновского, не по «книжке Демартини, назначенной для гимназии главным учебным начальством, а по своим запискам. Пагубные мнения, содержащиеся в ученических тетрадях о праве естественном, составлены из собственных слов, или классных лекций проф. Белоусова». Подчиненные ему пансионеры, а следовательно, и Гоголь, «научены говорить неправду», — замечал Ясновский. Проф. Белоусов вместо того, чтобы признать свою вину, «в рапортах своих, в конференцию поданных, непристойными выражениями оскорблял заслуженных мужей: бывшего законоучителя протоиерея Волинского и профессора Билевича».

Как мы уже говорили, Ясновский не только называл лекции Белоусова «вредными» и «пагубными», он давал развернутую и конкретную характеристику содержания этих лекций, неоднократно подчеркивая, что революционное учение Белоусова, изложенное в тетрадях Гоголя-Ясновского, Новохацкого, Кукольника и других учеников, направлено на ниспровержение всей существующей самодержавно-крепостнической системы: «Ученические заметки, — писал он, — содержат хитросплетенное учение нечестья. Сначала сделано устремление на евангелие, на котором основана вера, потом признается вредным учение Спасителя о всеобщей любви, далее оскорбляется вся религия, а с нею смешивается этика. Непосредственно после этого закон божий, данный Моисеем, потрясается. Когда же поправлено все, что есть святого, тогда внушается подозрение против всех правительств — будто они воспитывают юношество не так, как должно, а по своим видам. Наконец, гражданские общества представляются неестественными, открытием, что есть еще *status naturalis*, которое выражение переведено так: вне обществу естественно состояние, к которому должны люди возвратиться, но возвращаться иначе нельзя, как через ниспровержение всякого гражданского порядка» (лист 21).

Перечисляя затем провинности названных им выше единомышленников Белоусова — профессоров Шапалинского, Ландражина и Зингера, — Ясновский вспоминал, что Шапалинский резко протестовал против предложения Билевича о необходимости применять в гимназии телесные наказания.

По мнению Ясновского, ответственность за «вольнодумство» и «распущенность» пансионеров наряду с Белоусовым должен разделить Шапалинский, Ландражин и Зингер.

«Я должен сказать вашему превосходительству известную всем правду, — писал Ясновский, — когда Шапалинский, который излишними послаблениями старается утождать юношеству и всегда сообразно с сими правилами поступает и говорит, приблизился к директору Орлаю, то пансионеры начали пользоваться неумеренною свободою так, что воспитанники того времени, оставшиеся еще при мне в гимназии, называли оное золотым веком».

«Тогда же (то есть в «золотой век» Орлая. — Д. И.), — продолжал далее Ясновский, — профессора Ландражин и Зингер, поступающие слишком дружественно с учениками и напоенные правилами, вовсе с общепользными постановлениями несходными (Ясновский имел в виду правительственные указания о воспитании пансионеров. — Д. И.), получили свободный доступ к пансионерам».

В заключение Ясновский делал вывод, что «профессора Белоусова поступки и действия противны законам его должности, что исправляющий должность директора профессор Шапалинский, как видно из дела, отступал от законного порядка и не исполнял своих обязанностей (покровительствовал Белоусову в тот период, когда Шапалинский был директором гимназии. — Д. И.); Ландражин и Зингер действовали с ними в полном согласии» (лист 115).

Характеризуя в своем донесении и других профессоров гимназии, Ясновский отмечал, что в религиозном «вольнодумстве» замечен и младший профессор латинской словесности, ученый секретарь конференции Семен Матвеевич Андрущенко, который в присутствии Ясновского и других профессоров «говорил непристойно о религии».

Закончив следствие по «делу о вольнодумстве», Адеркас 27 мая 1830 г. выехал из Нежина в Петербург. 27 октября того же года министр народного просвещения и духовных дел в письме на имя директора нежинской гимназии

сообщал окончательное «высочайшее» решение по «делу»: «Государь император, в 26 день сего октября, высочайше повелеть соизволил: «Профессоров Гимназии высших наук князя Безбородко, Шапалинского и Белоусова, за вредное на юношество влияние, а Ландражина и Зингера, сверх того, и за дурное поведение, отрешить от должности, со внесением сих обстоятельств в их паспорта, дабы таковым образом они и впредь не могли быть нигде терпимы в службе по учебному ведомству, а тех из них, кои не русские, выслать за границу, а русских — на места их родины, отдав под присмотр полиции».

Министр предписывал немедленно привести в исполнение высочайшее повеление, что и было сделано.

В 1832 г., через два года после отстранения от должности и высылки под надзор полиции Белоусова, Ландражина, Шапалинского и Зингера, был уволен и профессор Андрущенко.

3 декабря 1832 г. попечитель Харьковского учебного округа сообщил конференции гимназии следующее решение министра: «Профессора латинской словесности Андрущенко за предосудительные его поступки удалить немедленно от службы, выдав ему законное свидетельство с означением причин удаления от должности, что он удален по причине беспокойного характера и дурного образа мыслей».

Так расправилась реакция с прогрессивной профессурой нежинской Гимназии высших наук.

Удаление из гимназии лучших, наиболее культурных и знающих профессоров и стремление правительства ликвидировать очаг «вольнодумства» предрешило и участь самой гимназии.

В августе 1830 г., после окончания в Петербурге следствия по «делу о вольнодумстве», министр предписал нежинской гимназии прекратить прием учеников в низшие классы гимназии, а в 1832 г. нежинская Гимназия высших наук с гуманитарным энциклопедическим направлением была закрыта. Вместо нее был организован физико-математический лицей.

Как мы уже отмечали, Белоусов в своих подробных показаниях от 29 ноября 1827 г. неоднократно ссылается на авторитет автора учебного пособия под названием „*Jus naturae*», которым он якобы руководствовался, причем Белоусов ни разу не называл ни имени этого автора, ни имени его переводчика, ни имени того, кому, по заявлению Белоусова, автор посвятил свой труд.

Обо всем этом Белоусов говорит очень туманно, индифферентно; видимо, он был заинтересован в том, чтобы скрыть подлинное имя автора пособия, которым он действительно руководствовался, составляя записки своих лекций по естественному праву, и в то же время дезориентировать своих политических противников.

Разумеется, если бы Белоусов мог назвать автора, книгой которого он пользовался при подготовке лекций, он не написал бы такой длинной дипломатической тирады, а прямо и коротко назвал бы имя ученого, труд которого он положил в основу читаемого им курса по естественному праву.

Какой же философский труд и в какой мере использовал Белоусов в своих лекциях по естественному и народному праву?

В своем первом рапорте от 7 мая 1827 г., положившем начало «делу о вольнодумстве», Билевич обвинял Белоусова в том, что тот преподает естественное право не по предписанной, рекомендованной системе г-на Демартини, а «по своим запискам, следуя в основании философии Канта и г-на Шада».

Рассмотрим вначале вопрос о возможном влиянии на Белоусова профессора Шада, который на протяжении двенадцати лет читал лекции по философии и истории римской литературы в Харьковском университете, воспитанником которого был Белоусов.

Профессор философии Иоганн-Баптист (Иван Егорович) Шад (1758—1834) был рекомендован в Харьковский университет великими немецкими поэтами Гете и Шиллером. В феврале 1804 г. Шад был утвержден преподавателем кафедры философии. В конце 1814 г. он издал в Харькове сочинение: „*Institutiones juris naturae*“.

Свой труд Шад посвятил императору Александру I. В посвящении, воздавши хвалу императору «за освобожде-

ние России и Европы от кровавой тирании Наполеона», Шад указывал, что цель издания книги — «содействовать установлению верных понятий о естественном праве, освобождению народов от тех ошибочных о нем представлений, из которых проистекали все народные бедствия, самая тирания, и которые заразили своим ядом даже самые образованные народы»¹.

Истинной же философией, по мнению Шада, попоранной французской философией, является только философия, основанная на религии и учении церкви. Доказательству этого посвящена книга „*Institutiones juris naturae*“².

«Чтя божественную мудрость, — писал Шад, — выразившуюся в священном писании, преимущественно в новом завете, я отвергаю и признаю ложною и губительною всякую философию не согласную с истинами, проповедуемыми св. писанием. Во всех моих сочинениях, изданных и предназначенных к изданию, я стремился к тому, чтобы сообщить этим святым, глубоким и спасительным истинам такие опоры, которых не могли бы поколебать и ниспровергнуть никакие мены времени и мнений человеческих, никакая ложная философия и самая необузданная жизнь. В этом стремлении моя слава, в нем хочу состариться, с ним и умереть»³.

Однако, несмотря на то, что книга Шада была посвящена императору и автор в категорической форме заявлял в ней, что в основу его курса по естественному праву положена религия, министром просвещения сочинение Шада было признано вредным для студентов и вообще для русского юношества⁴.

В письме министра, которое было оглашено на заседании ученого совета Харьковского университета 5 апреля 1816 г., указывалось, что в книге Шада «много рассуждений, не согласных с нашими учреждениями... автор следует новейшей немецкой философии преимущественно по Шеллингу, а между тем весьма сомнительно, чтобы можно

---

¹ Н. А. Лавровский, Эпизод из истории Харьковского университета, сб. «Чтения в импер. об-ве истории и древности», 1873, кн. 2, М., стр. 42.

² Там же, стр. 42—43.

³ Там же.

⁴ Там же.

было допустить введение этой философии в Россию, тем более образование по ней русского юношества»¹.

Особенно предосудительными считал министр рассуждения Шада о власти государя и предлагал попечителю Харьковского учебного округа предписать университету «изъять книгу Шада из употребления».

В ноябре 1816 г. участь Шада была решена окончательно. 8 декабря по предписанию министра царской полиции Шад был в спешном порядке выслан из Харькова за границу.

13 декабря на заседании ученого совета Харьковского университета было объявлено решение совета министров по делу Шада. Министр народного просвещения А. Н. Голицын, мистик и реакционер, приближенный к царю, сообщал: «По обязанности, я докладывал в совете министров о книгах в руководство для студентов: „Institutiones juris naturae“ и „De viris illustribus urbis Romae“, заключающих в себе многие места, негодные для этих книг... Совет министров, соображая, что Шад не только не может быть оставлен в настоящей должности, но с обнаруженным образом мыслей не может быть терпим долее в России, определил: «Немедленно удалив его от должности, выслать за границу, уничтожив обе изданные им книги, и известить об этом все университеты. Это определение высочайше утверждено, министру полиции дано о том знать»².

Белоусов учился в Харьковском университете с 1815 по 1818 г. и, следовательно, мог слушать философские науки и, в частности, естественное право у Шада. Нам не известно, был ли Белоусов непосредственно учеником Шада. В архивах Харьковского университета не удалось разыскать этих данных. Вместе с тем несомненно, что Белоусов был знаком с книгой Шада, вышедшей в Харькове в 1814 г.

Книга Шада «Institutiones juris naturae», послужившая главной причиной высылки его из России, в настоящее время стала библиографической редкостью, однако благодаря работе Н. А. Лавровского, который перевел

---

¹ Н. А. Лавровский, Эпизод из истории Харьковского университета, сб. «Чтения в импер. об-ве истории и древности», 1873, кн. 2, М., стр. 44.

² Там же.

и прокомментировал основные положения книги, представляется возможным сопоставить «естественное право» в изложении и толковании Шада с лекциями Белоусова, для того чтобы решить вопрос, был ли Белоусов последователем философской системы Шада, как утверждал Билевич.

Все права человека Шад выводил, как отмечал Н. А. Лавровский, из одного прирожденного вечного и непреложного права человека, диктуемого разумом — «жить согласно со своей природой». Шад проповедывал, что «человек имеет право на абсолютную свободу, которую никакая внешняя сила, даже вооруженная, не может исторгнуть». «В этом праве, — по мнению Шада, — заключается высшее достоинство (человека. — Д. И.), сближающее его с божественной природой, с точки зрения этого права человек сам себе закон и это есть высший закон, дух, одушевляющий все остальные законы...»

С одной стороны, Шад проповедывал неограниченность свободы личности человека: «По силе разума человек абсолютно свободен и сам себе закон, а потому может принимать законодательство, только согласное с разумом, и хотя, по своей воле, может принять закон, противный разуму, но в таком случае он теряет свое достоинство разумного существа», с другой — он ограничивал человеческую свободу религиозными и божественными канонами. Он учил, что «достижение верховной цели жизни человека — приближение к божеству», и это стремление «свойственное человеку, как гражданину земному и небесному, в нем только он и может познавать свои права и обязанности»¹.

Таким образом, несомненно прогрессивная в условиях самодержавно-крепостнической России первой четверти XIX в. система философских взглядов Шада, в основе своей рационалистическая, была в то же время идеалистична, эклектична и дуалистична.

С одной стороны, Шад решительно протестовал против всякого насилия над свободной и разумной человеческой личностью, против всякого ограничения свободы мысли, с другой — говорил о «божественной природе» человека; с одной стороны, он проповедывал законы неограниченного чистого разума, с другой — считал высшей

---

¹ Н. А. Лавровский, Эпизод из истории Харьковского университета, сб. «Чтения в импер. об-ве истории и древности», 1873, кн. 2, М., стр. 46.

целью жизни религию, «приближение к божеству». Шад был выучеником немецкой идеалистической философии.

Основоположник немецкого классического идеализма Кант указывал, что задачей его теории познания является такое ограничение прав разума, при котором оставалось бы место богу за пределами познания. Дуалист Кант стремился примирить науку и религию.

Шад, развивая идеи Канта, широко открывал двери религии. Он считал «ложною и губительною всякую философию, не согласную с истинами, проповедуемыми св. писанием».

В противоположность Шаду, Белоусов решительно отвергал божественное начало философии, и в этом его коренное отличие от Шада и от Канта. Он говорил только о «чувственной», то есть материальной, а не о «божественной», как говорил Шад, природе человека. Даже в своих показаниях, будучи вынужден маскировать свои подлинные убеждения, Белоусов заявил, что достоинство автора пособия, которым он руководствовался, заключается в том, что «он с точностью отделил естественное право», основанное на разуме, от богословских наук.

В отличие от Шада и его духовного учителя Канта, Белоусов стоял на позициях стихийного материализма, основанного на здравом, практическом человеческом разуме. Он проповедывал, что человек существует только в «чувственном», то есть осязаемом и видимом мире.

Из всего этого можно сделать вывод, что не учение Канта и не система философских взглядов, изложенных в книге Шада, были положены в основу курса лекций проф. Белоусова по естественному праву.

12

Какой же, в таком случае, философский труд, учебник или учебное пособие, и в какой мере использовал Белоусов для подготовки курса своих лекций по естественному праву?

Мы полагаем, что Белоусов для подготовки своих записок пользовался монографией в двух частях под названием «Право естественное», автором которой был профессор Царскосельского лицея Александр Петрович Куницын, учитель Пушкина.

Александр Петрович Куницын (1783—1841), профес-

сор философских и юридических наук Царскосельского лицея, а позже Петербургского университета и педагогического института, в своих лекциях по естественному праву раскрывал перед своими слушателями естественные права человека и гражданина. Он проповедывал, что право свободы есть неотъемлемое и неотчуждаемое, что каждый человек внутренне свободен и зависит только от законов разума.

Куницын оказал большое влияние на формирование мировоззрения Пушкина, который высоко ценил его лекции и до конца своих дней восторженно отзывался о своем лицейском наставнике.

Пушкин посвятил Куницыну известное четверостишие:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена.

Двухтомный труд Куницына «Право естественное», изданный в Петербурге в 1818—1820 гг., явился поводом для изгнания его автора в 1821 г. из Петербургского университета и запрещения преподавания естественного права в учебных заведениях России.

Главное управление по делам училищ в России по докладу реакционного профессора Рунича признало книгу Куницына «противоречащею явно истинам христианства и клонящеюся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных».

Талантливая книга Куницына, в которой еще дореволюционные исследователи отмечали исключительную самостоятельность, строгую последовательность и логичность суждений, послужила Белоусову учебным пособием для его лекций по естественному праву.

Зная о запрещении книги Куницына и о судьбе ее автора, Белоусов не мог назвать в своих показаниях эту книгу и вынужден был прибегнуть к мистификации.

Доказательством того, что именно трудом Куницына пользовался Белоусов, может служить и построение курса лекций Белоусова по естественному праву и содержание этих лекций.

Необходимо, вместе с тем, подчеркнуть, что при всей идейной близости обоих авторов, Белоусов проявил самостоятельность и в изложении учебного материала, и в толковании ряда положений курса.

Структура курса естественного права Куницына такова: введение, в котором кратко излагаются история и содержание науки естественного права; книга I («Чистое право»), состоящая из двух частей — безусловного и условного права; книга II, рассматривающая право общественное, всеобщее, право семейственное, право государственное и право народное.

По такому же принципу построен и курс лекций Белоусова, но в более сокращенном объеме. В своих показаниях от 29 ноября 1830 г. Белоусов писал: «Записки, мною представленные, из трех частей: 1) истории естественного права; 2) чистого естественного права; 3) права государственного и народного».

В исторической, вводной части своего курса Куницын в главе второй — «Разделение права естественного» — указывает, что не следует смешивать естественное право с нравоучением. «Нравоучение имеет предметом внутреннюю свободу человека, а право внешнюю»¹.

Об этом же говорит и Белоусов. Как мы уже указывали, он критиковал философскую систему Томазия, в частности, потому, что тот смешивал этику с естественным правом.

Куницын утверждал, что «в отличие от законов, основанных на произволе законодателя, правоучение называется естественным, поскольку оно излагает законы, выводимые из природы разума человеческого»².

Эту же мысль, но в другой редакции, развивает и Белоусов: «Предмет права есть то, чем человек посредством своего права исключительно располагать может».

Это определение Белоусовым предмета естественного права вызвало, как мы отмечали, критическое замечание протоиерея Волынского, указавшего, что «в сем определении... нет ограничения о сообразности с законом, ибо никак предполагать не можно никакого человеческого права прежде существования закона».

Таким образом, и по Куницыну, и по Белоусову, законы и положения естественного права выводились не из произвола реакционных, в условиях того времени, за-

¹ А. Куницын, Право естественное, СПб. 1818, стр. 6.

² Там же.

конодателей, а из природы свободного человеческого разума.

Мы уже говорили, что Белоусов отрицал божественное начало естественного права. И в этом отношении Белоусов был единомышленником Куницына.

Главу вторую первой части своей монографии Куницын посвящает освещению вопроса — что же является главным началом права. В этой главе Куницын рассматривал определения начала права у различных философов и философских школ, обнаруживая при этом широкую эрудицию.

Куницын отвергал, считал неправильным определение начала права Платоном, Спинозой, а также философами английской, французской школ. Он утверждал также, что нельзя считать началом права и волю божескую. «Наконец, некоторые поставляли за начало права волю божескую, — писал Куницын. — Сие положение... не может быть всеобщим началом права, ибо требует нового признака, по которому бы можно было отличить непротивное воле божеской от противного оной, т. е. право от неправа... Следовательно, сие начало, с одной стороны, неопределенно, с другой же стороны, для действительности своей само требует нового признака»¹.

Опровергнув определение начала права ряда философов и философских школ, Куницын отмечал, что «главное начало права может быть выведено только из разума», и на этой основе формулировал вывод: «человек имеет право на все деяния и состояния, при которых свобода других людей по общему закону разума сохранена быть может».

«Главное начало права можно также выразить отрицательным образом, — заключал он, — не употребляя других людей как средство для своих целей»².

Белоусов был вынужден маскировать свои убеждения. Нетрудно, однако, установить, что в своих лекциях он так же, как и Куницын, пропагандировал необходимость свободы для человека: «Человек имеет право на свое лицо, — говорил Белоусов и пояснял: — то есть имеет право быть так, как природа образовала его душу и тело (свободным — Д. И.)».

¹ А. Куницын, Право естественное, СПб, 1818, стр. 37.

² Там же, стр. 32.

«И потому достоинство разумной природы в чувственном мире составляет ненарушимость лица», — заканчивал свою мысль Белоусов, которую можно расшифровать так: «ненарушимость свободы человека составляет достоинство разумной природы человека в материальном мире»¹.

Опуская идентичные у Куницына и Белоусова толкования ряда терминов, как, например, «право естественное безусловное», «право естественное условное», охарактеризуем толкование ими права собственности.

Куницын и Белоусов отрицали наследственное право. Куницын писал: «Смертию владельца прекращаются все его связи с вещественным миром и отношение к другим людям. Оставшиеся после него вещи делаются бесхозными, а потому всякий может завладеть ими, отсюда явствует, что наследство без завещания, по близости родства, ни в силу завещания по воле умершего владельца, не может быть допущено по началам права естественного»².

Эту же мысль пропагандировал Белоусов: «Не должно забывать, что наследство почитается неестественным по гражданским способам приобретения обладания», — писал он.

Таким образом, оба профессора в лекциях по естественному праву отрицали одно из главных прав родового дворянства — право наследовать земли и крепостных крестьян.

Развивая это положение, Куницын писал: «Никто не может приобрести права собственности на другого человека ни противу воли, ни с его на то согласия; ибо право личности состоит в свободе располагать самим собою»³. Это же утверждал и Белоусов.

Наконец, единодушны были Куницын и Белоусов и в оценке монархического образа правления. Они считали, что монарх получил верховную власть от народа по договору и не имеет права деспотически злоупотреблять доверием народа.

«Когда монарх употребляет силы государства против государства или не для цели общества, когда с подданными поступает как с рабами, лишая их первоначальных и про-

---

¹ «Гоголиана» № 1367.

² А. Куницын, Право естественное, СПб 1818, стр. 97.

³ Там же, стр. 86.

изводных прав, то таковой образ правления называется деспотическим»¹, — писал Куницын.

Еще более решительно и смело обличал самодержавную власть Белоусов. В своих лекциях в 1826 г. он говорил о необходимости лишения престола и даже убийства подлых царей.

Договорная теория происхождения государства, нашедшая отражение в ряде деклараций буржуазной демократии, была антинаучна. Только марксизм положил начало научному объяснению происхождения государства. Однако в условиях самодержавной николаевской монархии эта теория сыграла свою положительную роль.

Можно, таким образом, считать установленным, что несомненно прогрессивные в условиях того времени воззрения Куницына и Белоусова по основным философским, политическим и экономическим вопросам были во многом идейно созвучными. В отдельных же вопросах, как, например, по вопросу о борьбе с деспотической властью монарха, Белоусов в большей мере, чем Куницын, был сторонником революционного действия — он признавал необходимость свержения и даже убийства монарха, деспотически злоупотребляющего доверием народа. В этом вопросе Белоусов был единомышлен с наиболее революционно настроенными декабристами.

Свои лекции по естественному праву Белоусов читал осенью 1826 г., когда в памяти передовых людей русского общества еще свежи были впечатления о декабристском восстании. В это время (с 28 декабря 1825 по 3 января 1826 г.) на Киевщине развертывалось восстание черниговского полка, организованное членами декабристского общества «Соединенные славяне». Событие это, всколыхнувшее Украину и послужившее сигналом к массовым антикрепостническим выступлениям украинского крестьянства в районе восставшего полка, нашло сочувствие среди части студентов и преподавателей нежинской гимназии.

Руководитель южного общества декабристов П. Пестель проповедывал необходимость убийства царя и всех представителей царского дома. Вполне логично поэтому предположить, что идея цареубийства в лекциях проф. Белоусова была прямым откликом на пропаганду декабристов.

Больше того, Белоусов начал читать лекции в августе

---

¹ А. Куницын, Право естественное, СПб. 1818, стр. 130.

1826 г., после того как в июле по приказанию Николая I были казнены руководители восстания декабристов, причем царь лицемерно и подло обманул некоторых из них: обещав им помилование, добился от них раскрытия нитей заговора.

Имеются, следовательно, основания сделать вывод, что обращение Белоусова к ученикам седьмого класса нежинской гимназии, среди которых был и Гоголь, с вопросом: «Если государь подл и во зло употребляет вверенную ему от народа власть, то что с ним должно делать?»; категорический ответ Белоусова, что надо «такового государя низвергнуть, убить», — был непосредственно направлен против лицемерного и подлого Николая I.

Все это лишний раз подтверждает необходимость рассматривать обстановку, в которой проходило формирование мировоззрения Гоголя, не изолированно, а только в связи с общественно-политическими событиями того времени. Важнейшим из них было восстание декабристов, своеобразным отзвуком которого стало «дело о вольнодумстве».

Идеи свободы и равенства пропагандировал не только Белоусов. Они проникали в нежинскую гимназию и извне. Как мы уже говорили, ученики гимназии Александр Змиев и Алексей Кольшкевич во время допроса 20 мая 1828 г. показали, что бывший ученик шестого класса гимназии, служивший во 2-м уланском украинском полку, Мартос распространял среди гимназистов стихи Рылеева, призывающие к свободе. Алексей Кольшкевич заявил при этом, что многие гимназисты выучивали эти стихи, и сам он помнит их наизусть, так как очень часто слышал, как Мартос и другие ученики читали их.

Имение Мартосов находилось в Лохвицком уезде, Полтавской губ., по соседству с Васильевкой Гоголей. Семьи Гоголей и Мартосов были дружны. Петр Мартос, сын поручика Ивана Андреевича Мартоса, с октября 1822 г. обучался в нежинской Гимназии высших наук¹ и бывал в доме у Гоголей. Нет сомнения, что и Николай Гоголь хорошо знал стихи Рылеева. Он мог слышать их от Петра Мартоса, Алексея Кольшкевича и других учеников гимназии. Юный Гоголь сочувственно относился к трагической участи декабристов. Об этом свидетельствуют воль-

---

¹ «Гоголиана» № 1466.

нолюбивые мотивы его юношеской поэмы «Ганс Кюхельгартен» и письмо Гоголя из Нежина от 3 октября 1827 г. Павлу Петровичу Косяровскому, в котором Гоголь называл «проклятым» генерала Рота, командовавшего в январе 1826 г. войсками, которые были посланы на подавление восстания черниговского полка.

* * *

Необходимо в заключение подчеркнуть самостоятельность и оригинальность взглядов и суждений Куницына и Белоусова. Их лекции по естественному праву отнюдь не являлись копированием или повторением каких-либо западноевропейских образцов.

В своем курсе по естественному праву (300 стр. — 590 параграфов) Куницын, опираясь на факты русской действительности, вполне самостоятельно формулировал нормы, законы и положения чистого, общественного, государственного и народного права.

Самостоятельность и независимость от западноевропейских источников проявил и Белоусов. И если можно говорить об идейном влиянии на него авторитетов, то здесь речь может идти о Куницыне, имея в виду, что его учебник по естественному праву вышел в 1818—1820 гг., а свои записки Белоусов писал в 1825—1826 гг.

Важно также отметить, что Белоусов, повидимому, был знаком с революционными произведениями А. Н. Радищева. Как мы уже указывали, Белоусов в 1814 г. окончил философский факультет Киевской духовной академии, а в библиотеке академии находились три рукописных списка «Путешествия из Петербурга в Москву». Вполне возможно, что молодой философ, с юных лет пристрастившийся к чтению, еще в Киевской духовной академии ознакомился с рукописными списками знаменитой «крамольной» книги, так непохожей на богословские проповеди.

В текст киевских списков «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, которые читал Белоусов в бытность его слушателем духовной академии, вошла и знаменитая ода Радищева «Вольность», одна из центральных идей которой — закономерность свержения и казни царя, деспотически угнетавшего народ, попиравшего народные права:

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь...

Радищев утверждал, что народ вправе не только лишить царя престола, но и казнить его за преступления перед народом:

Возникнет рать повсюду бранна
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна,
Омыть свой стыд уж всяк спешит...
Над гордою главою паря
Ликуйте склепанны народы!
Се право мщенье природы
На плаху возвело царя¹.

Радищев был великим предшественником декабристов в их революционной проповеди необходимости свержения и убийства тиранов-царей.

Что же касается того, в какой мере другие революционные философские и социально-политические идеи Радищева нашли свое отражение в лекциях Белоусова по естественному и народному праву, то этот вопрос требует специального исследования. Ясно, во всяком случае, одно: всей системой своих философских, политических, экономических и педагогических взглядов, которые Белоусов проповедывал на протяжении 1826—1827 гг. в нежинской гимназии в своих лекциях по естественному, государственному и народному праву, он отрицал самодержавно-крепостнический строй царской николаевской России.

Безусловно ошибочными поэтому надо считать выводы, к которым пришли в своих работах Н. А. Лавровский и В. И. Савва.

Оба исследователя стремились выхолостить политическое содержание «дела», объяснить его возникновение обострением личных взаимоотношений между Белоусовым и Билевичем.

«Едва ли можно сомневаться в том, что история о

---

¹ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки УССР, (Коллекция духовной академии, № 857 л). В рукописи 456 стр. Водяные знаки. 1789 г. Сличение этой рукописи с первым изданием «Путешествия» 1790 г. показало, что это современная Радищеву копия с первого печатного издания; см. нашу статью «Киевские списки «Путешествия», «Литературна газета» от 1 сентября 1949 г.

вольнодумстве, поглотившая совершенно непроизводитель-но столько труда и времени, принесшая столько вреда су-ществу дела, наделавшая столько шума, тревог и волнений, в действительности вовсе не имела тех размеров и того вида, какие она получила впоследствии в процессе посте-пенного своего развития,— писал Н. А. Лавровский,— возникши первоначально из личных и мелких неудоволь-ствий, она поддерживалась, возбуждалась и возрастала под влиянием с одной стороны все более и более оскорбляе-мого самолюбия, искавшего в себе во что бы то ни стало удовлетворения, и все более и более усиливавшихся само-надеянности и заносчивости с другой»¹.

К такому же выводу пришел и В. И. Савва: «Можно думать, что дело это было сильно раздуто, принимая во внимание, что Белоусову было разрешено вступить на службу по гражданскому ведомству в 1835 г., а Шапалин-скому — в 1836 г.»², — писал он.

Конечно, личная неприязнь между Белоусовым и Би-левичем имела место. Однако возникла она на политиче-ской основе. Талантливый прогрессивный русский ученый и педагог Н. Г. Белоусов, человек независимого и воле-вого характера, возненавидел сухого педанта, реакционера и невежду Билевича и его единомышленников и повел с ними решительную и успешную борьбу. Ему удалось изолировать Билевича, не допустить тлетворного влияния его реакционных проповедей на умы юношества. Белоусов сумел вызвать интерес большей части студентов к про-грессивным идеям, которые он проповедывал.

«С необычайным искусством Николай Григорьевич из-ложил нам всю историю философии, а с тем вместе и естественного права, так что в голове каждого из нас уста-новился прочно стройный систематический скелет науки наук, — вспоминал Кукольник. — ...Не меньшую пользу доставило нам в нравственном отношении и то, что Орлай назначил Белоусова нашим инспектором. Справедливость, честность, доступность, добрый совет, необходимое обо-дрение — все это благодетельно действовало на кружок студентов»³.

¹ Н. А. Лавровский, Гимназия высших наук кн. Безбо-родко в Нежине, Киев 1879, стр. 129—130.

² В. И. Савва, К истории о вольнодумстве в Гимназии выс-ших наук кн. Безбородко, Харьков 1908, стр. 18.

³ Сб. «Гимназия высших наук», СПб. 1881, стр. 242.

Белоусов пострадал за свои радикальные и даже революционные убеждения и прогрессивную практическую деятельность. Нельзя поэтому считать убедительной аргументацию профессора В. И. Саввы, что разрешение Белоусову «вступить на службу по гражданскому ведомству в 1835 г.» является доказательством того, что «дело было раздуто».

Белоусов был изгнан из нежинской гимназии с «волчьим паспортом». Ему была запрещена преподавательская и научная деятельность где бы то ни было. Это запрещение не было снято с него до конца его дней. До самой своей смерти он не смог заниматься педагогической и научной деятельностью, которая была прервана в расцвете его творческих сил и возможностей.

13

Подробное рассмотрение всех обстоятельств, связанных с «делом о вольнодумстве», исследование его социального содержания было необходимо, так как дело это было главным событием в жизни нежинской гимназии в последний год обучения в ней Гоголя.

Деятельность Белоусова как педагога и инспектора с 1824 по 1828 г. проходила в тот период, когда формировалось мировоззрение Гоголя, когда он из подростка превратился в девятнадцатилетнего юношу.

Как же относился сам Гоголь к «делу о вольнодумстве» и к Н. Г. Белоусову? Какое влияние на Гоголя оказали Белоусов и проповедуемые им идеи? Прекратилось ли общение Гоголя с Белоусовым после окончания Гоголем нежинской гимназии?

Уже в письмах к матери от 10 сентября и 16 ноября 1826 г., обычно очень сдержанный в оценке своих преподавателей, юноша Гоголь дает высокую, восторженную характеристику Белоусову как наставнику и руководителю пансиона.

Об этом же писал Гоголь Г. И. Высоцкому в Петербург 17 января 1827 г.: «...писать тебе про пансион? Он у нас теперь в самом лучшем, самом благородном состоянии и всем этим мы одолжены нашему инспектору Белоусову».

В следующем письме на имя Высоцкого (от 19 марта

1827 г.) Гоголь, прослушавший с августа 1826 по февраль 1827 г. курс лекций проф. Белоусова по естественному, государственному и народному праву, подчеркивает дружеское расположение Белоусова к студентам, его борьбу против консервативных профессоров.

Примечательные строки письма Гоголя к Высоцкому, которые мы уже цитировали (стр. 245—246), свидетельствуют, во-первых, о враждебном отношении Гоголя к консервативной профессуре («профессорам-школярам») и, во-вторых, о значении для него Белоусова, общение с которым давало силы твердо выдержать «жестокую пытку» пребывания в косной среде нежинских обывателей, консервативных «существователей... населявших Нежин», как их образно назвал Гоголь в письме к Высоцкому от 26 июня 1827 г.

Гоголь был взволнован и возмущен происками консерваторов против Белоусова и близких к нему студентов. В этом же письме к Высоцкому, написанному в период возникновения «дела о вольнодумстве», Гоголь прямо говорит, что из числа «существователей, задавивших корою своего ничтожного самодовольства высокое назначение человека», он не исключает и «дорогих наставников», имея в виду прежде всего проф. Билевича и протоиерея Волынского, то есть самых непримиримых врагов Белоусова, которые были также и врагами Гоголя.

Фактами, подтверждающими резкую враждебность Билевича и Волынского к Гоголю, могут служить, кроме рапортов Билевича и записей Волынского о Гоголе в «кондуитных списках» гимназии, воспоминания школьных товарищей Гоголя и замечания исследователей, работавших над материалами первоисточников.

Еще В. И. Шенрок, лично беседовавший с школьным другом Гоголя А. С. Данилевским, писал по этому поводу: «...священник законоучитель Волинский, по словам Данилевского, «был большим врагом Гоголя», которого он часто наказывал»¹.

К такому же выводу приходит также И. А. Сребницкий, исследовавший в 1901 г. архивные материалы нежинской гимназии. Сребницкий отмечал: «...близость Гоголя к Белоусову и вызвала со стороны Билевича враждебное от-

¹ Письма Н. В. Гоголя, Ред. В. И. Шенрока, том I, СПб., стр. 56.

ношение к Гоголю и желание вредить ему в оценке и его успехах и поведения»¹.

В заключительной части своего исследования Сребницкий писал: «Главным врагом Гоголя был проф. Билевич, частью по отношениям своим к проф. Белоусову, который был расположен к Гоголю, а частью и по личным мотивам»².

Как мы уже указывали, во время следствия по «делу о вольнодумстве» Гоголь не только не изменил отношения к Белоусову, а оказал ему активную поддержку.

Во время первого допроса учеников (с 29 октября по 3 ноября 1827 г.) Гоголь, зная, что Белоусов читал лекции по своим запискам, а не по рекомендованной книге, все же показал, что Белоусов читал по книге.

Гоголь не ограничился показанием в пользу Белоусова. Он был одним из организаторов сговора учеников: давать ложные показания, не выдавать своего учителя.

В материалах «дела о вольнодумстве» имеются весьма любопытные показания о том, что ученики Новохацкий и Халчинский неоднократно говорили, что они «для прикрытия» Белоусова «готовы присягнуть». На вопрос товарищей, как они могут решиться ложь утверждать присягою, отвечали: «не велика штука лизнуть креста»³.

Несомненно, что Гоголь знал о том, что говорили Новохацкий и Халчинский, и разделял их мнение по поводу присяги, так как сам давал ложные показания: во-первых, он заявил, что проф. Белоусов «объяснение о различии права и этики делал по книге», тогда как Белоусов читал лекции по своим запискам. Во-вторых, он, хорошо зная, что Белоусов в лекциях в 1826 г., на которых Гоголь присутствовал, призывал к свержению и даже убийству государя, ничего об этом не сообщил во время допроса.

Белоусов оказал большое и безусловно прогрессивное влияние на формирование мировоззрения Гоголя. Яркое доказательство этого — письмо Н. В. Гоголя П. П. Косяровскому от 3 октября 1827 г., в котором он рассказывает о своих заветных мечтах накануне окончания нежинской гимназии:

«Может быть, мне целый век достанется отжить в Пе-

¹ «Гоголевский сборник», Киев 1902, стр. 304.

² Там же, стр. 310.

³ Дело 180а, листы 26—27.

тербурге, по крайней мере, такую цель начертал я уже издавна, — писал Гоголь, — еще с самых времен прошлых, .. я пламенел неугасимой ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу... Я перебирал в уме все состояния, все должности в государстве и остановился на одном — на юстиции. Я видел, что здесь работы будет более всего, что здесь только я могу быть благодеянием, здесь только буду истинно полезен для человечества. Неправосудие, величайшее в свете несчастье, более всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утратить, не сделав блага. Два года занимался я постоянно изучением прав других народов и естественных как основных для всех законов; теперь занимаюсь отечественными». Итак, еще не зная своего истинного призвания, всей душой стремясь быть полезным своей родине, перебирая области, в которых он мог бы применить свои силы, Гоголь, под влиянием лекций и бесед Белоусова, останавливается на юстиции.

Белоусов был талантливым профессором юридических наук, и Гоголь мечтает о юридической деятельности. Белоусов проповедывал, что естественное право народов является основанием для всех законов, и Гоголь повторяет эту мысль, которая сделалась и его собственным убеждением. Белоусов обличал нарушение законов естественного права несправедливыми монархами и судьями, злоупотреблявшими доверием народа, и Гоголь страстно восклицает, что правосудие — величайшее в свете несчастье, которое «разрывало» его сердце.

С не меньшим основанием, чем Пушкин о Куницыне, Гоголь мог сказать о Белоусове: «Он создал нас, он воспитал наш пламень, поставлен им краеугольный камень, им чистая лампада возжена».

Несомненно, что именно Белоусов заложил «краеугольный камень» прогрессивных стремлений юноши Гоголя. И эти стремления укреплялись в Гоголе чтением вольнолюбивых произведений Пушкина и Рылеева и других пере-

довых писателей. Их произведения проникали в Нежин и жадно читались учениками гимназии.

Белоусов не только доказывал в своих лекциях несправедливость царских законов, он возбуждал в своих слушателях благородное чувство патриотизма, он призывал их к служению родине, к борьбе против произвола и насилия, и слова его падали на благодатную почву.

В цитированном нами письме-исповеди молодой Гоголь поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не потерять, не сделав блага, и клятву свою он сдержал.

Острым словом гениального писателя-сатирика Гоголь боролся против неправды в николаевской России, обличал «неправосудие» в широком понимании этого слова. Его бессмертные «Ревизор» и «Мертвые души» вскрывали произвол всей самодержавно-крепостнической системы.

Гоголь показал целую галерею ее типичных представителей — помещиков-крепостников, стяжателей, бюрократов и чиновников-взяточников.

Критическое отношение к действительности сложилось у Гоголя еще в Нежине в последние два года обучения в гимназии, и этому в значительной мере способствовали лекции профессора Белоусова и личное общение Гоголя с ним. Во многом способствовал Белоусов и развитию демократических и вольнолюбивых идеалов молодого Гоголя.

Демократические тенденции в мировоззрении Гоголя наметились очень рано. Еще в раннем детстве, общаясь с простым народом, он полюбил его. Как мы уже говорили, в полтавском поветовом училище десятилетний Никоша Гоголь обучался вместе с детьми разночинцев и даже крестьян, и это обстоятельство способствовало его сближению с демократическими слоями населения.

Демократизм Гоголя еще более окреп в нежинской Гимназии высших наук. С первого дня поступления в гимназию болезненного и невзрачного на вид мальчика из незнатной и небогатой семьи враждебно и насмешливо встретили барчуки, сыновья аристократов.

Один из них, сын генерала, В. И. Любич-Романович, в своих воспоминаниях о Гоголе, записанных с его слов С. И. Глебовым, характеризует демократический образ жизни Гоголя в гимназии и его резко отрицательное отношение к барским сынкам.

«Привычка держать себя просто в отношении пищи у себя дома, в деревне, где он получил первоначальное во-

опитание, не покидала его в Нежине, во время жизни среди людей более избалованных, чем он сам, — рассказывал о Гоголе Любич-Романович, — это все вместе взятое никогда в нас более ничего не вызывало по отношению к Гоголю, как лишь одно отвращение... От природы впечатлительный, он понимал это наше отношение к нему, как признак столичной кичливости детей аристократов, и потому сам по-своему игнорировал нас, знать не хотел... Он искал сближения лишь с людьми, себе равными, например, со своим «дядькою», прислугою вообще и с базарными торговцами на рынке Нежина в особенности. Это сближение его с людьми простыми, не претендующими на изящество манер, изысканность речи и на выбор предмета беседы, очевидно, давало ему своего рода наслаждение в жизни, удовлетворяло его эстетические потребности и вызывало в нем поэтическое настроение. Так, по крайней мере, мы это замечали потому, что он, после каждого такого нового знакомства где-либо подолгу запирался в своей комнате и заносил на бумагу свои впечатления»¹.

Показания Любича-Романовича примечательны. Они свидетельствуют о том, что общение Гоголя с простым народом не только отвечало его эстетическим запросам, но и было для него источником творческого вдохновения. Любич-Романович рассказывал также о гуманном отношении юного Гоголя к бедным людям и о его своеобразных планах ликвидации нищеты: «Его душа всегда была отзывчива к ближнему, ...он никогда не мог пройти мимо нищего, чтобы не подать ему, что мог, если имел, и всегда говорил просившему у него подавание «извините», когда нечего было вложить тому в руку... Вообще Гоголь относился к бедности с большим вниманием и, когда встречался с нею, переживал тяжелые минуты»².

Юноша Гоголь мечтал о том времени, когда на земле не будет нищеты, но юношеские планы ее уничтожения носили весьма утопический характер:

«— Я бы перевел всех нищих, — говорил он иногда, — если бы имел на это силу и власть.

— Но как бы вы это сделали? — спрашивали его.

— Да всем бы построил дома, дал бы им земли и за-

---

¹ Гоголь в нежинском лицее (из воспоминаний В. И. Любича-Романовича), «Исторический вестник», 1902., кн. 3, стр. 550—551.

² Там же, стр. 556.

ставил бы работать для себя... А то ведь им головы приклонить некуда, потому они и побираются»¹.

При всей утопичности этих планов важно подчеркнуть, что юноша проповедывал необходимость наделения нищих крестьян землею и строительства для них жилищ.

14

Воспоминания современников Гоголя свидетельствуют, что дружеские отношения между Белоусовым и Гоголем сложились в последние годы обучения Гоголя в гимназии. Школьный товарищ Гоголя А. С. Данилевский передавал, что Гоголя «перед окончанием курса... заметил и стал отличать профессор Белоусов, которого он, в свою очередь, весьма уважал и любил»².

Н. Д. Белозерский, хороший знакомый Гоголя, встречавшийся с ним еще в Нежине, рассказывал, что он «посещая в Нежине инспектора Гимназии кн. Безбородко Белоусова, видел у него студента Гоголя, который был хорошо принят в доме своего начальника»³.

Отношение Гоголя к Белоусову не было случайным или временным явлением. Оно оставалось неизменным вплоть до смерти Гоголя.

В 1833—1834 гг. Гоголь, уже автор популярных «Вечеров на хуторе близ Диканьки», человек, близкий к Пушкину, вспомнил о своем опальном, находящемся под надзором полиции, учителе и стремился оказать ему поддержку.

В письме из Петербурга 2 июля 1833 г. Гоголь рекомендует Белоусова своему другу, известному этнографу, историку и литературоведу Михаилу Александровичу Максимовичу⁴, который из Москвы собирался ехать в

¹ Гоголь в нежинском лицее (из воспоминаний В. И. Любича-Романовича), «Исторический вестник», 1902, кн. 3, стр. 556.

² В. И. Шенрок, Материалы для биографии Гоголя, т. 1, М. 1892, стр. 102.

³ П. А. Кулиш, Записки о жизни Гоголя, т. 1, СПб. 1856, стр. 100.

⁴ М. А. Максимович (1804—1873), уроженец, так же как и Гоголь, Полтавской губ. — профессор ботаники Московского университета, а затем профессор русской словесности и первый ректор Киевского университета, известный собиратель и издатель украинских народных песен, автор многих исторических и филологических работ, в том числе статьи «В защиту украинских повестей Гоголя»,

Киев: «Если Вы будете в Киеве, то отыщите экс-профессора Белоусова. Этот человек будет Вам очень полезен во многом, и я желаю, чтоб вы с ним сошлись».

Максимович поехал в Киев лишь через год. В письме от 27 июня 1834 г. Гоголь, мечтая о том времени, когда он сам сможет приехать в Киев, снова напоминает Максимовичу о Белоусове: «Да, приехавши в Киев, ты должен непременно познакомиться с экс-профессором Белоусовым. Он живет в собственном доме, на Подоле, кажется. Скажи ему, что я просил его тебя по любить, как и меня. Он славный малый, и тебе будет приятно сойтись с ним».

Пять лет прошло с момента окончания Гоголем нежинской гимназии, но он живо помнил и дружбу, и любовь к нему Белоусова, и его вдохновенные лекции. Не имея возможности в письме подробно охарактеризовать Белоусова, Гоголь смело и настойчиво рекомендует первому ректору Киевского университета и профессору словесности М. А. Максимовичу своего опального друга, изгнанного за политическое и религиозное «вольнодумство» из нежинской гимназии.

В следующем письме, от 2 июля 1834 г., Гоголь вновь напоминает о Белоусове: «Я думаю, ты теперь можешь много кое-чего открыть в Киевопечерской лавре, а для чичероне возьми Белоусова, о котором я тебе писал».

И, наконец, в письме от 18 июля того же года Гоголь, повидимому не получая от Максимовича никаких сообщений о Белоусове, запрашивает его: «...познакомился ли ты с Белоусовым, как я тебе писал в прошлом письме? Он находится теперь при графе Левашеве».

Только через пять лет после нежинской истории Белоусову разрешили поступить на гражданскую службу, оставив в силе запрещение заниматься научно-педагогической работой. С помощью друзей Белоусов был определен на должность помощника секретаря в канцелярию киевского губернатора Левашева.

Гоголя живо интересовала судьба Белоусова, и он был рад тому, что в жизни Белоусова наступило некоторое

в которой Максимович отстоял Гоголя от реакционных нападков и извращений со стороны Кулиша. Оригиналы 26 писем Гоголя к Максимовичу хранятся в Киеве в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР. Отрывки из писем Гоголя к Максимовичу цитируем по оригиналам.

улучшение. Не получая об этом известий от Максимовича, Гоголь писал из Петербурга своему школьному товарищу В. В. Тарновскому 7 августа 1834 г.: «Я слышал, что Белоусова дела довольно поправились, я этому очень рад. Да, пожалуйста, скажи, если будешь в Киеве, Максимовичу, который там профессор словесности, что я просто приеду и поколочу его на все бока... Вот ровно месяц, если не больше, как я от него ни строчки не получаю».

Во всех названных нами письмах к Максимовичу, говоря о Белоусове и рекомендуя его, осторожный и предусмотрительный Гоголь, зная, что царские жандармы перлюстрируют письма, ни одним словом не упоминает «дела о вольнодумстве», за которое пострадал Белоусов. И только в письме от 14 августа 1834 г. Гоголь иносказательно говорит об этом деле и о своем отношении к нему.

В этом письме Гоголь просил Максимовича оказать содействие знакомому Гоголя — С. Д. Шаржинскому¹ в определении его на педагогическую работу, называя Шаржинского в письме к Максимовичу (18 июля 1834 г.) «преинтереснейшим и прелюбезнейшим человеком... сохранившим все, что требуется для молодости, несмотря на то, что ему сорок лет».

Гоголь отмечал, что Шаржинский «воспитывался в здешнем педагогическом (петербургском. — Д. И.) институте, где окончил курс, был отправлен учителем в Феодосию, после в другие места, в южной России». Далее Гоголь замечает, что Шаржинский служить в Нежине «не изъявляет желаний, зная..., что тамошние профессора большие бестии, от которых уже товарищи его, вместе с ним воспитывавшиеся и бывшие там профессорами, пострадали».

Гоголь предусмотрительно не называет имени товарищей Шаржинского. Нетрудно, однако, установить, зная биографии профессоров, пострадавших по «делу о вольнодумстве», что речь идет о прогрессивном профессоре Казимире Варфоломеевиче Шапалинском. Он разделял многие убеждения Белоусова и оказал последнему большую поддержку в его борьбе против реакционных профессоров-«бестий» Билевича, Никольского, законоучителя Волинского, директора гимназии Ясновского.

---

¹ Семен Данилович Шаржинский, хороший знакомый Пушкина и Гоголя.

Михаил Александрович Максимович.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

К. В. Шапалинский с 1810 по 1815 г. вместе с Шаржинским учился в Петербургском педагогическом институте, а в ноябре 1820 г. был назначен младшим профессором нежинской Гимназии высших наук.

Реакция сурово расправилась с Шапалинским. В декабре 1830 г. он был отстранен от должности старшего профессора нежинской гимназии и с «волчьим паспортом» сослан в Вятку. Только в 1836 г. ему было разрешено в Вятке вступить на пражданскую службу. До самой кончины ему, так же как и Белоусову, была запрещена научно-педагогическая деятельность.

Интересно отметить, что по «делу о вольнодумстве» пострадал и сам Гоголь. Несмотря на то, что на выпускных экзаменах в среднем по 24 предметам он получил отличные оценки, а годовичные результаты за девятый класс также по 24 предметам у него в среднем хорошие, по настоянию консервативных профессоров, у которых Гоголь был на подозрении, он не был удостоен звания кандидата и XII классного чина, тогда как ученик гимназии Егор Котляревский, первым сообщивший директору Ясновскому о том, что Белоусов призывал к ниспровержению и даже убийству государя, получил это звание и чин, хотя он имел такое же количество баллов, как и Гоголь.

Мать Гоголя, повидимому, была проинформирована сыном о преследовании его «профессорами-школярами» и о несправедливости по отношению к нему при определении званий и классных чинов. Она писала об этом своему двоюродному брату П. П. Косяровскому: «Никоша мой имеет чинок в ранге университетских студентов 14 класса. С ним несправедливо поступили, так же как с другими, в его отделении бывшими, по причине партий их наставников. Ему следовало бы получить 12 класс... Главное, что надо было более ласкаться к ним, а он никак не мог сего сделать».

Гоголь не хотел заискивать перед реакционной группой преподавателей и директором Ясновским, держал себя независимо и неизменно оставался на стороне Белоусова. За это он не был удостоен звания кандидата наук, хотя и имел для этого все основания.

Нам не известно, исполнил ли в 1834 г. Максимович просьбу Гоголя: встретился ли он с Белоусовым. Во второй половине 30-х годов Белоусов был переведен для продолжения гражданской службы из Киева в Петербург.

В это время Гоголь находился за границей, куда уехал в июне 1836 г. после первых представлений «Ревизора» на сцене петербургского Александринского театра.

Нежинским друзьям не удалось встретиться в Петербурге, и Гоголь очень сожалел об этом. Это видно из письма Гоголя из Рима Н. Я. Прокоповичу в Петербург от 15 апреля 1838 г.: «Поклонись от меня Белоусову, ежели увидишь его, и скажи ему, что мне очень жаль, что не удалось с ним увидеться в Петербурге»¹.

На этом обрываются упоминания Гоголя о Белоусове в его письмах из-за границы. Неизвестно, встречался ли Гоголь с Белоусовым во время его кратковременных приездов в Петербург. Вместе с тем у нас есть основания утверждать, что Гоголь не забывал своего учителя и друга до конца своих дней и помнил его даже в самые трудные периоды своей жизни и своего творчества.

Белоусов не только оказал большое прогрессивное влияние на формирование мировоззрения молодого Гоголя. Его духовный облик был перед Гоголем, когда великий писатель страстно и мучительно работал над созданием второго тома «Мертвых душ».

Мы полагаем, что черты своего любимого учителя и наставника Н. Г. Белоусова Гоголь показал в образе молодого Александра Петровича, учителя Андрея Ивановича Тентетникова, в первой главе второго тома «Мертвых душ».

Характеризуя «историю детства и воспитания Андрея Ивановича Тентетникова», Гоголь писал: «В детстве был он остроумный, талантливый мальчик, то живой, то задумчивый. Счастливым или несчастным случаем попал он в такое училище, где был директором человек, в своем роде необыкновенный, несмотря на некоторые причуды. Александр Петрович имел дар слышать природу русского человека и знал язык, которым нужно говорить с ним. Никто из детей не уходил от него с повиснувшим носом, напротив, даже после строжайшего выговора чувствовал он ка-

---

¹ Летом 1835 г. Гоголь посетил Киев. Повидимому, в Киеве Гоголь часто встречался с Белоусовым. В «Письмах о Киеве» (СПб, 1871) Максимович вспоминал: «Гоголь уезжал с утра к своим нежинским знакомым и с ними странствовал по Киеву; возвращался лишь вечером...». Здесь Максимович имел в виду Белоусова, ибо в Киеве в это время из нежинских друзей Гоголя был лишь один Белоусов.

тани въ хт мисну приботио и при
вудит инстемеко гуд похунаи а бо
д соу наринанно забеситице доиннои
во Киевъ, что все соинани и то
мудридими урикиот и бою стору
Ба, приаавши в Киевъ онъ даиши
поуришно поуакоитице сь дна
предсиромъ втмоуавице онъ на
вети в советномъ доин на ждони
кажета. енаму ену то/ураши.
его тебе, шодитт какъ и кеи. Онъ
славной талой и тебе будони при
вдйтисъ сь киемъ.

За поууномъ какъ тоина тива втбже
федъ даиш в дорого то тоина
пиши камаи инд вв интупреуи
с отива кама дорого д аур, каур, ...
вотри понашустна неабивид пиши
инт понашустна инт. доинаши онъ
дорого и дорого непаурад отив тебе
пиши д уи енурао.

Н. В. Гоголь. Письмо к М. А. Максимовичу
Киев. 27 июня 1834 г. Буде
сестра. инт. дорого инт. камаши
твоему инт.

Автограф последней страницы письма Н. В. Гоголя от 27 июня 1834 г.
М. А. Максимовичу.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

кую-то бодрость и желанье загладить произведенную пакость и проступок».

Далее Гоголь характеризовал вольную, демократическую обстановку, в которой проходило воспитание детей в училище, которым руководил Александр Петрович, и замечательные его способности как воспитателя и наставника: «Толпа воспитанников его была с виду так шаловлива, развязна и жива, что можно было принять ее за беспорядочную необузданную вольницу; но он обманулся бы: власть одного слишком была сильна в этой вольнице. Не было проказника и шалуна, который не пришел к нему сам и не рассказал всего, что ни напроказил. Малейшее движение их помышлений было ему известно. Во всем поступал он необыкновенно. Он говорил, что прежде всего следует пробудить в человеке честолюбие, — он называл честолюбие силою, толкающею вперед человека, — без которого не подвигнешь его на деятельность. Многих резвостей и шалостей он не удерживал вовсе: в первоначальных резвостях видел он начало развития свойств душевных. Они были ему нужны затем, чтобы видеть, что такое именно таится в ребенке. Так умный врач глядит спокойно на появляющиеся временные припадки и сыпи, показывающиеся на теле, не истребляет их, но всматривается внимательно, дабы узнать достоверно, что именно заключено внутри человека».

Эти примечательные строки, несомненно, в большой мере воссоздают обстановку в нежинской Гимназии высших наук в тот период, когда Белоусов был инспектором и ему было поручено руководство пансионом гимназии, в котором воспитывался Гоголь.

Именно во времена инспекторства Белоусова в гимназии господствовал дух демократической вольницы, который профессора-консерваторы называли «беспорядками». Это можно документально установить из материалов «дела о вольнодумстве» и, в частности, из донесения профессора истории К. А. Мойсеева, который до Белоусова исполнял обязанности инспектора гимназии.

Мойсеев примыкал к консервативной группе профессоров. В рапорте от 16 апреля 1827 г. Мойсеев доносил конференции о том, что при Белоусове «пансионеры начинают читать непозволенные книги, в классах при задаваемых им вопросах оказываются занятыми не столько учением, сколь выучиванием театральных ролей».

О том, что в тот период, когда управляли гимназией Шапалинский и Белоусов, «пансионеры начали пользоваться неумеренною свободою так, что воспитанники того времени... называли оное золотым временем», сообщал Ясновский в докладной записке на имя Адеркаса.

Примечательны и те строки Гоголя, где он характеризует высокие качества Александра Петровича как воспитателя и наставника. Несомненно, что его образ идеализирован Гоголем. Вместе с тем несомненно также и то, что в нем видны некоторые реальные черты Белоусова. Именно Белоусов обладал достоинствами, о которых говорил Гоголь. Он «имел дар слышать природу русского человека и знал язык, которым нужно говорить с ним».

Белоусов понимал душу ребенка, умел рассмотреть свойства детского характера и воспитать его в прогрессивном духе. И он, так же как Александр Петрович, «многих резвостей и шалостей не удерживал вовсе: в первоначальных (детских. — Д. И.) резвостях видел он начало развития свойств душевных». И он возбуждал в детях чувства благородного соревнования и честолюбия, толкающие, по выражению Гоголя, человека вперед.

Недаром молодой Гоголь, столь сдержанный в оценке своих нежинских наставников и учителей, так восторженно отзывался о Белоусове, называя его «редким человеком», которому пансионеры «обязаны своим счастьем». Он подчеркивал его дружеское расположение к ученикам и его заступничество перед «профессорами-школярами», его исключительное умение организовать занятия и игры гимназистов. Гоголь настойчиво рекомендовал матери советовать всем «везти детей своих» в Нежин, ибо они «во всей России не найдут лучшего» учебного заведения¹.

Убедительным доказательством того, что именно Белоусов послужил Гоголю прототипом образа Александра Петровича, учителя Тентетникова, является характеристика преподавательской деятельности Александра Петровича, данная Гоголем: «Большую часть наук читал он сам, — писал об Александре Петровиче Гоголь. — И надо сказать правду, что, без всяких педантских терминов, ...воззрений и взглядов, которыми любят пощеголять молодые профессора, он умел в немногих словах передать самую душу

¹ Письма Гоголя к матери от 16 ноября 1827 г. и к Г. И. Высоккому от 17 января и 19 марта 1827 г.

науки, так что и малолетнему было очевидно, на что именно ему нужна наука. Он утверждал, что всего нужнее человеку наука жизни, что, узнав ее, он узнает тогда сам, чем он должен заняться преимущественнее».

«Эту-то науку жизни сделал он предметом отдельного курса воспитания,—продолжал далее Гоголь. —...В этом-то курсе Александр Петрович показал, что знает точно науку жизни. Из наук были избраны только те, которые способны образовать из человека гражданина земли своей. Большая часть лекций состояла в рассказах о том, что ожидает впереди человека на всех поприщах и ступенях государственной службы и частных занятий».

Заканчивая чрезвычайно интересную характеристику Александра Петровича, Гоголь говорит, что молодой профессор не скрывал от своих учеников трудностей их будущей деятельности в условиях крепостнической России. Но трудности не останавливали юношей, они рвались вперед к полезной общественной деятельности. «Словом, чертил он (Александр Петрович. — Д. И.) пред ними вовсе не радужную будущность, — писал Гоголь, — но странное дело! Оттого ли, что честолюбие уже так сильно было в них возбуждено; оттого ли, что уже в самых глазах необыкновенного наставника было что-то говорящее юноше вперед! — Это чудное словцо, производящее такие чудеса над русским человеком, — то ли, другое ли, но юноша с самого начала искал только трудностей, алка действовать только там, где трудно, где нужно было показать большую силу души».

Литературоведы считают, что Гоголь в лице Александра Петровича нарисовал идеальный образ учителя. Нетрудно, вместе с тем, убедиться, зная характер деятельности Белоусова в нежинской гимназии, методику, стиль и содержание его лекций, что все сказанное Гоголем об Александре Петровиче в большой мере применимо к Николаю Григорьевичу Белоусову.

Именно молодой профессор Белоусов читал лекции «без всяких педантских терминов». Именно «он умел в немногих словах передать самую душу науки». Вспомним хотя бы характеристику лекций профессора Белоусова, данную Кукольником: «С наступлением нового 1826 учебного года... Белоусов открыл преподавание естественного права, как курс предварительный и продолжавшийся не более двух ме-

сяцев; но эти два месяца были для нас важнее целых годов. С необычайным искусством Николай Григорьевич изложил нам всю историю философии, а с тем вместе и естественного права, в несколько лекций, так-то в голове каждого из нас установился прочно стройный систематический скелет науки наук»¹.

Так же как Александр Петрович, Белоусов говорил о связи науки с жизнью, пропагандировал только те прогрессивные знания, «которые способны образовать из человека гражданина земли своей».

И, наконец, так же как Александр Петрович, Белоусов не рисовал перед своими юными слушателями радужных перспектив. Он говорил о трудностях служения прогрессу в условиях самодержавно-крепостнической действительности и звал своих учеников вперед.

Все это дает основание утверждать, что, рисуя образ передового и талантливого русского педагога Александра Петровича, Гоголь имел перед своим духовным взором живой образ своего любимого учителя Николая Григорьевича Белоусова, и многие черты его как человека и педагога воплотил и обобщил в образе Александра Петровича.

Доказательством того, что образ Александра Петровича взят Гоголем из жизни, может служить показание самого Гоголя, записанное с его слов его знакомым Д. А. Оболенским.

Осенью 1851 г. в Москве Д. А. Оболенский посетил Гоголя и спросил его, как идет работа над «Мертвыми душами». Гоголь отвечал: «Приходите завтра вечером, в восемь часов, я Вам прочитаю».

Гоголь исполнил свое обещание.

На следующий день вечером в присутствии Д. А. Оболенского и А. О. Россета он прочитал «с неподражаемым совершенством» первую главу второго тома «Мертвых душ». Окончив чтение, Гоголь обратился к слушателям с вопросом: «Ну, что вы скажете?». Восхищенный Оболенский ответил, что он поражен «художественной отделкой» произведения. «Я этому рад», — сказал Гоголь и просил, чтобы Оболенский или Россет вслух прочли ему некоторые места. Желание Гоголя было исполнено. Оболенский вспоминал, что «по окончании чтения Россет спросил у Гоголя: «Что, Вы знали такого Александра Петровича

¹ «Лицей кн. Безбородко», СПб. 1881, стр. 242.

(первого наставника Тентетникова) или это Ваш идеал наставника?». При этом вопросе Гоголь несколько задумался и, помолчав, отвечал: «Да, я знал такого». Я воспользовался этим случаем, чтобы заметить Гоголю, что, действительно, его Александр Петрович представляется каким-то лицом идеальным... он сравнительно с другими действующими лицами как-то безжизнен. «Это справедливо, — отвечал мне Гоголь и, подумав немного, прибавил: — Но, он у меня оживет потом»¹.

Следовательно, личность передового педагога, которого Гоголь встречал в жизни, в такой мере занимала творческое воображение писателя, что он нарисовал его не только в первой главе, но, повидимому, и в не дошедшей до нас части второго тома «Мертвых душ».

Яркие впечатления о нежинском периоде жизни Гоголя нашли свое отражение не только в образе Александра Петровича, прототипом которого, несомненно, является Н. Г. Белоусов.

Любопытно в этом плане рассмотреть и типичный образ Андрея Ивановича Тентетникова, причем не того Тентетникова, с которым нас знакомит Гоголь в первой главе второго тома «Мертвых душ» (тридцатичетырехлетнего молодого человека, родного брата Обломова, «коптителю неба», принадлежавшего, по образному выражению Гоголя, «к семейству тех людей, которых на Руси много, которым имена увальни, лежебоки, байбаки»), а с Андреем Тентетниковым в юности, в школьный период его жизни, в период его духовного созревания.

«Остроумный, талантливый мальчик, — как его характеризует Гоголь, — то живой, то задумчивый», горячо любивший своего необыкновенного учителя и наставника Александра Петровича, «одобрительное слово которого бросало его в сладкий трепет», был потрясен внезапной смертью учителя.

После его смерти «в училище все переменилось», — продолжал Гоголь. В гимназии «не было жизни», «мертвечиной» повеяло от школьной науки.

С грустью Андрей Тентетников «слушал горячившихся на кафедрах профессоров и вспоминал прежнего наставника, который не горячась умел говорить понятно. Он слушал и химию, и философию прав, и профессорские углуб-

¹ «Русская старина», 1873, декабрь, стр. 943—947.

ления во все тонкости политических наук, и всеобщую историю человечества, ... но все это оставалось в голове его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму, он чувствовал только, что не так должно преподаваться, а как — не знал. И вспоминал он часто об Александре Петровиче, и ему бывало так грустно, что не знал он, куда деться от тоски».

«Но у молодости есть будущее, — восклицал Гоголь, продолжая повествование, — по мере того, как приближалось время к выпуску, сердце у него билось. Он говорил себе: «Ведь это еще не жизнь. Это только приготовление к жизни: настоящая жизнь на службе: там подвиги». И, по обычаю всех честолюбцев, понесся он в Петербург, куда, как известно, стремится со всех сторон России наша пылкая молодежь».

Но чиновничье-бюрократический Петербург разочаровал мечтателя. Его пыл «осадила с самого начала его дядя, действительный статский советник Онуфрий Иванович. Он объявил, что главное дело — в хорошем почерке, а не в чем-либо другом..., а Тентетников писал тем самым письмом, о котором говорят: «Писала сорока лапой, а не человек». С большим трудом и помощью дядиных протекций, проведя два месяца в каллиграфических уроках, достал он, наконец, место списывателя бумаг в каком-то департаменте».

Далее следовала характеристика пошлой, бюрократической жизни департамента, с которой не смог примириться Тентетников. И здесь часто вспоминал он своего «несравненного, чудесного воспитателя» Александра Петровича, и школьное время казалось ему таким высоким в сравнении с мелкими канцелярскими занятиями.

Под влиянием прогрессивно настроенных друзей, «которые не могли переносить равнодушно... несправедливостей», Тентетников возненавидел своего начальника, резко поговорил с ним и, несмотря на уговоры дяди, подал в отставку и уехал к себе в деревню.

Затем следовали страницы о том, как передовые стремления Тентетникова, придя в столкновение с действительностью, потускнели, он опустил и постепенно превратился в типичного «коптителя неба», байбака и лежебоку.

Типичный образ Андрея Ивановича Тентетникова, нарисованный великим писателем-реалистом, как бы предвосхищал образы Гончарова — Александра Адуева и Ильи

Обломова. И недаром Гончаров, называя себя учеником Гоголя, писал: «От Пушкина и Гоголя в русской литературе... никуда не уйдешь. Школа пушкино-гоголевская продолжается доселе, и все мы, беллетристы, только разрабатываем завещанный ими материал»¹.

Рассказывая «Историю воспитания и детства» Тентетникова, Гоголь так характеризует его в момент поступления в учебное заведение: «Двенадцатилетний мальчик, остроумный, полузадумчивого свойства, полуболезненный попал в учебное заведение, которого начальником на ту пору был человек необыкновенный».

Эти строки, несомненно, автобиографичны. Все черты юного Андрея Тентетникова полностью были присущи Николаю Гоголю в период поступления его в нежинскую Гимназию высших наук. Ему было 12 лет. Он был болезненный, золотушный мальчик. Природный юмор и остроумие сочетались в нем с задумчивостью и замкнутостью.

Отношение Андрея Тентетникова к своему наставнику и учителю Александру Петровичу весьма напоминало отношение самого Гоголя к Николаю Григорьевичу Белоусову. Гоголь так же высоко ценил, любил и уважал Белоусова, как Тентетников Александра Петровича. Белоусов пробуждал у юноши Гоголя такие же высокие чувства и стремления, как Александр Петрович в юноше Тентетникове.

Подобно Тентетникову, молодой Гоголь мечтает о Петербурге, о государственной службе как о подвиге и подобно мечтам Тентетникова, его мечты приходят в столкновение с суровой действительностью.

Подобно Тентетникову, Гоголь возлагал большие надежды на поездку в Петербург. В письмах из Нежина к Г. И. Высоцкому он мысленно переносится в этот «райский», в его юношеском воображении, город.

«Мысленно перескакиваю в Петербург: сижу с тобою в комнате, брожу с тобою по бульварам, люблюсь Невою — морем»². «...Уже ставлю мысленно себя в Петербурге, в той веселой комнатке окнами на Неву, так как всегда думал найти себе такое место. Не знаю, сбудутся ли мои предположения, буду ли я точно жить в этом райском

¹ И. А. Гончаров, Литературно-критические статьи и письма, Л. 1938, стр. 157—158.

² Письмо Г. И. Высоцкому от 19 марта 1827 г.

месте, или неумолимое веретено судьбы зашвырнет меня... в самую глушь ничтожности»¹.

Так писал Гоголь в 1827 г., а в 1829 г., когда он переехал в Петербург и столкнулся с пошлой жизнью столичного общества, от его юношеских романтических мечтаний не остается и следа.

Уже в первом письме к матери из Петербурга 3 января 1829 г. Гоголь замечает: «Скажу еще, что Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал, я его воображал гораздо красивее, великолепнее, и слухи, которые распускали другие о нем, также лживы».

В письме к своей матери от 30 апреля того же года Гоголь дает меткую и образную характеристику внутреннего содержания серой и тусклой жизни чиновничьего мира столицы: «Тишина в нем (Петербурге. — Д. И.) необыкновенная, никакой дух не блестит в народе, все служащие да должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях, все подавлено, все погрязло в бездельных, ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их».

Убедившись, что в «бездельных, ничтожных трудах» в департаментах нельзя не только совершить подвига, но и принести какую-либо пользу, Гоголь, подобно Тентетникову, оставляет службу. О своем отрицательном отношении к карьере чиновника Гоголь пишет матери также и в письме от 24 июля 1829 г.: «Что за счастье дослужить в 50 лет до какого-нибудь статского советника... и не иметь силы принести на копейку добра человечеству... изжить там век, где не представляется совершенно впереди ничего, где все лета, проведенные в ничтожных занятиях, будут тяжким упреком звучать душе. Это убивственно!».

Следовательно, в образе молодого Тентетникова Гоголь изобразил одного из передовых молодых людей своего времени, которые после окончания учебных заведений стремились в столицу с самыми благими намерениями — послужить своему отечеству на государственной службе. Таким был и сам Гоголь.

Этим, собственно, и ограничивается сходство между ними. Коренное же различие между Гоголем и Тентетниковым заключается в том, что Тентетникова засосала тина пошлой жизни. Не находя применения своим богатым за-

¹ Письмо Г. И. Высоцкому от 26 июня 1827 г.

даткам, он постепенно превращается в «лишнего человека», типичного увальня и байбака. Не таков был Гоголь. Вдохновенным словом гениального писателя-сатирика боролся он против пошлостей и мерзостей жизни в условиях николаевского режима. И убедительным доказательством этого является все его бессмертное творчество.

15

Подведем краткие итоги сказанному.

На протяжении семи лет (с 1 мая 1821 по 27 июля 1828 г.) Н. В. Гоголь обучался в нежинской Гимназии высших наук. Почти все это время (по октябрь 1827 г.) во главе гимназии стояли прогрессивные педагоги-профессора И. С. Орлай, К. В. Шапалинский, Н. Г. Белоусов. Это обстоятельство в значительной мере способствовало тому, что в гимназии господствовал прогрессивно-демократический дух несмотря на происки отдельных реакционных преподавателей — М. В. Билевича, П. И. Никольского, протоиерея Волынского и других.

Воспитанники гимназии читали запрещенную прогрессивную и революционную литературу, устраивали школьные спектакли, издавали рукописные школьные журналы, вели оживленные беседы на общественно-политические и литературные темы.

В этой благоприятной обстановке формировалось мировоззрение молодого Гоголя, складывались его общественно-политические и литературные интересы, были написаны первые его ученические произведения.

Обстановка в гимназии резко изменилась в связи с приездом в Нежин в октябре 1827 г. нового директора гимназии Д. Е. Ясновского, верноподданнически настроенного ловкого и хитрого чиновника. Ясновский, решительно ставший на сторону реакционной профессуры, поддержал обвинения в «вольнодумстве», выдвинутые реакционными преподавателями Билевичем, Волынским против Белоусова, Шапалинского и др., и принял активные меры к расследованию этого «дела».

«Дело» о политическом и религиозном «вольнодумстве» прогрессивной группы профессоров нежинской Гимназии высших наук — Н. Г. Белоусова, К. В. Шапалинского, И. Я. Ландражина, Ф. О. Зингера, С. М. Андрущенко — было, несомненно, откликом общественно-исторических

событий: разгрома декабристского движения и усиления в стране политического гнета николаевской реакции.

Главный обвиняемый по «делу» талантливый русский профессор политических и юридических наук Николай Григорьевич Белоусов, который одно время исполнял обязанности инспектора гимназии, проповедывал в своих лекциях по естественному, государственному и народному праву, безусловно, прогрессивные идеалы. Деятельность Белоусова как инспектора и его педагогические воззрения были также прогрессивными.

Всею системой своих философских, политических, экономических и педагогических взглядов Белоусов отрицал самодержавно-крепостнический строй николаевской России. Воззрения Н. Г. Белоусова во многом были идейно созвучными взглядам А. П. Куняцына. В отдельных же вопросах, как, например, о борьбе с деспотической властью монарха, Белоусов, в большей мере чем Куняцын, был сторонником революционного действия, он признавал необходимость свержения и даже убийства царя-деспота. В большей мере чем Куняцын Белоусов стихийно приближался к материалистическому миросозерцанию.

Дружеские отношения между двадцатисемилетним профессором Белоусовым и восемнадцатилетним студентом Гоголем определились еще в 1827 г. и продолжались до самой смерти Гоголя. Юноша Гоголь высоко ценил Белоусова, как выдающегося прогрессивного педагога и организатора школьной жизни.

Гоголь был взволнован и возмущен происками консервативных профессоров во главе с Билевичем, направленными против Белоусова и близких к нему студентов. С момента возникновения «дела о вольнодумстве» Гоголь безоговорочно стал на сторону Белоусова и оказал ему сильную помощь.

Из-за идейной близости к Белоусову Гоголю после окончания гимназии, по настоянию реакционной профессуры, не была присвоена степень кандидата, хотя по количеству баллов на выпускных экзаменах он имел право на получение этой степени.

После изгнания Белоусова из нежинской гимназии с «волчьим паспортом» и отдачей его под надзор полиции с пожизненным запрещением заниматься научной и педагогической деятельностью Гоголь стремился оказать поддержку Белоусову, облегчить его участь.

Вольнолюбивые произведения Пушкина, революционные стихи Рылеева, а также прогрессивное влияние на Гоголя Белоусова явились теми факторами, которые развили и укрепили прогрессивные взгляды юного Гоголя.

Живые и сильные впечатления и наблюдения юношеских лет Гоголь отразил в своем творчестве и, в частности, в тот период, когда он страстно и мучительно работал над созданием второго тома «Мертвых душ».

Изображая в первой главе второго тома «Мертвых душ» школьную обстановку, в которой проходило воспитание Тентетникова, рисуя образ передового и талантливого русского педагога Александра Петровича — учителя Тентетникова, великий писатель воссоздал перед своим духовным взором школьную обстановку, в которой проходило его собственное воспитание в Нежине, живой образ своего любимого учителя Николая Григорьевича Белоусова, и многие черты его как человека и педагога воплотил и типизировал в нарисованном им образе Александра Петровича.

Демократические и гуманистические тенденции в мировоззрении Гоголя, которые наметились еще в детстве, окрепли и получили свое дальнейшее развитие в ранний, нежинский период его жизни. Уже в это время определился интерес Гоголя к жизни народа и народному творчеству. Общение с народом не только отвечало юношеским запросам Гоголя, но и было для него источником творческого вдохновения.

Проповедь политического и религиозного «вольнодумства» Н. Г. Белоусова встретила в лице Гоголя подготовленного слушателя. Несмотря на скрытность молодого Гоголя, его прогрессивные идеалы сказались и в раннем творчестве, в особенности в юношеской поэме «Ганс Кюхельгартен», и в его отношении к Белоусову и «делу о вольнодумстве», и в его записях в «Книге всякой всячины, или подручной энциклопедии», и в его нежинских письмах.

К моменту окончания нежинской Гимназии высших наук у девятнадцатилетнего Гоголя не только сформировались основные черты его прогрессивного мировоззрения, но и наметились некоторые особенности его будущего сатирического обличительного стиля, критического отношения к действительности, особенности его реализма и романтизма.

Огромное влияние на Гоголя передовой русской культуры, его тесная связь с трудовым народом были той

прочной основой, на которой выросло творчество Гоголя, начиная от живописных, полных светлого оптимизма «Вечеров на хуторе близ Диканьки» до гениальных «Мертвых душ», которые, по словам Герцена, «потрясли всю Россию».

„ДЕЛО О ВОЛЬНОДУМСТВЕ“

(Материалы и документы)

РАЗБОР ЛЕКЦИЙ ПРОФ. Н. Г. БЕЛОУСОВА
ПРОТОИЕРЕЕМ ПАВЛОМ ВОЛЫНСКИМ*

1827 $\frac{VII}{20}$

В конференцию Гимназии высших наук князя Безбородко

*От законоучителя той же
гимназии нежинского прото-
иерея Павла Волынского*

Конференция сия в полном собрании членов ея сего июля 4-го дня поручила мне представленную того же 4-го июля младшим профессором Белоусовым при рапорте его тетрадку преподаваемого им естественного права для прочтения и рассмотрения, не находится ли в содержимом оною тетрадкою правоучении чего-либо для юношеских умов или сомнительного, или сбивчивого, или противного догматам веры либо государственным постановлениям. По прочтении и рассмотрении сей тетрадки г-на Белоусова, скрепленной исправляющим должность директора гимназии старшим профессором Шапалинским, оказались в некоторых местах оной мысли при научении юношества к сбивчивым и к ложным понятиям ведущие, а именно:

1-е. В общем обозрении истории естественного права на странице 4-й и 5-й, говоря о началах права по системе Томазия, как-то о справедливом, честном и приличном, именует г-н профессор Белоусов сии начала неважными, тогда как справедливого и честного закон божий держаться повелевает следующими в послании к (филипписеем)

---

* Публикации подготовлены к печати Д. М. Иофановым и И. В. Шубинским.

главе 4-й, стих 8 словами: елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добро[дет]ель и аще кая похвала сия помышляйт[e] [и бог мира] будет с вами, почему счита[ю] наименование справедливого и честного неважным есть предосудительно. — Говоря далее о начале Вольфия *perficete* и о присовокупленном к оному другими *et perfice alios*, хотя упомянуто, однако ничего за оное или против оного не сказано; на самом же конце истории неопределительно упоминается о критике чистого практического ума Канта с приметным преимуществом оного пред прочими системами: какое же начало берет сам г-н Белусов за начало естественного права, о том ясно нигде ничего не сказано, разве в сходственность с оным чистым умом Канта, не считать ли за начало права то, что, упоминая о Гундлинге, с первой строки пятой страницы говорит, что он, то есть Гундлинг, возвратился на прямой путь, утверждая, что доказательства естественного права должно почерпать из разума. Таковая неопределительность или обоюдный смысл при положительном учении вредны тем паче, что если разум человеческий берется за начало правоучения естественного, без подчинения сего самого разума высшему закону, какова есть для всех творений и для самого человека воля божия, то таковое начало легко быть может обращено в худое направление юных умов.

2-е. На странице 1-й в § 3 определяется предмет или недостаточно или не совсем справедливо, ибо писано: «Предмет права есть то, чем человек посредством его права исключительно располагать может». В сем определении нет ограничения чрез понятие исообразности с законом, ибо ник[ак] [пред]полагать не можно никакого человеческого права прежде существования закона. За таковым определением предмета права делает в § 4 сбивчивое положение, говоря: «...предмет врожденных прав может быть только в самом человеке». И сказав сие, утверждает несправедливою причиною, ибо по своему существованию в чувственном мире человек не имеет ничего, кроме себя, своей души и тела, следовательно, и предмет врожденных прав может только быть в нем самом. Таковое положение для неопытных умов юношеских небезопасно, ибо, во-первых, человек существует не в одном чувственном, но и в духовном мире, а сверх того, он имеет еще что-то более

кроме себя, души и тела. Из сего положения далее в § 7-м как бы прямым следствием выводит новое совершенно с несправедливым понятием положение, говоря: «Человек имеет право на свое лицо, то есть он имеет право быть так, как природа образовала его душу и тело и потому достоинство разумной природы в чувственном мире составляет ненарушимость лица». В пояснении сем открываются два заблуждения. Ибо ежели человек, имея право на свое лицо, имеет право быть так, как здесь сказано, то, во-первых, отрицать здесь можно всякое повиновение закону, во-вторых, уничтожается власть родителей на детей, воспитание или учение их делаются ненужными, притом, слова достоинство разум[н]ой природы в чувственном мире, как опре[де]ляющие ненарушимость лица, ни здесь, ни предварительно не изъяснены; а посему хотя бы ненарушимость лица сама по себе сколько-нибудь и была понятна, но в чем состоит достоинство разумной природы в чувственном мире — неизвестно; да и почему в одном чувственном мире? Такая неопределительная одним чувственным миром ограниченность ведет к заблуждениям материализма.

3-е. В § 17-м несправедливо положение: «Владение прекращается, как скоро доселе бывший владетель не хочет исключать других от употребления вещи, или таковое владение делается для него физически невозможным» и непосредственно из сего в § 18-м выведено другое: «По прекращении владения всякий другой имеет право опять пользоваться вещию в оном находящеюся». Сии положения отнимают и понятие, и возможность наследования во владении, на котором, уже не говоря о других наследствах, наконец основывается благосостояние семейств.

4-е. В пояснении к § 20 сказано: «Некоторые писатели, не сделав себе точного понятия о первоначальном праве, иногда почитали оным то, что не только первоначального, но даже и простого права составить не может, таким образом, в числе первоначальных прав поставляли право на справедливость слов другого, на доброе имя и прочее». Ежели право на справедливость слов другого и на доброе имя не заключается в понятии первоначального (о коем, впрочем, нигде ничего не сказано) права, то, по крайней мере, отнюдь не может совершенно [бы]ть исключено вообще из права, хотя бы он[о] ...стое было; и паче сие прямо противно св[ященному] писанию и учению церкви, которая

касательно справедливости слов говорит в послании к Ефесеям глава 4-я, стих 25: «Тем же отложше лжу, глаголите истинну, кийждо ко искренному своему, зане если друг друга удове». А касательно имени доброго, сам орган истины свят. апост. Павел в послании к корифянам, глава 9, стих 15, о себе говорит: «а в виде себя и о всех добрее мне паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднить».

Вслед за сим и в § 25 выведено слишком вольное положение, в коем сказано: «все врожденные права находятся для всех людей в безусловном равенстве», таковое равенство прав может быть разве касательно одного животного инстинкта; но инстинкт еще не есть источник прав, ибо всякое право должно проистекать из нравственного божеского закона, в котором ап. Павел говорит в послании к римлянам — глава 12, стих 6: «Имуще дарования по благодати данной нам различна», и к корифянам, — глава 7, стих 7: «Кийждо свое дарование имать от бога: ов убо сице, ов же сице».

В § 23 положения, говоря о предмете приобретенных прав, подтверждает оное положение содержанием вышеупомянутых параграфов 4-го и 7-го, а в § 33-м без всяких удовлетворительных изъяснений, коих здесь вовсе нет, подтверждаются § 17-м и § 18-м, коим, как выше сказано, уничтожается наследование. — Далее, § 34-й, § 36-й и § 37-й о собственности так изложены, что из оных видно равное право всех людей на сущность или на материи вещей даже в собственности чьей-либо находящихся, ибо по сим параграфам видно, чт[о] вещи собственными почитаются толь[ко] [дот]оле, пока форма не разрушена, ни соединена с ними, что в § 43-м без ограничения весьма ясно подтверждается следующим положением: «Ежели форма вещи, чрез которую она сделалась нашею собственностью, уничтожилась, то и право собственности над нею само собою прекращается».

5-е. В главе о обидах в § 48-м, говоря, что «всякий обидчик имеет юридические обязанности к вознаграждению», присовокупляет к сему следующее несправедливое положение: «и обиженный сам определяет меру вознаграждения», а за сим непосредственно в § 49 сказано: «Кто отказывается от вознаграждения, тот теряет свою неприкосновенность, составляющую, как выше сказано, достоинство разумной природы в чувственном мире». Сие последнее

49-го § разумея и обиженном непосредственно выше в 48-м § упомянутом ведет к неблагомыслию, ибо в послании к солумянам, глава 5, стих 15, сказано: «Блюдите да никто же зла за зло кому воздаст: но всегда доброе гоните и друг ко другу и ко всем», и еще в послании к колосаям, глава 3, стих 13: «приемлюще друг друга и прощающе себе, аще кто на кого имать поречение, якоже и Христос простил есть нам, тако и вы над всеми же и сами стяжите любовь. Еже есть «союз совершенства».

6-е. В § 52-м несправедливо определяется наказание чрез взаимное нарушение прав того, кто чужие права нарушит. — Сие ведет к самоуправству и [к] непрерывной войне и в § 53-м коим он... подтверждается как своим следств[ием] также несправедливо сказано, что обиженный имеет право на наказание того, кто его обидел. Сие несправедливо потому, что право наказания принадлежит не обиженному, а закону, иначе опять выйдет самоуправство и также война. В § 61-м сделано неограниченное положение: «вынужденное обещание никогда не обязывает», сие положение показанному в нем слову н и к о г д а исключает всякие законные случаи, и потому может внушать юношеству вредное понятие насчет исполнения законных обещаний. — Таковые и подобные им наставления и другие, каковые и сама еще конференция усмотреть может, в классической науке положительным образом юношеству преподаваемого естественного им права, нахожу я цели воспитания юношей несоответственными и с самим благочестием несообразными, тем паче, что в оной врученной мне для пересмотра тетрадке между правилами нигде ничего не было преподано о должностях к богу и к родителям, к наставникам, к начальству и вообще к ближнему, даже и к самим себе.

Прилагая при сем оную г-на профессора Белоусова тетрадку для возврата в конференцию, имею честь сей конференции о всем вышеписанном донести. Подлинный подписал: законоучитель, нежинский протоиерей Павел Волынский.

[С] подлинным верно: ученый секретарь С. Андрущен[ко]¹.

---

¹ «Гоголдана» № 1369.

ПОКАЗАНИЯ УЧЕНИКОВ ГИМНАЗИИ ВЫСШИХ НАУК
КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО КАСАТЕЛЬНО ЕСТЕСТВЕННОГО
ПРАВА ПРОФЕССОРОМ БЕЛОУСОВЫМ ПРЕПОДАВАННОГО

1827 года 29 октября ученик 8-го класса Федор Михно, которому от роду 18 лет, на вопрос — узнает ли он тетради пансионера Новохацкого, в числе представленных в конференцию г-м профессором Билевичем (здесь предложены были все оные тетради), отвечал: что тетрадь под буквою «Б» о праве естественном, на которой он приметил подпись Новохацкого, точно имел он у себя и с нее списывал, а другой тетради Новохацкого, г-м Билевичем в конференцию представленной, он не узнает и у себя оной не имел. Причем, когда Михно показал, что у него есть еще тетрадь собственною его рукою написанная, то по требованию конференции и сию тетрадь представил, показывая, что в оной введение списано в марте месяце сего 1827 года с тетради Новохацкого и Кукольника, а самое естественное право с тетради Филипенка; списывал же он тогда, когда естественное право окончено и читано было римское право; что переписку сию сделал он по приказанию профессора Билевича, у которого он квартировал и теперь квартирует, дабы быть готовым к экзамену; ибо свое прежнее естественное право потерял. Сверх того объяснил, что профессор Билевич в его, Михна, учение права естественного не вникал прежде того, а когда по приказанию Билевича он, Михно, сие право списал с тетради Новохацкого, тогда Билевич подлинную Новохацкого тетрадь у него отобрал, а списанную ему оставил; что он, Михно, имел собственную тетрадь чрез страницу писанную, в которой недоставало некоторых лекций, а потому он сию тетрадь порвал; что о сем праве Новохацкий сказал, что ученики составляют записки естественного права сами из слов профессора Белоусова, после его лекции, приводя мысли в порядок; что профессор Белоусов спрашивал и объяснял введение в естественное право большею частью с тетрадью, и самое естественное право объяснял по тетради собственной; под именем же введения понимает он, Михно, (понятие) естественного права (и) историю (оного); что он в сентябре месяце 1826 года списывал введение в естественное право с тетради ученика Родзянки, которое, как ему кажется, писано рукою ученика 9-го класса Николая Котляревского; что оно было кратко и потому

ему не нравилось; что его, Михна, уверил Новохацкий, что его тетрадь просматривана и исправлена рукою профессора Белоусова и что она истинная и полная. К сему показанию собственноручно подписался ученик 8-го класса Федор Михно. В сем показании на первой странице в предпоследней строке вместо: «без тетради» переправлено: «с тетрадью», а на сей второй странице на первой строке очерчено речение: понятие, на второй строке очерчены речения: и, потом: оно го; на шестой строке приписано речение: оно и замарано речение: слишком.

Верно: директор Ясновский

ПОКАЗАНИЕ ЕФИМА ФИЛИПЧЕНКО

Того же 29 октября ученик 8-го класса Ефим Филипченко, 21 года от роду, будучи спрошен: его ли тетради под буквами «Г» и «В», из которых на первой написано *Jus naturis* и имя Филипченка, а на другой *Jus naturis cum historia ejusdem*, и то же имя, показал, что сии тетради точно ему принадлежат и писаны его рукою: в первой под буквою «Г» содержится собственно естественное право и писано с тетради, с которой велел списать профессор Белоусов и в которой, по словам его, Филипченка, не сделано от него никаких прибавок; во второй — под буквою «В» — содержится замечание о естественном праве и история естественного права; касательно надписей на сих двух тетрадях Филипченко показал, что тетрадь под буквою «Г» надписана учеником Гудимою, вместе с ним квартирующим, а надпись на тетради под буквою «В» *Jus naturis cum historia ejusdem* не его руки и чья — он не знает; а когда профессор Белоусов, рассмотревши порядочно, заметил, что то рука не ученическая, то профессор Никольский сказал: «...признаюсь, что это надписал я и что сия тетрадь взята была мною для прочтения»; при сем Филипченко добавил, что ему кажется, что он сию тетрадь давал профессору Никольскому во время болезни профессора Белоусова, когда чтение естественного права было кончено, а читана была история права римского; что тетради сии по требованию профессора Никольского в гимназической церкви, принесены были Филипченком после обедни в его квартиру, а от профессора Никольского взяты профессором Билевичем для сличения с тетрадками Новохацкого и им удержаны. Сверх сего Филипченко показал, что замечания

о естественном праве в тетради под буквою «В» составляемы были сначала с диктовки пансионера Кукольника, который сии замечания разделял на параграфы и давал оным названия и что сии замечания писаны были чрез день пред началом следующей лекции. После же писанного с диктовки Кукольника он, Филипченко, делал иногда и свои дополнения, только очень мало, с замечаний, в классе им сделанных; и потому думает, что его тетрадь не может быть во всем согласна с тетрадью Кукольника. Что касается до истории естественного права, содержащейся в той же тетрадке под буквою «В», то Филипченко показал, что §§ 17 и 18 составлены с его классных замечаний, а прочее почти все списано с диктовки Кукольника, кроме последней лекции на странице 35, до конца списанной с руки пансионера Петра Гороновича; добавлений он, Филипченко, к диктованному Кукольником никаких не делал, а прибавки на полях тетрадки учинены им во время повторения профессорской лекции. Кроме сего Филипченко показал, что профессор Белоусов пенял учеников в классе и, во-первых, его, Филипченка, что они собственно ими составленные замечания из лекций присоединили к естественному праву, которые замечания от тетради Филипченка в последний день перед экзаменом Белоусов оторвал и взял с собою; да сверх того во время лекций выговаривал ученикам часто за неправильное истолкование его слов при повторении и что Белоусов говорил, что он боится им изъяснить, потому что они в противную сторону толкуют его слова; и сие говорил он при лекциях естественного права. Притом Филипченко объявил, что замечания на естественное право, называемые учениками введением, ученики составляли из устных лекций профессора Белоусова, а не с диктовки его или с его тетради. Еще Филипченко показал, что когда ученик Колышкевич читал в присутствии ученика Базилья некоторую статью из введения в естественное право, им составленную и говорил: «...посмотри, как она хорошо написана», то Базиль, обращаясь к нему и к другим, сказал: «...бросьте, что вы вздор понаписывали, это не нужно»; а иногда и ему, Филипченку, говорил подобное и упоминал, что из этого может выйти чорт знает что. — При сем допросе профессор Белоусов объявил, что Филипченко, в то время когда принес к нему копию с его записок, будучи спрошен, где его собственные записки, с коих выдана ему копия от профессора Билевича, отвечал, что оные находятся

у профессора Билевича, и он отдал их чрез посредство Григория Садовничого, жившего тогда по окончании гимназического курса учения у г. Билевича; Филипченко все сии слова подтвердил, но добавил, что тогда сказал сие несправедливо, будучи второпях. На вопрос же, не был ли он, Филипченко, на сих днях у кого-либо из профессоров, отвечал, что он заходил к профессору Билевичу и приносил ему взятую у него книгу; но не застал его дома, а другой раз заходил к квартирующим у г. Билевича ученикам; куда сам г. Билевич пришел и спрашивал его при ученике Маковском, его ли тетради о естественном праве, которые доставил он профессору Никольскому, сам ли он писал их, с диктовки ли писал их; на что Филипченко отвечал, что те тетради его собственные, что писал оные сам и что одну списал он с тетради, данной профессором Белоусовым, а другую составили сами, на что профессор Билевич сказал: «...как бы то ни было, вас об этом будут спрашивать».

К сему показанию собственноручно подписался ученик 8-го класса *Ефим Филипченко*¹.

ПОКАЗАНИЕ АЛЕКСАНДРА НОВОХАЦКОГО

Октября 31-го дня ученик 8-го класса пансионер Александр Новохацкий, которому от роду 16 лет, призван будучи в конференцию, признал своими тетради под буквами «А» и «Б», на которых написано: «Естественное право»; причем, будучи спрошен, показал: что вся тетрадь под именем введе н и е под буквою «А» списана почти слово в слово с тетради Кукольника с некоторыми опущениями и, что он уверен, что в оном введении находится изъяснение профессора Белоусова об отличии естественного права от этики и о вспомогательных науках естественного права; однакож оные статьи изображены не теми словами, какими объяснял профессор Белоусов; что в сей тетради собственных его, Новохацкого, замечаний по лекциям нет; что у него были и собственные замечания по лекциям, но что по написании тетради естественного права под буквою «Б» оные уничтожил. О тетради же своей под буквою «А» Новохацкий говорит, что она, кроме профессорских изъяснений, выше сего означенных, составлена Кукольником из книг; но какие те книги, и где он их взял, не знает, что замечания о естественном праве составлены не при самой лекции, но почти по окончании всего есте-

¹ «Гоголиана» № 1371.

ственного права, что тетрадь его под буквою «А» досталась в руки профессора Билевича таким образом: за несколько времени до экзамена, во время болезни профессора Белоусова, профессор Билевич, имевши уже у себя тетрадь его, Новохацкого, о естественном праве под буквою «Б», данную им ученику Михно для переписки из оной, просил его, Новохацкого, чрез племянника своего Гавриила Билевича во время гулянья на дворе дать ему еще какие-либо замечания о естественном праве; причем сей племянник говорил, что дядюшка будет ему, Новохацкому, благодарен; скоро потом сам профессор Билевич просил его, Новохацкого, в коридоре гимназии о том же; на что Новохацкий отвечал, что у него ничего более о естественном праве нет, но если г. профессору угодно, то он даст; и, действительно, скоро он списал вышепомянутую тетрадь у Кукольника; и тогда, увидевши, что профессор Билевич прошел коридором к квартире профессора Моисеева, поспешил туда, чтобы оную тетрадь вручить ему, Билевичу, но его там не нашел, когда же профессор Моисеев, увидев тетрадь, спросил: «...что то за тетрадь?», то, получивши в ответ, что это естественное право, взял тетрадь в руки и сказал: «...покорно благодарю» (в другой раз Новохацкий показал, что профессор Моисеев сказал: «буду благодарен на будущий год»), после чего Новохацкий тотчас вышел. Сверх сего Новохацкий показал, что у него была тетрадь истории естественного права и самое естественное право, списанное по приказанию профессора Белоусова с начала учебного года, с записок прошлого курса, принадлежавших пансионеру Яновскому и отданных в пользование Кукольнику; какова его тетрадь сего октября предпоследних чисел отдана им по спросу профессору Белоусову, при освидетельствовании в Музее книг находящегося ныне в отпуску пансионера Базиля, которые Новохацкий хранил вместе с пансионером Гютеном; ибо, когда найдены там записки по всеобщей истории и другие ученические замечания, то профессор Белоусов спросил, нет ли у него, Новохацкого, еще каких-либо записок: почему он ему и отдал тетрадь естественного права; на полях сей тетради имеются собственные его, Новохацкого, замечания.

Во второй тетрадке под буквою «Б» также находится в в е д е н и е, оканчивающееся на 14 странице, о котором он, Новохацкий, говорит, что оно кратче введения под бук-

вою «А» и составлено им самим частью из собственных классных замечаний, деланных при лекциях; а большею частью с записок Кукольника, которые из чего составлены он, Новохацкий, не знает. В сей тетради есть замаранные им, Новохацким, на первой странице слова, о которых он показал, что вычернил оные потому, что нашел их неправильными, а на вопрос, — откуда он было взял сии слова, отвечал, что он не помнит из своих ли замечаний или из своей головы, или с замечаний Кукольника. В той же тетради под буквою «Б» находится история естественного права и самое естественное право, которое Новохацкий списал с тетради пансионера Яновского, находившейся у Кукольника; списал же по приказанию профессора Белоусова как прошлогодние диктованные им записки; но и в сих записках, по показанию Новохацкого, находятся прибавки в тексте и на полях с его замечаний, деланных им при лекциях с записок Кукольника. Сверх сего Новохацкий объявил, что пред экзаменом чрез ученика Михна просил он у профессора Билевича возвращения его тетрадей, но получил чрез того же Михна копию с одной тетради под буквою «Б», которая копия пред экзаменом отбрана от Новохацкого профессором Белоусовым и у него находится; требовал же Новохацкий возвращения тетрадей от профессора Билевича потому, что предвидел могущие случиться неприятности и потому, что профессор Белоусов требовал от всех учеников тетрадей и замечаний о естественном праве до экзамена. Когда Новохацкому объявлено было, что Михно в допросе своем показал, якобы он имел у себя его, Новохацкого, тетрадь под буквою «Б» о праве естественном, то Новохацкий подтвердил, что Михно, точно, брал у него для списывания упомянутую тетрадь; что же Михно показал, будто Новохацкий говорил ему, что ученики составляют записки естественного права сами с слов профессора Белоусова после его лекций, приводя мысли в порядок, то сие Новохацкий отрицает; равно отрицает и то показание Михна, что будто бы он уверял его, Михна, что тетрадь его, Новохацкого, просматривана и исправлена рукою профессора Белоусова и что она истинная и полная.

К сему показанию собственноручно подписался ученик 8-го класса *Александр Новохацкий*¹.

¹ «Гоголиана» № 1371.

ПОКАЗАНИЕ НЕСТОРА КУКОЛЬНИКА

1827 года ноября 1-го дня ученик 8-го класса пансионер Нестор Кукольник, 18 лет от роду, будучи призван в конференцию, истребованные от него не сшитые тетради с надписью о естественном праве под буквою «К» в восьми номерах признал своими, объявляя, что составил их как материал для диссертации о естественном праве, в течение учебного курса естественного права, по выметкам из разных авторов, читанных им в пятом и шестом классе до преподавания естественного права, а книги сии, сколько помнит, суть следующие: 1) Dictionnaire philosophique par Voltaire; 2) Contract social de J. J. Roujseau; 3) Emm. Kant. Zum evigen Frieden; 4) L'harmonie du monde; которые, книги, брал он у вольноприходящего ученика Родзянки; 5) L'esprit des lois par Montesquieu брал у бывшего пансионера Василия Романовича-Любича; 6) писанные пансионером Высоцким замечания из Ж. Ж. Руссо и Гюме; 7) писанные замечания Кукольника, отца ученика Кукольника; 8) Taschen Buch; 9) «Телеграф» на 1826 г. В оных замечаниях Кукольника, §§ 1 и 3 составлены из лекций профессора Белоусова. О другой тетради под литерою «С» Кукольник показывает, что она переписана с тетрадок ученика 9-го класса пансионера Яновского без всяких прибавок; а сии тетрадки писаны по диктовке с тетрадок профессора Белоусова. Сверх сего Кукольник показал, что тетрадь его о естественном праве списана с тетради о естественном праве пансионера Маркова. Когда же Кукольнику объявлено было, что ученик Михно показал, что якобы он введение в естественное право списал в марте месяце сего 1827 года с тетради Новохацкого и его, Кукольника, то Кукольник отвечал, что он Михну никаких тетрадей не давал. Показание же Филиппченка, что замечания о естественном праве в тетради его под буквою «В» составлены были сначала с диктовки его, Кукольника, который сии замечания разделял на параграфы и давал оным названия, Кукольник подтвердил и притом добавил, что то были собственные его, Кукольника, мысли; равным образом подтвердил и то показание Филиппченка, что в помянутой тетради §§ 17 и 18 составлены с его классных замечаний, а прочее почти все списано с диктовки его, Кукольника, кроме последней лекции на странице 35 до конца. Что же касается до показаний пансион-

нера Новохацкого, что введение в естественное право, в тетрадке под буквою «Б» находящееся, составлено им самим частью из его собственных классных замечаний, деланным при лекциях, а большею частью с записок его, Кукольника; что историю естественного права и самое естественное право списал он в тетрадь под буквою «Б» с тетради пансионера Яновского, находившейся у Кукольника, что в сей тетрадке находятся прибавки в тексте на полях с его, Новохацкого, замечаний, деланных им при лекциях и с записок Кукольника, Кукольник подтвердил, что он Новохацкому давал свои записки и записки Яновского, тогда у него находившиеся.

Сие показание собственноручно подписал ученик 8-го класса *Н. Кукольник*¹.

ПОКАЗАНИЕ НИКОЛАЯ КОТЛЯРЕВСКОГО

1827 года ноября 2-го дня ученик 9-го класса Николай Котляревский 17 лет от роду, призван будучи в конференцию, подтвердил показание ученика Михно, что он тетрадку естественного права давал ученику Родзянке, кроме введения в оное, которого не имел; причем объявил, что сверх истории естественного права и самого права слушал он от профессора Белоусова предварительные объяснения, относящиеся к естественному праву, которые он читал из книги; а когда профессор Белоусов перестал носить книгу, то стал после того диктовать историю права и самое право, кроме же диктованья Белоусов записок никаких не давал; что по мнению его, Котляревского, тетрадь, данная им при переходе его в 9-й класс для пользования ученику Родзянке, находится и теперь у него, Родзянки.

К сему показанию собственноручно подписался ученик 9-го класса *Николай Котляревский*².

ПОКАЗАНИЕ АЛЕКСЕЯ КОЛЫШКЕВИЧА

Того же ноября 2-го дня ученик 8-го класса Алексей Колышкевич 19 лет от роду, будучи призван в конференцию и спрошен, справедливо ли ученик Филипченко показал о нем, якобы он, Колышкевич, читал в присутствии

¹ «Гоголиана» № 1371.

² Там же.

Базиля некоторую статью из введения в естественное право им составленную и говорил: «... посмотри, как она хорошо написана», — на что, якобы, Базиль, обращаясь к нему и к другим, сказал: «...бросьте, что вы вздор понаписывали? это не нужно». Кошьшкевич отвечал, что он от Базиля этого не слышал.

К сему показанию собственноручно подписался ученик 8-го класса *Алексей Кошьшкевич*¹.

ПОКАЗАНИЕ НИКОЛАЯ ГОГОЛЬ-ЯНОВСКОГО

1827 года ноября 3-го дня ученик 9-го класса Николай Яновский 19 лет, призван будучи в конференцию, показания Новохацкого подтвердил в том, что он тетрадь истории естественного права и самое естественное право отдал в пользование Кукольнику; сверх того, Яновский добавил, что объяснения о различии права и этики профессор Белоусов делал по книге.

К сему показанию собственноручно подписался *Николай Гоголь-Яновский*².

ПОКАЗАНИЕ ПЕТРА ГОРОНОВИЧА

Того же ноября 3-го дня ученик 8-го класса пансионер Петр Горонович 17 лет от роду, когда объявлено ему было в конференции, что ученик Филипченко показал, якобы в тетради его под буквою «В» последняя лекция на странице 35 до конца списана с руки его, Гороновича, он, Горонович, сие подтвердил, сказав, [что] сию статью писано в записке Кукольника по его диктовке и притом добавил, что он пользовался тетрадкою пансионера Маркова, которая рассматривана законоучителем протоиереем Вольнским и которая у него в таком точно виде была, в каком она и теперь находится, что в ней ничего ни прибавлено, ни убавлено и что профессор Белоусов оную у него иногда брал и по ней учил. По словам Гороновича, профессор Белоусов прежде изъяснения истории естественного права и самого права, делал изъяснение о различии права от этики и о вспомогательных науках прав; которых изъяснений он не списывал, и не помнит, приносил ли профессор Белоусов книгу для оного изъяснения или нет. При сем, когда

¹ «Гоголиана» № 1371.

² Там же.

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

г. директор спросил Гороновича, какое различие между естественным правом и этикою, отвечал: «Естественное право занимается рассматриванием внешних прав и обязанностей, а этика — внутренних. Например, если один человек обидит другого, то он по этике должен простить, а по естественному праву может требовать возмездия».

К сему показанию собственноручно подписался ученик 8-го класса *Петр Горонович*¹.

ПОКАЗАНИЕ НИКОЛАЯ РОДЗЯНКО

Того же ноября 3-го дня ученик 8-го класса Николай Родзянка 16 лет от роду, на показание ученика Михна, что он в сентябре месяце 1826 года списывал введение в естественное право с тетрадки ученика 8-го класса Родзянки, которая, как ему кажется, писана рукою Котляревского, он, Родзянко, отвечал, что он Михну давал только списывать историю естественного права и самое право, а введения у него вовсе не было; имел же тетрадь точно от Николая Котляревского, которую и давал списывать Михну, и ту же самую представил после конференции. Сверх сего Родзянка показал, что профессор Белоусов преподавал естественное право из тетрадки; что он, Родзянка, слушал объяснения о различии естественного права от этики и о вспомогательных науках, которые делал профессор Белоусов, имея тетрадь в руках; что он, Родзянка, кроме тетрадки Котляревского никаких других записок не имеет и что профессор Белоусов никаких других не давал; профессор же велел списывать право прошлый год преподаваемое; почему он, Родзянка, взял оное для пользования у Николая Котляревского. На показание же пансионера Кукольника, что он у Родзянки брал книги: 1) *Dictionnaire philosophique par Voltaire*, 2) *Contract social de J. J. Roujseau*, 3) *Emm. Kant. Zum evigen Frieden*, 4) *L'harmonie du monde*, — Родзянка показал, что из сих книг первые две давал Кукольнику читать во время инспекторства профессора Мойсеева, но они ему возвращены; третья книга из показанных оставалась у Кукольника до вступления в инспекторскую должность профессора Белоусова; а когда он, Родзянка, требовал оную от Кукольника, то сей сказал, что он сию книгу сжег; четвертая

¹ «Гоголиана» № 1371.

из выше поименованных книг возвращена ему, Родзянке, от Кукольника тогда, когда отбирали в пансионе книги при инспекторе Белоусове и теперь сия книга у него, Родзянки. Причем Родзянка объявил, что при повторении истории естественного права и самого права, когда достался ему вопрос о Томазии, Вольфе и Канте, то он упомянул в числе сочинений Канта и *Zum ewigen Frieden*, а когда профессор Белоусов спросил, что об этом в классе не говорили, откуда же он это взял, то Родзянка сказал, что он эту книгу читал, и она у него есть; тогда профессор сказал, что этого совсем не говорил, и не нужно об этом упоминать, а нужно только из сочинений Канта упомянуть о..., о котором упомянуто и в тетради о естественном праве.

К сему показанию собственноручно подписался ученик 8-го класса *Николай Родзянко*¹.

ПОКАЗАНИЕ ЕФИМА ФИЛИПЧЕНКО

Того же ноября 3-го дня ученик 8-го класса Ефим Филипченко, в добавление к прежнему показанию при спросе, по какому случаю достались ему копии с его тетрадей, оставшиеся у профессора Билевича, отвечал, что когда он несколько раз требовал от профессора Билевича в начале июня сего 1827 года находившиеся у него тетради, о чем узнал он от профессора Никольского, то профессор Билевич отказал ему в возвращении, а сказал, что копии с оных может он, Филипченко, взять от профессора Никольского, от которого скоро и получил; но он, Филипченко, заметив, что копии сии не во всем сходствуют с его подлинными, не пользовался оными, а брал для пользования тетради пансионера Петра Гороновича недоконченные, кончил же оные сам с тетрадей Егора Котляревского, находившихся у Кошькевича; копии же, как ему, Филипченку, кажется, получив от профессора Никольского, спустя около месяца времени, отдал профессору Белоусову по его требованию.

К сему показанию собственноручно подписался ученик 8-го класса *Ефим Филипченко*².

---

¹ «Гоголиана» № 1371.

² Там же.

1827 $\frac{XII}{16}$

В конференцию Гимназии высших наук князя
Безбородко

*Профессора юридических наук
Николая Белоусова*

Р а п о р т

На рапорт о. законоучителя протоиерея Павла Волынского, коим он доказал конференции, что представленные мною при рапорте моем от 2 июля записки преподаваемого мною естественного права нашел он для воспитания юношей не соответствующими и с самим благочестием несообразных, в котором рапорте сделал разбор оных весьма пристрастным образом, имею честь представить конференции следующее.

1

По поводу рапорта г. Билевича от 7 мая, коим он дает объяснение на рапорт мой, поданный г-ну исправляющему должность директора от 28 апреля и тут же обвиняет меня, что он замеченные им якобы у некоторых учеников некоторые основания вольнодумства приписывает моим запискам естественного права, составленным будто бы по Шаду и Канту, я представил на благоусмотрение конференции записки, по коим я в двух предшествующих учебных годах преподавал естественное право единственно с тою целью, дабы по оным сама конференция усмотрела, сколь несправедливо обвинение г. Билевича и что по оным никак даже предполагать невозможно наведенного г. Билевичем сомнения. По прочтении моего рапорта г. секретарь конференции профессор Андрущенко, держа в руках сии [за]писки и перевертывая листки, говорил: «...признаюсь, я [ко]гда то учился философии, но это уже давно и пото[му] [зак]лючения] дать о сих записках не могу». Потом, об[ратившись] к о. протоиерею Волынскому, сказал: «...не угодно ли вам, батюшка, их рассмотреть». Почему о. Павел и взял оные, хотя я со всеми членами кон-

ференции, быв того мнения, что о. Павел сам не может сделать им надлежаще[го] рассмотрения; но поскольку был совершенно уверен, что в них никто не может найти чего-либо, могущего поселить вольнодумство, а, напротив, при основательном рассмотрении оных оказалось бы, что в оных излагаются истины такие, кои должны уничтожать оное, — то ничего против сего не сказал тем паче, что и все члены конференции молчали, а один только г. Андрущенко делал сие поручение. Я весьма был далек от той мысли, чтоб в них найде[но] было что-либо, могущее отзываться вольнодумством, кое[го], по моему мнению, только два рода: одно против веры, а другое против правительства. Веры оные ни в чем не касаются, против правительства же могло ли быть что-либо там, где доказывается, что повиновение законам государства есть первая и единственная обязанность гражданина, где поселяется повиновение верховной власти начальству и законам.

Записки мною представленные состоят из трех частей: 1) истории естественного права; 2) чистого естественного права и 3) права государственного и народного. Нужно было рассмотреть, какие права принадлежат человеку по одному только его существованию в мире чувственном; потом, допустивши сии права, показать, что человек сих прав, хотя оные ему принадлежат по его природе, защитить и сохранить не может, доколе он не находится в обществе гражданском, в коем верхняя власть оберегает и защищает права всех и каждого, а потому без совершенного беспрекословного повиновения верховной власти не достигается состояние человека на праве основан[ном], нужно было показать, что сия верховная власть, коей права вычислены в государственном праве (на которое разбира[тель] с намерением не хотел обратить никакого внимания), [ ] может везде присутствовать, а потому поставляет от себя чиновников ей подчиненных для произведения [в] действие прав ей принадлежащих, коим по сему самому повиноваться неотменно должно и неповиновение коим преступно. Следовательно, вперяется и повиновение к начальству.

О. протоиерей Павел Волынский (я буду для краткости употреблять в сем рапорте его имя: ибо хотя и все уверены, что не он делал разбор запискам, но он подписал рапорт, в коем тот разбор сделан); не желая видеть связь и совокупность мыслей, из коих бы видел, что одно поло-

жение подкрепляет другое, вырывая, так сказать, некоторые только места из записок и то часто изменяя произвольно смысл оных и толкуя совершенно в противную сторону положения в записках естественного права, мною представленных, коснувшись немного истории, обратил все свое нападение против права естественного, чистого, в коем излагаются только внешние права по одной природе человека, по одному существованию его в чувственном мире принадлежащие ему, между тем как все чистое право взято из того автора, коим руководствовались в преподавании права естественного и в Киевской, на особых правах состоящей гимназии, из коей я, будучи переведен в здешнюю, начал читать по тому же автору и то с величайшею осторожностью, стараясь притом всевозможно непрерывно приводить доказательства необходимости повиновения верховной власти и начальству, будучи уверен, что повиновение таковое есть первая и единственная гражданская обязанность, на коей уже все прочие гражданские обязанности основываются. Небольшое творение автора, взятого мною за руководство, под названием *Jus naturae*, переведено в С.-Петербурге, ныне публичным ординарным профессором одного из российских университетов и посвящено тому, коего заслуги по учебной части в России для нас [драго]ценны; коего сведения употреблены были при воспитании всавгустейшего монарха нашего, удивля[я] мудростию и правосудием весь образованный мир, и сей перевод, как говорит общее мнение между учеными, предпринят по поручению того, кому оный посвящен. Следовательно, я имел надежного автора, при преподавании о коем в предисловии переводившего сказано таким образом: «Якость без поверхностного образа мыслей, строгая математическая метода без педантизма, неподражаемая краткость, при всей возможной полноте суть превосходнейшие достоинства сего небольшого (того, из коего взято все чистое право в моих записках, на которые нападает о. Павел) творения».

Далее сказано: «Читатель, желающий приобрести обширный круг юридических сведений, будет иметь в сем руководстве ариаднину нить, которая предохранит его от соблазна посторонних книжных умствований, желающий иметь справедливое понятие о праве естественном не будет принужден читать множества рассуждений для него скучных и бесполезных. Чиновник, обязанный иметь основательные сведения и по сей части, найдет

верного и нескучного руководителя в исполнении своей обязанности». Таково суждение ученых об авторе, коего я взял для руководства в преподавании естественного права.

2

Самое начало рапорта о. Павла, написанное с какою-то особенною пышностию, может удобно показать, что тут не истины, а чего-то другого ожидать должно. Рапорт сей начинается так: «Конференция сия в полном собрании членов сего июля 4 дня поручила мне представленную того же 4 июля младшим профессором Белоусовым при рапорте его тетрадку преподаваемого им естественного права для прочтения и рассмотрения — не находится ли в содержимом оною тетрадкою правоучении чего-либо для [юно]шеских умов или сомнительного, или сбивчи[вого], противного догматам веры, либо государственным постановлениям». Сие столь напыщенное начало заставляет уже сомневаться, что не отец Павел писал рапорт. Как духовная особа и как старик, он мог бы выразиться с большею простотою, иначе же не принимать на себя то, чего выполнить не в состоянии.

Обстоятельство сие хотя кажется неважным, но не может быть пропущено без внимания. Кто привык, рассматривая слог, замечать характер пишущего, пред тем не может скрыться заключающаяся в сих словах какая-то злобная радость, что, наконец, сии записки вверены о. протоиерею и можно будет под именем духовной особы разобрать их по предположенной цели. Притом же, кто из членов конференции слышал, что о. протоиерею поручались они для рассмотрения, не заключается ли в них чего-либо для юношеских умов сомнительного или сбивчивого или противного государственным постановлениям?

О. протоиерею и по сану своему и по летам можно было рассматривать записки скромно, не прибегая к таким средствам и изворотам, кои показывают неблагомыслие и пристрастие в высокой степени. Первый приступ его к разбору обнаруживает уже пристрастие; ибо с намерением переменить слова и, дав им другое направление, он возражает так: «на стр. 4 и 5, говоря о началах права по системе Томазия, как-то о справедливом, честном и приличном именует г. профессор Белоусов сии начала не важными, тогда как справедливого и честного закон божий держаться

Получившим свидѣнствъ, что Д. Протопоповъ похитилъ отъ
дѣлъ развѣдывателей не только казавъ имъ въ сафъ желанно
дѣлѣ масонство, а и вновь сохранилъ имъ свидѣнствъ
своихъ противъ нихъ. Будущее въ томъ ли состояніи?

О Протопоповѣ и по саму свѣдѣнію по свидѣнствъ
своихъ было развѣдыватель. Замѣтки сурово на оубо.
Вотъ въ томъ ли состояніи и по Протопоповъ, то и по
Звѣдыватель свидѣнствъ и по суровости въ Протопоповъ
мелко. Будущее суровости по развѣдыватель свидѣнствъ
у насъ притупляется; но въ то время свидѣнствъ свидѣнствъ
и да въ томъ ли состояніи, о въ будущемъ ли

Державна
Публічна
БІБЛІОТЕКА
УРСР

повелевает следующими в послании к филипписеям, глава 4, стих 8, словами: «елика суть истина, елика честна, елика праведна, [елика] пречиста, елика прелюбезна, елика доброхваль[на] ащекая добродетель и ащекая похвала, сия помышляйте и бог мира будет с вами», почему считать наименование справедливого и честного неважным есть предосудительно. Можно ли несправедливее начать разбор какому-либо сочинению? О. Павел говорит, что я называю начала справедливого, честного и приличного неважными, чего в записках не сказано; под конец он говорит, что я считаю наименования справедливого и честного неважными, но и сие опять несправедливо. В записках назва[на] система Томазия неважною, а не честное, справедливое и приличное. Притом она названа неважною потому, что Томазий в ней преподает только (это «только» не без намерения поставлено и показывает причину, для чего система Томазия названа неважною) начала справедливого, честного и приличного. Притом, для чего о. Павел умолчал о непосредственно за сим следующим: «...из сего видно, что он этику, или учение о нравах, смешивал с естественным правом». Из всего сего объясняется, почему система Томазия названа неважною. Можно взять в систему самые лучшие, божественные начала, но система не сделается от них лучшею, ежели сии начала или не все к ней принадлежат, или не преподаны надлежащим образом. История философских систем всех веков убедительно нам сие доказывает. Такого ли разбора должно было ожидать конференции от законоучителя протоиерея, по духовному своему сану имеющего право на особую нашу доверенность! И кто же ему дал право, заменяя одно слово другим, произвольно толковать в дурную [сто]рону мои записки, и делать злоупотребление из [свя]щенного писания, применяя в опровержение их текст одного к конструкции, самым им составленной . . . . . какая в записках наход . . . . . , , , ,

3

Сделавши таким образом первый приступ к разбору представленной мною тетрадки, вслед за сим о. протоиерей нашел: «Говоря далее о начале Вольфия *perfice te* и о присовокупленном к оному другими *et perfice alios*,

хотя упомянуто, однако, ничего за оное им против оного не сказано». Против сего я должен сказать, что это весьма темно написано, и тот, который взял рассматривать — нет ли чего в записках моих сомнительного и сбивчивого, должен бы выражаться яснее. Но несправедливо, что за оное и против оного ничего не сказано: ибо на той же странице написано: «...сие начало усовершения (principium perfectibilitatis), равно так и начало социализма, не может служить основанием естественного права и оно не сделалось лучше от того, что другие к вышеупомянутой формуле (т. е. к формуле: усовершай себя per se te из коей Вольф думал вывести все особенные учения естественного права), присовокупивши: и усовершай других et perfect alios».

4

Потом о. Павел продолжает: «...на самом же конце истории неопределительно упоминает о критике чистого практического ума Канта с приметным преимуществом оного («чего? ума Канта?») пред прочими системами», сей пункт весьма непонятен, а потому и отвечать на оный надлежащим образом не можно. Если же тут о. Павел хочет мне поставить в вину, что в истории естественного права отдается приметное преимущество Канту или его философии, то из записок г. Билевича, во всем одобренных о. Павлом, преимущество сие гораздо виднее. В записках, представленных мною конференции при [чтен]ии естественного права более ничего не сказано [о] Канте, как следующее: «Кант своею критикою чистого и практического ума (а не критикою чистого практического ума, как о. Павел пишет) сделал совершенный переворот в философии германской. Его критический метод философствования имел влияние на все науки и, следовательно, в особенности на этику и естественное право. Кант в метафизических начальных основаниях правоучения совершенно отличил и отделил этику от науки права». Здесь более ничего не сказано, как то, что Кант касательно естественного права сделал. Он тут ни расхвален, ни опорочен. Теперь покорно прошу конференцию для удостоверения себя в присутствии о. Павла обратить внимание на то, что говорится в записках г. Билевича о критической философии под конец истории естественного права. Там сказано о сем предмете следующее: «...наконец, в наши времена критическая

философия совершенно отделила правоучение от других сопредельных наук — как-то от нравственной философии и от прочих политических наук, положив начала правоучения формальные, то есть выводимые из формы чистого разума, на которых основана вся естественная юриспруденция». Ежели о. Павел хотел показать неблагонамеренность моих записок, то ему не должно было упоминать о таких предметах, где идет дело об одном и том же у меня и у г. Билевича, ибо у сего последнего, как из вышеприведенного явствует, под конец истории естественного права именно сказано, что на началах формальных, то есть выводимых из формы чистого разума основана вся естественная юриспруденция. И притом сие в записках г. Билеви[ча] сказано непосредственно после того, как он показ[ал] разность прежних законоведцев и философов, [из] коих каждый основывал свою систему на ве. . . . из опыта постигаемых начал, и тогда г. Билевич упомянул, на каком начале и его автор Demartini основывает естественное правоучение, как будто для того, чтобы показать, что начало его автора ничтожно перед началами, выводимыми из формы чистого разума. Так обыкновенно случается, когда без разбору при преподавании науки берут статьи то из того, то из другого автора, не примечая, что часто один из них уничтожает другого. Сверх того, тут же в записках г. Билевича является другого рода странность; ибо он, изложивши о писателях по части естественного права до Вольфа и сказав, что Вольф основал правоучение на понятии о совершенстве, продолжает так: «из чего разность прежних законоведцев и философов видна, ибо всяк из них основывал свою систему на вещественных, из опыта почерпаемых начал, а именно часто на побуждениях, свойственных животным или на чувственном стремлении к благополучию, а частию на воле божьей или на естественных концах или намерениях и на самом существе человека, на каковом начале и наш автор Demartini основывает естественное правоучение». Из всей сей конструкции что оказывается? То, что у г. Билевича начало, на коем Demartini основывает естественное правоучение, то есть на воле божьей или на естественных концах или намерениях и на самом существе человека, — отнесено к вещественным из опыта почерпаемым началам! Присовокупивши теперь к сему то, что непо-

средственно после сего сказано о критической философии и о том, что на началах, выводимых [из] формы чистого разума, основана вся естественная юриспруденция, — видеть, что начало Мартини не годится, между тем как это есть автор, коим руководствовался г. Билевич. Спрашиваю: к чему поведет такое преподавание науки? Не возбудит ли оно в слушателях сомнения к Мартини и не произведет ли пагубных последствий? Таких странностей не только не заметил о. Павел в записках г. Билевича, но еще одобрил оные; между тем как он, дабы более найти противного (по его мнению) в моих записках, изменил конструкции и не хотел понимать слов в том значении, в каком их по определениям понимать должно. Сие небольшое отступление к одобренным о. Павлом запискам г. Билевича сделано мною еще для того, чтобы более показать пристрастие дальнейшего разбора.

5

Далее, о. Павел, прописывая, что нигде ничего яко не сказано, какое начало я сам беру за начало естественного права, делает следующую догадку: «...разве в сходственность с оным чистым умом Канта не считать ли за начало права то, что, упоминая о Гундлинге с первой строки 5 страницы, говорит, что он, то есть Гундлинг, возвратился на прямой путь, утверждая, что доказательства естественного права должно почерпать из разума». Сие умозаключение равно не загадка, что считать за начало права, напрасно. Делающему разбор или должно было оное усмотреть, или не предлагать себе неуместного вопроса. По поводу же Гундлинга сказано... словами: «Гундлинг, хотя не поставил правильного начала [в] своей науке, но возвратился на прямой путь, утверждая, что доказательства естественного права должно почерпать только из разума». Если бы о. Павел прописал весь этот период, то ему бы нельзя было и . . . . упомянутой догадки по оному и делать, ибо тут [сказано], что Гундлинг не поставил¹ . . . . Но делавший разбор не заботился о точности и справедливости. О Гундлинге же сказано, что он «...возвратился на прямой путь, утверждая, что доказательства естественного права должно почерпать из разума» потому, что многие писатели дока-

¹ Рукопись пострадала от пожара. Конца строки в рукописи нет.

зательств сих искали там, где их не должно было искать, пользуясь для сего археологию, филологию, историю и всею своею обширною начитанностию. Причина же для чего в представленных мною записках особенно не сказано, какое полагает начало естественного права, состоит в том, что автор, коим я руководствовался, ни в праве естественном безусловном, ни в праве естественном условном особенно о сем не сказал. А посему и слова о. Павла: «Таковая неопределительность или обоюдный смысл (да где же тот обоюдный смысл?) при положительном учении вредны, тем паче, что ежели разум человеческий берется за начало правоучения естественного без подчинения сего самого разума высшему закону, какова есть для всех тварей и для самого человека воля божия, то таковое начало легко быть может обращено в худое направление юных умов», как заключающая в себе одну догадку и, предполагающие могущий произойти вред для юных умов, буде догадка сия справедлива, — напрасны и неуместны, ибо о. Павел должен был делать разбор только того, что в моих записках заключалось, а предположений и догадок, по моему мнению, ему делать не следовало.

6

В рапорте о. Павла от 2-го пункта до 6-го включительно делается разбор чистого естественного права [услов]ного и безусловного, с одинаковым пристрастием. . . . . настоящего смысла, или противным толкованию. . . . . слов. Хотя я мог бы в опровер[жение] такового разбора сослаться только на автора, из коего оное взято и который по вышепрописанной ему похвале заслуживает, чтобы к нему иметь доверенность, надо бы показать совершенное пристрастие делавшего разбор запискам, не желаю оставить без ответа каждого пункта из рапорта о. Павла.

О. Павел начинает 2-й пункт своего рапорта, опорочивая определение предмета права, и приводит причину, доказывающую, что рассматривающий записки не хочет прямо принимать то, что сам рассматривает. Определение предмета права выражено так: «Предмет права есть то, чем человек посредством своего права исключительно располагать может». О. Павел говорит, что в сем определении нет ограничения через понятие о соответствии с законом, ибо никак предполагать не можно никакого человеческого права прежде существования закона.

Из чего и видно, что сие присовокуплено весьма не-кстати. Ибо предметом какого-либо права может быть только то, чем человек исключительно располагать может посредством своего права, будет ли сие последнее проистекать из положительного закона, или естественного. Положим, что я приобрел себе посредством покупки какую-либо вещь, а потому я чрез покупку приобрел право располагать сею вещью, следовательно, сия вещь сделалась предметом моего права, а так как она чрез сие сделалась моею собственностью, то я могу ее назначать к своему употреблению, или подарить кому, или продать, одни[м] словом, посредством приобретенного на оную вещь[ь] чрез покупку права один могу располагать сиею вещью¹. . . . . исключ[ительно]. . . . . [Дотоле я] не приобрел права на вещь, дотоле она не может составить предмета моего права, и, следовательно, дотоле я не могу оною исключительно располагать. А потому вещи, на кои я еще не приобрел права, не могут быть предметом моего права. Предмет нашего права, какого бы то ни было, должен быть определен прежде изложения науки о правах, дабы дать точное о них понятие, и дабы мы тотчас усмотрели то, что не есть предметом права нашего. Коль скоро мы потеряем из виду предмет права, то будем . . . . . стать предметами наших прав..., то, на что мы никаких прав не имеем, как например, 18-го июня сего года г. профессор Билевич, экзаменовавший слушавших у него естественное право учеников, кончивших курс, не только не соглашался, что мы не имеем прав на бога, но и решительно утверждал, что мы права на бога имеем. А из сего уже усмотреть можно, как не у места присовокуплены сии слова рассматривающего записки: «В сем определении нет ограничения чрез понятие осообразности с законом, ибо никак предполагать не можно никакого человеческого права прежде существования закона». Поелику здесь только говорится о том, что может быть предметом какого бы то ни было права.

7

Далее о. Павел пишет, что за таковым [опре]делением предмета права делаю я (не обращая внимания [на] то, что в рапорте от 2-го июля упоминал, что руководствовался автором позволенным), сбивчивое в § 4 поло[жение]:

¹ Эта строка в рукописи отсутствует. Восстанавливаем ее по смыслу.

«...предмет врожденных прав может быть только в самом человеке». И, сказав сие, утверждал [якобы] несправедливою причиною: «...ибо по своему существованию в чувственном мире человек не имеет ничего, кроме себя — своей души и тела, следовательно, и предмет врожденных прав может быть только в нем самом». На что я имею честь отвечать: где может быть предмет врожденных прав, как не в самом человеке? При самом рождении получает ли человек от природы что-либо другое, кроме своего тела и души? О. Павел называет сие положение небезопасным для юношеских умов. Я же, напротив, уверен, что сие положение не только безопасно, но всякую опасность ложных умствований и от оных проистекающих вредных следствий отклоняет; ибо не распространяет далеко предмета врожденных прав, а велит их находить только в себе самом. О. Павел называет таковое положение небезопасным по двум следующим причинам: 1) «что человек существует не в одном чувственном, но и в духовном мире». Но здесь рассматриваются только такие права, кои человеку, как существу чувственно-разумному, принадлежат по одному его существованию в чувственном мире, как о сем о. Павел мог бы удостовериться из 2-го § тетрадки; следовательно, что принадлежит к духовному миру [здесь] и касаться не должно, иначе все смешалось бы и преподающий и слушающие не выпутались бы из противоречий.

В том-то и состоит достоинство автора, коим я руководствовался, что он с точностью отделил естественное право от того, что к нему не принадлежит; 2) причина, по которой о. Павел называет сие положение небезопасным, состоит, по мнению его, в т[ом], что «...он (человек) имеет еще что-то более кроме... своей души и тела». В чем состоит же сие называемое о. Павлом что-то более — постигнуть не могу. ... [че]ловек в чувственном мире, который... одной природы что-либо более кроме души и тела. Если под сим что-то более, кроме души и тела разумеет волоса и кости, то все сие относится к телу, следовательно, от самой природы человек не получает ничего, кроме души и тела.

Далее о. Павел касательно § 7-го представленной мною тетрадки, в коей сказано: «...человек имеет право на свое лицо, то есть он имеет право быть так, как природа образовала его душу и тело, а потому достоинство разумной природы в чувственном мире составляет ненарушимость лица», утверждает, что в пояснении сем скрываются два заблуждения, «ибо, говорит он, [ежели] человек имеет право на свое лицо, имеет право быть так, как здесь сказано, то, во-первых, отрицать можно всякое повиновение закону». Сие несправедливо. Ибо нет нигде закона положительного, который бы запрещал человеку быть так, как природа образовала его душу и тело. Напротив, законы положительные охраняют наипаче врожденные права человека — его душу и тело. «Во-вторых, — продолжает о. Павел, — уничтожается [сим] власть родителей на детей, воспитание или учение их делаются ненужными». Но разве властью родителей уничтожается душа и тело их детей, разве человек, сохраняя душу и тело, непременно должен не терпеть сей власти над собою, разве родители могут лишить дитя тела, или губить их душу? От чего о. Павел предполагает, что «воспитание и учение их делается ненужными». Разве воспитание и учение уничтожают душу и тело? Напротив, по мнению всех просвещенных, оне развивают. . . . следовательно, душу оставляют. . . Разве при всем образовании душевных сил не остается та же душа в человеке, при всей возможной стройности, которую родители при воспитании могут дать телу своего дитяти, не остается то же тело. Если бы о. Павел обратил внимание на предшествовавший § 6, в коем содержится определение лица, и вникнул в оное, то не написал бы сего примечания на § 7. После сего о. Павел спрашивает еще «...в чем состоит достоинство разумной природы» и отвечает: «неизвестно». Как неизвестно, когда тут же сказано, что сие достоинство состоит в ненарушимости лица. Потом спрашивает о. Павел: «...почему в одном чувственном мире?» Отвечаю: потому, что здесь рассматриваются права человека внешние, а потому, если угодно заменить одно слово другим, то выйдет все одно: «Внешнее достоинство человека разумной природы в чувственном мире составляет ненарушимость лица».

Вслед за сим о. Павел третий пункт своего рапорта, выпустив §§, необходимые для понятия последующего, не вникнул в определения владения, о котором сказано, что оно ничто иное есть, как удержание вещи с намерением самому оную употреблять, пропустив примечание к § 15, где сказано, что владения не должно смешивать с удержанием, а собственностью (с которою он его здесь с намерением смешал); равно не захотев обратить внимание на то, что там же сказано, что владение есть только простое действие (*factum*) исключения других от употребления, а собственность есть у . . . . право на такое исключение; что владение может быть законным и незаконным (причина чему видна из . . . . я и примечания); собственность . . . . а] всегда должна быть законною, — начинает так: «... в § 17-м несправедливо положение: «Владение прекращается, как скоро доселе бывший владелец не хочет исключать других от употребления вещи, или таковое владение делается для него физически невозможным». Между тем как, взявши во внимание определение владения, предшествовавшие сему определению §§ и сверх того § 16, ничто не может быть справедливее сего положения, и доказательств, подкрепляющих справедливость оного, приводить мне нет надобности потому, что всяк тотчас видит умышленную хитрость разбиравшего записки, тем паче, что в гражданской жизни на опыте видим справедливость сего. То же разумеется и о следующем, названном о. Павлом тоже несправедливым § 15: «По прекращении владения всякий другой имеет право опять пользоваться вещью в оном находившеюся», ибо ежели владение есть удержание вещи с намерением самому оную употреблять, то по прекращении владения, таким образом, как в § 17 сказано, вещь делается ничьею, а ничья вещь (*res nullius*) поступает к тому, кто ее первый занимает по известному оному правилу: «*res, quo, nullius est cedit primo occupanti*» . . . . .

Потом о. Павел присовокупляет: «Сии положения (§§ 17 и 18) отнимают и понятия и возможность наследования». Конечно, из такового понятия о владении в тесном смысле не следует еще точного понятия о наследовании.

Но не должно забывать, что наследство почитается естественным, по гражданским [с]пособам приобретения обладания (Dоmіnіu). Посмо[тр]им в законы Юстиниана (коего многие постановления внесены и в нашу кормчую книгу); в оных . . . . . [приоб]ретения наследства . . . . ., а не естественный способ. Но еще лучше всякий член конференции может в сем удостовериться из начальных оснований частного права Кукольника, по коим преподается русское право во многих училищах и кои у нас учат. И там наследство отнесено к гражданским способам приобретения. Впрочем, естественное право может оставить себе понятие о наследстве из понятия о совокупной собственности (Miteigenthum Condominіem), потому что по смерти одного в оной бывшего вся совокупная собственность пребывает у тех, кои остались живыми. Таковая совокупная собственность бывает у отца с его детьми. От того и выходит, что положительные законы согласно защищают (при равных, впрочем, обстоятельствах) права детей на наследство, дальнейшие же родственники различно наследуют у разных народов, или же таковое понятие о наследстве естественное право основывает на понятии о передаче. Впрочем и сего примечания на §§ 17 и 18 не написал бы о. Павел, если бы обратил внимание хотя на § 16, где сказано, что «...для завладения потребно, чтобы вещи никому не принадлежали; ибо очевидно, что чрез такое только завладение мы ничьих прав не нарушаем».

10

В 4 пункте о. Павел опорочивает примечание к § 20, в коем сказано, что некоторые писатели в числе первоначальных (или врожденных) прав справедливо поставляли право как справедливость слов другого, право на доброе имя и пр., — говоря, что сие прямо против[но] священному писанию и учению церкви и подтверждает [сие] касательно права на справедливость слов другого текста из послания к Ефесеям, глава 4, стих 25, коим запрещается лгать сими словами: «тем же отложше лжу, глаголите истину кайждо ко искреннему своему зане есмы друг другу оудове» . . . . . текст? Разве из того, что человек не имеет врожденного права на справедливость слов другого, следует, что человек должен лгать? Как можно отсюда вывести такое след-

ствие? О. Павел здесь и впоследствии смешивает внутренне нравственные обязанности с правами внешними. Всякая несправедливость слов есть нарушение обязанности внутренней к самому себе. Следовательно, кто таким образом поступает, тот делает поступок и в отношении себя безнравственный, но чтобы иметь право на справедливость слов другого, требуется доказать, что несправедливостью слов другого нарушены наши права. В таком случае это будет уже не простая несправедливость слов, но, смотря на соединение обстоятельств, по коим нарушается внешнее право, будем иметь разные другие наименования, как-то: обман, обиды и т. п. и, следовательно, судится из понятия об обмане (как и из §§ 60 и 63 представленных записок усмотреть можно) или из понятия об обиде и т. п., простая же несправедливость слов, без соединения других обстоятельств, не может быть сочтена нарушением внешнего права, а тем менее врожденного или первоначального нашего права.

Но чтобы более видно было пристрастие делавшего разбор представленным мною запискам, то я покорнейше прошу конференцию обратить внимание на записки г. Билевича, которые во всех отношениях одобрены о. законоучителем в рапорте его от 13 августа, а потому осмеливаюсь поставить в параллель то, что в записках г. Билевича говорится о лжи. В сих, одобренных о. Павлом записках, допуская ложь в правоведательном смысле, присовокуплено: «...ибо если бы за всякие последствия долженствовал отвечать тот, который может быть и... другими лицами или наружным видом . . . . .¹ строгость почти совсем уничтожила бы свободу в рассуждении сообщения своих представлений». И вслед за сим еще решительнее говорится: «Впрочем, положим, что неправда сказана умышленно или же легкомысленным образом, то должно ли отвечать за следствия, постигнувшие другого более по собственной его вине или легкомыслию». Ему никто не велел слепо верить вещам без точнейшего исследования и не понуждал его никто оные деяния распространять и на оных основывать свою надежду. Почему же при сих пунктах, а особливо при последнем, где говорится о неправде, сказанной умышленно,

¹ Рукопись пострадала от пожара. Этой строки в автографе показаний Белоусова нет.

не привел о. Павел одного текста из послания к Ефесеям, глава 4, стих 25, и не сказал, что сие прямо противно священному писанию и учению церкви? Неужели о. Павел, изрекая в рапорте своем грозный приговор представленным мною запискам, думал, что никто не будет проверять его слова? Но таково свойство пристрастия!

Потом о. Павел, касательно сказанного в записках, что некоторые писатели несправедливо поставляли в числе первоначальных прав право на справедливость слов, на доброе имя и пр., утверждая, что сие прямо противно священному писанию и учению церкви, продолжает так: «А касательно имени доброго сам орган истины святой апостол Павел в послании к коринфянам, глава 9, стих 15, о себе говорит, а в виде себя и о всех: «Добрее бо мне паце оумрети, нежели похвалу мою кто да испразднит». Как светский человек я не смею брать на себя право толковать сей стих и указывать, для чего сие о себе пишет св. апостол Павел в первом своем послании к коринфянам. Знаю только, как и всякому видно, что стих, коего последняя половина приведена о. Павлом, не содержит в себе ничего такого; из чего бы [можно] было заключить, что человек имеет внешнее принудительное право на доброе имя, а потому совершенно не могу, да и никто не может согласиться, чтобы сказанное в записках к § 20 о праве на доброе имя было прямо противно, как о. Павел утверждает, священному писанию и учению церкви. Если бы многие другие обстоятельства не доказывали, что не о. Павел писал сей разбор, то одно сие замечание в рапорте о. Павла, касательно права на доброе имя, могло бы каждого удостоверить в истине сего. В той самой книге, по которой о. Павел учит нравственной философии в здешней гимназии, на стр. 137 в § 86 полож. V, выведенном из определения чести, сказано следующее: «...честь не состоит во власти нашей так, чтоб мы оную от оных людей насильно могли требовать. Ибо кто душами других людей так повелевать будет, чтобы тех, от коих почтен быть желает, мог понудить к доброму и почтенному о себе мнению». Из одного уже ясно видно, до какой степени тот, кто составлял о. Павлу разбор записок, по коим я преподавал естественное право, во зло употребил его добродушием, ибо если бы справедливо было то, что, как в рапорте о. Павла написано, в пояснении на § 20 оных записок содержится то, что прямо

противно священному писанию и учению церкви, то справедливо было бы, что в книге, по которой о. протоиерей Павел Волынский преподает нравоучительную философию, на стр. 136 в § 86, полож. V содержится то, что прямо противно священному писанию и учению церкви.

Сверх того, в рапорте о. Павла касательно права [на] доброе имя с намерением смешано, как очевидно, [жел]а-ние с правом, между коими великое¹ . . . . . неограничены; из оных иные суть добрые, а другие злые: но права определяются понятием о предмете оных. Что же составляет предмет права, о том видно из § 3, но и сего смешения желания с правом не было бы, если бы о. Павел делал разбор. Ибо в той же книге, по которой о. Павел преподает правоучительную философию, после выше мною приведенного на стр. 137 положения V, на стр. 140 сказано: «желание чести естьли содержится, то никакого не имеет порока. Но еще бывает достохвально, и сам Павел к филипписеем в сем гл. 4 похваляет».

11

Непосредственно после сего о. Павел пишет, что в § 25 выведено слишком вольное положение, в коем сказано: все врожденные права «...находятся для всех людей в безусловном равенстве». Но о. Павел, который в рапорте своем от 13 августа одобрил записки г. Билевича и показывал, что он Демартини читал (хотя утвердительно можно сказать — никогда ни одной страницы сего автора не рассматривал) и до того знает, что, даже не имея книги, уверен, что статьи, означенные на записках г. Билевича взятыми из Мартини, действительно все извлечены из книги сего автора: *Positiones de lege naturo de Martini* должен был хотя в этом случае поступить осторожнее и не выставлять ясно-го своего пристрастия. Поелику о. Павлу известно, что верховное начало естественного права или источник прав Демартинием полагается божия воля, с подчинением оной человеческого ума и всей его природы, то я выписываю из того же самого автора и той же книги, которую разумеет о. Павел, то, что он гово[рит] о равенстве врожденных прав, чтобы конференция [удос]товерилась, что сие положение менее...².

¹ Этой строки в рукописи нет.

² На этом рукопись Н. Г. Белоусова обрывается. «Гоголиана» № 1367.

РАПОРТ ПРОФ. МИХАИЛА БИЛЕВИЧА

Подан 9 декабря 1827

Перед. 1827 $\frac{XII}{21}$

Его высокоблагородию господину директору Гимназии высших наук князя Безбородко надворному советнику и кавалеру *Данилу Емельяновичу Ясновскому*

*От старшего профессора оной гимназии
Михаила Билевича*

Р а п о р т

С начала вступления в должность г. Белоусова в гимназии, начал я встречать от него разные неприятности и оскорбления, которые я переносил терпеливо и даже оставлял без внимания. Но как он, г. Белоусов, впоследствии времени продолжая оные оскорбления нанес мне тяжкие обиды, то я, находясь в необходимости искать себе от оных начальнической защиты, имею честь о том изъяснить вашему высокоблагородию нижеследующее:

1-е. В прошлом 1826 году в июне месяце на публичном экзамене учеников из государственного хозяйства при бывшем г. директоре Орлае и при многих других чиновниках и учениках сей гимназии, г. младший профессор Белоусов нанес мне тяжкую обиду тем, что он на сем экзамене, делая ученикам разные вопросы по таким системам, какие вовсе не должны были входить в предмет преподавания науки государственного хозяйства, сказал при всех чиновниках и учениках, тогда присутствовавших, следующие слова: «...я вижу, что ни ученики, ни профессор ничего не знают». О каковой причиненной мне обиде объявил я с своей стороны тогда же перед всеми гг. присутствовавшими свой протест, а по[сле] того по случаю отъезда г. директора Орлая в Москву 24 июля того же 1826 года последов. . . . . г. Бе[лоусов], дабы он воздержался впредь от таковых обидных для меня его поступков. А как я по причине много различных и из разных предметов тогда бывших экзаменов и по давности уже времени не могу всех припомнить тех чиновников, которые именно были при том экзамене и в самое то время находились в классе налицо, когда он, г. Белоусов, выше означенные обидные для меня слова произнес, на которые я тогда же г. директору и всем присутствовавшим на экза-

мене протестовал, а совершенно только припомню и действительно знаю, что кроме г. бывшего директора Орлая при одном экзамене был в числе многих других чиновников г. профессор Ландражин, который все таковые действия для меня его, г. Белоусова, слова совершенно слышал, как он о том после экзамена и многим другим чиновникам рассказывал, то по сему, ссылаясь на него, г. Ландражина, покорнейше прошу спросить его о том, и буде надобность потребует спросить так же, не знает ли он, кто именно из чиновников тогда при экзамене еще был и о таковой нанесенной мне обиде слышал? Затем, ссылаясь также на г. профессора Иеропеса, которому он, г. Белоусов, сам после того экзамена лично рассказывал свои действия, какие он на экзамене к обиде моей производил, и повторяя ему, г. Иеропесу, те самые обидные для меня слова, какие он и на экзамене говорил, делал к тому еще, к обиде моей, разные похвалки. Сверх сих доказательств опять сам он, г. Белоусов, в своем рапорте от 30 сентября в конференции 15 октября читанном к сугубой обиде моей, утверждает, хотя в другом и несправедливом виде, прописывая в оном рапорте самые свои деяния и все обстоятельства, к[оторые] тогда к обиде моей при публичном э[кзамене]. . . . .

2-е. Но он, г. Белоусов, не токмо не переставал после того причинять мне всякого рода оскорбления, но после того, в сем 1827 году июня 18-го дня, при бывшем экзамене учеников 9-го класса из преподаваемого мною им еще в 1824-м году предмета естественного права опять начал делать ученикам разные вопросы по таким системам, которые вовсе не должны были входить в предмет преподавания, а когда я ему, г. Белоусову, в ответ на его вопросы сказал, что мною естественное право ученикам преподаано было не по той системе и не в тех основаниях, как он, г. Белоусов, их спрашивает, а посему не место нам заводить диспуты в классе о системах, следует же учеников экзаменовывать из того, что им читано и в таких основаниях, в каких сия наука им показана, то тогда он, г. Белоусов, подошедши к ученикам, взял из рук учен[ика] Бородина его тетрадку записок из оногo права и тут же при учениках и при всех присутствовавших на экзамене, читая некоторые статьи из оной, стал изъяснять оные к обиде моей в превратном смысле, называя оные глупыми и бестолковыми, как то сие сказал он о праве на честь и о разделении прав, на права и обя-

занности к богу, к самому себе и к другим людям, утверждая по своей системе, что права на честь, а также и права в отношении к богу, мы не можем иметь никакого, каковое действие его, г. Белоусова, хотя и было для меня весьма обидно и для юношества соблазнительно, но поелику г. исправлявший должность директора, присутствуя при сем, не останавливал его, г. Белоусова, в сем действии, наблюдая совершенное молчание, то я, дабы не подать неуместными оспариваниями юношеству с своей [стороны] соблазна, переносил все сие терпеливо¹... преподанных мною предметов, то я того же 22-го июня подал г. исправлявшему тогда должность директора профессору Шапалинскому письменный от себя отзыв и просил его приказать ему, г. Белоусову, воздержаться при экзаменах от подобных его поступков, которого отзыва копия имеется при делах конференции, при рапорте моем, поданом от 18-го июля 1827 года, о каковых выше прописанных в сем пункте обидных для меня его, г. Белоусова, действиях в доказательство ссылаюсь на присутствовавших при сем экзамене, сколько я помню, гг. профессоров Никольского, Мойсеева, Ландражина и Соловьева.

3-е. А что он, г. Белоусов, умышленно и с намерением к моей обиде все сие делал, то сие явствует из того, что перед экзаменом уже разнесен был между учениками слух, что г. Белоусов приготавлился делать ученикам на экзамене помешательство, дабы они не могли отвечать, как о сем при мне за день перед экзаменом объявил гг. профессорам Мойсееву и Никольскому ученик Змиев, который, хотя ныне, вероятно по чьему-либо научению, в том запирается, говоря, якобы он о том не помнит, но выше прописанные чиновники, слышавшие о том от ученика Змиева, равно как и я сам сие лично слышанное обстоятельство засвидетельствовать и совестью своею подтвердить готов.

4-е. К вящей и сугубой моей обиде с преклонностью г. исправлявшего должность директора профессора Шапалинского к г. Белоусову сего 1827 года сентября 26 дня по полудни в 10 часу собрана была экстраординарная полная конференция, в которой, к обиде моей и к соблазну учеников, призванных в конференцию и в оной спрашиваемых, делано было формальное против меня

---

¹ Рукопись пострадала от пожара. Последнюю строку третьей страницы прочитать невозможно.

следствие за то, что я вместе с гг. экзекутором гимназии и профессором Иеропесом, случайным образом увидевши некоторых пансионеров в той зале, где устроен театр, зашел туда, и нашедши их там без всякого надзора, сказал г. экзекутору, чтоб он объявил, кому следует, что пансионер Яновский, находящийся в числе прочих без надзора в театральной зале, тут же своею дерзостью в словах против меня оказался неблагопристойным, о каковом следствии, над мною учиненном, г. секретарю конференции со стороны г. исправлявшего должность директора приказано было написать журнал, почему и я с своей стороны в объяснение того обстоятельства должен был 2 октября сего же года подать в конференцию рапорт, из коего таковое обстоятельство и явствует.

5-е. Сверх всех таковых выше прописанных и других им подобных, причиненных мне явных обид, он, г. Белоусов, в конференции 4 июля сего года делал похвалки меня выгнать из гимназии, говоря, что он давно бы уже это сделал, но только жалеет моего семейства. О действительности же таковых, г. Белоусовым учиненных в конференции похвалок иссылаюся на самих членов конференции, присутствовавших тогда. Почему всепокорнейше прошу вашего высокоблагородия сде[лать] начальническое о всех таковых г. Белоусовым нанесенных мне тяжких обидах разыскание, учинить к защите моей ваше заключение.

Подлинной подписал: ст. профессор *Михаил Билевич*.

Декабря 9 дня 1827 года.

С подлинным верно: ученый секретарь *С. Андрущенко*¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГИМНАЗИИ ВЫСШИХ НАУК ДИРЕКТОРА ЯСНОВСКОГО О ПОКАЗАНИИ УЧЕНИКОВ КАСАТЕЛЬНО НЕПРИСТОЙНЫХ СЛОВ, ПРОИЗНЕСЕННЫХ В КЛАССЕ ПРОФЕССОРОМ БЕЛОУСОВЫМ ВО ВРЕМЯ ПРЕПОДАВАНИЯ
В 1826 ГОДУ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

При допросе директором Яновским учеников по делу о преподавании профессором Белоусовым естественного права, ученик 8 класса Ефим Иванов, сын Филипченко, 1828 года мая 17 дня, между прочим, показал: что он слышал от ученика Александра Котляревского, будто бы и до посторонних людей дошли слухи о некоторых словах

¹ «Гоголиана» № 1368.

непристойных, говореных в классе профессором Белоусовым, каковых слов и в тетрадах не находится, о каковых словах может показать сам Котляревский.

На другой день после того, то есть 18 мая, ученик 8 класса Алексей Иванов, сын Колышкевич, при допросе о обстоятельствах до естественного права касающихся, спрошен был директором — не знает ли он чего-либо о непристойных словах, говоренных профессором Белоусовым в классе, показал: «Что он, Колышкевич, в прошлом 1827 году осенью виделся в Нежине с служащим черниговской казенной палаты чиновником Тищинским, который ему говорил, что худые слухи в Чернигове об нем, Колышкевиче, носят, что чуть ли он с некоторыми учениками и профессором Белоусовым не поедет в кибитке, и когда Колышкевич спросил Тищинского: «Да за что же?», то Тищинский отвечал, что профессор Белоусов читал на кафедре: «Если государь подл, то можно его убить». Когда же Колышкевич спросил Тищинского, от кого он о том слышал, то Тищинский сказал: «...что сие у них известно и что глас народа, глас божий». При сем разговоре с Тищинским был ученик тогда 8, а теперь 9 класса Александр Котляревский. Колышкевич при сем изъяснил, что он слов, пересказанных Тищинским от профессора Белоусова, никогда не слышал, но носился о сем слух по гимназии, но не помнит, от кого именно он о том слышал.

Александр Николаев, сын Котляревский, в показании 19 мая подтвердил показание Колышкевича: 1-е, что он, Котляревский, при разговоре в 1827 году осенью Колышкевича с Тищинским был и что действительно все показанное Колышкевичем говорено было, но он, Котляревский, от профессора таких слов, что когда государь подл, то можно его убить — не слышал; а знают о том его братья больше. Оные братья его ученики 9 класса, быв приглашены директором и после долгого увещания со стороны директора, чтобы они по сему предмету, как в присутствии божием, говорили правду, показали:

28 мая Егор Котляревский, что в 1826 году, когда он, Егор Котляревский, был в 7 классе, профессор Белоусов, во время чтения права естественного, говоря о верховной власти, обратил свой вопрос к ученикам: «Что, если государь дурак, подлец, то что вы думаете с ним», и когда ученики замолчали, то Белоусов сказал: «Ну, изгнать его, убить». При сем случае были в классе все ученики, кото-

рые теперь в 9 классе; из тех учеников выбыли два: Платон Лукашевич в Одесский лицей, а теперь, как слышно, кончил курс, но где находится, ему, Котляревскому, неизвестно; да Иван Сушков, находящийся теперь в Харьковском университете. Из оставшихся теперь налицо учеников, которые могли слышать выше прописанные слова Белоусова, состоят в 9 классе: вольноприходящие братья его, Егора, — Александр и Николай и Яков Бороздин, живущий у профессора Белоусова и прочие все пансионеры.

29 мая Николай Котляревский подтвердил показание своего брата Егора о словах, сказанных профессором Белоусовым в классе и сам он, Николай, слышал, что тот профессор при лекции естественного права, говоря о верховной власти, обратился к ученикам и спросил: «Если представитель народа — государь подл и во зло употребляет вверенную ему от народа власть, то что с ним должно делать?» И когда ученики молчали, то профессор сказал, что можно такого государя низвергнуть, убить. Сие должны были слышать все ученики тогда 7, а теперь 9 класса, в том числе и Риттер, оставшийся в 8 классе; но всех больше, повидимому, заметил сии профессорские слова ученик Иван Сушков, находящийся теперь в Харьковском университете; ибо он, Сушков, вышедши из класса, имел суждение о тех профессорских словах.

Ученик 8 класса Павел Горонович также был спрошен о сем предмете директором, показал, что профессор Белоусов, при повторении государственного права, говорил, что ежели верховный глава, или представитель верховной власти во зло оные употребляет, то можно его лишити оных прав.

Того же 1828 года мая 17 дня ученик 8-го класса Ефим Филипченко, кроме ссылки его на Александра Котляревского, касательно непристойных слов, говореных в классе профессором Белоусовым, еще показал, что: «...прошлого 1827 года декабря 25 дня, когда он со своим родным братом Петром Филипченко, учителем нежинского поветового училища, был в доме дворянина Гаевского, живущего в Нежине, то бывший там же повета нежинского землемер Подгаевский сказал при нем, Ефиме Филипченко, при брате его и при хозяине Гаевском, что он, Подгаевский, слышал, будто профессор Белоусов на лекции говорил ученикам: «Что ежели государь дурак, или подлец, то можно его изгнать и убить». Он же, Филипченко, тех слов от

профессора не слышал, упомянутые пансионеры, которые могли слышать непристойные слова профессора Белоусова, суть: Николай Григоров, Владимир Марков, Николай Миллер, Николай Яновский, Андрей Божко, Иван Сушков, Яков Бороздин. Они, по словам знакомцев их, находятся теперь: Николай Григоров в Полтавском гусарском полку; Владимир Марков в охотском пехотном полку; Николай Миллер в конноегерском принца Вюртембергского полку; Яков Бороздин у отца своего Псковской губернии в городе Порховка, Николай Яновский, Андрей Божко, двоюродный брат пр[офессора] Белоусова, Иван Сушков и Риттер — в Пстербурге.

Директор Ясновский не решился допрашивать сих учеников, во-первых, не надеялся узнать через них истину: ибо пансионеры подчинялись инспектору..., а, во-вторых, директор опасался, открыв преждевременно сие дело, подвергнуть учеников Филипченко, Котляревских и Павла Гороновича неприятности, которую они испытали потому уже одному, что часто ходили к нему по случаю мнимых им допросов. Впрочем, хотя сии показатели самых лучших свойств, а особливо Филипченко, Котляревские и Павел Горонович, но по важности сего дела и по недополнении оногo показаниями сторонних лиц, как-то Петра Филипченко, учителя нежинского поветового училища, нежинского землемера Подгаевского, живущего в Нежине дворянина Гаевского и служащего в Черниговской казенной палате чиновника Тищинского, да и прочих учеников, которые находятся теперь в гражданском состоянии, могут спрошены законным порядком.

Директор Ясновский не смеет сделать решительного по сему делу заключения, соображая же качества показателей и профессора Белоусова, имеет последнего в подозрении относительно учиненного на него извета...»¹.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ УЧЕНИКОВ АЛЕКСАНДРА ЗМИЕВА
И АЛЕКСЕЯ КОЛЫШКЕВИЧА ВО ВРЕМЯ ДОПРОСА ИХ
ДИРЕКТОРОМ НЕЖИНСКОЙ ГИМНАЗИИ ВЫСШИХ НАУК
Д. Е. ЯСНОВСКИМ

1828 года мая 20 дня ученик 6 класса Александр Змиев по поводу ученика 8 класса Колышкевича о пропавшей у него, Колышкевича, тетради естественного права, которая,

¹ Нежинский филиал Черниговского областного государственного архива, дело № 180а, листы 41—42.

тетрадь, была после у Змиева, показал: что он по просьбе профессора Мойсеева достать ему тетрадь естественного права, что было в конце сентября, или в начале октября 1827 года, взял с квартиры Колышкевича, около того же времени, без ведома его тетрадь естественного права, ему, Колышкевичу, принадлежащую, но, не отдавая оной профессору Мойсееву, пошел посоветоваться с профессором Ландражином, что ему с оною тетрадью делать. Ландражин не советовал ему отдавать той тетради Мойсееву, и оставил у себя, говоря ему, чтобы он никому не сказывал, что тетрадь ему, Ландражину, отдана, что никто о том не узнает и был бы спокоен.

После того Змиев в прошлом году просил Ландражина возвратить ему тетрадь, на что Ландражин отвечал, что тетрадь отдана им инспектору Белоусову, почему Змиев ходил к Белоусову и просил его о возвращении тетради, но сей ему отвечал, что тетради от Ландражина не получал. Почему Змиев опять, уже в начале сего 28 года, несколько раз обращался к Ландражину с просьбою о возвращении тетради, который отговаривался, что тетрадь у Белоусова, а, наконец, сказал, что тетрадь у него, Ландражина, и остается в безопасности, причем грозил ему, Змиеву, что ежели он дальше будет требовать своей тетради, то Ландражин представит в конференцию стихи, переведенные на французский язык и поданные Змиевым Ландражину для поправки, после чего Змиев не требовал у Ландражина тетради.

О сих стихах объясняет Змиев нижеследующее. Он получил их от Мартоса, бывшего ученика 6 класса и уволившегося из оного, а теперь, как слышно, служащего во 2-м Уланском украинском полку, сии стихи касаются до призывания к свободе, под ними подписано было «Кондратий Рылеев».

Когда профессор Ландражин велел в генваре сего года 1828 перевести ученикам на французский язык, что они сами выберут, то Змиев, переведший оные стихи на французский язык, послал их с своим служителем профессору Ландражину, который их у себя поныне оставил, и сии то стихи, как выше сказано, грозил Ландражин представить в конференцию, если Змиев будет требовать возвращения отданной ему Змиевым тетради.

Когда сии стихи, написанные Колышкевичем, бывшим при снятии показания с Змиева, прочтены были Змиевым,

то он сказал, что они слово в слово те же, что он перевел на французский язык и доставил Ландражину.

1828 года мая 20 дня ученик 8 класса Алексей Колышкевич, бывший при допросе ученика Змиева, когда шла речь о переведенных на французский язык и профессору Ландражину представленных стихах Змиевым под именем Рылеева, и когда Змиев объявил, что он тех стихов от слова до слова не помнит, то Колышкевич, зная их наизусть, написал оные при директоре, объявляя при том, что слышал весьма часто бывшего ученика 6 класса Мартоса, читающего оные стихи, он, Колышкевич, мог сохранить оные в памяти и, сверх того, ссылается на учеников 9 класса Котляревских, которые также нередко слышали Мартоса и других учеников, читающих помянутые стихи¹.

ДОНЕСЕНИЕ Д. Е. ЯСНОВСКОГО

Адеркасу

27 апреля 1830 г.

Вашему превосходительству угодно было, препроводив ко мне прошение профессора Белоусова, от 27 апреля текущего [1830] года вам поданное, предписать, чтобы я по надлежащем рассмотрению доставил вам мое по оному мнение, во исполнение такового предписания имею честь донести нижеследующее.

1) Из рапорта, поданного профессором Белоусовым исправляющему должность директора Шапалинскому 24 ноября 1826 г., видно, что он, Белоусов, вследствие распоряжения конференции в журнале от 6 ноября того же года, отбирал у воспитанников пансиона книги и рукописные сочинения, несообразные с делом нравственного воспитания, как он сам выразился. Г. Белоусов относит таковые книги и бумаги ко времени инспекторства профессора Мойсеева. Но из дел известно, что г. Мойсеев уволен по прошению его от инспекторской должности 1 [июля?] 1826 года, а занял его место, по распоряжению бывш[его] директора Орлая и желанию . . . . . г. Белоусов еще несколько ранее, следовательно, нельзя наверное полагать, чтобы книги и бумаги, отобранные по крайней мере через 6 месяцев по увольнении г. Мойсеева, находились при нем в пансионе,

¹ Дело № 180а.

а особливо, что некоторые пансионеры во время вакаций отлучались в дома своих родителей.

О сих книгах и сочинениях можно иметь сомнение и потому, что я, вскоре по прибытии моем на должность в октябре месяце 1827 года, увидел из бумаг, что г. Белоусов должен иметь у себя отобранные им у пансионеров книги и сочинения и слыша от него самого, что между ими есть весьма вредного содержания, напомнил ему, что он обязан был взнести их в конференцию, а когда сего в надлежащее время им не учинено, то предложил бы он те сочинения мне, но г. Белоусов от того уклонялся, изговариваясь, что он имеет причины удерживать оные у себя.

Наконец, когда я принужден был требовать у него помянутые сочинения в конференции, то он отвечал мне, что у него никаких книг и сочинений, отобранных у пансионеров, нет. На таковые слова г. Белоусова обратил я тогда внимание всей конференции.

Пансионер Кукольник представил мне в присутствии инспектора Белоусова свою тетрадь, наполненную мнениями и правилами пагубными, как то явствует из заключения моего о преподавании права естественного. И там под присмотром инспектора Белоусова находились в пансионе рукописания развратительные, уступая даже, что оно составлено было самим Кукольником. Словом: о книгах и сочинениях ученических, скрывааемых от местного начальства и правления, которые одни могли основательно судить о содержании и происхождении их, нельзя настояще сказать, к какому времени и каким лицам они принадлежат и были ли оные даже в пансионе¹.

Последняя статья прошения г. Белоусова вся касается естественного права. Из оной извлечено мною только то, что требует оговорки, или опровержения, как следует.

Профессор Белоусов пишет:

1-е. «Что его недоброжелатели разгласили о вольнодумном его, Белоусове, преподавании естественного права везде, дав читать ученикам рапорт против него поданный, так что многие из них знали его наизусть».

Какой же рапорт давали ученикам читать: ибо их много и притом обширных подано было, кто давал и каким именно ученикам? Г. Белоусов не упустил бы сказать о сем с точностью, если бы это в самом деле было. Для чего

---

¹ Дело № 180а, лист 50.

давать ученикам читать рапорт, когда тетради естественного права во всей гимназии читаны были. От сего произошло, что ученики по всей Малороссии разгласили о учении г. Белоусова прежде, нежели бумаги об оном поступили в конференцию.

2-е. «Что он, желая поселить сколько возможно более уважения к законоучителю и предмету им преподаваемому, требовал, чтобы они приносили от него всегда записку, что скромно сидели в классе и сам же всегда почти находился в коридоре, чтобы ученики, зная то, не всчинили шуму и шалостей, а в класс последнего трехлетия приходил часто сам, просиживал в оном».

Все ученики, а еще более пансионеры знали неуважение г. Белоусова к бывшему законоучителю, которое, неуважение, обнаружил он, Белоусов, необыкновенным образом во многих бумагах, а от того пансионеры, первые месяцы моего в гимназии служения, в классе законоучителя производили самые дерзкие шалости, пока, по жалобам законоучителя и донесениям эскуатора, не были удержаны наказаниями. После того Белоусов бывал в классе очень редко, как бывший законоучитель уверяет, о чем можно спросить его самого.

3-е. Что касательно преподавания в гимназии естественного права существовало запрещение в журналах конференции еще до его, Белоусова, на должность приезда, но почему преподавания оно, когда конференция, по получению уже устава гимназии, ожидала еще, как явствует из ее журналов, разрешения начальства над чтением оно, поручено ему, Белоусову, ничего не знавшему о таком запрещении, того постигнуть он не может¹.

Упоминаемые же здесь донесения Мойсеева поднесены в списках вашему пр[евосходитель]ству при рапорте моем от 8 мая № 55. Впрочем профессор Мойсеев, сколько мне известно, всегда и везде считался ревностным чиновником; равномерно и под моим начальством исполнял свою должность с отличным рвением.

Что касается до состояния, в котором нашел я пансион под надзором инспектора Белоусова, то, по вступлении моем в должность, получил я сведения, что пансионеры в саду делают своевольства и пред моим приездом перелезли через забор в другой смежный сад, чем навлекли на

---

¹ Дело № 180а, лист 56.

себя худые подозрения. Против сего беспорядка приняты были мною немедленно надлежащие меры. В первые же дни моего здесь пребывания приносимы были мне жалобы от большей части учителей и от всех чиновников на непослушание, грубость и наглость пансионеров; а особливо таковые поступки относились к тем наставникам, коих не любил инспектор Белоусов. Последние говорили мне, что для них опасно ходить ночью по коридорам, ибо пансионеры при встрече не только не уступают им дороги, но и толкают их. Сам я слышал, что пансионеры произносили из окошек ругательные слова на эконома, когда он шел по двору.

Пансионер Мотушинский выходил тайно ночью из пансиона и бродил по городу. О сем инспектор Белоусов или не знал, или мне не донес. А когда профессор Иеропес сведал о том, от ученика . . . . . сказал мне и Белоусову, то сей хотел навеять на них обоих сомнение, что они же будто подговаривали Мотушинского выйти ночью из пансиона. При таковых в несколько дней случившихся неурядицах, к удивлению моему, пансионеры, делавши профессорам в классах непослушание и грубость, сами же оставивши во время учения классы, приходили ко мне жаловаться на профессоров.

Между тем дошли ко мне слухи о разговорах пансионеров, что они не подчинены директору. Когда я не совсем еще не доверял таковым слухам, то скоро открылось, что пансионеры действительно заражены были сим странным мнением.

...Законоучитель жаловался мне, что пансионеры в классе его производили такой шум, что ему учить и даже в классе быть не можно. Я поручил эзекутору объявить в классе всем ученикам, что я приказал цензорам записывать шалунов. При сем объявлении пансионеры поднялись и кричали, что их никто не смеет записывать, что они признают своим начальником одного только инспектора и чтобы эзекутор возвратился туда, откуда пришел. При всех подобных случаях инспектор оправдывал пансионеров и винил тех, которые открывали какие-либо беспорядки, а в последнем меня за то, что я приказал записывать всех шалунов без исключения, пансионеров, хотя на них только и жаловался мне законоучитель, уверяя меня своею совестью, что они доходят до неистовства и хотя сам инспектор Белоусов, приглашен бывший и придя по сей же при-

чине в классы закона божия, приходил туда для усмирения пансионеров.

В самом храме божьем сделаны были беспорядки пансионерами. По сему случаю там же Белоусов хотел возложить вину их на пономаря, который ему о том донес. Видя из какого источника проистекают все сии неустройства и удостоверившись, что юноши сами по себе не могли дойти до такой крайности, я решил поступать с ними как с больными, и хотя употреблены бывали пристойные и соответствующие обстоятельствам и качествам лиц обуздания, но больше действовал я увещаниями, которые с божьею помощью не остались тщетными: ибо вскоре пансионеры начали иначе судить и поступать. Дерзость и непослушание прекратились. Самые ближайšie только к Белоусову пансионеры: Кукольник, Халчинский, Новохатский да находившийся с ними в дружбе и тесной приятельской связи с профессорами: Шапалинским, Белоусовым, Ландражином и Зингером вольноприходящий ученик Родзянко покушался делать иногда неприятности профессору Билевичу, но и сии были, наконец, ускоромнены¹.

ВЫПИСКА ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ДИРЕКТОРА НЕЖИНСКОЙ
ГИМНАЗИИ Д[ЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ] С[ТАТСКОМУ]
С[ОУБЕТНИКУ] АДЕРКАСУ ПО ПОВОДУ ЗАПИСОК
ПРОФ. Н. Г. БЕЛОУСОВА ПО ЕСТЕСТВЕННОМУ ПРАВУ

(Мнение Ясновского по поводу прошения Белоусова
от 27 апреля 1830 года, поданного Адеркасу)

...В доказательство того, что истины евангельские противны истинам права естественного проводится учение спасителя «любите враги ваши». Таким образом: «Мнение — люби врагов своих, самое возвышенное во внутренних правах и обязанностях, должно быть принято, но если бы мы приняли оное во внешних правах и обязанностях, то бы *status juridicus* всякого был подвержен опасности. Естественное право основано на законе равного воздания, иначе нарушится безопасность общества... Вера улучшает внутреннюю нашу природу, но для внешней она не имеет такой силы».

В других тетрадях сказано, что для «внешней [природы] человека она [вера. — Д. И.] пагубна. Об этом так же

¹ Дело № 180а лист 57.

говорится, что она улучшает только внутреннее наше состояние, а не внешнее».

Во-первых, святейший закон спасителя о всеобщей любви называется здесь просто «мнением». Сим словом хочет прикрыться необыкновенная дерзость. Надобно во всем отказаться от разума и человечества, чтобы отвращать людей от любви ко всем и внушать им, что такая любовь может быть вредной для них лично и для общества. Если бы все люди исполняли заповедь Христову, то не было бы и врагов, но как они бывают, то законы Христо[вы], с одной стороны, вручают меч властям для наказания нарушителей общего и частного покоя, а с другой, велят повиноваться безусловно всем (без изъятия) законам власти, как от бога происходящей. Вот твердое и неопровержимое ограждение общества.

Но обратимся к всеобщей любви. Можно понимать естественным разумом, что нельзя положиться на любовь того, кто в состоянии ненавидеть и врагов, ибо таковой, считая по некоторому заблуждению своих друзей врагами, может возненавидеть родителей, детей и приятелей, которые готовы для него всем жертвовать. Итак, кто осмеливается утверждать, что заповедь Христова: люби врагов своих, в каком бы то ни было понятии вредна, есть враг человечества. Но он покушается спрятаться под разделением внутренних и внешних обязанностей, или внутреннего и внешнего человека. Это хитрый способ обманывать юношество. Нельзя разделять внутренних обязанностей с внешними. Должно быть добрым внутренне и наружно¹.

...Таким же точно обманчивым мудрованием оскорбляется и ослабляется и вся святая вера, внушающая людям все гражданские добродетели и предписанием мудрых и спасительных правил для всех состояний, званий, полов и возрастов, устанавливающая между людьми такой союз, какого все умы человеческие не могли изобрести.

В сей против веры устремленной статье, вера смешивается с этикой, дабы на место их под именем права естественного поставить всякое нечестие, истинное же право естественное, основанное на законном естественном общении, не противно ни вере, ни истине².

---

¹ Дело № 180а, лист 58.

² Там же.

3-е. Затем, непосредственно следует рассуждение о неизменяемости права естественного, а в противоположность сему выставлен закон божественный, данный Моисею, что сей закон, как «положительный, подлежит изменению». Неизвестно, какой закон Моисея здесь разумеется: нравственный, церемониальный или гражданский, но как не выключено здесь десятизаконие, дары творца естества, то слушатели и читатели неопытные могут легко заключить, что неизменяемое естественное право освобождает их от соблюдения заповедей божьих, или усомниться в святости и неизменяемости оных¹.

4-е. Прежние рассуждения показывают ужасное усилие поколебать евангелие, христианскую веру, этику и законы, данные богом Моисею, а после обвиняются все правительства, что «...будто они стараются воспитывать юношей сообразно своим видам: что такое воспитание, привычки и другие причины переменили человека, то есть: усилили в нем чувственность насчет ума, который один только может дать воспитание настоящее; иначе человека будет *homme machine*», — такое ложное возмутительное мнение весьма способно внушить юношеству недоверчивость к правительству и всем мерам принимаемым для его образования.

И сие происходит в недрах благотельного заведения, тогда как наш мудрый попечительный, неутомимый и добрый государь не щадит никаких трудов и никакого изживания для распространения и приведения в цветущее состояние училищ и умножения учащихся и учащих, и когда уставы его величества полагают главнейшим основанием воспитания веру, благочестие и страх божий, потом полезные науки и искусства².

5-е. Наконец, в учении естественного права является «*status naturalis* состояние естественное или внеобщественное, которое, хотя понимается только посредством отвлечения, но непросвещение людей будто умедляло приближение их к сему идеальному первобытному существованию».

Здесь прилагается все старание доказать действительность оногo. Однакоже приводимые из священной истории примеры не подкрепляют сего неестественного умствования.

---

¹ Дело № 180а, лист 59.

² Там же.

Творец природы отличил человека от всех тварей, вливши в него непреодолимое стремление к общежитию. Это первый закон божественный, управляющий всеми понятиями, мыслями, желаниями и действиями человеческими. Все патриархи следовали сему закону в своих семействах точно так же, как теперь следуют правители народов и члены семейств, как и члены царств ему же покоряются.

Басня сия (то есть басня Белоусова о естественном состоянии людей. — Д. И.) подтверждается здесь баснословно историей, а, наконец, неправдою: . . . . . Ибо ложно говорится, что израильтяне всегда любили быть в сем естественном состоянии и при переселении их из Египта изъявляли неудовольствие против Мойсея за то, что он старался привести их в гражданское состояние. Откуда ж они вышли? Не из многолюдного ли государства, где они под гражданскими законами жили? Куда они шли? В обетованную землю для составления царства. Чем они управлялись в путешествии? Религиєю и законами. Когда они показывали любовь к состоянию внеобщественному? Никогда! Они не имели и понятия об нем.

Из священной и светской истории таковой любви их не видно, а известно всякому из тех историй, что израильтяне роптали на Мойсея по другим причинам, а не потому, что он хотел привести их в состояние гражданское. Но вымышленное таковое внеобщественное состояние названо естественным и все произвольные и ложные следствия, выводимые из одного вымысла, законами естественными для ослепления простых и неопытных людей.

Все возмутители общественного порядка мира и благоденствия обещали прельщенному ими народу сие блаженное внеобщественное состояние, но для достижения оногo сперва устремляли его на опровержение законных властей, на грабеж, зажигательство, насилие и убийство, а, наконец, несчастные исполнители злых умыслов находили под развалинами собственных своих мирных прежних жилищ для себя и семейств своих гроб.

Вот какие правила содержатся в тетрадах учеников, воспитанников пансиона, гимназии и вольноприходящих. Они, без сомнения, весьма далеко распространены и произвели всеобщие слухи о некоем вредном учении, преподаваемом в Гимназии высших наук князя Безбородко¹.

¹ Дело № 180а, листы 59—60.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИРЕКТОРА ГИМНАЗИИ
Д. ЯСНОВСКОГО ПО «ДЕЛУ О ВОЛЬНОДУМСТВЕ»

Из всего сего дела и прилагаемых к оному бумаг явствует: 1-е, что профессор Белоусов, для того учебного курса, в котором учение его, по предмету права естественного, подвергалось сомнению, а потом и разысканию, вовсе не подал конспекта, также не представлял он в надлежащее время исправляющему должность директора профессору Билевичу (с 1 августа по 28 окт[ября] 1828 года) установленных месячных ведомостей о успехах и поведении учеников и особо по пансиону о поведении пансионеров, несмотря на требование исправляющего должность директора профессора Билевича.

2-е, что профессор Белоусов читал естественное право не по книге Демартини, назначенной для гимназии главным учебным начальством, но по своим запискам, а из какого автора оные извлечены не объявил.

3-е, что пагубные мнения, содержащиеся в ученических тетрадах о праве естественном, составлены из его собственных слов, или класонных лекций.

4-е, что подчиненные профессору Белоусову пансионеры научены говорить явную неправду.

5-е, что профессор Белоусов в рапортах своих, в конференцию поданных, непристойными выражениями оскорблял заслуженных мужей: бывшего законоучителя протоиерея Волынского и профессора Билевича.

Посему директор Ясновский и заключает, что профессора Белоусова поступки и действия противны законам его должности и что исправляющий должность директора профессор Шапалинский, как видно из дела, отступал оному от законного порядка и не исполнял своих обязанностей. Ландражин и Зингер действовали с ним в полном согласии¹.

¹ Дело № 180а, лист 115.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авенариус В. П. 164.
Агафья Матвеевна, см. Лукашевич А. М.
Адеркас Э. Б. 314—316, 318, 352, 410, 414.
Аким, см. Нимченко Яким.
Аксаков Сергей Тимофеевич 78, 80—82, 85—91, 97, 98.
Аксакова Ольга Сергеевна 80.
Аксаковы 87, 89, 98.
Александр I 16, 33, 105, 122, 135, 136, 298, 322.
Александр Семенович, см. Данилевский А. С.
Александра Федоровна, см. Тимченко А. Ф.
Алексей Васильевич, см. Капнист А. В.
Алексеев Б. 225.
Алов В. (псевдоним Н. В. Гоголя) 177, 194.
Аман Адольф Иванович 284.
Андрей Андреевич, см. Трошинский А. А.
Андрущенко Семен Матвеевич 136, 311, 320, 321, 359, 369, 383, 384, 405.
Анна Матвеевна, см. Трошинская А. М.
Анненков Павел Васильевич 97, 98, 103.
Артынов Н. Ю. 203.
Афендуля 169.
Ашукин Н. С. 15, 16, 19, 20, 33, 137.

Бабушка, см. Гоголь-Яновская Т. С.
Бажанов Егор Ильич 64.
Базили Константин Михайлович (Базиль) 165, 169, 194, 199, 299, 372, 374.
Байрон Джордж-Ноэль Гордон 193.
Бантыш-Каменский Н. 211.
Баранов Петр Александрович 126, 165, 212, 244, 261.
Барончик, см. Риттер М. А.
Батюшков Константин Михайлович 99.
Бафа 169.
Безбородко Александр Андреевич, кн. 25, 112, 131, 132, 137, 139, 144, 147, 164, 169, 176, 177, 217, 268, 271, 273, 276, 281, 286, 289, 296, 302, 315, 319, 321, 382, 417.
Безбородко Илья Андреевич, гр. 132.
Белезнаева Екатерина 263.
Белецкий Александр Иванович 2, 182, 186.

- Белинский Виссарион Григорьевич 85, 96—99, 168, 190, 191.
 Беловольский Иоанн 67, 68.
 Белозерская Александра Михайловна (Ганна Барвінок) 95—97.
 Белозерский Василий Михайлович 95.
 Белозерская Надежда Александровна 73, 74, 77—80, 88, 95, 99,
 100.
 Белозерский Н. Д. 342.
 Белоусов Николай Григорьевич 6, 136, 152, 265, 266, 273, 280—
 293, 295—322, 324—344, 347—349, 351—355, 357, 359—361,
 365, 366, 369—378, 381—387, 389—418.
 Белоусовы 274.
 Бенедиктов Владимир Григорьевич 168.
 Бестужев-Рюмин Михаил Алексеевич 38, 43.
 Билевич Гавриил 374.
 Билевич Михаил Васильевич 136, 164, 272, 279, 282—291, 293—
 300, 304, 307, 309, 322, 334, 337, 338, 344, 359, 360, 366,
 370—375, 382, 390—392, 394, 399, 401—405, 414, 418.
 Благой Д. Д. 243.
 Бодян (Бодьян) 258.
 Божко Андрей 314, 408.
 Боковой Данила 21.
 Борис Петрович 21.
 Борисовы (братья) 279.
 Бороздин Федор Корнилович 165, 168, 244, 314.
 Бороздин Яков Корнилович 314, 403, 408.
 Бошняк Александр Карлович 93.
 Булгарин Фаддей Бенедиктович 99.
 Бурнашев Владимир Петрович 93, 94.
 Быков Николай Васильевич 74, 88.
 Быков Петр Васильевич 225.
- Ванькин 258.
 Варвара Петровна, см. Косяровская В. П.
 Венгеров Семен Афанасьевич 103.
 Вересаев Викентий Викентьевич 19, 88, 94, 149, 150.
 Ветринский Ч. 103.
 Виельгорский 298, 309.
 Владимир Васильевич 40.
 Владимиров Петр Владимирович 120, 121.
 Возвышенный, см. Кукольник Н. В.
 Воейков Александр Федорович 212.
 Волков В. А. 225, 229.
 Воынский Павел Иванович (Батюшечка, о. Павел) 151, 152, 289—
 295, 299, 303—309, 317, 328, 337, 344, 359, 365—369, 378,
 383—387, 389—401, 418.
 Вольтер Франсуа 301, 311, 376, 381.
 Вольф 366, 382, 389—391.
 Высоцкий Герасим Иванович 120, 121, 152, 169, 173, 182, 183,
 214, 243—248, 257, 258, 261, 262, 282, 336, 337, 357, 358,
 376.
 Высоцкий Иван 121.
 Вышнеградский 275.
- Гаврила Максимович, см. Сорочинский Г. М.
 Гагарин, кн. 218.

Гаевский В. 66.
 Гаевский 312, 407, 408.
 Гельвеций 311.
 Георгиевский Г. П. 204.
 Гербель Николай Васильевич 67, 164.
 Герцен Александр Иванович 36, 362.
 Гете Иоганн Вольфганг 310, 322.
 Гиппиус Василий Васильевич 46, 53, 54, 59, 93, 94, 115, 123, 136, 159, 160, 207.
 Глашинская Л. М. 225.
 Глебов С. И. 340.
 Гоголи 5, 7, 9, 10, 12, 16, 19—21, 23, 27, 32, 38, 43, 46, 73, 77.
 Гоголь Анна Васильевна 78, 88—90, 94, 95, 99, 100, 225, 253.
 Гоголь Аннинька 63.
 Гоголь-Яновский Афанасий Демьянович 10, 11.
 Гоголь Василий Афанасьевич, 4, 5, 10, 11—13, 15, 16, 19—26, 29—40, 45, 46, 49—51, 53—57, 59, 60, 63—68, 71, 72, 90, 111, 112, 124—127, 152, 160, 200, 207—209, 211—214, 219, 226, 229, 230, 252, 273.
 Гоголь Елизавета Васильевна 78, 89, 157.
 Гоголь Иван 105, 108, 109, 118, 122, 123, 160.
 Гоголь Катенька 42, 68.
 Гоголь Мария Васильевна 30, 89, 237.
 Гоголь Мария Ивановна (урожден. Косяровская) 4, 5, 9, 10, 12, 15—17, 24—26, 29—40, 43—46, 49, 50, 65, 66, 68, 71—74, 77—82, 85—91, 93—95, 99, 112, 125, 152, 158, 160, 207, 209, 211—214, 219, 226, 229—232, 235—238, 252, 273, 274, 336, 347, 352.
 Гоголь (Головня) Ольга Васильевна 89.
 Гоголь Остап 9.
 Гоголь Татьяна Васильевна 88.
 Гоголь-Яновская Татьяна Семеновна (бабушка) 10, 11, 127.
 Голицын Александр Николаевич, кн. 105, 107, 110, 122, 324.
 Голованов Ф. П. 16, 63.
 Головня 30.
 Гомер 286.
 Гончаров Иван Александрович 356, 357.
 Гораций 163.
 Горбовский Иван Алексеевич 126.
 Гординский Стефан 11.
 Горонович А. И. 165.
 Горонович Павел 314, 315, 407, 408.
 Горонович Петр 300, 372, 378, 381, 382, 408.
 Грановский Тимофей Николаевич 168.
 Граф, см. Кушелев-Безбородко А. Г.
 Греч Николай Иванович 99.
 Грибоедов Александр Сергеевич 99.
 Григоров Николай 313, 408.
 Григорович Дмитрий Васильевич 67.
 Гудима Егор 371.
 Гундлинг 366, 392.
 Гюме 376.
 Гютен Степан 294, 296, 374.

- Давидович Виктор 116.
Давинье, см. Риттер М. А.
Давыдов 275.
Данилевский Александр Семенович 104, 152, 153, 164—166, 178,
179, 184, 187, 212, 214, 251, 252, 257, 261, 279, 337, 342.
Данилевский Алексей Федорович 41.
Данилевский Г. П. 68, 71.
Демартини 288, 319, 322, 391, 392, 401, 418.
Демиров-Мышковский 258.
Десницкий В. А. 120, 197.
Директор, см. Орлай И. С.
Директорская ключница 258.
Дмитриев Иван Иванович 31.
Дмитрий Прокофьевич, см. Трощинский Д. П.
Добролюбов Николай Александрович 275.
Домна 17.
Доримончик, см. Риттер М. А.
Дубовиков А. 104.
Дурылин Сергей Николаевич 14, 15, 17, 26, 79, 87, 88, 212.
- Евгений Савойский 220.
Егор Иванович, см. Зельднер Е. И.
Егор Ильич, см. Бажанов Е. И.
Екатерина II 16.
Емельян 16.
- Жуковский Василий Андреевич 204, 212.
- Заболоцкий Петр Александрович 116, 123.
Загоскин Михаил Николаевич 168.
Загородний Степан 22.
Зевкис 192.
Зельднер Егор Иванович 211.
Зеньковский В. 150, 152.
Зингер Федор Осипович 136, 310, 311, 317, 320, 321, 359, 414,
418.
Змиев Александр 311, 332, 404, 408, 409.
Зозулин Иван Никитыч 106, 108, 110, 111, 122.
Зябловский 311.
- Иван Семенович, см. Орлай И. С.
Иванов 103.
Иеропес Христофор Николаевич 285, 286, 294, 296, 297, 403, 405
413.
Измайлов А. Е. 93.
Иктин 193.
Инспектор, см. Белоусов Н. Г.
Иофанов Даниил Михайлович 334, 365.
Истрин В. 68.
- Каллаш Владимир Владимирович 104.
Кант Эммануил 288, 290, 301, 306, 307, 310, 322, 326, 330, 366,
376, 381—383, 390, 392.
Канчотиха 257.

- Капнист Алексей Васильевич 38, 43, 45.
 Капнист Василий Васильевич 35, 38—41, 45, 68, 71, 197.
 Капнист Иван Васильевич 40, 43, 46.
 Капнист Катерина Васильевна 45.
 Капнист (Скалон) Софья Васильевна 43—45, 50, 69.
 Капнисты 33, 38, 39.
 Карамзин Николай Михайлович 15, 211.
 Карнеев Э. Я. 106, 107, 287.
 Каченовский Михаил Трофимович 214.
 Кирилл 280.
 Кирпичников Александр Иванович 103.
 Клеман М. К. 168, 181, 182, 186.
 Княжнин Яков Борисович 214, 217.
 Кольшкевич Алексей 310, 311, 313, 332, 372, 377, 378, 382, 406, 408—410.
 Кондратенко 43.
 Конде Луи 220.
 Кониский К. Ю. 10.
 Коробка Н. И. 204.
 Косяровская Агафья Матвеевна, см. Лукашевич А. М.
 Косяровская Варвара Петровна 251, 255, 256.
 Косяровский Иван 46, 66.
 Косяровская Мария Ивановна, см. Гоголь М. И.
 Косяровский Павел Петрович 145, 146, 247, 251, 252, 255, 262, 333.
 Косяровский Петр Петрович 40, 145, 182—184, 220, 226, 238, 262, 338, 347.
 Котляревский Александр 310, 313, 405—408, 410.
 Котляревский Егор 310, 312, 314, 315, 347, 354, 382, 406—408, 410.
 Котляревский Иван Петрович 53, 56, 64, 65, 156, 199—201, 203, 205.
 Котляревский Нестор 103, 158, 159.
 Котляревский Николай 312, 314, 315, 335, 370, 377, 381, 407, 408, 410.
 Коцебу Август 214.
 Кошанский 144.
 Краевский Андрей Андреевич 96, 98.
 Кроненбург Иван 141.
 Крылов Иван Андреевич 163, 168, 214.
 Ксензенко А. И. 67.
 Ксения Федоровна, см. Тимченко К. Ф.
 Кукольник Василий Григорьевич 267, 376, 398.
 Кукольник Нестор Васильевич 119, 165, 177—179, 217, 268, 272, 280, 282, 286, 300—302, 316, 319, 335, 353, 370, 372—378, 381, 382, 411, 414.
 Кукольник Платон Васильевич 178.
 Кулжинский Иван Григорьевич 144, 145, 155, 156, 173—177, 179, 297, 298.
 Кулиш Пантелеймон Александрович 9, 10, 36, 56, 66, 82, 86—89, 95—100, 103, 123, 137, 145, 146, 149, 181, 342, 343.
 Кунжут-фон-Фонтик, см. Риттер М. А.
 Куницын Александр Петрович 326—331, 333, 339, 360.
 Купидончик, см. Риттер М. А.

- Кушелев-Безбородко Александр Григорьевич 132, 139, 155, 194, 248, 287.
- Кюхельбекер Вильгельм Карлович 192, 197, 198.
- Лавровский Николай Алексеевич 131, 132, 137, 167, 265, 266, 268, 271, 285, 290, 298—300, 302, 323—325, 334—335.
- Ландражен, см. Ландражин И. Я.
- Ландражин Иван Яковлевич 136, 142, 310, 311, 317, 320, 321, 359, 403, 404, 409, 414, 418.
- Ланжерон, гр. 194.
- Лаура, см. Персидский К. А.
- Левашев, гр. 343.
- Левченко 21.
- Ленин Владимир Ильич 26, 32, 199.
- Лермонтов Михаил Юрьевич 99, 168, 192, 198.
- Лизогуб Семен 10.
- Лизогуб Татьяна Семеновна, см. Гоголь-Яновская Т. С.
- Липченко Иван 21.
- Лобысевич Петр 10.
- Локк 311.
- Ломоносов Михаил Васильевич 271.
- Лопушевский (Лопухайский) А. В. 244.
- Лорер Николай Иванович 38, 43.
- Лукашевич А. М. 235.
- Лукашевич Платон 407.
- Лукин 50.
- Любич-Романович Василий Игнатьевич 119, 155, 156, 165, 236, 257, 340—342, 376.
- Максимович Михаил Александрович 10, 202—204, 313, 342—345, 343, 347—349.
- Маковский 373.
- Малиновский В. Ф. 266.
- Марков Владимир 294, 296, 313, 376, 378, 408.
- Маркович Я. 45.
- Марлинский Александр Александрович 168.
- Мармонтель Жак Франсуа 141, 211.
- Мартос Иван Андреевич 332.
- Мартос Петр 311, 332, 409, 410.
- Мартосы 332.
- Мейлах Б. 158, 190, 256.
- Мельников Александр 116.
- Мефодий 280.
- Милорадовичи (братья) С. Г. и Л. Г. 165.
- Миллер Николай 313, 408.
- Мишель Дюсенька, см. Риттер М. А.
- Михно Федор 299, 300, 370, 371, 374—377, 381.
- Мойсеев Кирилл Абрамович 285, 286, 351, 374, 381, 409, 410, 412.
- Мойсеев Н. Б. 315, 404.
- Мокрицкий А. Н. 165.
- Мольер Жан Батист 214.
- Монтескье 311, 382.
- Морозов 103.

- Мотушинский 413.
 Мундт Н. П. 218.
 Муравьев Александр Михайлович 276.
 Муравьевы-Апостолы М. И. и С. И. 38, 43.
 Мышков 125.
- Назаревский Александр Андрианович 20, 29, 30, 50.
 Наполеон I 220, 322.
 Наталицкий 68.
 Никитенко Александр Васильевич 98.
 Николай I 267, 332, 336.
 Никольский Парфений Иванович 272, 283, 285—287, 344, 359,
 371, 373, 382, 404.
 Нимченко Яким 184.
 Некрасов А. 223, 225, 226.
 Некрасов Николай Алексеевич 96—98.
 Нечкина М. 276, 279.
 Новохацкий Александр 299—301, 319, 338, 370, 371, 373—378,
 416.
 Носов Матвей 116.
- Оболенский Д. А. 354.
 Овсяннико-Куликовский Д. Н. 262.
 Огнев И. Н. 106, 111.
 Одоевский Александр Иванович 192.
 Озеров Владислав Александрович 214.
 Олиферовы 40.
 Ольденбургер Кирилл 116.
 Орлай Иван Семенович 194, 258, 267—269, 271—274, 279, 281,
 297, 311, 320, 335, 359, 402, 403, 410.
 Орлай Семен 267.
- Павел, см. Воынский П. И.
 Павел Петрович, см. Косяровский Пав. П.
 Павлов Капитон Семенович (профессор живописи) 218.
 Павловский И. Ф. 126.
 Панаев Иван Иванович 96, 98.
 Парразий 192.
 Пашков 168.
 Пашенко Андрей Григорьевич 296.
 Пашенко Иван Григорьевич 164—166, 294.
 Пашенко Тимофей Григорьевич 168, 294, 296.
 Переверзев 231.
 Перевозчиков 145, 146.
 Перикл 193.
 Персидский Константин Андреевич (Лаура) 257.
 Пестель Павел 38, 276, 331.
 Петр Петрович, см. Косяровский П. П.
 Петров Н. И. 36, 45, 56, 59.
 Писарев Александр Иванович 214, 217.
 Плавт 10.
 Платон 329.
 Плетнев Петр Александрович 82, 96, 97.

- Погодин Михаил Петрович 80—82, 85, 87, 89, 97, 176, 177, 180, 186.
 Подгаевский 312, 407, 408.
 Полевой Николай Алексеевич 180, 248.
 Пономарев С. 160, 163, 164, 167.
 Прокопович Василий Яковлевич 165, 181.
 Прокопович Николай Яковлевич 98, 119, 160, 161, 164—166, 182, 184, 189, 257, 348.
 Профессор, см. Шапалинский К. В.
 Пушкин Александр Сергеевич 6, 23, 74, 87, 89, 94, 99, 158, 159, 165, 166, 168, 178, 180, 186—188, 190—192, 197, 198, 212, 224, 225, 241—244, 259, 266, 280, 286, 327, 339, 342, 357, 361.
 Пыпин Александр Николаевич 103.
 Радищев Александр Николаевич 333, 334.
 Редкин Петр Григорьевич 164, 275—277.
 Репнина В. Н. 286.
 Риго 193.
 Риттер 199.
 Риттер Михаил Александрович 256—258, 407, 408.
 Родзянко Николай 300, 376, 377, 381, 382, 414.
 Романович Н. Ф. 165.
 Россет А. О. 354.
 Рот 333.
 Рунич 327.
 Румянцев-Задунайский 297.
 Румянцев С. П. 297.
 Руссо Жан-Жак 301, 376, 381.
 Рылеев Кондратий Федорович 190, 192, 212, 311, 332, 339, 361, 409, 410.
 Савва В. И. 266, 334—336.
 Савинский Анастасий Анастасьевич 106, 108—111, 121, 122.
 Савич А. А. 160.
 Садовничий Григорий 373.
 Сапицкий Григорий 111.
 Свиньин Павел Петрович 93.
 Севрюгин 164.
 Сестры (Н. В. Гоголя) 78, 79, 230.
 Семевский В. И. 311.
 Симон 208.
 Скалон Василий Антонович 44.
 Скалон Софья Васильевна, см. Капнист С. В.
 Скоропадский Иван 201.
 Слютинский Георгий 106, 109, 110, 122.
 Снесар 19.
 Соловьев Никита Федорович 311, 404.
 Солон 117.
 Сомов Орест 180.
 Сорочинский Гавриил Максимович 124—127.
 Софокл 192.
 Спасский 104.
 Сперанский М. 131, 174, 177.

- Спиноза 329.
 Сребницкий Иван Афанасьевич 131, 132, 137, 167, 219, 265, 266,
 300, 337, 338.
 Сталин Иосиф Виссарионович 241.
 Степанов Николай Леонтьевич 32, 98.
 Стеблин-Каменский Андрей 60.
 Суворов Александр Васильевич 220.
 Суховой Степан 21.
 Сушков Иван 312, 314, 407, 408.
- Танская Анна 10.
 Танский Василий 10, 46.
 Тарнавский Василий Васильевич 344.
 Тассо Торквато 178.
 Татаринов А. М. 275.
 Татьяна Семеновна, см. Гоголь-Яновская Т. С.
 Теряев Павел 184, 185.
 Тиртей 193.
 Тимченко Ксения Федоровна (Чюцюшка) 255.
 Тишевский Иван Дмитриевич 126.
 Тищинский 313, 406, 408.
 Тихонравов Николай Саввич 170, 182.
 Томазий Христиан 290, 305, 306, 328, 365, 382, 389.
 Трахимовский Николай Алексеевич 74—79, 94.
 Трахимовский Михаил Михайлович 34, 40, 67, 68, 74.
 Трахимовский Михаил Яковлевич 74.
 Троицкий И. И. 157.
 Трощинский Андрей Андреевич 24, 33, 34—38, 39, 42, 45, 50, 59,
 60, 63, 68, 79, 112, 211.
 Трощинский Дмитрий Андреевич 50.
 Трощинский Дмитрий Прокофьевич 12, 16, 22, 24, 32, 33, 36, 37,
 39, 45, 46, 59—61, 72, 75, 111, 112, 127, 142, 197, 204, 211,
 274.
 Грушковская Мария Васильевна, см. Гоголь М. В.
 Тургенев А. И. 212.
 Тургенев Иван Сергеевич 67, 87, 168.
 Тюрэн Анри де-Латурн 220.
- Успенский 110.
 Урсо Осип Демьянович 164.
- Фатеев Федор Ильич 106, 109, 110, 122.
 Федор Прокофьевич, см. Голованов Ф. П.
 Фиблиг Карл 295, 296.
 Фидий 192.
 Филипченко Ефим 312—316, 318, 370—373, 376—378, 382, 405,
 407, 408.
 Филипченко Петр 312—314, 407, 408.
 Флориан 214.
 Фонвизин Денис Иванович 168, 214, 217.
 Фон-Фонтик, см. Риттер М. А.
 Фосс Иоганн Фридрих 184—186, 189.
 Фусс 145.

- Халчинский Иван Дмитриевич 338, 414.
Хилков Иван Михайлович, кн. 46.
Хилкова Надежда Дмитриевна, кн. 48, 60.
Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович 169.
Ходос 17.
Хопцики, см. Риттер М. А.
Храповицкий А. И. 218.
- Цертелев Николай Андреевич 47, 203, 204.
Цюревский Петр Федорович 19.
- Чаговец Всеволод Андреевич 20.
Черницкая А. 78, 79.
Чернышевский Николай Гаврилович 5, 72, 73, 80, 93.
Чцююшка, см. Тимченко К. Ф.
- Шад Иоганн Баптист 288, 322—326, 331, 383.
Шаликов Петр Иванович 176.
Шапалинский Казимир Варфоломеевич 6, 134, 220, 274—276, 279, 285, 287, 289, 290, 293, 295—297, 311, 317, 320, 321, 344, 347, 351, 359, 404, 410, 414, 418
Шапошников Григорий 157.
Шапошников Иван Степанович 165.
Шаржинский Семен Данилович 344.
Шевченко Тарас Григорьевич 27, 95, 187, 220, 224, 225, 229.
Шевырев Степан Петрович 81, 82, 87, 89, 97.
Шеллинг 323.
Шенрок Владимир Иванович 9, 16, 79, 86, 95, 96, 99, 100, 103, 104, 120, 138, 149, 152, 166, 182, 185, 187, 199, 203, 204, 214, 220, 337, 342.
Шиллер Фридрих 213, 310, 322.
Шишкин 288, 294, 296.
Шишков А. С. 268.
Шубинский И. В. 365.
Шеголев Павел Елисеевич 11, 36, 50, 60, 214, 217, 256, 273.
Щепкин Михаил Семенович 214.
- Энгельгардт Е. А. 266.
Эпикур 192.
Эсхин 192.
- Юстиниан 398.
- Яким, см. Нимченко Яким.
Яоновский Даниил Емельянович 285, 293, 296—299, 301, 302, 310, 312—320, 346, 347, 359, 371, 402, 405—418.
-

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Николай Васильевич Гоголь в юности. Гравюра на дереве неизвестного художника. Октябрь 1827 г.	13
2. Василий Афанасьевич Гоголь. С портрета первой четверти XIX в. Масло	17
3. Мария Ивановна Гоголь в молодости	27
4. «В Васильевке». Акварель Т. Г. Шевченко. Сепия	41
5. Василий Васильевич Капнист. Гравюра А. Осипова	47
6. Яновщина. Пруд в усадьбе Гоголей	51
7. Страница чернового автографа из произведения В. А. Гоголя. Государственная публичная библиотека УССР, Киев	57
8. Обложка третьего издания комедии В. А. Гоголя «Простак», Киев, 1888	61
9. Домашний театр Д. П. Трошинского	69
10. Выписка из метрической книги Спасо-Преображенской церкви м. Сорочинцы о рождении Н. В. Гоголя	75
11. Сорочинцы. Дом, в котором родился Н. В. Гоголь	83
12. Усадьба Гоголей «Яновщина». Рисунок Г. Кондратенко, 1909 г.	83
13. Хата в Яновщине. Рисунок Г. Кондратенко, 1909 г.	91
14. Мария Ивановна Гоголь. С портрета 1852 г. Гравировал В. Матэ	113
15. Полтава второй половины XIX в.	113
16. Здание б. полтавского поветового училища	133
17. Здание нежинской Гимназии высших наук	139
18. Распоряжение почетного попечителя нежинской Гимназии высших наук А. Г. Кушелева-Безбородко от 3 марта 1822 г. о зачислении Николая Гоголя на гимназiales иждивение. Государственная публичная библиотека УССР, Киев	147
19. Прощение Н. В. Гоголя от 20 августа 1827 г.	153
20. Александр Семенович Данилевский	161
21. Николай Яковлевич Прокопович	171
22. Нежин первой половины XIX в. Рисунок на камне П. Бореля	195
23. Константин Михайлович Базили. Рисунок на камне П. Бореля	209
24. Письмо из Нежина к родителям от 10 июня 1821 г. (первая и последняя страницы). Один из самых ранних автографов Н. В. Гоголя. Государственная публичная библиотека УССР, Киев	209

25. Собор. Башни. Рисунки Н. В. Гоголя. Перо, тушь. Государственный музей Т. Г. Шевченко, Киев	215
26. Ситуационный чертеж Гоголя по полевой фортификации. Государственная публичная библиотека УССР, Киев	221
27. Передний и задний фасады дома в Васильевке. Акварельные рисунки Н. В. Гоголя	227
28. «Сельский пейзаж». Юношеский оригинальный рисунок Н. В. Гоголя. Карандаш. Публикуется впервые. Государственный музей Т. Г. Шевченко, Киев	233
29. Немая сцена из «Ревизора». Рисунок, приписываемый Н. В. Гоголю. Карандаш. Государственный музей Т. Г. Шевченко, Киев	239
30. Автограф письма Н. В. Гоголя из Нежина от 19 марта 1827 г. к Г. И. Высоцкому в Петербург (первая страница). Государственная публичная библиотека УССР, Киев	245
31. Автограф письма Н. В. Гоголя из Нежина от 19 марта 1827 г. к Г. И. Высоцкому в Петербург (вторая страница). Государственная публичная библиотека, Киев	246
32. Портрет неизвестной молодой женщины. Предполагаемый рисунок Н. В. Гоголя. Карандаш. Публикуется впервые. Государственный музей Т. Г. Шевченко, Киев	249
33. Женская голова. Повидимому, сестра Н. В. Гоголя Анна Васильевна. Предполагаемый рисунок Н. В. Гоголя. Публикуется впервые. Государственный музей Т. Г. Шевченко, Киев	253
34. А. В. Гоголь. Рисунок В. А. Волкова. Карандаш.	253
35. Черновой набросок портрета А. С. Пушкина. Рисунок пером Н. В. Гоголя	259
36. Обложка ко второму изданию «Мертвых душ». Рисунок, приписываемый Н. В. Гоголю	260
37. Иван Семенович Орлай	269
38. Петр Григорьевич Редкин	277
39. Михаил Александрович Максимович	343
40. Автограф последней страницы письма Н. В. Гоголя от 27 июня 1834 г. М. А. Максимовичу. Государственная публичная библиотека УССР, Киев	349
41. Показание Николая Гоголя от 3 ноября 1827 г. по «делу о вольнодумстве». Государственная публичная библиотека УССР, Киев	379
42. Страница из показания Н. Г. Белоусова по «делу о вольнодумстве». Публикуется впервые. Государственная публичная библиотека УССР, Киев	387

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 4

Страницы из семейной хроники Гоголей

Предки. Отец. Крепостное хозяйство Гоголей. Трошинские и Капнисты. Творчество Гоголя-отца. Раннее детство Н. В. Гоголя. О взаимоотношениях Гоголя и его матери 7

Гоголь в Полтаве

Гоголь в полтавском поветовом училище. Новое о полтавском учителе Гоголя 101

Гоголь в Нежине

Гоголь в нежинской Гимназии высших наук. Юношеская поэма «Ганс Кюхельгартен». «Книга всякой всячины, или подручная энциклопедия» Н. В. Гоголя. Письма Гоголя нежинского периода (1821—1828) 129

«Дело о вольнодумстве»

Дело о политическом и религиозном «вольнодумстве» группы прогрессивных профессоров нежинской Гимназии высших наук во главе с проф. Н. Г. Белоусовым. Борьба Н. Г. Белоусова и К. В. Шапалинского против реакционных преподавателей гимназии. Политическая, философская и юридическая основа лекций проф. Н. Г. Белоусова по естественному праву. Н. Г. Белоусов как оригинальный русский ученый, философ и юрист. Дружба Н. В. Гоголя с проф. Н. Г. Белоусовым. Влияние Н. Г. Белоусова на формирование прогрессивного мировоззрения Гоголя. Образ Белоусова в творчестве Гоголя 263

«Дело о вольнодумстве» (Материалы и документы)

Разбор лекций проф. Н. Г. Белоусова протоиереем Павлом Вольнским. Показания учеников гимназии. Показания профессора Н. Г. Белоусова. Рапорт проф. Михаила Билевича. Выписки из донесений и заключений директора гимназии Д. Е. Ясновского 363

Указатель имен 419

Перечень иллюстраций 429

Редактор *Ф. А. Шунков.*

Техредактор *Н. П. Рахлина.*

Корректор *В. Ф. Шишлова.*

БФ 03510. Зак. № 883. Тираж 20000. Формат бумаги $54 \times 84 \frac{1}{16}$.

Печ. листов 22,14. Учетно-издат. листов 22,78. Бум. листов 13,5.

Подписано к печати 3. IX 1951 г.

Цена книги в переплете 16 руб. 50 коп.

Типография Издательства АН УССР, Киев, Чудновского, 2.

Цена 16 руб. 50 коп.

30807

В0443765